

Декабристское кольцо

Вестник Иркутского музея декабристов

Выпуск 2

Иркутск
Иркутский музей декабристов
2014

УДК 947.073
ББК 63.3(2)521-425
Д 28

Редакционная коллегия:
О.А. Акулич (отв. редактор),
А.Н. Гаращенко, А.В. Глюк, Е.А. Добрынина

Декабристское кольцо : Вестник Иркутского музея декабристов.
Д 28 Сборник статей. Вып. 2. – Иркутск : Иркутский музей декабристов,
2014. – 224 с. : ил.

ISBN 978-5-901539-11-8

В сборник включены избранные материалы двух юбилейных региональных научно-практических конференций – «Отечественная война 1812 года и русская культура» (2012) и «Семен Федорович Коваль и дело его жизни» (2013).

Наряду со специалистами из Иркутска и Красноярска во втором «Декабристском кольце» приняли участие декабристоведы из Минусинска, Санкт-Петербурга и Москвы. Авторы сборника – профессиональные историки, музеееды, архивист и музыкант.

Сборник предназначен для музееведов, историков, краеведов и всех, кто интересуется историей декабристов.

ISBN 978-5-901539-11-8

© Иркутский музей декабристов, 2014

К читателю

За два года, прошедших со времени выхода первого выпуска «Декабристского кольца», Иркутский музей декабристов торжественно отметил два важных исторических события: 200-летие Отечественной войны 1812 года и 90-летие со дня рождения замечательного иркутского историка, декабристоведа С.Ф. Ковалья (1923–2005), именем которого называются традиционные музейные научные чтения. В сборник включены избранные материалы двух юбилейных региональных научно-практических конференций «Отечественная война 1812 года и русская культура» (2012) и «Семен Федорович Коваль и дело его жизни» (2013). Мы продолжаем публикацию историко-краеведческих работ, посвященных истории судеб и эпистолярному наследию декабристов и их современников. Вместе с тем значительная часть сборника посвящена судьбе мемориальной коллекции ученого и педагога С.Ф. Ковалья. Впервые участие в нашем сборнике принимает друг и даритель Иркутского музея декабристов, потомок двух декабристских семей В.Н. Витебский. Его генеалогическое исследование, представленное в сборнике, послужило документальным основанием новой выставки музея «Трубецкие в благодарной памяти потомков». География сборника расширяется от выпуска к выпуску. Наряду с постоянными авторами из Иркутска и Красноярска во втором «Декабристском кольце» приняли участие наши единомышленники из Минусинска, Санкт-Петербурга и Москвы. Авторы сборника – профессиональные историки, музееведы, архивист и музыкант.

В сборнике пять разделов: «Декабристоведение: историко-краеведческие исследования», «Люди и судьбы» «Архивное наследие», «Музейное дело» и «гостевые» страницы.

В первом разделе читателя ждет новая встреча с красноярским историком Т.С. Комаровой, автором тома «Полярной звезды», посвященного декабристу В.Л. Давыдову (2004). Т.С. Комарова продолжает цикл публикаций новых архивных материалов из истории жизни В.Л. Давыдова и его семьи, не вошедших в книгу. Иркутский историк А.Н. Гаращенко представляет в сборнике главу своей книги «Трескин и Цейдлер». Автор рассматривает историю взаимоотношений декабристов и иркутского гражданского губернатора И.Б. Цейдлера. Две другие статьи этого раздела написаны научными сотрудниками нашего музея. В статье Н.А. Загорской представлены результаты сравнительного анализа двух французских изданий – И. Кологривова и М. Эйльбронна, посвященных кн. Е.И. Трубецкой. Если первый автор печатал свою работу в Париже на русском языке и известен русскому исследователю, то книга второго автора вышла на французском и доступна лишь ограниченному кругу читателей. Совершенно новую страницу в биографии Ивана Трубецкого, сына декабриста, открыла М.Ю. Кельчевская. Она знакомит читателя с материалами иркутского архива.

Второй раздел сборника – «Люди и судьбы» – посвящен памяти Семена Федоровича Ковалея. Он – видный историограф, декабристовед, один из инициаторов создания музея декабристов в Иркутске, инициатор издания академической серии документов и материалов «Полярная звезда», бесменный заместитель главного редактора серии, председатель проблемного научного совета «Декабристы и Сибирь» при ИГУ и заместитель главного редактора научного сборника «Сибирь и декабристы», ветеран Великой Отечественной войны и просто хороший человек. О мудром учителе и строгом наставнике вспоминают его ученики и последователи. Преподаватели Иркутского государственного университета Г.В. Оглезнева и Л.В. Шапова оценивают влияние С.Ф. Ковалея на развитие сибирского краеведения. Благодаря его многолетнему руководству историко-этнографическими экспедициями ИГУ, которые одновременно являлись базой студенческой практики, в 1960–1980-х годах в Иркутске значительно обогатилась источниковая база краеведческих исследований. О вкладе ученого в разработку научной проблемы «Декабристы в Сибири» повествуют коллеги и единомышленники ученого историки Т.А. Перцева и Л.Я. Подольская. Мемориальное наследие ученого поступило в два государственных хранилища Иркутска. Иркутский музей декабристов получил научную библиотеку Семена Федоровича (2692 единицы хранения), а Государственный архив Иркутской области сформировал личный фонд ученого. Обзорные статьи историка А.В. Саковича и архивиста О.Н. Кобелевой содержат общий обзор этого дорогого наследия.

В разделе «Архивное наследие» читателя ждет встреча с письмами жены декабриста А.П. Юшневского Марии Казимировны в публикации Н.В. Зейфман и Е.А. Добрыниной. Часть из них была опубликована Н.В. Зейфман в «Записках отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека) более 30 лет назад. Четыре письма М.К. Юшневской к И.И. Пущину, не вошедшие в ту публикацию, читатель прочтет впервые на страницах нашего сборника. Все эти письма предназначены одному адресату, написаны в один исторический отрезок времени и логически между собой связаны. В кратком историографическом обзоре Е.А. Добрыниной «Письма декабристок: подвиг повседневности» читатель узнает о судьбе оставшихся в архивах писем М.К. Юшневской и других декабристок. Все документы сопровождаются подробным научным комментарием.

В четвертом разделе сборника гости и друзья музея В.Н. Витебский и В.Д. Юшковский представляют плоды своих исторических изысканий. Первый автор, прямой потомок декабристов, на основе многолетних архивных поисков повествует о судьбе своего «дважды» декабристского рода. «История одной необыкновенной семьи (Давыдовы, Трубецкие, Долгорукие)» В.Н. Витебского пронизана личным сопереживанием и трепетным почтением автора к своим предкам. Другой гость сборника, историк В.Д. Юшковский, автор готовящегося к печати 28-го тома «Полярной звезды», посвященного Г.С. Батенькову, размышляет о трансформации народного сознания в эпоху Отечественной войны 1812 года. В.Д. Юшковский фокусирует внимание на вопросе укрепления православной веры в высшем сословии России под уда-

рами «грозы 1812 года». «Холопы и баре вдруг увидели, что они христиане. На этой почве происходило сближение с народом и постижение важных для русского дворянина истин», – отмечает автор.

В последнем разделе представлен опыт работы двух декабристских музеев Сибири. Наша коллега И.И. Негодина представляет проект историко-ландшафтного благоустройства территории Минусинского музея декабристов. И.В. Пашко дает отчет об отражении темы «Отечественная война 1812 года» в деятельности Иркутского музея декабристов.

Мы надеемся, что второй выпуск «Декабристского кольца» привлечет внимание всех, кого интересует история жизни декабристов в Сибири. Приглашаем новых авторов и надеемся на дальнейшее сотрудничество с теми, чьи работы представлены на страницах двух первых выпусков.

Декабристоведение: историко-краеведческие исследования

Т.С. Комарова

Неизвестные и малоизвестные страницы из жизни декабриста В.Л. Давыдова и его семьи

Декабрист Василий Львович Давыдов занял достойное место в отечественной истории. Единомышленник П.И. Пестеля, один из руководителей Южного общества, активный республиканец, он прожил поистине стоическую жизнь. Она вместила в себя Отечественную войну 1812 г., Петропавловскую крепость, каторгу, годы поселения и самое горькое – разлуку с детьми. Факт принятия в 1842 г. предложения правительства о родившихся в Сибири детях стал далеко не положительным аргументом в оценке сибирского периода жизни декабриста. По мнению союзников, Василий Львович нарушил декабристскую этику, сословную мораль, подробности же «мучительной жертвы», на которую пошла семья, знали только особо близкие друзья.

В 2004 г. серия «Полярная звезда» пополнилась томом, в который вошли сочинения и письма В.Л. Давыдова (сост. Т.С. Комарова). Во вступительной статье приводились лишь краткие сведения о судьбах «европейских» детей Давыдовых, больше же места отводилось «сибирским». Это объяснялось необходимостью соблюдать объем, соразмерность и логику изложения основных этапов жизни Василия Львовича. В настоящей статье автор попытается восполнить этот пробел, используя еще не публиковавшиеся материалы, которые свидетельствуют о том, что декабрист вынужден был пойти против общественного мнения большинства своих товарищей по несчастью и принять унижительное предложение.

Отправляясь в ссылку в Сибирь, В.Л. Давыдов оставил в своем имении Каменка Чигиринского уезда Киевской губернии пятерых детей: дочерей Марию (не приходилась дочерью А.И. Давыдовой), Екатерину, Елизавету, сыновей Михаила и Петра. Находясь в Александровском винокуренном заводе близ Иркутска, декабрист узнал, что жена ждет ребенка. 3 августа 1826 г. родился сын Николай, которому не суждено было свидеться с отцом.

После отъезда Александры Ивановны Давыдовой к мужу в Читу дочери Катя и Лиза какое-то время находились в имении на попечении брата декабриста, П.Л. Давыдова, затем в Полтавском девичьем институте на попечении графини Апраксиной, откуда вскоре были взяты на воспитание С.Г. Чернышевой-Кругликовой и ее мужем И.Г. Кругликовым. Сделано это

было по просьбе Александры Григорьевны Муравьевой, жены декабриста Н.М. Муравьева и родной сестры Софьи Григорьевны. Мальчики некоторое время жили с П.Л. Давыдовым в Москве.

Судьба «европейских» детей Давыдовых (их усыновление, восстановление в дворянских и наследственных правах) претерпела долгую и мучительную историю. Василий Львович и Александра Ивановна скрепили свой брак церковными узами 3 мая 1825 г., не успев до трагических декабрьских событий провести процедуру узаконения детей, рожденных до брака (кроме Петра и Николая, родившихся в браке). Сразу же после ареста декабриста его братья П.Л. и А.Л. Давыдовы и Н.Н. Раевский (к этому времени член Государственного совета) начали хлопоты по узаконению детей. Ходатаи надеялись на положение Государственного совета от 13 июня 1801 г., в котором речь шла о том, что «детей, рожденных прежде супружества от матери, впоследствии браком соединенной, без всякого сомнения, можно вводить во все права фамилии и наследства, законным детям принадлежащие, почитая меру сию не только справедливой, но и весьма побудительной к заключению законных супружеств и к прикрытию соблазна, какой от сожитий, браком не утвержденных, произойти может». Другое, более позднее, постановление оставляло мало надежд: 15 марта 1810 г. Государственный совет подтвердил положение, из которого следовало, что «когда отец при жизни не просил усыновления, то просьба матери и родственников ко введению детей в права отца не довлеет»¹.

Министр юстиции Д.И. Лобанов-Ростовский, рассмотрев документы, сбранные братьями декабриста, высказал свое заключение: «Василий Давыдов об узаконении прижитых им до брака с женою своею детей до осуждения своего не просил, в настоящем же положении он должен быть признаваем не иначе как политически мертвым; почему просьба о том родственников, за силою вышеприведенного мнения Государственного совета, удовлетворена быть не может, а тем паче нельзя предоставить детям Давыдова тех прав, которых сам отец их, через осуждение свое, уже лишился». 17 июня 1827 г. Лобанов-Ростовский подал доклад императору. Ходатайство об узаконении закончилось положительным результатом к февралю 1828 г., после повторного прошения Н.Н. Раевского. 22 января в письме министру юстиции А.А. Долгорукову (на этой должности с 18 октября 1827 г.) Николай Николаевич писал: «Государь, по просьбе моей и братьев моих, соизволил согласиться утвердить законными прежде брака рожденных детей родного брата моего, бывшего полковника Василия Давыдова. По его повелению вручил я просительную мою записку бывшему министру юстиции князю Лобанову-Ростовскому, который вследствие сего истребовал все нужные документы как о браке моего брата, о происхождении жены его и выписку из метрики о рождении и крещении детей; потом, на вторичную мою просьбу, Дм. Ив. известил меня, что дело сие представит Е. И. В. на утверждение; но еще не сошло, как государь из уст на сие изволил объявить свое согласие на сию мою просьбу. Следственно, остается мне только просить Вашего сиятельства дать окончательный ход сему делу». В ответном письме в феврале

1828 г. А.А. Долгорукий сообщал Раевскому, что «государь император высочайше повелеть соизволил: дело сие считать конченным»².

В 1830 г. родственники декабриста начали ходатайствовать о внесении четверых старших детей в дворянскую родословную книгу (о Петре и Николае дело рассматривалось особо). В сентябре того же года П.Л. Давыдов, опекун детей, написал брату письмо, в котором сообщал о неудачных хлопотах. В ответном, полном отчаяния письме Александра Ивановна писала: «Со слезами на коленях умоляю вас – спасите невинных несчастнейших сирот... Не могу, не в силах ничего писать более – мы убиты». Александре Ивановне, как не лишенной имущественных прав, в 1831 г. была выделена доля имущества мужа, равная 1/7 недвижимого и 1/4 движимого имущества. Что касается детей Михаила, Екатерины и Елизаветы, то их судьбу министр финансов предоставил решать матери³.

В 1835 г. опекуном детей В.Л. Давыдова был назначен его племянник Лев Андреевич Бороздин (сын С.Л. Бороздиной, урожд. Давыдовой). 29 октября и 23 ноября 1836 г. он подал в Киевское дворянское депутатское собрание прошения о внесении Петра и Николая Давыдовых в дворянскую родословную книгу и узаконении их наследственных прав. К прошениям прилагались формулярный список Василия Львовича, приказ об увольнении его от службы, свидетельство о браке, метрические свидетельства сыновей, а также свидетельство о лишении отца всех прав. Петр и Николай Давыдовы готовились в это время к поступлению в 1-й Московский кадетский корпус, в который требовались документы, доказывающие их дворянское происхождение. 3 декабря 1836 г. Киевское собрание вынесло определение: дворянство сыновей Давыдова следует признать правильным, внести Петра и Николая в родословную книгу дворянства и выдать обоим «выпись» с определения⁴. На следующий год, 3 апреля, мальчики были определены в корпус.

Вероятно, Л.А. Бороздин сразу же сообщил Давыдовым в Сибирь добрую весть, в которой они особенно нуждались в это время: семья находилась в самом плачевном материальном положении. 6 июня 1838 г. А.И. Давыдова писала Наталье Дмитриевне Фонвизиной из Петровского Завода в Красноярск: «Детушки наши в России, по милости Божией продолжают все утешать нас своим поведением и чувствами к нам, но много у нас беспокойства и опасений насчет будущности их! Одна надежда на милость Божию подкрепляет нас в этом горе...». Несколькими днями позже Александра Ивановна отправила письмо М.А. и Н.Д. Фонвизиным уже в Тобольск, в котором опять тревожилась о положении семьи: «Итак, дело приближается к развязке. Что с нами будет, Бог знает! А покамест наши семейные обстоятельства и финансовые дела очень плохи. Пишу, пишу, толкую о своем положении и нуждах, и все мало проку...»⁵.

Прошло более четырех лет. 29 октября 1841 г. Киевская центральная ревизионная комиссия, учрежденная для рассмотрения действий дворянских собраний Киевской, Волынской и Подольской губерний и «пресечения злоупотреблений», вернулась к рассмотрению дела о внесении Петра и Николая в дворянскую книгу. Помимо вышеперечисленных документов, представленных еще в 1836 г., было затребовано и определение Киевского депутат-

ского дворянского собрания. Комиссия нашла вынесенное им определение незаконным, так как при занесении в родословную книгу были «найжены беспорядки и упущения» (одно из них – выдача выписок о занесении Петра и Николая в родословную книгу в ней не была отмечена), и предложила передать дело на рассмотрение во Временное присутствие герольдии. Герольдия собирала сведения о дворянских родословных, проверяла права дворянских фамилий на титулы и их занесение в родословные книги, а также ревизовала все определения дворянских депутатских собраний.

В ноябре того же года товарищ председателя герольдии статский советник Филиппов рассмотрел дело и вынес свое резюме: определение Киевского дворянского собрания от 3 декабря 1836 г. о занесении Петра Давыдова в родословную книгу утвердить. Что касается сына Николая, рожденного после лишения отца всех прав, то товарищ председателя «встретил к разрешению следующие вопросы: следует ли Николая признать законным сыном полковника Давыдова, лишенного прав состояния и сосланного на каторгу». Рождение Николая последовало через 24 дня после лишения отца всех прав. На основании же закона об имуществе лица, лишенного прав состояния, «его состояние переходит к его законным наследникам, так же как и после смерти естественной, и дети, рожденные в законном браке, признаются законными и пользуются всеми правами». К тому же мать, А.И. Давыдова, не лишена прав наследования и даже после осуждения мужа «носит звание по прежним чинам его», и дети, рожденные в браке, считаются законными, поэтому «настоящий случай о законности рождения Николая Давыдова может быть разрешен узаконением» в дворянстве. Но дальше возникло очередное препятствие: «положительного закона о детях, рожденных после лишения отцов их прав состояния», нет, и под какую статью закона подвести дело Николая, – неизвестно⁶. Дело в том, что В.Л. Давыдов являлся не простым «государственным преступником».

Затем дело перешло на рассмотрение к председателю Временного присутствия герольдии действительному статскому советнику князю С.Н. Урусову, который нашел, что определение Киевского депутатского собрания «недостаточно». Метрики Петра и Николая не соответствовали правилам заполнения и должны были быть «облечены в законную форму и не возбуждать сомнения». Здесь нужно указать, что дети дворян вносились в родословные книги лишь тогда, когда представленные метрические свидетельства законности их рождения утверждались духовной консисторией. Вероятно, это правило в метриках сыновей декабриста соблюдено не было. Окончательный вердикт Урусова был таков: не приступать к преждевременному заключению, а «обратить все производство в Киевское дворянское собрание для надлежащего дополнения». 3 апреля 1844 г. присутствие герольдии вынесло заключение: в связи с возникшими разногласиями между ней и Киевским дворянским собранием дело доложить в общее собрание Правительствующего Сената⁷.

Наконец, 26 ноября 1845 г. мнение Государственного совета по вопросу о дворянстве Н. Давыдова было утверждено царем. Николай, как и брат Петр, был внесен в третью часть родословной дворянской книги Киевской губернии. Основанием для такого решения послужило то, что министр юстиции

В.Н. Панин нашел в своде законов пункт: если ребенок зачат до осуждения отца, то он не лишается наследственных прав. 31 декабря 1845 г. был опубликован и соответствующий указ Сената за № 8035 на этот счет. Так закончилось двадцатилетнее мытарство для сыновей Давыдовых: двое из пятерых детей, оставленных в Европейской России, были узаконены в дворянстве и признаны в наследственных правах⁸. Самый старший сын декабриста, Михаил Давыдов, в родословную книгу внесен не был, так как под указ не подходил. Василий Львович писал о нем в своих письмах как о «самом несчастном» из всех детей.

В Сибири в семье декабриста родилось семеро детей: четверо сыновей – Василий, Иван, Лев, Алексей и три дочери – Александра, Софья, Вера. Растущее семейство требовало и значительных расходов. Между тем на протяжении многих лет, проведенных на каторге и на поселении в Красноярске, Давыдовы испытывали материальную нужду, практически живя в долг. 23 декабря 1841 г. енисейский гражданский губернатор В.И. Копылов поставил в известность генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта о том, что родственники красноярского ссыльного направили просьбу шефу корпуса жандармов А.Х. Бенкендорфу о выдаче В. Давыдову денег по причине «претерпеваемой Давыдовым нужды в содержании себя и неимении средств к уплате долгов его разным лицам...». Родственники просили сделать распоряжение об уплате долгов из отправленных ими семье шести тысяч рублей. Бенкендорф дал разрешение на выдачу двух тысяч ассигнациями, что и было исполнено енисейским губернатором⁹. Материальное положение удалось поправить только к 1850 г. Помимо материальной неустроенности декабриста беспокоило образование детей. В небольшом провинциальном городе гимназий не было. Родители вынуждены были нанимать для домашнего обучения учителей из единственного в Красноярске уездного училища, что требовало дополнительных расходов и не давало знаний, соответствующих дворянским нормам.

Давыдовы понимали, что не в силах обеспечить будущность «сибирским» детям и вернуть им права гражданства. В начале 1841 г., по случаю предстоящего бракосочетания цесаревича Александра Николаевича, правительство рассмотрело вопрос о детях, родившихся в Сибири у «государственных преступников». 23 декабря того же года генерал-губернатор В.Я. Руперт получил предписание следующего содержания: «по высочайшей воле» разрешалось детям мужского пола по достижении возраста определять в кадетские корпуса, «утверждая по выпуске в дворянских правах», как и детей женского пола. При этом было поставлено крайне болезненное условие: носить фамилии отцов они не могли и должны были именоваться «по отчеству их»¹⁰.

Декабрист Н.В. Басаргин в своих воспоминаниях писал: «Предложение странное и столь же затруднительное, как и обидное для родителей и детей, когда они войдут в лета. С одной стороны, родителям больно было лишиться своих детей всех выгод воспитания и прав преимущественных сословий; а с другой – также прискорбно совершенно отказать от них, сознать себя недостойными передать им свою фамилию; лишить их, так сказать, законности рождения и подвергнуть обидным упрекам – иметь родителей, не носящих с ними одной фамилии»¹¹.

17 апреля 1842 г. Василий Львович дал письменный ответ с согласием в отношении трех сыновей и дочери Саши, чтобы хоть таким способом восстановить детей в дворянских правах, дать образование и надежду на будущность. Декабрист так объяснил свой поступок старшим сыновьям и дочерям: «...наш случай совершенно исключительный во всех отношениях... наша семья в совершенно особом положении».

30 августа 1842 г. в Красноярск пришло разрешение о помещении 12-летнего Василия в 1-й Московский кадетский корпус, семилетнего Ивана и четырехлетнего Льва в малолетнее отделение того же корпуса. Вопрос об отправке Саши в один из девичьих институтов разрешился отрицательно. На отправку двоих младших сыновей родители решиться не смогли. 24 октября Александра Ивановна отправила письмо А.Х. Бенкендорфу с просьбой оставить при ней младших детей до 11-летнего возраста по причине их слабого здоровья. Текст письма (в переводе с французского) публикуется впервые.

Господин граф.

Когда Его Величеству, в Его беспредельной доброте, угодно было объявить нам, моему мужу и мне, средство облегчить судьбу детей наших, рожденных в Сибири, я приняла столь великое благодеяние с самой живейшей и беспредельною благодарностью, и пока мы оба будем живы, мы не перестанем молить Бога о процветании Его царствования и о счастии Его августейшей семьи. Я ожидаю высочайших распоряжений Его Величества, чтобы отправить моего старшего сына, который лишь один из моих сыновей в состоянии в настоящее время воспользоваться великодушием Его августейшего государя, и я умоляю Его императорское величество о соизволении разрешить мне оставить двух младших при мне до их одиннадцатилетнего возраста не только потому, что я, из-за горестного положения и расстроенного здоровья, в которых нахожусь, не смогла бы перенести столь тягостную разлуку почти со всеми моими детьми, но и потому, что в их возрасте, и особенно при их здоровье, они не могут обходиться без тех забот, которые им оказать может лишь мать. Оба они действительно подвержены нервной болезни, приступы которой у них происходят особенно ночью и ввергают их в состояние слабости более или менее продолжительной. Ей был подвержен и старший сын до его более чем десятилетнего возраста, а полностью он излечился лишь к настоящему времени.

Простите меня, господин граф, что я позволяю докучать столь мелкими подробностями, и соблаговолите с беспредельной благодарностью повергнуть к высочайшему престолу смиренные просьбы матери, которая дрожит за здоровье и даже саму жизнь своих детей, если бы они были разлучены с нею в таком нежном возрасте.

В распоряжениях, которые нам были сообщены господином губернатором, нет никакого упоминания о моей старшей дочери, которая, как я надеялась, благодаря милосердию Его Величества, могла бы быть помещена в институт Святой Екатерины¹² или в монастырь в Петербурге¹³, где у нас есть родственники, чьи заботы и присмотр так необходимы юной девушке вдали

от ее матери. Если это невозможно, то я осмелюсь просить августейшей милости Его Величества позволить оставить ее со мною совершенно.

Господин граф, не считая себя вправе обращаться прямо к Его Величеству императору, я беру на себя смелость покорно просить Вас возложить к высочайшим стопам Его эти мольбы матери. Преисполненная веры в великодушные и отцовские чувства моего государя, я рассчитываю также на Ваши известные всем доброту и обязательность, обращения к которым, как мне известно, не оставались тщетными.

Соблаговолите принять уверения в глубочайшей признательности и уважении, с которыми имею честь быть, господин граф, всецело преданная Вам

Александра Давыдова¹⁴.

9 февраля 1843 г. А.Х. Бенкендорф поставил в известность В.Я. Руперта: «По просьбе жены государственного преступника Василия Давыдова [государь император] высочайше повелеть соизволил: младших ее сыновей оставить при матери до 11-летнего возраста»¹⁵.

В Москве детей уже ждали братья и сестры, родственники. Во второй половине 1842 г. Петр Давыдов написал родителям письмо: «Любезные родители! ... Меня радует мысль, что мы увидим Васю и Сашу. На этой неделе у нас кончаются экзамены, и я могу вам, наверное, сказать, что перейду в следующий класс. Семнадцатого числа мы выезжаем (с братом Николаем) в лагерь, и потому, может быть, вы не так скоро получите следующее письмо. Впрочем, я постараюсь к вам всем написать из лагерей. Добрая графиня Бобринская обещала нас на время лагерей снабдить книгами, чтобы мы их там читали... Прощайте, любезные родители. Целую ваши ручки тысячу раз. П. Давыдов»¹⁶.

25 мая 1843 г. Вася Давыдов был отправлен в Москву и 11 июля доставлен в корпус. 6 или 7 июня 1846 г. родители проводили в Москву Ваню, в мае 1849 г. – Льва. Пережить мучительную разлуку с детьми В.Л. и А.И. Давыдовым помогала твердая уверенность в том, что они исполняют «свой великий долг, священный долг».

А повседневная жизнь продолжала свой неспешный ход, отмеряя год за годом. Подрастали «сибирячки», из Европейской России шли письма от старших детей, наполненные заботой, уважением и любовью к родителям. В 1851 г. в Красноярск приехал сын Петр, искренне привязавшись к вновь обретенным родителям. Через год приехали Катя и Лиза, в 1853 г. прибыл в отпуск с Кавказа «сибирский» первенец Василий. На склоне лет декабрист и его жена обрели относительное благополучие и семейное счастье от свидания с детьми, с которыми мало питали надежд когда-либо встретиться.

В Красноярске Давыдовы сблизились с небольшим кругом лиц, которые могли поддержать «умственное движение», главными из которых были товарищи «по несчастью»: М.А. Фонвизин, П.С. Бобрищев-Пушкин, М.Ф. Митьков, М.М. Спиридов. Повседневная жизнь была заполнена воспитанием детей, чтением, редкими выходами к знакомым, общением с приехавшими впоследствии сыновьями и дочерьми. 5 июля 1845 г. скончалась

дочь Мария, «ангел-хранитель» семьи. Василий Львович слег в горячке, от которой едва оправился. С этого времени болезнь, вероятно сердечная, все более прогрессировала, сказывались отсутствие квалифицированной медицинской помощи и многократно пережитые семейные драмы. Еще в марте 1835 г. Александра Ивановна из Петровского Завода писала Н.Д. Фонвизинной в Енисейск: «Муж начинает часто жаловаться ревматизмами и все более страдает спазмами, которые и при вас уже имел...»¹⁷.

В письмах В.Л. Давыдова к детям и в приписках к ним Александры Ивановны все чаще упоминались недомогания декабриста: «странный кашель», «странный удушливый кашель и необыкновенная слабость», кашель «такой сильный и такой стойкий, что приходишь в отчаянье», беспрестанная одышка, «правая рука плохо служит», а также болезнь ног. Мучила родителей и неустроенность детей; незадолго до смерти Василий Львович напишет: «Мрачна моя старость во всех отношениях; дни и ночи мои незавидны»¹⁸. Ниже приводятся шесть записок декабриста из десяти за период с 1852 по 1855 г., последних лет его жизни, из которых только в двух указаны месяц и год. Последняя записка датирована 18 апреля 1855 г., за пять месяцев до смерти декабриста. Копии с них на французском языке были любезно предоставлены автору потомком декабристов В.Л. Давыдова и С.П. Трубецкого Валентином Николаевичем Витебским (скопировал в НИОР РГБ) и публикуются впервые. Переводы записок, как и письма Александры Ивановны к А.Х. Бенкендорфу, выполнены Зоей Романовной Лопатиной. На листках, обрывках бумаги разного цвета, написанные разборчивым, иногда трудночитаемым почерком, они обращены к дочерям, чаще всего без указания, к кому именно. Некоторые состоят из четырех-пяти строчек, в которых отец спрашивает, как спали дети, нуждаются ли в чем-либо. Как правило, записки шуточные, в которых В.Л. Давыдов подсмеивается над своими слабостями. Из их содержания видно, что Василий Львович болен: вероятно, редко выходит из своей комнаты, часто мучает кашель, постоянно испытывает слабость, плохо спит. Члены семьи, если нездоровы, избегают общения с отцом, чтобы не усугубить его состояние.

№ 1

[1852–1855, возможно, записка
связана с приездом дочерей Кати и Лизы
к родителям в Красноярск]

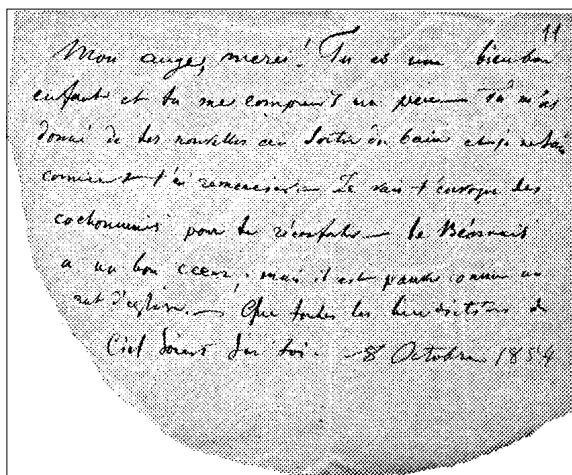
Милые ангелы, как вы провели ночь? Хорошо ли себя чувствуете? Мы беспокоимся, не холодно ли у вас. Не спешите, <слово неразб.>, располагайтесь поудобнее, ни в чем не отступайте от ваших привычек, вы слышите! Не нужно ли вам чего?¹⁹

№ 2

[1854–1855]

Дайте обол ребенку, который служит бедному Велизарию²⁰. Это говорит о том, что вы доставите удовольствие, одолжив мне 7 или 10 рублей серебром,

мои дорогие детки и банкиры, до следующего четверга или пятницы, в подтверждение чего я расписываюсь под этой запиской, которая вам послужит векселем для предъявления в суд в случае неуплаты. При этом я целую каждую в обе щеки и в лоб. Веру рано разбудил кашель, и сейчас она спит на моей кровати²¹.

Одна из записок В.Л. Давыдова. 1855–1856 гг.

№ 3

[1854–1855]

Не следует, сударыни, чтобы танцы, пение, шумливые и беспорядочные удовольствия Красноярска, этого Вавилона Восточной Сибири и всей Азии, повергли вас в забвение об истинном, положительном, умственном в жизни строгой и суровой. Вы понимаете?.. Что до меня, я не понимаю. Но вот в чем дело, мы послали просить священника отслужить молебен, приходите, помолимся вместе. Да мне хочется ужасно вас поцеловать²².

№ 4

[1854–1855]

Дорогой папа, как вы провели ночь, вы сильно кашляли? (Записка одной из дочерей, на ней же ответ отца.)

Я кашлял гораздо меньше, мои милые ангелы. До 1 часа утра ни разу, затем один или два раза. Но я не спал, потому как голова наполнена Васей (записка, возможно, написана после отъезда сына Василия из Красноярска, где он находился в отпуске) и мыслями, которые отнюдь не розовые. В 3 часа ночи я заснул, но сильный приступ кашля разбудил меня. Зато около 5 часов я снова заснул и спал как сурок, почти до 8 с половиной часа, и вот я свежий и бодрый, и настроение у меня не такое унылое. А когда я смогу вас обнять, оно станет еще более радужным²³.

№ 5

[1854–1855]

Ура! Мои бесценные детки. Лиза! Судьба твоя и твоя слава обеспечены, ты скоро получишь диплом доктора и профессора физиологии, и т. д. и т. д. ...Мой кашель отступил перед твоим талантом, и я спал. Вот вам, дружочки, и новость²⁴.

№ 6

18 апреля 1855

Вот человек предполагает, а Бог располагает. Я полагал, что сегодня смогу вас обнять, мои бесценные ангелы, а мне еще нельзя выходить из комнаты. Все же спал я в эту ночь лучше, и втирания, которые маменька мне сделала вчера, пошли на пользу. Но я совсем потерял аппетит; вчера я попытался пообедать, но безуспешно, и не ужинал, сегодня я не обедал и не буду ужинать; мне хватило чашки бульона; зато я по два раза пью чай с хлебом!!

Это заменяет обед, ужин и шквпчик. Вот вам известия не из Крыма, это также новости не о преступлении²⁵, но об одном бедном старике, которого вы любите, я не очень-то знаю, за что, маленькие глупышки. Лиза должна еще оставаться затворницей, завтра посмотрим. Потерпим, милые дочки. Если бы вы знали, сколь мне [все] надоело, но я подчиняюсь, это необходимо во многих отношениях. Дорогая Катя, если ты не избавишься, самое позднее, за три дня от твоего нарыва, я тебе его удалю зубами, которые у меня еще остались. Ты можешь быть уверена, что это не причинит тебе сильной боли. Обнимаю вас обеих, а Сонечку²⁶ крепче, чем вас, потому как она более благоразумна, чем ее мать. Христос с вами²⁷.

Менее чем за два месяца до кончины, 5 сентября 1855 г., декабрист напишет стихотворный экспромт по случаю дня рождения дочери Лизы: «А чтоб тебя, мой ангел милый, поздравить в этот благой день, я соберусь с последней силой, хоть, может быть, и стану в пень»²⁸. Судя по запискам к детям, отец до последнего сохранял чувство юмора, который отмечали его друзья-союзники еще в каторжные годы.

Василий Львович скончался 25 октября 1855 г., не дожив до амнистии менее года. 27 октября он был погребен на Троицком кладбище в Красноярске. С.П. Трубецкой 23 ноября писал И.И. Пущину: «Бедный Вас. Льв. не дождался возврата в Каменку, а, говорят, сильно ему хотелось, и надеялся»²⁹.

Судьбы «европейских» и «сибирских» детей Давыдовых сложились по-разному. Рано ушли из жизни старшая дочь Мария, «сибирский» первенец Василий, вероятно, пропал без вести на Кавказе сын Иван. Старшему сыну Михаилу и самому младшему Алексею пришлось служить на гражданской службе, несмотря на то, что лишённые наследства дочери и сыновья декабриста получают от братьев Петра и Николая определенную долю – по 20 тысяч рублей каждый. Во многом драматически сложился жизненный путь Льва, на долю которого выпадут потери многих близких. Елизавета и Александра останутся жить с матерью, остальные дочери выйдут замуж. Пожалуй, бла-

*Елизавета Васильевна Давыдова,
дочь декабриста. Елизаветград.
Фот. Д.О. Харлаб. Конец 1890-х гг.
Из собрания И.А. Богдановой*

гополучнее всех окажутся судьбы Петра и Николая Давыдовых, двоих из двенадцати детей, получивших наследственные права на родовое имение.

Главное место в жизни Василия Львовича в годы каторги и ссылки занимали дети. Благодаря несомненному педагогическому дару, отец сумел сделать так, что разлученные с семьей дети продолжали оставаться ее частью. Давыдов не только заложил в них уважение к родителям и преклонение перед ними, но и сдружил свое многочисленное потомство. Вернувшуюся из ссылки мать дети, по завету декабриста, окружили обожанием, наполнив ее жизнь «тихим семейным счастьем».

Много нравственных тягот довелось пережить декабристу и его жене на протяжении многих лет, когда устраивались судьбы их детей, которыми они жили и дышали все годы ссылки. Об этом и свидетельствуют вышеприведенные документы.

Примечания

¹ Мурзанов Н.А. К биографии декабриста В.Л.Давыдова // Рус. старина. 1914. Т. 159. Кн. 9. С. 442.

² Там же. С. 443.

³ Давыдов В.Л. Сочинения, письма / изд. подг. Т.С. Комаровой. Иркутск, 2004. С. 45; РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 71. Л. 18 об.

⁴ РГИА. Л. 19; РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 294. Л. 31.

⁵ НИОР РГБ. Фв. 1.83. Л. 18, 28. Речь в письме Фонвизиним идет о предстоящем выходе на поселение последней партии осужденных.

⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 71. Л. 12–16.

⁷ Там же. Л. 15–16, 24–26.

⁸ Там же. Л. 59 об.–60; Санкт-Петербургские ведомости. 1846. № 4. С. 16.

⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 546. Л. 1–1 об. На поселении декабристы могли получать от родственников на содержание до 1000 рублей, которые выдавались мелкими суммами.

¹⁰ Давыдов В.Л. Сочинения, письма. С. 54–55; ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 12. Л. 2.

¹¹ Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи / изд. подг. И.В. Порохом. Иркутск, 1988. С. 191.

¹² Екатерининский институт для благородных девиц открыт в Санкт-Петербурге в 1798 г.

¹³ В 1764 г. при Воскресенском Смоленском монастыре был учрежден институт благородных девиц, позднее названный Смольным.

¹⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13607. Л. 56–57 об.

¹⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 12. Л. 29.

¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 88. 1.39. Л. 2. С.А. Бобринская (урожд. Самойлова), двоюродная сестра декабриста.

¹⁷ Там же. Фв. 1.83. Л. 28.

¹⁸ *Комарова Т.С.* О невозвратном, но быллом. Красноярский альбом семьи декабриста В.Л. Давыдова. Иркутск, 2012. С. 19.

¹⁹ НИОР РГБ. Дав. 1.23. Л. 6.

²⁰ Обол – серебряная, а затем медная монета в Древней Греции. Велизарий – полководец императора Восточной Римской империи VI в. н. э. Юстиниана I Великого; дважды попадал в опалу.

²¹ НИОР РГБ. Дав. 1.23. Л. 8.

²² Там же. Л. 10.

²³ Там же. Л. 4–4 об.

²⁴ Там же. Л. 7.

²⁵ Игра слов: Крым по-французски – *Сгimée*, преступление – *сгimе*; «новости не из Крыма» – Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг.

²⁶ Внучка декабриста, дочь Екатерины Васильевны Переслени (урожд. Давыдовой).

²⁷ НИОР РГБ. Дав. 1.23. Л. 2–3.

²⁸ *Давыдов В.Л.* Сочинения, письма. С. 408.

²⁹ Там же. С. 62.

А.Н. Гаращенко

Иркутский гражданский губернатор И.Б. Цейдлер и декабристы¹

История распорядилась так, что на время управления И.Б. Цейдлером Иркутской губернией сюда были сосланы те, кого впоследствии стали именовать декабристами.

После состоявшегося над участниками выхода на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 г. суда последовали наказания.

17 июля 1826 г. начальник Главного штаба И.И. Дибич сообщал военному министру Высочайшее повеление: «Из числа приговоренных в каторжную работу 8 человек, а именно: Сергея Трубецкого, Евгения Оболенского, Артамона Муравьева, Василия Давыдова, Якубовича, Сергея Волконского, Борисова 1-го и Борисова 2-го отправить немедленно закованными в двух партиях, имея при каждом преступнике одного жандарма и при каждых четырех одного фельдъегеря, в Иркутск к гражданскому губернатору Цейдлеру, коему сообщить Высочайшую волю, дабы сии преступники были употребляемы, как следует, в работу, и поступлено было с ними во всех отношениях по установленному для каторжников положению; чтобы он назначил, для неослабного и строгого за ними смотрения, надежного чиновника, за выбор коего он ответствен, и чтобы он о состоянии их ежемесячно доносил в собственные руки Его Величества через Главный Штаб»². Заметим, в документе нет указаний на отправку осужденных непосредственно в Забайкалье.

Фраза: «по установленному для каторжников положению» могла означать, что они подпадали под действие «Устава о ссыльных» (1822 г.), и какого-то особенного отношения к ним данное распоряжение не предусматривало (такие документы последуют только в начале сентября и октябре). Речи о кон-

И.Б. Цейдлер. Акв. В.И. Гау. 1847–1848 гг.
Из фондов музея Пушкинского Дома
(ИРЛИ)

кретном месте назначения, например этапировании их в Нерчинск, не шло.

В тот же день военный министр уведомил коменданта Петропавловской крепости о том, что император повелел «преступников, осужденных Верховным уголовным судом, разослать по назначению». Далее определялся порядок, куда кого следовало отправить.

Одновременно в Сибирь начинают ссылать и осужденных участников тайных обществ, приговоренных к поселению. 25 июля 1826 г. военный министр отослал письмо генерал-губернатору А.С. Лавинскому в Иркутск, хотя тот находился в столице, относительно преступников, направляемых в Сибирь на поселение. Это были: Краснокутский, определенный в Верхоянск, Андреев 2-й – в Жиганск, Веденяпин 1-й – в Верхневиллюйск, Чижов – в Олёкминск, Назимов – в Верхнеколымск, Бобрищев-Пушкин 1-й – в Среднеколымск, Голицын – в Киренск, Заикин – в Гижигинск, Шаховской – в Туруханск³.

Первая партия осужденных каторжного разряда была отправлена в Иркутск 21 июля 1826 г. Фельдъегерю Седову, сопровождавшему декабристов, давалась подробная инструкция относительно порядка следования и сдачи арестантов иркутским властям. Пунктом 7 предписывалось: «По доставлении арестантов к местному назначению... сдать... гражданскому губернатору Иркутскому, которому о сих арестантах послано особое отношение (здесь и далее выделено нами. – А. Г.)»⁴.

В город они прибывали по одному, по двое, по несколько человек начиная с 25 августа 1826 г. В этот день привезли Н. Заикина⁵, 27 августа были доставлены: Артамон Муравьев, В. Давыдов, Е. Оболенский, А. Якубович, а в ночь на 29-е – С. Трубецкой, С. Волконский, братья Борисовы. Тогда же были привезены А. Веденяпин, С. Краснокутский, Н. Чижов, а 30 августа – В. Голицын и М. Назимов⁶.

Во время появления в Иркутске декабристов иркутского гражданского губернатора И.Б. Цейдлера в городе не было, 8 августа он выехал в «Нерчинские заводы и пограничные крепости»⁷ (вернулся в Иркутск только 17 сентября). Отсутствовал и генерал-губернатор А.С. Лавинский, который находился в центре (в Москве с 22 августа по 30 сентября 1826 г. проходили коронационные торжества), поэтому решения о судьбах прибывших принимал председатель губернского правления Николай Петрович Горлов⁸.

Он решил направить их на ближайшие от Иркутска винокуренные заводы – Александровский и Николаевский, а также в Усольский солеваренный.

Он решил направить их на ближайшие от Иркутска винокуренные заводы – Александровский и Николаевский, а также в Усольский солеваренный.

Но первоначально, по его распоряжению, доставленных «государственных преступников» отправили в городскую полицию, где по его приказу с них были сняты кандалы. Кстати, место, где находилась полицейская управа, известно. Сегодня здесь находится здание по ул. Марата, 10⁹.

Как отмечал Б.Г. Кубалов, а за ним и некоторые другие исследователи¹⁰, А.С. Лавинский будто бы заранее не был даже поставлен в известность об отправке декабристов в Сибирь. Прибыв летом 1826 г. в Москву на коронацию Николая I, он вынужден был обращаться в Главный штаб за разъяснениями, а затем был приглашен принять участие в деятельности Особого комитета начиная с 31 августа, который определил правовое положение ссыльных декабристов. Такое утверждение нам кажется не совсем убедительным. А.С. Лавинский уехал из Иркутска 1 мая 1826 г., а возвратился 13 апреля 1827 г.¹¹ (т. е. его не было в городе почти год). Оказаться в столице он должен был, вероятнее всего, в июне. Суд над участниками тайных обществ состоялся в июле, и вряд ли его решение не было известно генерал-губернатору. Все-таки, думается, его не оставили в неведении о том, что в пределы управляемой им территории будут сосланы злоумышленники. А вот детальной проработки условий содержания столь необычных преступников вслед за решением не последовало. Инструкции создавались уже тогда, когда первые партии декабристов отбыли к местам своего назначения. Поэтому и происходили определенные неувязки, и возникали непонятности для местной администрации, решения которых затягивались из-за удаленности мест отбывания наказаний и отсутствия иных средств связи, кроме фельдъегерской почты. С момента отправки любого послания до момента его получения проходил месяц – достаточно большой период времени, за который ситуация успевала измениться. Реально получалось, что верховная власть всегда отставала от действительных событий.

Итак, во время прибытия первой партии осужденных в городе не было ни генерал-губернатора, ни губернатора. Горлов принял решение самостоятельно, и, как верно отмечает Б. Кубалов, это решение было для него крайне тяжелым. Он стоял перед дилеммой: отправить ли прибывших за Байкал в Нерчинскую каторгу, где уже был сделан ряд распоряжений к их приему, ведь было же «...о сих арестантах послано особое отношение», или же, согласно действующим законам, распределить их для отбывания каторжных работ по другим местам.

В соответствии с решением Верховного уголовного суда, скорректированным и утвержденным императором, участники тайных обществ разделялись на разряды по степени виновности и подвергались каторжным работам, ссылкам и т. д. Как уже отмечалось выше, с каторжными необходимо было поступать в соответствии с положениями «Устава о ссыльных». По этому документу осужденные в каторжные работы могли отправляться только на заводы и фабрики (§ 195). Назначение их на заводы и фабрики зависело от Казенных палат (§ 205). В законе была особая глава (гл. XXIII), которой регламентировались их распределение, положение, заработная плата, надзор и т. д. (§ 242–264)¹².

Но ссылаемые были не обычными каторжниками, а государственными преступниками, в их отношении Устав ничего не говорил. Поэтому и Цейдлеру, и Горлову приходилось действовать по инструкциям, присылаемым из столицы, которые заранее тоже никто не составил, все происходило в процессе их передвижения (разрабатывались усилиями Особого комитета).

Правда, был еще один закон, опираясь на который Лавинский позднее смог обвинить Горлова в неправильных выполнениях предписаний верховной власти. Это Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского от 13 сентября 1797 г. «О распределении уголовных и других преступников по важности их в каторжную работу, на поселение и в крепостные работы», который гласил: «Дабы уголовных и других преступников, по решениям Судебных мест к разным наказаниям осужденных, яко то: 1) смертоубийцов, також произносителей дерзких слов противу Императорского Величества, равно возмутителей народа и пристанодержателей, по наказании отсылать в Нерчинск в работу; 2) преступников других родов, приговариваемых на поселение, отправлять в Иркутск на тамошнюю суконную фабрику, под управлением кригс-цалмейстера Новицкого состоящую; и 3) осуждаемых к телесным наказаниям и без онаго, за долги и другия преступления навсегда или временно в смирительные и рабочие дома и другия казенныя работы, отправлять к крепостным строениям, отколь куда способнее; о чем и дать знать начальникам губерний, дабы они сообразно сему разобрав, куда следует, отправили, да и впредь таким образом поступали»¹³.

Б. Кубалов высказал мнение, что отослать декабристов за Байкал Горлов не отважился¹⁴. Возможно, на принятие такого решения повлияло то, что Н.П. Горлов был знаком с некоторыми из них еще с 1816 г. по масонской ложе «Избранного Михаила», связанной с ложей «Трех добродетелей», членами которой состояли С.П. Трубецкой и С.Г. Волконский, а они-то как раз и находились среди прибывших. С другой стороны, не имея на руках четкого предписания о месте их водворения, Горлов поступил в соответствии с Уставом. Это было его окончательное решение. Но ранее, 16 августа, вероятно сразу же по поступлении в Иркутск «особого отношения» о ссылаемых, тот же Горлов, за отсутствием гражданского губернатора, направлял указание иркутскому коменданту, в котором он указывал: «По Высочайшей его императорского Величества воле, *следует вскоре отправить осужденных Верховным уголовным судом преступников 8 человек в Нерчинские горные заводы* и столько же в отдаленные места Якутского края, для препровождения коих назначено быть при первых 8 жандармов и при последних 16, итого 24; почему, предуведомляя о сем Ваше высокоблагородие о приготовлении, покорнейше прошу таковое число жандармов учинить свое распоряжение...»¹⁵. Значит, первоначально он собирался все-таки отправлять узников за Байкал. Думаем, что об этом решении он сообщил и находившемуся там Цейдлеру, который, в свою очередь, сделал соответствующие распоряжения на месте.

Но может быть, увидев среди прибывших Трубецкого и Волконского, он и изменил свое первоначальное решение?

В донесении А.С. Лавинскому Горлов сообщил об отправлении в ночь на 29 августа арестантов на заводы Иркутской губернии. Все они следовали без оков, в том штатском платье, которое было на них.

17 сентября в Иркутск вернулся из Забайкалья И.Б. Цейдлер, но вот что любопытно, он не стал отменять или не торопился отменять решения Горлова. По мнению Б. Кубалова, он считал решение Горлова правильным¹⁶, да и узнал о нем, находясь еще за Байкалом, о чем свидетельствовал позднее Горлов в своей объяснительной в адрес генерал-губернатора, говоря: «... доставлял все сведения о распорядке сем, распределить означенных преступников по заводам, состоящим в ведомстве губернского начальства, где все предписанное выполнить удобно, в дальний же завод Илгинский двоих не отделил для того, чтоб по прибытии своем г[осподин] гражданский губернатор мог удобнее распорядиться ими по своему усмотрению. Преступники поступали в мое ведомство и распоряжение с 27-го августа по 31 число, возвращение г-на гражданского губернатора последовало в Иркутск в половине сентября (когда Цейдлер прибыл в город. – А. Г.)...»¹⁷.

Кстати, 29 и 31 августа сообщал Горлов о своих действиях и самому Лавинскому. Он писал: «Осужденные Верховным уголовным судом и следующие по Высочайшему Его Императорского Величества повелению в каторжную работу преступники: Артамон Муравьев, Василий Давыдов, Евгений Оболенский и Якубович в Иркутск 27 ч[исла] сего месяца фельдъегерем Алексеем Седых доставлены и, согласно назначению, сего же числа отправлены для употребления в каторжную работу по заводам, первые двое в Александровский винокуренный, а последние два в солеваренный, с надлежащим употреблением в работы, содержании их наравне с прочими и о наблюдении за ними предписанием, о чем и имею честь Вашему Высокопревосходительству донести»¹⁸. Подобное же письмо, касающееся Трубецкого, Волконского и Борисовых, которых доставили в Иркутск «в ночь на 29 ч[исла] сего месяца» с фельдъегерем Куэтом (?) и которые «сего же числа» были препровождены на Николаевский винокуренный завод, отослано генерал-губернатору 31 августа¹⁹. Позднее, объясняя свои действия, Н.П. Горлов писал и о том, что он поставил в известность и Цейдлера, когда тот был за Байкалом, а по приезде губернатора в Иркутск: «... Я объяснял лично Его превосходительству (т. е. Цейдлеру. – А. Г.) все сомнения, наводившие обстоятельства, и причины рассылки тех преступников по заводам, и с его стороны по соображении всех полученных предписаний никакой их перемены не сделано, и в сем положении остались они уже под его ведомством гораздо более времени, нежели в моем, и до самого того времени, когда получено им предписание Вашего Превосходительства (Лавинского. – А. Г.) о распорядке насчет едущих к тем преступникам жен, где в первый раз упомянуто о Нерчинске, а сие самое и решило Его Превосходительство неотложно уже сделать отправление их в Нерчинск, что, конечно бы, было и мною исполнено, если я что-нибудь подобное имел в предписаниях; но как прежде о сем не упоминалось, то и г-н гражданский губернатор не решился при усиленной своей власти в течение трех недель на отправку их в Нерчинск»²⁰. Это было правдой. Более того, в это время Цейдлером была дана подробная инструкция ревизору

казенных поселений коллежскому секретарю Попову, которому он поручил ближайший надзор за осужденными. В инструкции указывались места размещения декабристов на ближайших к Иркутску заводах, а копия этого документа была отправлена 30 сентября Лавинскому²¹.

Интересная складывается картина: Цейдлер все знает и... соглашается с Горловым. В рапорте Николаю I, составленном 1 октября 1826 г., он сообщал, что «в течение минувшего сентября месяца» узники вели себя «скромно и занимались возложенными на них работами с усердием, показывая раскаяние в своих преступлениях», но не упоминал об их местонахождении²².

Но на следующий день, 2 октября 1826 г., фельдъегерь доставил в Иркутск распоряжение и инструкцию от А.С. Лавинского, касающуюся жен, следовавших за декабристами. Поняв, что правительство уверено в том, что Трубецкой и его товарищи находятся на Нерчинских заводах, Цейдлер решил срочно отправить их туда. Первая партия узников, вновь собранных в Иркутске, в составе С.П. Трубецкого, Е.П. Оболенского, В.Л. Давыдова, А.И. Якубовича, С.Г. Волконского, А.З. Муравьева, А.И. и П.И. Борисовых, 8 октября была отправлена за Байкал.

Не совсем верно излагает эти события Н.Ф. Караш. По мнению историка, А.С. Лавинский, узнавший о том, что декабристы не отправлены за Байкал, да еще с них сняты кандалы, «...сообщил о произошедшем начальнику Главного штаба. В ответ на такое сообщение Бенкендорф передал Лавинскому приказ царя немедленно исправить допущенную ошибку и под конвоем отправить декабристов в Нерчинские горные заводы. *Поспешивший в Иркутск Лавинский* потребовал от Горлова объяснений по поводу случившегося»²³. Узнал о проступке Горлова Лавинский в начале октября в первую очередь из писем самого Горлова (от 29 и 31 августа), а если вспомнить, что прибыл он в Иркутск только в апреле следующего года, то получается, что не слишком-то и спешил. Все решения в отношении декабристов принимались в столице, а распоряжения отсылались посредством фельдъегерей. И выполнять их пришлось Цейдлеру. Так было и в этом случае. 11 октября Лавинский донес Дибичу о решениях Горлова, и тот в этот же день сообщил обстоятельства дела императору, после чего Дибич обратился к Лавинскому с письмом, где указывалось: «Но как есть Высочайшая воля содержать сих преступников в Нерчинском краю под ведением назначенного туда коменданта, то покорнейше прошу Ваше Превосходительство предписать Иркутскому губернатору: всех вышеозначенных преступников отправить немедленно с благонадежным конвоем в Читу, где и содержать их под строжайшим присмотром впредь до прибытия туда коменданта генерал-майора Лепарского, которому дана подробная инструкция насчет всего нужного устройства». В свою очередь, 12 октября Лавинский послал письмо Цейдлеру, в котором распорядился отправить всех распределенных на заводы гражданского ведомства в Нерчинские горные и так же поступать со всеми вновь прибывающими²⁴.

Правда, Цейдлер, как уже отмечалось выше, опередил это послание. А деятельность Горлова подверглась расследованию, но не такому уж и скорому.

Но вернемся ко 2 октября, когда Иван Богданович получил с фельдьегерем Васильевым письмо от генерал-губернатора, отосланное 4 сентября. Из него он усмотрел, «что высшее начальство полагает известных преступников находящимися в Нерчинских горных заводах». В ответ на это послание 6 октября губернатор, еще не проведя отправку каторжных за Байкал, так описал свои действия: «... я встретил затруднение в исполнении сделанного распоряжения, касательно удержания жен их от поездки к мужьям при теперешнем распределении по заводам, ибо они могут иметь сообщение посторонними путями и даже получать и посылать своих доверенных людей и находить способы к доставлению писем и делать тому подобные самовольные поступки, которых и за строжайшим надзором предупреждать не предстоит возможности, а как и последнее время к удобному переезду чрез Байкал приближалось, то распорядился я всех их перевести на Нерчинские заводы, где уже мною сделаны предварительно распоряжения о помещении их и о надзоре, которые только остановились за размещением их во время моей отлучки, по здешним заводам, о чем и донесено было Вашему Высокопревосходительству. Размещение таковое было основано на том, что в предписаниях гг. Министров Военного и Внутренних дел не было упомянуто о назначении их в Нерчинские горные заводы, состоящие под особенным Начальством, а только сказано: по прибытии в Иркутск употреблять на заводах в каторжную работу, избрать чиновника для надзора за ними под личною ответственностию моею с тем, чтобы доносить ежемесячно о поведении их»²⁵. Из этого текста выходит, что отправление ссыльных в Нерчинские заводы было спровоцировано поехавшими за ними женами!?

В исторической литературе встречаются неточности, которые вносят путаницу в истинную историю происходивших событий. Так, если обратиться к «Запискам княгини Марии Николаевны Волконской», то получается, что размещение декабристов за Байкалом планировалось изначально. Еще 27 августа 1826 г. И.Б. Цейдлер, на основании Высочайшего повеления, дал указания начальнику Нерчинских заводов Т.С. Бурнашеву²⁶ относительно приема и размещения декабристов. При этом губернатор указывал между прочим, чтобы «рудник был для них избран в стороне от больших дорог и не близко к границе “Китайской”, чтобы содержание их было обеспечено, дабы не допускать их до свободы, которую каторжные по окончании работ имеют для снискания себе вольными работами средств к содержанию подкрепления»²⁷.

В соответствии с полученным документом, Бурнашев 28 августа дал свои распоряжения главноуправляющему рудниками маркшейдеру Черниговцеву. В документе отмечалось: «По приговору Верховного уголовного суда и по высочайшему повелению отправлены в здешние Нерчинские заводы в каторжную работу восемь преступников... коих и велено употреблять в работы и поступать с ними во всех отношениях по установленному для каторжных положению. Все сии преступники, для ближайшего за ними надзора, как со стороны здешнего начальства, так и от определенного к тому со стороны иркутского гражданского губернатора особенного чиновника, верхнеуедин-

ского квартального надзирателя Козлова, с одним урядником, по присылке оных сюда будут отправлены на Благодатской рудник». А далее следовала инструкция относительно того, как следовало селить заключенных.

«Для размещения тех преступников на жительство при том руднике предписываю вашему благородию немедленно отправиться на оный и приготовить для четверых особые места в казарме, а для других четверых человек, порознь для каждого, приискать частные квартиры, сколь можно у надежных хозяев, куда по приводе сих преступников и разместить вместе с приставом рудника и назначенных к присмотру за оными особенным со стороны иркутского гражданского губернатора чиновником...»²⁸.

Обратим внимание, в источнике публикации («Записки княгини...») документ датирован 27 августа, и вроде бы это согласуется с текстом из письма Цейдлера Лавинскому, где он указывает: «распорядился я всех их перевести на Нерчинские заводы, где уже мною сделаны предварительно распоряжения о помещении их и о надзоре, которые только остановились за размещением их во время моей отлучки, по здешним заводам...», но вот распоряжение Бурнашова, в котором упоминается чиновник Козлов и отправленные восемь декабристов, не может быть датировано 28 августа, в то время всех каторжных еще не было в Иркутске. Поэтому можно утверждать, что распоряжения Бурнашова могут датироваться началом октября 1826 г., как и ряд других документов из этого же источника («Исторический вестник»). Например, подробные наставления от Бурнашева приставу Благодатского рудника шихтмейстеру Котлевскому, которые вряд ли придумал сам Бурнашев. Скорее всего, он дублировал указания Цейдлера²⁹. Для того чтобы читателю было понятно, насколько подробно были проработаны условия содержания и надзора за декабристами, приведем достаточно объемную выдержку из этого документа.

«1) К помещенным в казармы определить двух, а к помещенным на квартиры к каждому по одному надежному рядовому, кои и должны наблюдать строжайшим образом за их поведением, не допускать их к свиданию между собою и проч.

2) Употреблять их в настоящие горные работы в две смены по четыре человека, размещая оных по разным выработкам так, чтобы они не имели между собою свидания, ставя в работу каждого из них с надежным человеком, коему и отдавать его на руки. При производстве работ самим вам лично и чрез определенных к надзору штейгеров, смотрителей и других людей иметь неусыпное наблюдение, чтобы они не имели никаких связей с обращающимися в тех же работах преступниками, чтобы не могли получать чрез них или чрез кого-либо крепких напитков, писем, записок или денежного пособия; смотреть строго, чтобы они вели себя скромно, были послушны поставленным над ними надзирателям и не отклонялись бы от работ под предлогом болезней.

3) Для отводу к работам не вызывать их на общую раскомандировку, а по наступлении смены посылать надежного унтер-офицера и двух рядовых, которые по надлежащем обыске со стороны г. Козлова должны их принять и доставить в рудник; при выходе же их из горы осматривать, в присутствии

вашем, не имеют ли они при себе каких-либо бумаг, денег или чего-либо вредоносного, и если что окажется, отбирать и немедленно мне доложить, а после того обращать их опять чрез того же унтер-офицера и рядовых на квартиру или в казарму и сдавать г. Козлову. При производстве же работ иметь в приличных пунктах, сверх внутреннего за ними наблюдения, чтоб не могли они сходиться между собою или с другими преступниками, пристойный караул. На каковой случай и воинская команда при Благодатском руднике будет увеличена.

4) О каждом из таковых преступников вести особенные секретные дневные записки, замечая в оных со всею подробностью, каким образом он производил работу, что говорил при производстве оной, не было ли в словах его чего-либо противного, какой показывал характер, был ли послушен к поставленным над ним властям и каково состояние его здоровья. Таковые записки представлять ко мне еженедельно, а ежели случится что-либо особенное, то доложить немедленно.

5) Преступников сих не только не увольнять никуда в селения и в заводы и рудники, но и не позволять им отлучаться из жительства Благодатского рудника и из своих квартир на другие, словом, никуда, кроме работы, наблюдая строжайше, чтобы они между собою не имели свиданий, не заводили бы у себя сборищ и во всех случаях вам иметь за ними лично и чрез приставленных к ним рядовых и на квартирах то же самое смотрение, как сказано при производстве горных работ, хотя таковое и возложено главнейше на г. Козлова, и во всем, до того относящемся, содействовать ему, г. Козлову, всеми мерами и

6) Подтвердить им и смотреть строжайше, чтобы они ни с кем не имели разговоров ни на каком языке, кроме российского»³⁰.

Цейдлер отправил узников в Забайкалье 8 октября. Вероятно, в сопроводительном письме к Бурнашеву Иван Богданович попытался косвенно оправдаться, отмечая свою непричастность к решениям Горлова, о чем свидетельствует фраза из письма Бурнашева к главноуправляющему рудниками маркшейдеру Черниговцеву: «сосланные в каторжную работу в здешние заводы помещены были на заводах Иркутской губернии *несоответственно их назначению и что он, г[осподин] губернатор, исполняя высочайшую волю, отправил их сюда при двух казачьих офицерах и приличном конвое, которые и должны прибыть сюда вскоре; почему и просит меня, согласно сделанному мною до сего распоряжению, поместить их на Благодатском руднике, употребляя их соразмерно силам в работы, имея надзор, как прежде сего распоряжено было, и доставляя ему, г[осподину] губернатору, известие об них чрез каждые две недели для донесения государю императору»³¹.*

Нужно отметить, что сам Цейдлер в октябре выезжал за Байкал в Нерчинский завод, о чем свидетельствует подписанное им описание примет государственных преступников от 23 октября³². Вероятно, он лично осуществлял контроль за их размещением, пока не приехал назначенный комендантом Нерчинских заводов генерал-майор С.Р. Лепарский.

К сентябрю – октябрю 1826 г. относится и известная история «конфликта» Е.И. Трубецкой и И.Б. Цейдлера, получившая поэтическое воплощение у

Н.А. Некрасова, упоминаемая во многих изданиях и представленная в фильме «Звезда пленительного счастья».

Если обратиться к юридической стороне вопроса о выезде жен за ссыльными, то нужно отметить, что, по действующему в России законодательству, а именно «Уставу о ссыльных», о котором уже упоминалось выше, и ряду других, более ранних указов, препятствий к следованию жен за мужьями не было³³. И таких женщин в Сибири было много, правда, в массе своей они не принадлежали к высшему сословию. В соответствии с главой XXI «Устава о ссыльных», называвшейся «О женщинах» (§ 221–232), определялось их правовое положение. К примеру, § 221 гласил: «Женщины разделяются на два разряда: 1) идущие по собственной воле с мужьями своими; 2) отправленные по суду в ссылку с мужьями и без оных», а § 222 – «Женщины, идущие по собственной воле, во все время следования не должны быть отделяемы от мужей и не подлежат строгости надзора. Они получают кормовые деньги» или § 232: «Женщинам, по собственной воле пришедшим, Тобольский Приказ о ссыльных выдает особливые письменные виды»³⁴.

Прямых указаний о женах еще не было, а первая из них, Е.И. Трубецкая, 24 июля уже выехала вслед за супругом.

Находившийся в Москве на коронации генерал-губернатор Восточной Сибири А.С. Лавинский также хотел точно знать, как поступать с государственными преступниками и их женами. 25 августа (через месяц после отъезда Трубецкой), как указывает Я. Гордин, он составил свои соображения, касавшиеся жен государственных преступников, едущих в Сибирь. И отправил эти соображения начальнику Главного штаба барону Дибичу, чтобы узнать реакцию императора³⁵.

«Генерал-губернатор Восточной Сибири, не имея доньше никакого предписания насчет отправленных в Сибирь преступников, не знает, были ли в виду следующие соображения, если, впрочем, слухи о следовании за ними жен их в существе своем и справедливы.

1. Будет ли сделано предписание местным властям о образе обхождения их с сими женами, т. е. считать ли их в прежнем быту или женами ссыльных.
2. Следуя за своими мужьями и продолжая супружескую с ними связь, они, естественно, делаются причастными их судьбе и теряют прежнее звание, а прижитые в Сибири дети поступают уже в казенные крестьяне. Неизвестно, имеют ли они о сем понятие, и ежели нет, то не должно ли оное быть им внушено; ибо многие, может быть, решаются ехать в Сибирь не из любви и привязанности к мужьям своим, но из пустого тщеславия, чтобы быть предметами разговоров и показать публике, что пожертвовали для мужей собственным своим благополучием, но коль скоро мечтания их расстанутся вразумлением об ожидающей их там участи, то, может быть, исчезнет и охота к выполнению необдуманного намерения.
3. Судя по состоянию, жены сии могут иметь большие деньги. Могущественная сила оных в крае бедном, населенном людьми буйными и раз-

вратными, может иметь вредное влияние; и потому не должно ли ограничить их в привозе с собою наличных сумм.

4. Если обстоятельства сии уважительны, то не угодно ли будет отбывших уже туда жен... под благовидными предложениями остановить на время в Иркутске. Сии предлоги состоять могут в затруднительном переезде через Байкал-море в осеннее время; в мнимом недостатке транспортных казенных судов, в ненадежности таковых, у торговых людей состоящих, и в прочих подобных учтивостях.

Если мысль сия найдется не излишнею, в таком случае, не угодно ли будет приказать мне составить проект предписания Иркутскому губернатору и по внесении оного на предварительное усмотрение отправить потом с нарочным фельдъегерем, ежели, впрочем, сие признано будет нужным по расчислению времени, к которому могут сии жены прибыть в Иркутск.

Р. С. Не должно ли предоставить свободу крепостным людям, за сими женами едущим, возвратиться восвояси, ибо по строгой справедливости они не могут быть причастны участи как самих преступников, так и жен их, добровольно отрицающихся от прав своих, и сие также послужить может к вящему их вразумлению»³⁶.

Утром 31 августа 1826 г. бумага Лавинского была передана Дибичем царю. В 3 часа пополудни того же дня Лавинский получил от Дибича письмо:

«31 августа в 3 часа пополудни
Секретно

Милостивый государь
Александр Михайлович³⁷!

Государь Император Высочайше повелеть изволил для совещания о образе присмотра в местах ссылки за осужденными по решению Верховного уголовного суда преступниками и о других обстоятельствах, до них относящихся, составить особый Комитет³⁸, в котором присутствовать: тайному советнику Сперанскому, Вашему Превосходительству, генерал-адъютанту Бенкендорфу, генерал-майору Лепарскому и мне.

Сообщая Вашему Превосходительству сию Высочайшую волю, я прошу покорнейше вас пожаловать ко мне для открытия сего Комитета сего числа во вторник в 7 часов пополудни.

С совершенным почтением имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

/подпись/

№ 1428

31 августа 1826

Москва

Его превосх. А.М. Лавинскому»³⁹.

На основе этого обращения был составлен документ, который определял линию поведения Цейдлера, заданную генерал-губернатором Лавинским,

относительно жен декабристов, и был утвержден Николаем. Читая его, понимаешь, что, по мнению Николая I, эти женщины должны были занять особое положение в русской ссылке, как и их мужья.

Можно согласиться с историком С.В. Коданом, утверждающим: «Ссылка декабристов предполагала самые жестокие ограничения и наряду с карой за совершенное деяние должна была устранить всяческую возможность контактов “государственных преступников” с внешним миром. Николай I и его окружение понимали, что выезд жен отнюдь не будет способствовать изоляции осужденных и, в определенной мере, может служить облегчению их участи. Тем более что сознательным отказом от всех привилегий и желанием разделить участь мужей они оказывали публичную поддержку “государственным преступникам”. Это было своеобразной оппозицией царским властям, своеобразной формой общественного протеста... Поэтому со стороны петербургских властей стали чиниться лишние препятствия выезду жен»⁴⁰. Но получилось обратное: пытаясь применить к женам декабристов запретительные меры, Николай I создал им, как это водится на Руси, популярность в глазах современников, а особенно потомков.

4 сентября 1826 г. генерал-губернатор А.С. Лавинский отправил в Иркутск предписание, упоминавшееся выше, которое мы приводим целиком. Отметим, что Лавинский еще не знал, где на самом деле находятся сосланные.

«Из числа преступников, Верховным уголовным судом к ссылке в каторжную работу осужденных, отправлены некоторые в Нерчинские горные заводы (Горлов отмечает это как первое упоминание о Нерчинске. — А. Г.).

За сими преступниками могли последовать жены их, не знающие ни местных обстоятельств, ни существующих о ссыльнокаторжных постановлений и не предвидящие, какой, по принятым в Сибири правилам, подвергнут они себя участи, соединясь с мужьями в теперешнем их состоянии.

Местное начальство неукоснительно обязано вразумить их со всею тщательностью, с каким пожертвованием сопрягается таковое их преднамерение, и стараться, сколько возможно, от оного отворотить.

Притом легко статься может, что многие из них, имея достаточное состояние, возьмут с собой значительные суммы и драгоценные вещи, ввоз коих в край бедный, населенный людьми буйными и развратными, не обещает добрых последствий и потому не должен быть дозволен.

Самые крепостные люди, которые могли бы с ними прибыть, не обязаны разделять участи, добровольно госпожами их принимаемой.

Сообразив сие и зная, что жены осужденных не иначе могут следовать в Нерчинск, как чрез Иркутск, я возлагаю на особенное попечение вашего превосходительства употребить всевозможные внушения и убеждения к остановлению их в сем городе и к обратному отъезду в Россию.

Внушения могут состоять в том:

1) что, следуя за своими мужьями и продолжая супружескую с ними связь, они, естественно, сделаются причастными их судьбе и потеряют прежнее звание, т. е. будут уже признаваемы не иначе как женами ссыльнокаторжных, а дети, которых приживут в Сибири, поступят в казенные крестьяне;

2) что ни денежных сумм, ни вещей многоценных взять им с собой, коль скоро отправятся в Нерчинский край, дозволено быть не может; ибо сие не только воспрещается существующими правилами, но необходимо и для собственной их безопасности, как отправляющихся в места, населенные людьми, на всякие преступления готовыми, и, следственно, могущих подвергнуться, при провозе с собой денег и вещей, опасным происшествиям, и

3) что с отбытием их в Нерчинск уничтожится также и право их на крепостных людей, с ними прибывших.

С тем вместе должно обратиться к убеждениям, что переезд в осеннее время через Байкал чрезвычайно опасен и невозможен, и представить, хотя мнимо, недостаток транспортных казенных судов, безнадёжность таковых у торгующих людей состоящих и прочие тому подобные учтивые отклонения, а чтобы успех в оных вернее был достигнут, то, ваше превосходительство, не оставьте принять и в самом доме вашем, который, без сомнения, будут они посещать, таких мер, чтобы и в частных с ними разговорах находили они подтверждение таковых убеждений.

По исполнении сего с надлежащею точностью, ежели и затем окажутся в числе сих жен некоторые непреклонные в своих намерениях, в таком разе, не препятствуя уже им в выезде из Иркутска в Нерчинский край, переменить совершенно ваше с ними обращение и, приняв в отношении к ним, как к женам ссыльнокаторжных, тон начальника губернии, соблюдающего строго свои обязанности, исполнить на самом деле то, что сперва сказано будет в предостережение и вразумление, именно:

а) все имеющиеся у них деньги, драгоценные вещи и прочее, по надлежащем описании лично при них и по утверждении описи собственноручным подписанием тех, кому сие имущество принадлежать будет, отобрать от них и, опечатав, отдать к хранению в иркутское губернское казначейство. Но меру сию, для отклонения всякого сомнения, привести в действие чрез нарочитую комиссию, составив оную под председательством вашим из одного или двух членов главного управления, председателя губернского правления и губернского прокурора. Впрочем, прогоны на проезд до Нерчинска выдать им из числа собственных их денег;

б) из крепостных людей, с ними прибывших, дозволить следовать за каждою токмо по одному человеку, но и то из числа тех, которые добровольно на сие согласятся и дадут или подписки собственноручные или, за неумением грамоте, личные показания в полном присутствии губернского правления; остальным же предоставить возвратиться в Россию и снабдить их пропусками.

Указав, с моей стороны, средства, на законных постановлениях основанные, которые должны служить руководством в действиях по сему предмету, и ожидая от вашего превосходительства исполнения оных в совершенной точности, я надеюсь, что вы и по собственной предусмотрительности своей не оставите употребить всех возможных способов к достижению собственно той цели, чтобы последовавших за осужденными преступниками жен решительно отвратить от исполнения их намерения, происшедшего от незнания местных обстоятельств Сибири и постановлений, о сем крае су-

шествующих; но если бы все усилия ваши оказались тщетными, то, ваше превосходительство, действуя в отношении к ним по назначению сему, не оставьте немедленно уведомить меня о всех обстоятельствах, к сим женам относящихся, вообще о мерах, какие вами будут принимаемы.

Наконец, ежели бы которая-либо из них проехала Иркутск прежде, нежели вы сие получите, в таком разе прошу ваше превосходительство принять на себя труд отправиться лично для возвращения ее в губернский город или приказать остановить в Верхнеудинске, ибо пример одной может побудить и других к домогательствам о равномерном пропуске в Нерчинск»⁴¹.

Документ, как уже отмечалось, поступил в столицу Восточной Сибири 2 октября.

В истории с Трубецкой Цейдлер оказался, как это принято сегодня говорить, крайним. Все началось раньше. В исследованиях декабристоведов утверждается, что Трубецкая получила разрешение на поездку к мужу у императора 6 августа⁴² и, как указывает С.В. Кодан, посредством ходатайства Александра Николаевича Голицына⁴³ (вероятно, после этого и забеспокоился Лавинский), правда, текста документа не приводится. По нашему мнению, за княгиню мог ходатайствовать и князь Александр Борисович Голицын (1792–1865), действительный статский советник, адъютант великого князя Константина Павловича, участник войны с Наполеоном 1812–1814 гг., отставной полковник, в 1820 г. вышедший в отставку. В его пользу говорит то, что, занимаясь после отставки в 1820-е – 1830-е гг. содержанием питейного откупа, он являлся доверителем иркутского купца Е.А. Кузнецова, имел дом в Иркутске на Дворянской улице. «Иркутская летопись» отмечает, что А.Б. Голицын прибыл в Иркутск 6 ноября 1825 г. По его просьбе тот же Е.А. Кузнецов, являясь городским головой, подготовил для приехавшей Е.И. Трубецкой квартиру⁴⁴. Позднее, с ноября 1826 по август 1830 г., занимал должность саратовского губернатора, а затем был предводителем дворянства во Владимире.

Так и сложилась для жен «государственных преступников» практика: проездные документы выдавались лишь после личного разрешения Николая I на поездку. По российским законам того времени путешествовать по стране просто так было невозможно, нужно было иметь подорожную, дававшую право на получение почтовых лошадей и говорящую о цели поездки и месте назначения.

Трубецкая приехала в Иркутск 16 сентября. Напомним, Цейдлер вернулся в город 17-го, т. е. на следующий день после прибытия княгини.

Мы не знаем, когда они встретились в первый раз. Но, скорее всего, сразу же, о чем свидетельствует сообщение Цейдлера генерал-губернатору от 18 сентября: «Возвратясь вчерашнего дня после обозрения Забайкальского края в Иркутск, известился я, что жена осужденного Верховным уголовным судом в каторжную работу Трубецкого прибыла в Иркутск с намерением иметь совокупное жительство с мужем, находящимся теперь в Николаевском винокуренном заводе.

Не имея на сей случай предписания Высшего начальства, я не решился дозволить им иметь совместное жительство, впредь до получения разрешения ограничил дальнейшее ее следование пребыванием в Иркутске.

А как известился я, что и других преступников жены также в непродолжительном времени имеют сюда прибыть, которых также здесь остановлю, то, считая необходимым донести о сем Вашему Высокопревосходительству, покорнейше просить по сношении с кем следует не оставить меня на случай сей распоряжением»⁴⁵.

Тем не менее 19 сентября Трубецкая встретила с мужем, находившимся в Николаевском заводе (в 54 верстах от Иркутска), а затем вернулась в город. Задержав Екатерину Ивановну сначала по своей инициативе, потом уже Иван Богданович действовал согласно инструкциям. Общение их было многократным, и о своих встречах Цейдлер докладывал Лавинскому. Так, 9 октября, на следующий день после отправки узников в Нерчинские заводы, Иван Богданович писал: «...жене Трубецкого, оставленной в Иркутске, на настоятельную просьбу ее о дозволении следовать за мужем на другом транспорте мною отказано, представя, что транспорт идет с партией преступников и что оба делают последний вояж, чем убедил ее остаться до зимы в Иркутске, в которое время не оставлю всевозможно убеждать ее оставить намерение следовать за мужем. Последствием запрещения ей ехать было то, что Волконский и Муравьев совершенно уверены, что и их жены сюда будут, приезд отклоняют в присланных ко мне письмах, которые... имею честь к Вашему Высокопревосходительству представить»⁴⁶.

А вот еще один из отчетов Цейдлера Лавинскому (в пересказе последнего) относительно Трубецкой, написанный в первых числах октября, после получения инструкций от генерал-губернатора: «Трубецкая, быв несколько раз у меня в доме, была всемерно убеждаема, чтоб переменила свое намерение, но ни картина жизни, ни судьба будущих детей не могли ее к тому убедить, и она, *утверждаясь на записке, полученной от князя Голицина, в которой изъявил он, что государь император не препятствует ей ехать к мужу*, остается совершенно непреклонной. Перемену места назначения ее мужа я старался скрыть от нее, доколе не будет он на море Байкале, и, пригласив к себе в дом, объявил, на каком условии может жить с мужем. Она, услышав о том, упала на колени и с восторгом обещалась дать подписку, что отказывается от всего, не будет иметь даже связей с родными, готова идти пешком, лишь бы пустили ее к мужу»⁴⁷. Далее отмечалось: «Стараясь успокоить ее, гражданский губернатор взял предлог, что о желании ее должен представить высшему правительству, и если будет изволено, то тогда даст ей и возможность доехать к мужу, на что она и согласилась». Но далее произошел непредвиденный случай. По распоряжению Цейдлера собранные с заводов, куда их разместил Горлов, государственные преступники должны были быть отправлены в Нерчинские заводы. Все это осуществлялось втайне. Иркутск они должны были проехать ночью, но из-за ненастной погоды опоздали и прибыли в город в 4 часа утра. Далее мы предлагаем рассказ в изложении Лавинского, как он сообщил об этом в письме начальнику Главного штаба его императорского величества И.И. Дибичу: «Хотя взяты были

все предосторожности, Трубецкая о том не узнала, однако ж она была известена о сем каким-то человеком... и, вскочив с постели, бросилась пешком по городу, забежала на гауптвахту, потом в полицию, но, не найдя там преступников и узнав, что они в казачьей полковой, побежала туда и, встретя повозки, ехавшие из города с преступниками, бросилась перед лошадой (так в тексте. – А. Г.), но Трубецкой тут же ее успокоил и был увезен, после чего она прибежала к губернатору (Цейдлеру. – А. Г.) в дом, в таком отчаянном состоянии, что он не решился отказать ей съездить на первую от Иркутска станцию в сопровождении чиновника, дабы, простившись с мужем, тотчас возвратиться.

Но при сем случае он напомнил ей, что следовать за мужем не должна до получения разрешения, надеясь, что время, которое она пробудет в Иркутске, может, ее успокоит и отвратит от намерения; если же и после решится следовать за мужем, то будет поступлено по предписанию»⁴⁸.

Сама Е.И. Трубецкая не оставила записок о своих переговорах с губернатором. А вот декабрист А.Е. Розен, видимо со слов самой Екатерины Ивановны, описывает их взаимоотношения следующим образом: «Губернатор представил ей сперва затруднения жизни в таком месте, где находится до 5000 каторжных, где ей придется жить в общих казармах с ними, без прислуги, без малейших удобств. Она этим не устрашилась и объявила свою готовность покориться всем лишениям, лишь бы ей быть вместе с мужем. На следующий день те же препятствия со стороны губернатора, который объявил, что имеет приказание взять от нее письменное свидетельство, по коему она добровольно отказывается от всех прав на преимущества дворянства и вместе с тем от всякого имущества – недвижимого и движимого, коим уже владеет и какое могло бы достаться ей в наследство. Ек[атерина] И[вановна] Трубецкая без малейшего возражения подписала эту бумагу, в уверенности, что с этим отречением открыла себе путь к мужу. Не тут-то было: несколько дней сряду губернатор не принимал ее, отговариваясь болезнью. Наконец, он решился употребить последнее средство; уговаривал, упрашивал и, увидев все доводы и убеждения отринутыми, объявил, что не может иначе отправить ее к мужу, как пешком с партией ссыльных по канату и по этапам. Она спокойно согласилась на это; тогда губернатор заплакал и сказал: “Вы поедете!”». Розен также указывает: «В это самое время прибыл в Иркутск наш комендант Лепарский из Петербурга; он был глубоко тронут решимостью княгини Трубецкой и содействовал к прекращению этих уговоров»⁴⁹. Согласно «Иркутской летописи», генерал-майор С.Р. Лепарский прибыл в Иркутск 9 декабря 1826 г.⁵⁰, значит, приводимый разговор мог состояться после этой даты. Но насколько точен Розен в своем рассказе? Скорее это попытка декабриста показать, что твердость женщины сломила «черствое сердце» губернатора.

История с пребыванием Трубецкой в Иркутске закончилась в январе 1827 г. Со слов Цейдлера, Лавинский докладывал об этом А.Х. Бенкендорфу следующим образом: «...находившаяся в Иркутске жена государственного преступника Трубецкого, изъявлявшая неперменное намерение соединиться с мужем, по убеждениям его губернатора (Цейдлера. – А. Г.), чтобы не от-

важиваться на столь трудное состояние, сначала долго колебалась и ничего не предпринимала, но, наконец, в начале прошедшего января в присланном к нему, губернатору, письме объявила решительно, что готова принять всякую участь, лишь бы только жить с мужем. Почему он, губернатор, и сделал с ней формальный отзыв с прописанием всех пунктов, которые к женам преступников относятся, а между тем нарядил комиссию из члена Совета Главного управления, председателя губернского правления, губернского прокурора по описанию имущества Трубецкой для передачи оною к хранению в Губернское казначейство. Распоряжение сие выполнено с точностью, и всем вещам и деньгам, у Трубецкой оказавшимся, сделана опись, которая и отправлена к коменданту Нерчинских рудников генерал-майору Лепарскому. После чего гражданский губернатор, выдав Трубецкой из суммы, от нее отобранной, прогонные деньги, разрешил выезд ее, и она отправилась за Байкал 20 января с прислугою из наемного человека и девки»⁵¹.

Через несколько дней после отъезда Екатерины Ивановны, 26 января, в Иркутск прибыла М.Н. Волконская и «объявила желание следовать к мужу в Нерчинские рудники». После недолгих уговоров вернуться и пройдя ту же процедуру, что и Трубецкая, она выехала в Забайкалье 29 января.

В отношении Волконской, по нашему мнению, вырисовывается очень любопытная причина кратковременного препятствования ее дальнейшему следованию. Это ее отец. Мы не располагаем сведениями, знал ли Цейдлер генерала Н.Н. Раевского, отца Марии Николаевны, лично, хотя и участвовал в одних с ним войнах – Русско-турецкой 1806–1812 гг. и Отечественной (кстати, к тем же событиям был причастен и муж Марии Николаевны – Сергей Григорьевич Волконский, в записках которого есть воспоминания и об этом⁵²). Но то, что был о нем хорошо наслышан, – безусловно. Кто же в то время в России не слышал о славном генерале! Поэтому и жалел Николая Николаевича, отлично понимая, какие тяготы ожидают его дочь за Байкалом.

Мы считаем, что затягивание выдачи разрешения женам государственных преступников на выезд в Забайкалье было не только выполнением распоряжения генерал-губернатора Лавинского, но и добрая попытка Цейдлера дать им возможность еще передумать и вернуться в Россию. Прослуживши уже несколько лет в Сибири, губернатор отлично понимал, какие трудности и лишения ждут их, приспособленных к совершенно иной жизни. Мы нисколько не сомневаемся, что эта ситуация ни в малейшей степени не приносила ему никакого удовольствия, наоборот, как человек чести, он мучительно переживал свое положение. С одной стороны, он сочувствовал несчастным женщинам, а с другой, как губернатор, как чиновник, должен был заставлять их подписывать унижительные документы, выполняя распоряжения высшей власти, попытку императора вернуть дам в Европу, тем самым отказаться от мужей. Страшно незавидное положение! И.Б. Цейдлер не был трусом на войне, но, став статским, он полностью испытал на себе все прелести давления государственно-бюрократического аппарата, во главе которого стоял император.

Помня, что ему было предписано употребить всевозможные меры, чтобы отклонить жен декабристов от их намерения следовать за супругами, губернатор Цейдлер сам пожаловал с визитом к Волконской. Мы не знаем, о чем говорил Иван Богданович с княгиней, об этом можно только догадываться по скудным строчкам из «Записок» Марии Николаевны. Видимо, рассказывал о страшных каторжных: «В Иркутске меня предупреждали, что я рискую подвергнуться оскорблениям или даже быть убитой в рудниках и что власти не будут в состоянии меня защитить, так как эти несчастные не боятся больше наказаний», – писала Волконская. Приводил и другие доводы. Краткий диалог между Цейдлером и Волконской зафиксирован в ее мемуарах: «Губернатор, видя мою решимость ехать, сказал мне: “Подумайте же, какие условия вы должны будете подписать”. – “Я их подпишу, не читая”. – “Я должен велеть обыскать все ваши вещи, вам запрещено иметь малейшие ценности”. С этими словами он ушел и прислал ко мне целую кучу чиновников»⁵³. Позднее Мария Волконская писала свекрови, А.Н. Волконской: «Г[осподин] иркутский губернатор встретил с моей стороны полную готовность на все условия, которые были мне поставлены, как выкуп за просимую мною милость. Его долгие и горячие увещания остались безуспешными...»⁵⁴.

И еще раз подчеркнем, что все это он делал как по распоряжению сверху, так и по велению собственной совести и доброго сердца. Кстати, как можно судить из записей самой Волконской, отговаривал ее ранее и сам император: «С тех пор как я здесь, – писала она 28 мая 1827 г. свекрови, – я, кажется, уразумела, что те из нас, которые проехали Иркутск, уж не могут вернуться <...> Теперь я понимаю смысл предостережения, заключавшегося в словах е. в. императора: подумайте же о том, что вас ждет за Иркутском...»⁵⁵. Речь у Марии Николаевны идет о следующем. Еще до отъезда в Сибирь, 21 декабря, находясь в Петербурге, она получила ответ от императора на свое ходатайство, в котором просила дозволения выехать в Сибирь к мужу. Николай писал: «Я получил, княгиня, ваше письмо от 15 числа сего месяца; я прочел в нем с удовольствием выражение чувств благодарности ко мне за то участие, которое я в вас принимаю; но во имя этого участия к вам я и считаю себя обязанным еще раз повторить здесь предостережения, мною уже вам высказанные, относительно того, что вас ожидает, лишь только вы проедете далее Иркутска. Впрочем, предоставляю вполне вашему усмотрению избрать тот образ действий, который покажется вам наиболее соответствующим вашему настоящему положению.

1826, 21 декабря. Благорасположенный к вам Николай»⁵⁶.

30 января в Иркутск прибыла А.Г. Муравьева. Здесь она предъявила данное ей через дежурного генерала Главного штаба дозволение следовать «на приложенных при том правилах за мужем в Нерчинск». Вероятно, после такой же процедуры уговоров у губернатора, но менее длительных, и подписания необходимых документов она проехала 3 февраля дальше.

Любопытное замечание сделал Б. Кубалов, замечание, на которое мало кто обращал внимание. Он указывает: «Характерно, что в то время, когда Цейдлер, выполняя поручения Лавинского, задерживает в Иркутске Трубец-

кую Е.И., центральная власть не чинит препятствий к приезду в Сибирь жен других декабристов. Едет Волконская, едет Муравьева А.Г.

Мало того, Ентальцева и Нарышкина приезжают в Иркутск с рекомендательными письмами к генерал-губернатору. Нарышкина – от князя Голицына, Ентальцева – от Бенкендорфа. Причем Бенкендорф пишет:

“Милостивый государь,
Александр Степанович!

Подательница сего, подполковница Ентальцева, в несчастной участи, ее постигшей, неоднократно прибегала ко мне с просьбами, и я всегда представлял приятным долгом утешать несчастную; ныне же, отъезжая в Сибирь, просит моего предстательства пред вашим превосходительством, почему покорнейше прося вас, милостивый государь, принять ее под милостивое внимание ваше, честь имею быть с истинным почтением и преданностью вашего превосходительства, покорнейший слуга А. Бенкендорф. 21 апреля 1827 г.»⁵⁷. Кстати, Бенкендорф снабдил письмом и А.В. Розен в 1830 г., когда та ехала к мужу⁵⁸ (покинула Иркутск 3 августа).

Такая же история с уговорами от дальнейшего проезда за Байкал, только через год, в январе–феврале (1828), повторилась и с невестой декабриста И.А. Анненкова Полиной Гебль. Интересно, что за нее перед Цейдлером, вероятно чтобы ускорить процедуру разрешения проезда, ходатайствовал великий князь Михаил Павлович, бывший начальник Цейдлера, шеф Перяславского драгунского полка, которым в свое время командовал Иван Богданович. Но из записок Анненковой следует, что она не дала Цейдлеру возможности прочитать эти письма: «...между разными незначительными письмами были те два, которые я получила от великого князя Михаила Павловича. Прежде чем Цейдлер успел их прочитать, я поспешно взяла все эти письма с его стола и со словами: “Si je ne puis les garder, alors permettez moi de les bruler” (Если я не могу их хранить, тогда позвольте мне их сжечь) так же поспешно бросила их в камин.

Цейдлер так был озадачен моим поступком, что только мог выговорить: “Comme vous-êtes vive, madame” (Как вы прытки, сударыня)».

Анненкова выехала из Иркутска 29 февраля. В то же время, как вспоминает Полина, приехавшая при ней Александра Ивановна Давыдова получила разрешение на выезд раньше, чем она⁵⁹.

Факты говорят, что длительной задержке подверглась только Трубецкая. С чем это было связано? С тем, что она была первой и ее пытались напугать так, чтобы отвратить от дальнейших поездок остальных, желавших разделить участь родных? А может быть, вся эта история была затеяна ради одной Трубецкой и именно ее, по каким-то неизвестным нам пока причинам, не хотели пускать к мужу? А может, это была личная инициатива Лавинского, старавшегося доказать свою преданность престолу, инициатива, получившая формальное высочайшее одобрение? А может, все проще – Цейдлер просто ждал указаний из столицы относительно приехавшей жены государственного преступника и после получения таковых стал их выполнять. Вопросов много. Например, как сочетается это высочайше одобренное послание Лавинского к Цейдлеру от 2 сентября 1826 г. с письмами-ходатайствами о под-

держке и помощи приезжавшим дамам от высокопоставленных лиц вплоть до великого князя Михаила, что явно противоречило друг другу?

Можно привести еще пример. Летом 1830 г. до Иркутска добралась М.К. Юшневская. Здесь она пробыла с неделю «в доме покойного ст[атского] сов[етника] Лосева, обедая почти всегда у губернатора (исправлявшего должность генерал-губернатора, за бытностью сего в С.-Петербурге)»⁶⁰. Выхала в Читинский острог 26 июля.

Не перечисляя всех женщин (жен и сестер) декабристов, которые проследовали через Иркутск за своими близкими, можно с уверенностью утверждать, что свою миссию как чиновника, в точности исполнявшего предписания начальства, так и человека, сочувственно относившегося к этим дамам, Цейдлер выполнил в точности. Чего в его действиях было больше – служебного рвения или простых человеческих чувств сострадания? Учитывая, что многие современники отмечали его природную доброту, думается, и того и другого поровну, может быть, второго даже больше, но показать это явно он не мог. Соглядатаев и доносчиков было достаточно во все времена. Порой в уговорах Цейдлеру приходилось и лукавить, сгущать краски тяжести жизни за Байкалом или, наоборот, приукрашивать действительность, на что обратил внимание еще П.Е. Щеголев: «Любопытно сопоставить, что писал в 1832 году тот самый Цейдлер, который в 1827 году должен был убеждать жен декабристов, что они отправляются в места, населенные людьми, на всякие преступления готовыми, и, следовательно, могут подвергнуться опасным происшествиям. Родителей Н.Д. Фонвизиной очень пугали опасности путешествия по Забайкалью, которое предстояло их дочери с мужем. “Цейдлер... счел своим долгом успокоить Марию Павловну (мать Фонвизиной. – П. Щ.) любезным письмом, доказывая, что в Нерчинске есть врачи и что там все можно достать”, а относительно разбойников он прибавлял: “ужасы, описываемые в письме к Вам, доказывают только болезненное состояние Натальи Дмитриевны: край Забайкальский спокойный, и злодейств, описываемых ею, никогда не бывает”»⁶¹.

Кстати, впоследствии никто из жен декабристов не отмечал своей неприязни к Цейдлеру, наоборот, та же Волконская ходатайствовала перед своим братом о помощи сыну Цейдлера Михаилу. В письме к брату Николаю она сообщала: «Я узнала на днях, что молодой Цейдлер служит под твоим начальством, посланный из гвардии, чтобы начать военную карьеру в действующих войсках. Он – единственный сын, умерь немного его воинственный пыл, вспомни, что его отец служил вместе с твоим в двенадцатом году, что в свое время это был один из храбрых офицеров и что позднее *он держал себя вполне порядочно по отношению ко мне, когда был гражданским губернатором в Иркутске, и что вообще его здесь уважают и почитают*»⁶².

Здесь любопытно отметить восприятие самим императором поступков жен декабристов.

В отношении женщин, последовавших за своими мужьями в Сибирь, Николай Павлович фактически проявил солидарность со своей матерью, Александрой Федоровной, записавшей в дневнике 13 июля 1826 г.: «Жены высланных намерены следовать за своими мужьями в Нерчинск. О, на их

месте я поступила бы так же». Сам Николай Павлович знал их всех и во время обеда 22 декабря 1851 г., когда зашла о них речь, «перечислил всех жен преступников 14-го декабря, которые при ссылке их мужей в Сибирь добровольно за ними последовали, и прибавил, что, во всяком случае, это знак преданности, достойный уважения, тем более что часто видели противное». Как известно, 14 из 23 жен получили дозволение последовать за мужьями, и 10 воспользовались этим разрешением⁶³.

Император мог и лукавить, а вот вдовствующая императрица была, по нашему представлению, искренна в своем мнении.

К самим декабристам Цейдлер относился весьма сочувственно. Его человеческое участие отмечали некоторые из них в своих письмах и записках. В воспоминаниях М.А. Бестужева нашел отражение эпизод, связанный непосредственно с Иваном Богдановичем, когда Николай и Михаил Бестужевы вместе с Барятинским и Горбачевским прибыли в Иркутск. Это была ночь, примерно с 1 на 2 декабря 1827 г., когда пришла партия с А. Бестужевым и М. Муравьевым-Апостолом, следовавшими в якутскую ссылку. Их поместили в острог, «в обширное каменное здание», где их сразу посетил губернатор Цейдлер и, как пишет М. Бестужев, «постарался не словом, а делом исполнять все наши просьбы. Нас расковали, сводили в баню и доставили случай даже прочесть некоторые газеты. После претерпенных лишений это было истинное наслаждение. Но то наслаждение, которое он, по своей доброте, доставил нам с братом Николаем, я никогда не забуду. Вечеру, в последний день нашего отправления из Иркутска, он пришел к нам и объявил по секрету, что брата Александра привезли и что он дозволяет эту последнюю ночь провести вместе с ним. О, какая ночь! Мы увидели его с Матвеем Муравьевым!»⁶⁴

Официально переписка всем декабристам, кроме Трубецкого⁶⁵, была запрещена: «...5-м пунктом высочайшей инструкции, данной г[осподину] коменданту при Нерчинских рудниках относительно находящихся здесь государственных преступников, поведено: преступникам, осужденным в каторжную работу, воспрещается вовсе писать и посылать от себя письма кому бы то ни было; на основании чего он, г. губернатор, и просит меня воспретить кому следует принимать письма от преступников, кроме Трубецкого, которому особенным высочайшим повелением то дозволено, причем усугубить надзор, чтобы не было ими отыскано других тайных способов к их отправлению»⁶⁶.

В связи с таким положением за декабристов их переписку вели дамы, которым не запрещено было это делать, и они взяли на себя функции своеобразных секретарей, т. е. писали от имени осужденных. «Наши письма передавались Бурнашеву открытыми, – писала, живя в большом Нерчинском заводе М.Н. Волконская, – пересылались в канцелярию Коменданта, затем отправлялись в канцелярию Иркутского гражданского Губернатора, а отсюда уже в Петербург – в III Отделение Канцелярии Его Величества, так что письма наши, прежде чем доходили до наших родственников, были в пути бесконечно долго»⁶⁷. Позднее переписка была официально разрешена, но,

по высочайшей инструкции коменданту – генерал-майору С.Р. Лепарскому, письма должны были следовать только через Цейдлера, а затем проходить цензуру в центре. Но, судя по отдельным строчкам из писем ряда декабристов и их жен, Цейдлер выполнял свои обязанности своеобразно, нарушая предписания. Об этом свидетельствует, например, фраза из письма А.З. Муравьева к жене В.А. Муравьевой из Верхнеудинска от 14 октября 1826 г., в котором он отмечал: «Если господин иркутский гражданский губернатор будет столько милосерд, что и это мое письмо к тебе доставит, то второе будет, которое к тебе в близком расстоянии одно от другого пишу»⁶⁸ (получается, что губернатор мог пересылать письма, минуя III Отделение). Называла Цейдлера как адресата писем к ней в Читу в 1827 г. А.Г. Муравьева⁶⁹. К нему же советовала отправлять письма в 1828 г. и М.Н. Волконская⁷⁰. Характеризуя поведение Цейдлера в отношении столь неприятной миссии – читать чужие письма, А.М. Муравьев называет его достаточно тактичным, впрочем, как и Лепарского⁷¹.

В дальнейшем, после назначения Лепарского «приставом при декабристах»⁷², Цейдлер был связан с ними в меньшей степени. Каторжные были в ведении коменданта, а высылаемые на поселение или впоследствии выходявшие на поселение поступали в ведение гражданского губернатора, но правила переписки сохранялись и даже ужесточались. Так, например, 20 сентября 1828 г. из центра на имя генерал-губернатора поступило строжайшее распоряжение, «чтобы купцы, получающие для доставления государственным преступникам вещи и письма, немедленно представляли оные губернскому начальству для рассмотрения и чтобы они отнюдь не принимали от них писем». Поводом к этому распоряжению послужила якобы доставка писем и посылки декабристу Чижову в Олёкминск, переправленных купцом Колесовым на имя его приказчика Василия Петровича Сеницына. Такие сведения по неизвестным местной власти причинам оказались у власти верховной. Начались разбирательства. 30 октября 1828 г. Лавинский затребовал объяснений у Цейдлера. Тот ничего об этом случае не знал. В ходе расследования выяснилось, что эту посылку Чижов вообще не получал, но строгие предупредительные меры к купцам были сделаны. Причем также предписывалось ставить в известность о данном порядке и приезжавших временно в Сибирь купцов (не сибиряков), чтобы они, если уже взяли посылки или письма к осужденным, во избежание неприятностей сдавали бы их сразу же местной власти⁷³.

В связи с письмами и посылками для декабристов были для Цейдлера и неприятные случаи, как, например, история с Федосьей Мольневой. 11 марта 1835 г. в Иркутск прибыла дворовая полковника Раевского – «Феодосия Федорова дочь, по мужу Мольнева», следовавшая в Петровский Завод в услужение к жене Волконского. Как и положено по инструкции, ее имущество было освидетельствовано особой комиссией в составе губернского прокурора, советника губернского правления и городничего. Ничего предосудительного обнаружено не было. После этого, 13 марта, губернский прокурор Максим Панов, боясь ответственности, донес исправлявшему долж-

ность генерал-губернатора С.Б. Броневскому: Мольнева объявила, что с нею было еще 7 или 8 писем к государственным преступникам, а также 8 или 9 ящиков или коробков, но и те и другие сопровождавшим ее купеческим приказчиком Лычаговым по прибытии в Иркутск были доставлены прямо к гражданскому губернатору. 20 апреля Броневский направил Цейдлеру довольно строгое послание с требованием объяснить эти действия: кому были адресованы письма, ящики или коробки; взяты ли показания от Мольневой, когда, где и от кого она получила письма и посылки; взяты ли показания от Лычагова, чей он приказчик, где взял Мольневу и от кого получил наставления относительно писем и ящиков; чем руководствовался Цейдлер в принятии этих посланий и, наконец, почему, докладывая о пропуске Мольневой в Петровский Завод, губернатор совсем не упомянул о письмах и посылках и куда все эти письма и посылки поступили, по принадлежности ли. 25 апреля Цейдлер обстоятельно ответил, что письма и посылки отправлены на его имя и поэтому Лычагов сразу же препроводил их к нему. Практика таких посланий на имя губернатора соответствовала закону, и поэтому он не находил надобности отбирать показания от приказчика. О Мольневой губернатор был уведомлен от Орлова, о чем, как он отмечал, еще ранее он доносил генерал-губернатору. Далее он разъяснял, вероятно, не вникнувшему во все дела, касавшиеся государственных преступников, Броневскому, что письма и посылки, отправленные на имя губернатора, освидетельствовались на основании § 7 инструкции и также переправлялись по адресатам через коменданта Нерчинских рудников с отношением. В заключение Иван Богданович с достоинством замечал, что по всем названным причинам он считал об оном упоминать в предшествующем письме о Мольневой излишним⁷⁴. Инцидент был исчерпан, хотя Цейдлеру оставалось служить гражданским губернатором совсем недолго.

Отбывших срок каторги расселяли в Восточной Сибири, других – в Западной.

Первые 11 декабристов выходили на поселение в апреле 1828 г. Распоряжением из столицы их необходимо было разместить в тех населенных пунктах, куда они были персонально расписаны, эти места были угодны самому императору.

В марте 1828 г. это распоряжение со списком поступило в Иркутск. Но то ли оно еще не было в Иркутске или его не успели продублировать для гражданского губернатора, но в том же марте, 15-го числа, Цейдлер проявил инициативу, обратившись к Лавинскому с письмом, указывая, что освобожденные с каторги должны поступить на поселение и было бы неплохо «... правительству объяснить удобные к тому места, в коих преступники сии могут быть поселены и снискать для себя пропитание, имею честь представить ведомость с показанием отдаления их от губернского города и от больших трактов. Назначение же в места отдаленные Киренского округа или Якутской области не может подать им никакого способу к пропитанию по неимению там хлебопашества и других удобных сельских занятий, и ныне там находящиеся, особенно в Витиме, не имеют никаких занятий». Далее предлагался список населенных пунктов, расположенных недалеко от основных

трактов и получивших определенное хозяйственное развитие⁷⁵. Иван Богданович еще не знал, что вопрос с расселением решен, и его предложения можно расценивать как акт заботы о дальнейшем существовании в Сибири государственных преступников, часть которых не имела состоятельных и влиятельных родственников, могущих оказывать им помощь в будущем.

Но было уже поздно что-либо предпринимать, между 15 и 22 марта в Иркутск поступил документ-разнарядка для первой партии, который Лавинский продублировал гражданскому губернатору для исполнения. Позднее большинство из отбывших каторгу селили в места по усмотрению уже генерал-губернатора, но все согласовывалось с верховной властью.

С некоторыми из тех, кто оставался на территории Иркутской губернии, у Цейдлера складывались неплохие отношения. Насколько позволяли ему его служебные возможности и обязанности, он стремился облегчить участь сосланных.

Губернатор не отказывал им в общении и приеме в своем доме. Так, у него обедали П.С. Бобрищев-Пушкин и А.П. Беляев во время переезда с одного места поселения на другое в 1833 г. Беляев пишет: «Приехав в Иркутск, мы пробыли тут несколько дней; помню, что были у губернатора Цейдлера, где обедали вместе с капитаном Головниным. Тут я опять встретился с моим товарищем капитаном Ник. Вук. Головниным, начальником тамошней флотилии, который каждый день присылал за нами к обеду свой экипаж, и мы проводили у него целый день. Если он еще жив, то да примет свидетельство сердечной благодарности старого товарища и однокашника. Благородный, прямодушный, честный моряк и не мог поступить иначе с товарищем и другом в несчастье; но как не все имели тогда мужество принять с отверстыми объятиями политического преступника, хотя и товарища, а иногда и родного, страшась навлечь на себя гнев царя, перед которым немногие не трепетали, то это действие моего товарища и друга показывает, какими высокими благородными качествами он обладал»⁷⁶. Последние строки можно смело отнести и к самому Цейдлеру.

Да, нравы в то время были иными, трудно представить себе обедающего в советское время с председателем облисполкома, а ныне с губернатором какого-либо политического поселенца.

Особенно благосклонно и внимательно, отмечают исследователи, относился Цейдлер к декабристу А.И. Одоевскому, с отцом которого был хорошо знаком. Переписка Одоевского с отцом, помимо писем, шедших через III Отделение, осуществлялась еще с помощью И.Б. Цейдлера и его родного брата – Франца Богдановича, занимавшего должность начальника комиссариатского комиссионерства⁷⁷. Донос в Петербург по этому поводу сделал иркутский губернский почтмейстер Меркушев, в результате чего у Ф.Б. Цейдлера были неприятности⁷⁸. Правда, в большей степени это касалось не столько переписки, сколько попытки А.И. Одоевского продать свою бричку через посредничество Ф.Б. Цейдлера и плац-адъютанта Петровского Завода Клея. Разбирательство этого дела происходило уже после оставления И.Б. Цейдлером должности гражданского губернатора. Суть произошедшего была в следующем.

2 апреля 1836 г. к генерал-губернатору Восточной Сибири С.Б. Броневскому обратился военный министр граф А.И. Чернышев. Он писал: «Дошло до сведения моего, что государственный преступник Одоевский поручал чрез управляющего Иркутским комиссариатским комиссионерством Цейдлера плац-адъютанту Петровского Завода Клею продать кому-либо из государственных преступников, освобожденных от работ и назначенных на поселение, бричку Одоевского за 750 р. и деньги сии доставить к нему чрез Цейдлера же так, чтобы оные не поступили, по узаконенному порядку, в казенную палату, и что вообще со стороны плац-адъютанта Клея обнаруживается участие в положении государственных преступников, несовместное с отправляемою им должностию.

Обстоятельство сие имея честь сообщить Вашему Превосходительству, покорнейше прошу вас, Милостивый государь, приказать ближайшим образом удостовериться о степени участия, какое принимает плац-адъютант Клей в положении государственных преступников, а равно и о связях его с управляющим Иркутским комиссариатским комиссионерством Цейдлером и сего последнего с государственным преступником Одоевским и о последующем почтить меня уведомлением». Броневский проявил большую расторопность, ответил быстро и даже не только о том, о чем его просил адресат. В частности, он рассказал об отставном надворном советнике Протопопове, бывшем директоре Тельминской казенной суконной фабрики, где прежде был на жительство Одоевский, указывая, что, «проезжая эту же зимою из Иркутска, [Протопопов] был у князя Одоевского в его деревне, что под городом Владимиром», и что отец государственного преступника «в изъявление благодарности за покровительство его сыну, к коему он в переписке своей оказывает всегда чрезвычайную нежность, чествовал Протопопова “на славу”». Причем генерал-губернатор советовал Чернышеву: «Если Протопопов отважился взять и передать только князю Одоевскому письмо от сына, в противность запрещения, то еще это ни к чему не ведет... Но если надворный советник Протопопов имел дерзновение развозить письма к другим лицам от сосланных в Сибирь государственных преступников, то необходимо обратить на него внимание». Ну и, конечно же, Броневский постарался сообщить военному министру все, что знал о Ф. Цейдлере и Клее. Говоря о Цейдлере, он отметил, что тот был в тесной связи с Протопоповым. «От этого действительно могли быть частные сношения преступников мимо рук Правительства, и есть сомнение, что Клей, переезжая прежде сюда, при бытности в Иркутске губернатором Цейдлера, для свидания с сестрою своею, Цейдлер, мог позволять себе посредничество в таких сношениях, если не письменных, то словесных; а Управляющий комиссионерством Цейдлер, за отъездом брата его... в С.-Петербург, кажется, вступил в права покровителя Одоевского, по поручению своего брата». Отлетел камень и в адрес самого Ивана Богдановича: «Коменданта при Нерчинских рудниках генерал-лейтенанта Лепарского я предостерег насчет поведения плац-адъютанта Клея, а чтобы за выездом действительного статского советника *Цейдлера, оказывавшего свою излишнюю слабость к преступникам*, совершенно кончить неблагоприятные связи, долженствует желать, чтобы и родственники его, продолжающие то же са-

мое, гг. Цейдлер и Клей, последовали за ним на службу в Россию...». По этому докладу Броневского император принял решение: «...Цейдлера и Клея перевести на службу в которую-либо из внутренних губерний Империи»⁷⁹. Что и было сделано. Думается, отголоски этого дела коснулись и самого Ивана Богдановича, не оттого ли он после отъезда из Сибири оставшуюся жизнь только числился при Министерстве внутренних дел, не получая ни новых наград, ни званий.

Но было и другое.

Можно усмотреть взаимный интерес к сельскому хозяйству во взаимоотношениях Ивана Богдановича с М.К. Кюхельбекером. Когда тот приехал на поселение в Бурятию в заштатный городок Баргузин летом 1831 г., он каким-то образом – то ли по переписке, то ли во время встречи по пути из Петровского Завода в Баргузин – получил от иркутского гражданского губернатора ряд поручений. О характере поручений И.Б. Цейдлера можно догадываться по двум частично сохранившимся письмам М.К. Кюхельбекера к гражданскому губернатору, одно из которых опубликовано, а другое хранится в НИОР РГБ. В обоих письмах М.К. Кюхельбекер сообщает о проводимых им агрономических опытах, метеорологических наблюдениях, о сборе сведений о развитии земледелия и других отраслей сельского хозяйства в крае и образцах различных минералов и об отсылке их в Иркутск. Результатом выполненной М.К. Кюхельбекером по заданию гражданского губернатора работы явилась рукопись, составленная в виде ответов на предложенные ему вопросы и отосланная, как явствует из опубликованного письма, И.Б. Цейдлеру⁸⁰. Из переписки декабриста с И.Б. Цейдлером известно, что у него в 1832 г. разбился термометр и что за неимением запасного прибора он «принужден был прекратить метеорологические наблюдения»⁸¹.

Или другой пример. «14 августа 1833 года на имя Председательствующего в Совете Главного Управления Восточной Сибири Цейдлера поступило ходатайство от Петра Беляева о разрешении наняться “по бедному его состоянию для занятий по отделению улучшения овцеводства, находящемуся в самом городе Минусинске”». Почти одновременно (9 сентября) доставлено аналогичное ходатайство Михаила Кюхельбекера из Баргузина. За разрешением Цейдлер (кстати, он был и председателем общества овцеводов⁸². – *А. Г.*) обратился к генерал-губернатору Восточной Сибири Лавинскому. Сам Цейдлер считал такое разрешение и полезным, и возможным. Он указывал, что «заведение овцеводства из породы мериносов находится в 6 верстах от бурятского селения Бодайской волости и что там еще нет такого человека, который бы хорошо знал улучшение овцеводства».

По установленному правилу, эти заявления вместе с отзывом Цейдлера были препровождены на окончательное решение А.Х. Бенкендорфу. Сам же Лавинский, хорошо ориентированный в точке зрения III Отделения, не находил удобным, как он формулировал, «допустить государственных преступников к подобным занятиям, как могущих открывать для них связи с многими лицами». Бенкендорф согласился с мнением Лавинского⁸³.

Правда, были в отношениях Цейдлера с декабристами и не совсем приятные моменты, связанные с выполнением им своих служебных обязанностей

и касавшиеся переписки узников со своими родными и друзьями, минуя упомянутые выше предписания, а именно – в обход цензуры с различными оказиями или путем запрятывания писем в двойные днища ящиков с другими вещами и т. д. О такой переписке упоминают многие из декабристов и их жен, а также свидетельствуют и другие очевидцы – например, находившийся в это время в Иркутске небезызвестный авантюрист Роман Медокс, сделавший это объектом своих доносов в III Отделение⁸⁴. Правдоподобность сведений Медокса можно было бы поставить под сомнение, но приводимые ниже факты «ящичной почты» – тайное послание с Дружининым⁸⁵ писем и пример пересылки таковых же в Тобольск – говорят в пользу свидетельств Медокса.

Здесь нужно сказать о том, что активную роль в такой переписке играли две женщины – жена Александра Николаевича Муравьева Прасковья Михайловна Муравьева и ее сестра Варвара Михайловна Шаховская, которая приехала в Сибирь якобы с целью подыскать кормилицу для дочери сестры, на самом же деле – с целью встретить здесь Муханова, которого любила. Ехала с ними в Сибирь и еще одна сестра – Екатерина, но информации о ее пребывании имеется мало, тем не менее и она успела попасть в поле зрения местной и центральной власти, о чем мы расскажем ниже. Первоначально (с февраля 1827 г.) они находились в Верхнеудинске, а с середины апреля 1828 г. – в Иркутске, после назначения А.Н. Муравьева иркутским городничим. Пребывая в Забайкалье и в столице Восточной Сибири, женщины энергично поддерживали отношения с осужденными.

Самому Муравьеву приходилось делать вид, что он не замечает, как его жена, а особенно свояченица Варвара помогали декабристам всем чем могли, а в особенности получать и доставлять тайно почту.

И.Д. Якушкин рассказывает даже конфузный случай, происшедший с Х.М. Дружининым, у которого в 1830 г. закончился срок каторжных работ, и он был отправлен на поселение. При отъезде ему дали железный ящик с табаком для доставки княжне В.М. Шаховской в Иркутск. В ящике было устроено двойное дно, и в нем находилось большое количество писем, которые Шаховская должна была доставить по назначению, «с удобным случаем». Дружинин об этом не знал. Княжна получила табак, о чем сообщила в Читку, но ничего не упомянула о письмах, что, соответственно, удивило отправителей. Тогда с ней списались, и выяснилось, что она получила табак в бумаге, а не в ящике. В дальнейшем узнали, что Дружинин пересыпал табак в бумагу, оставив ящик у себя, а позднее, прибыв на место поселения, пожертвовал его в церковь для сбора денег. «Окончательно узнав свою ошибку, он добыл его обратно и доставил княжне Шаховской»⁸⁶. Этот факт описывается и Р.М. Медоксом («Дружинин с нарочным крестьянином прислал мне ящик, которого двойное дно скрывало письма к А.И. Пущиной, княгине Е.А. Шаховской, большой куверт жене Штейнгеля и тетрадки нелепых сочинений Муханова. Ящик этот известен под именем голубого, ибо был оклеен дабою голубого цвета»)⁸⁷.

Такие ящики с двойным дном приходили и из Петровского Завода в Иркутск, и отправлялись из Иркутска в столицы. Некоторые из пересылаемых нелегально писем задерживались.

Обойти молчанием личность Медокса и его деятельность в Иркутске невозможно, так как она напрямую связана с главным героем нашего повествования – Цейдлером. Если говорить коротко, Роман Михайлович Медокс – человек авантюрного склада характера, возможно, сотрудник III Отделения, а по нашему мнению, таковым он не являлся. Он вел свою игру, в которую втянул и это учреждение, которое до поры до времени и не противилось такому сотрудничеству, но только до того момента, когда стало ясно, что Медокс пытается обмануть и его, а вместе с ним и самого императора. Расплата последовала жестокая: авантюрист угодил в Шлиссельбургскую крепость, откуда был выпущен только в 1855 г.

Втягивая в орбиту своих интриг как можно больше лиц, Медокс постарался завлечь в дело и Цейдлера. В своем доносе в III Отделение он заявлял, что губернатор подкуплен декабристами: «Впоследствии, когда А.Н. Муравьев сделался иркутским городничим и иркутский гражданский губернатор вздумал отдавать княжне Варваре Шаховской письма читинских дам, не отсылая оных, как повелено, на рассмотрение в Третье отделение собственной Его Величества канцелярии, то переписка сих дам, особенно Волконской и Трубецкой с княжною, сделалась еженедельно по почте и сопровождалась беспрестанными поручениями покупок и ящиками книг для чтения – книг, в переплетах коих заключались почти все тайны и из коих многие, разумеется бывшие пустыми, без вложений, всегда раздавались читать, особенно губернаторскому семейству.

В начале прошлого 1832 г. генерал Лепарский, неизвестно почему, совершенно пресек сношения чрез губернатора подведомственных ему барынь с княжною Шаховскою, дозволив сим барыням о нужных им покупках в Иркутске писать иркутскому губернатору, но оный губернатор все таковые письма подлинниками отсылает для исполнения княжне, которая сим посредством и продолжала до самого своего выезда из Иркутска отправлять в Петровский острог ящики с тайными вложениями по-прежнему, а добрый генерал Лепарский был обманываем самим губернатором»⁸⁸.

На такое отношение Лепарского могла повлиять следующая история, которая опять-таки была связана с «письмами в ящике», и вновь в ней были замешаны семейство Муравьевых и их родственницы.

3 мая 1832 г. А.Х. Бенкендорф обратился к генерал-губернатору Восточной Сибири А.С. Лавинскому со следующим письмом: «Дошло до сведения моего, что года полтора тому назад верхнеудинский купец Шевелев, находясь в Петровском Заводе, быв обласкан находящимися в оном государственными преступниками и сблизясь с ними, получил от них ящик с тайными письмами; ящик сей хранился потом некоторое время у сосланного в Иркутск и находящегося там рядовым Романа Медокса и оттуда отвезен в Москву княгинею Шаховскою, вдовую участвовавшего в заговоре князя Шаховского; которая заключающиеся в нем письма раздала по принадлежности.

Сообщая о сем Вашему превосходительству, я покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, собрать под рукою подробные сведения к объяснению сих обстоятельств и меня о последующем уведомить для доклада Государю Императору».

Началось расследование, в ходе которого выяснилось, что вдова князя Шаховского никогда ни в Иркутске, ни в Нерчинских заводах не была, в Иркутске же пребывала родная сестра жены А.Н. Муравьева княгиня Екатерина Шаховская, «которая в начале прошлой зимы (в конце 1831 г. – А. Г.) возвратилась к родственникам своим в Москву». Сообщая Бенкендорфу об этом, Лавинский указывал: «Из сего оказывается, что подозрение в вывозе отсель ящика с письмами должно бы упасть на нее, и хотя я не могу сказать утвердительно, что она не решилась бы на подобный поступок, ибо в сердце человеческое проникнуть трудно, но, по крайней мере, мне известно, что она жила в Иркутске совершенно уединенно и редко виделась с кем-либо посторонним даже в своем доме; сам же Муравьев, вполне раскаявшийся в заблуждении и старающийся всемерно загладить вину свою, не попустил бы ее, конечно, вовлечь в искушение, а тем более не попустила бы ее жена Муравьева, женщина кроткая и поставляющая благо детей своих выше всего в мире, ибо поступок сестры неминуемо был бы бедствием всему семейству; следовательно, разве тайна была сохранена столь тщательно, что и из них никто не был о ней причастен». Лавинский, стараясь отвести подозрение от семьи Муравьева, в то же время отвергал и версию с передачей ящика сначала Медоку (который также отказался от причастности к передаче ящика, как и купец Григорий Шевелев), а от него Шаховской, считая, что проще было передать его сразу Шаховской без посредника. Он предполагал, что больше возможностей доставить ящик в Москву было у разных слуг, находившихся у жен декабристов и возвращавшихся как в столицы, так и в другие места. Персонально Лавинский указывал на такого курьера в лице состоявшей в услужении у Волконской помещицы Могилевской губернии Климовского повета девицы Татьяны Андреевны Богущкой, которая была с июля 1830 г. в Чите и Петровском Заводе, возвратилась в Иркутск 3 сентября 1831 г. и в начале зимы отправилась при княгине Шаховской в Москву. Лавинский предполагал, что Шаховская о письмах, которые могла везти Богущкая, возможно, и не знала⁸⁹. В ходе всех расследований в известность, конечно же, был поставлен и Лепарский, который из осторожности и мог прекратить связи чрез губернатора находившихся под его наблюдением жен декабристов с Шаховскою.

25 июня 1832 г. вышел указ о переводе А.Н. Муравьева председателем в Тобольское губернское правление, где 30 октября он «вступил в исправление должности тобольского гражданского губернатора». Вместе с его семьей уехала в Тобольск и В.М. Шаховская, но переписка ее с П.А. Мухановым продолжалась. Осенью 1833 г. были обнаружены письма сестер, спрятанные под двойным дном ящика с семенами, отосланного по почте П.А. Муханову. Обстоятельства сложились так, что он был вынужден доложить об этом генерал-губернатору А.С. Лавинскому, а тот, в свою очередь, – А.Х. Бенкендорфу. Начальнику III Отделения такие действия родных Мура-

вьева не понравились. Он писал Александру Николаевичу: «... получив от г. генерал-губернатора Восточной Сибири письма супруги и невестки Вашей, писанные к государственному преступнику Муханову и отправленные ими тайным образом в ящике с семенами, имевшем двойное дно, я не излишним считаю препроводить оные при сем в подлиннике к Вам. Обстоятельство сие должно служить Вам убеждением, сколь необходимо Вам иметь бдительное наблюдение и в самом доме Вашем». Далее Бенкендорф, хоть и отмечал, что «письма сии, конечно, не заключают в себе ничего преступного», делал адресату серьезное внушение: «...но случай сей ведет к заключению о расположении и возможности вести скрытую от правительства переписку с государственными преступниками; и когда уже таковая переписка происходит из среды семейства и из самого дома начальника губернии, то какую же уверенность можно иметь, что подобные секретные переписки не ведутся и другими государственными преступниками в управляемой Вами губернии?»⁹⁰ А.Н. Муравьев попытался оправдать дам, приписав их поступок излишней «женской мечтательности». Последовали также «повинные» послания В.М. Шаховской и П.М. Муравьевой, просивших прощения за свою легкомысленность⁹¹. Возможно, этот инцидент, а может, и конфликт Муравьева с генерал-губернатором Западной Сибири И.А. Вельяминовым повлияли на то, что правительство решило убрать Муравьева из Тобольска. 21 декабря 1833 г. был издан приказ о назначении его председателем Вятской уголовной палаты.

Был ли в этом виноват И.Б. Цейдлер? Значительно меньше, чем Лавинский, который мог и «не давать ход делу». Но в обстановке, когда каждый из действующих лиц знал, что они следят друг за другом, а за ними обоими наблюдают представители III Отделения, любое недобросовестное исполнение своих служебных обязанностей, тем более – утаивание сведений о противозаконных действиях государственных преступников, могло повлечь за собой серьезные последствия. А факт подобной посылки, в глазах верховной власти, безусловно, являлся противозаконным.

Но это был единичный случай в биографии Цейдлера в контактах с декабристами, а в целом отношения с «государственными преступниками» у Цейдлера сложились хорошие.

Хотя нельзя считать, что Цейдлер относился к своим обязанностям надзора за переписками и пересылками различных вещей от декабристов и к ним совсем уж снисходительно. Отнюдь. Например, он обратил внимание на посылку от Юшневской Медоксу, содержащую рисовальную бумагу. Цейдлера заинтересовали отношения адресатов, о чем он и доложил генерал-губернатору 10 мая 1833 г. «Комендант Нерчинских рудников господин генерал-майор Лепарский при отношении своем от 15 апреля № 367 доставил ко мне восемь листов рисовальной бумаги, посланные от жены государственного преступника Юшневого служащему в Линейном Сибирском батальоне № 13 рядовому Роману Медоксу. Но так как до сего времени не было между ними никакой переписки, известной начальству, и желая знать: на какой предмет прислана ему бумага, чрез какие посредства возымел он сношение с женою Юшневого, то есть сам ли просил ее или чрез людей,

кого и когда именно; предлагал я командиру Линейного Сибирского батальона № 13, дабы он, взяв с рядового Медокса на законном основании объяснение, и представил оное ко мне». Р. Медоксу пришлось ответить, и к письму губернатора прилагалось его объяснение, в котором он писал: «С государственным преступником Юшневским я познакомился во время моего заключения в Шлиссельбургской крепости, где люди в один день гораздо искреннее заговорят, нежели во многие годы где-нибудь иначе. С женою его я давно знакомый еще в Москве, виделся и здесь в Иркутске во время ее проезда к мужу. Она, зная, что я люблю рисовать, и, вероятно, по разумению, что наступает лето, благоприятствующее снимать виды с природы, послала мне хорошей рисовальной бумаги, каковой все знают, что в Иркутске нельзя найти в лавках. Что объяснил сущую правду, в чем и подписуюсь». Лавинский посчитал, что данная пересылка «...не заключает в себе ничего особенного, поелику пересылка сия произведена чрез коменданта Нерчинских рудников»⁹², и дальнейших последствий для Юшневской ее подарок не имел, а вот Медокс, наверное, припомнил этот случай гражданскому губернатору, когда предлагал в своем доносе властям снять его (подробнее ниже).

Может быть, добрые отношения с сосланными и послужили причиной отставки Цейдлера с должности губернатора?⁹³ Косвенно об этом отмечалось в разговоре императора Николая с будущим генерал-губернатором Восточной Сибири С.Б. Броневским в 1833 г., в ходе которого был затронут вопрос о декабристах. Броневский вспоминал:

«— Как ведут себя государственные преступники? — спросил государь.

— Очень одобрительно, ваше величество, — отвечал я, — ни один ни в чем предосудительном не замечен; а что у них на сердце, от нас закрыто.

Кроме того, я осмелился прибавить, что ссыльных из простого народа Сибирь может принять еще больше теперешнего: они, делая преступления иногда по стечению несчастных обстоятельств, благоговеют перед предержавшей властью. Но политических преступников нужно было бы водворять в другие края России.

Государь изволил со вниманием выслушать мое замечание и отвечал:

— Да это так, но *они успевают входить в связи с начальством (тогда был донос в этом роде на Иркутск)*; их близко держать невозможно; мне этого еще никто не говорил»⁹⁴.

Не о доносе ли Р. Медокса идет здесь речь? Обвиняя Цейдлера в пособничестве декабристам, он даже рекомендовал отрешить его от должности «... через что самое, вместе с другими распоряжениями, пресекутся нынешние обыкновенные пути сношений с государственными преступниками...»⁹⁵.

В ситуации с декабристами местное начальство оказывалось меж двух огней. Осужденные прибыли в Сибирь, а в центре остались их родственники, многие из которых были достаточно влиятельными. Слишком строгое обращение с осужденными могло вызвать их неудовольствие. И неизвестно, какие последствия ожидали бы представителей губернской администрации в будущем. Особенно стоило беспокоиться высшему руководству — генерал-губернатору и губернатору. Не учитывать эту особенность они не могли. Даже за исполнение своих прямых обязанностей, предписаний и распоря-

жений сверху в отношении государственных преступников можно было нажать серьезных недругов. А это бы повлекло за собой и значительные неприятности.

Получается: если строго выполнять распоряжения власти – наживаешь врагов в среде высшей знати из родственников осужденных, а если смягчать требования – можно было вызвать неудовольствие у самого императора. Ситуация, прямо скажем, не из легких.

Каким бы добрым и человечным ни был Цейдлер, он, как верный служака, не мог выйти за рамки своих служебных обязанностей по отношению к ним, примеров таких действий обнаружить не удалось. Но в то же время, будучи человеком честным, он ни в коей мере не допускал в отношении осужденных фальши и двуличия.

С течением времени отношение к декабристам у Николая I менялось. И через десять лет после 14 декабря он уже не смотрел на них как на своих врагов, хотя и не собирался возвращать их в Россию. Существовали секретные предписания, которыми снабжались лица, приставленные к узникам. Этими документами повелевалось всячески щадить и оберегать здоровье и жизнь осужденных, на что сетовал начальник Нерчинских заводов Бурнашев. Он жаловался на эти инструкции, не зная, как согласовывать их с официальными, говоря, что, не будь их, он сумел бы «вывести всех узников в расход».

Или другой пример, подтверждающий факт, что Николай Павлович, желая казаться по отношению к государственным преступникам суровым и непреклонным, в душе относился к ним с состраданием. Это рассказ П.Г. Подгорного, служившего в фельдъегерском корпусе. «... быв неоднократно посылаем е[го] в[еличеством] с бумагами в Сибирь, пред отправлением я обыкновенно призывался в кабинет государя; он выдавал мне несколько сот рублей с приказанием купить пуд чаю, а на остальные деньги Жукова табаку и все раздать в Сибири сосланным по 14-му декабрю. Отпуская меня, его величество грозил пальцем, примолвливая: “Но да сохранит тебя Бог примешивать тут мое имя, – чтобы ни одна живая душа не знала, что посылка идет от меня, а если спросят от кого, то отвечай, что из Москвы от неизвестных благодетелей”»⁹⁶. Так что, возможно, и менявшееся со временем личное отношение Николая I к декабристам способствовало тому, что при достаточно большом количестве доносов Цейдлер сумел продержаться на своей должности до 1835 г. Поэтому, мы считаем, его увольнение не было связано *только* с его отношением к декабристам.

Примечания

¹ Данная статья является главой готовящейся книги об иркутских гражданских губернаторах И.Б. Цейдлере и Н.И. Трескине.

² Записки княгини Марии Николаевны Волконской / пер. с франц. оригинала А.Н. Кудрявцевой; биогр. очерк и примеч. П.Е. Щеголева. СПб., 1914. С. 173–174 (далее: Записки княгини Марии Николаевны... 1914).

³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 15. Карт. 1. Л. 33.

⁴ *Кодан С.В.* Сибирская ссылка декабристов (историко-юридическое исследование). Иркутск, 1983. С. 99.

⁵ О времени прибытия в Иркутск Заикина в архивных материалах встречаются разночтения. Указываются 25-е и 26-е числа августа, так же обстоит дело и с датой его отправки к месту назначения – 26 и 28 августа (ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 15. Карт. 1. Л. 77 и 229).

⁶ *Кубалов Б.Г.* Декабристы в Иркутске и на ближайших к нему заводах. Иркутск, 1925. С. 12.

⁷ Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова) / с предисл., добавл. и примеч. И.И. Серебренникова. Иркутск, 1911. С. 233.

⁸ *Горлов Николай Петрович* (1774 – после 1839), из дворян. «Горловы – русские дворянские роды. Два из них восходят к XVII веку, они внесены в 6-ю часть родословной книги Рязанской губернии...». К этой ветви и принадлежал Горлов. Именами не владел. Начиная службу копейником при Сенате (1784), затем был в Санкт-Петербурге экзекутором в Горном департаменте. Более 20 лет служил в сибирских губерниях, проходя должности советника, председателя, в 1817 г. был назначен томским вице-губернатором, а с 25 июля 1823 по 25 июля 1827 занимал пост председателя Иркутского губернского правления, а также возглавлял приказ общественного призрения. Действительный статский советник.

Являлся масоном. 30 августа 1818 г. в Томске была основана Ложка Восточного Светила, в Союзе Астреи, по древнеанглийской системе, мастером стула которой, как указывает А.Н. Пыпин, был Н.П. Горлов. В списке членов этой ложки среди ее основателей был и Г.С. Батеньков – секретарь ложки. Отсюда следует, что одним из друзей Горлова в Томске был будущий декабрист и соратник М.М. Сперанского, участник его сибирских реформ. К маю 1821 г. Горлов был уже управляющим мастером ложки, а потом избран в почетные члены Астреи.

В августе-сентябре 1826 г. Горлов исполнял обязанности иркутского гражданского губернатора. Из-за своего решения не отправлять государственных преступников в Черчинские заводы был вызван в Петербург и предан суду. В Высочайше утвержденном 25 августа 1828 г. мнении Государственного совета было постановлено «...отставить Горлова от занимаемого им места». 26 февраля 1829 г. он был причислен к Герольдии. Но 25 августа 1829 г. управляющий Министерством юстиции получил указание вообще уволить Горлова с государственной службы.

Чтобы прокормить семью, Горлов занялся фабричным делом – выделкой шерстяной пряжи. В это время Николай Петрович пишет книги: «История Японии, или Япония в настоящем виде» (М., тип. Пономарева, 1835. Ч. 1–2) и «Полная история Чингис-хана, составленная из татарских летописей и других достоверных источников» (изд. Николай Горлов, действительный статский советник. СПб., тип. К. Крайля, 1840). Материал к этим книгам собирался в Сибири. Об этом Горлов говорит в своих предисловиях к изданиям.

Горлов был дважды женат. Первая жена умерла. От этого брака он имел двух сыновей – Григория (19 лет в 1825 г.) и Александра (14 лет в 1825 г.) и дочь Марию (15 лет в 1825 г.). Вторым браком был женат на Наталье Ефимовне Кенске, от этого брака имел сына Петра (1839–1915), в будущем известного горного инженера, геолога, именем которого назван поселок Горловка (ныне город) вблизи заложной им в 1867 г. первой угольной шахты.

Н.П. Горлов был награжден орденами Св. Владимира 3-й и 4-й ст., Св. Анны 2-й ст.

⁹ Ныне на этом месте здание отдельного поста № 1 пожарной части № 3 (ул. Марата, 10). В 1825 г. оно выглядело следующим образом: корпус длиною 12, шириною 8 саж., вышиною по крышу 9,5 арш. в три этажа. В нижнем этаже находились два погребца и две кладовые, кухня с людскою для городничего, четыре казармы для колодников и полицейских служителей. В среднем этаже: проходные сени – покои для полиции, прихожая, присутствие, для приказных, архив, кладовая для содержащихся под арестом и караульная. Для первого частного суда прихожая для приказных, присутствие, кладовая для содержащихся под арестом и кладовая для городничего. В верхнем этаже покои для городничего: прихожая, залы, гостиная, спальня, детская, девичья, буфет и людская. Для помощника прихожая, зал, гостиная, спальня, детская и кухня (ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1432. Л. 59 об.–60).

¹⁰ *Кубалов Б.Г.* Декабристы в Иркутске и на ближайших к нему заводах. С. 10.

¹¹ Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). С. 232, 234.

¹² ПСЗ-1. Т. 38. № 29128.

¹³ Там же. Т. 24. № 18140.

¹⁴ *Кубалов Б.Г.* Декабристы в Иркутске и на ближайших к нему заводах. С. 15.

¹⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 20. Карт. 2. Л. 111–111об.

¹⁶ *Кубалов Б.Г.* Декабристы в Иркутске и на ближайших к нему заводах. С. 32.

¹⁷ *Горлов В.П.* Замечательные события при Лавинском. URL: <http://mig.inmart.ua/?p=2210>

¹⁸ ГАИО. ф. 24. Оп. 3. Д. 20. Карт. 2. Л. 9.

¹⁹ Там же. Л. 8.

²⁰ *Горлов В.П.* Замечательные события при Лавинском.

²¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 15. Карт. 1. Л. 122.

²² *Кубалов Б.Г.* Декабристы в Иркутске и на ближайших к нему заводах. С. 19.

²³ *Караиш Н.Ф.* Князь Сергей Волконский: История жизни декабриста. Иркутск, 2006. С. 187.

²⁴ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 20. Карт. 2. Л. 12–19 об.

²⁵ Там же. Л. 26–27.

²⁶ *Бурнашев Тимофей Степанович* (1771, Змеиногорский рудник – 7.12.1849, Барнаул), горный инженер. Из семьи служилого казака. Обучался в Змеиногорской горнозаводской школе, окончил Барнаульское горное училище. Службу начал пробирным учеником на Алтайских заводах, ревизор горного производства на Змеиногорском руднике (1791), участник секретной экспедиции в Среднюю Азию (в 1794–1795 гг. совершил путешествие в Бухару, в 1800 г. – в Ташкент). Бергмейстер, по разным поручениям на заводах, управитель Локтевского завода (1810–1817), член Канцелярии по заводской части Колывано-Воскресенских заводов (1817), обер-берггауптман. В 1821–1828 гг. – начальник Нерчинского горного округа. Провел реорганизацию горнозаводского обучения в Нерчинском округе. Инициатор создания сети горнозаводских школ и горного училища при Нерчинском заводе; наиболее способные ученики состоятельных родителей должны были завершать образование в Петербургском горном кадетском корпусе. Пытался облегчить положение приписных крестьян.

Можно выделить две причины, по которым Бурнашев лишился должности начальника Нерчинского горного округа. Первая и, на наш взгляд, более оправданная. Еще М.М. Сперанский, посетивший в ходе своей ревизии Сибири и Нерчинские заводы, высказал мнение, что «по малости прибылей и скудости самого края не заслуживают они больших издержек – одно только есть уважение, заставляющее, по крайней мере, некоторое время их поддерживать, – это не серебро, а свинец, производство, необходимое для Колыванских заводов». Если примерно с 1790 по 1820 г. в поиске новых подходов Кабинет колебался, ограничить ли производство Нерчинских заводов объемом добываемых руд или, напротив, увеличить количество плавильных печей, увеличить и производство, то отзыв М.М. Сперанского укрепил сомнения Кабинета в возможности «поставить заводское дело в Нерчинском крае на желательную высоту». Вследствие этого на генерал-губернатора Восточной Сибири Лавинского рескриптом императора в 1827 г. была наложена обязанность провести подробную ревизию заводов с целью выяснить причины плохого их положения, выработать меры для их «поднятия» и улучшения положения крестьян. В 1828 г. перед началом ревизии Бурнашев был удален с должности начальника. Лавинский, проведя около трех месяцев в Нерчинском крае, нашел заводы в полном упадке. После чего последовало снятие Бурнашева.

Вторая причина, которую обычно выдвигают декабристоведа, – это жестокое обращение Бурнашева с декабристами и, как следствие, их голодовка в феврале 1827 г. Такой факт имел место, но, на наш взгляд, экономический фактор сыграл здесь главную роль, хотя не стоит отрицать и вероятного давления со стороны влиятельных родных декабристов.

В 1829 г. возвратился на Алтай, занимался сельским хозяйством. Действительный член Императорского Московского общества сельского хозяйства и испытателей природы. Разводил близ Барнаула китайский и американский табак. Преподавал в горнозаводской школе в Змеиногорске.

Имел награды: ордена Св. Анны 2-й ст., Св. Владимира 4-й ст., медаль за 1812 г.

Дочь Бурнашева Анна была замужем за Александром Кулибиным (1798–1837), горным инженером, краеведом, поэтом, историком алтайских заводов, сыном знаменитого русского механика-изобретателя Ивана Петровича Кулибина.

²⁷ Записки княгини Марии Николаевны... 1914. С. 176–177.

²⁸ Декабристы в Нерчинских рудниках // Ист. вестник. 1897. Т. 69. С. 491–492.

²⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 20. Карт. 2. Л. 31–34 об.

- ³⁰ Декабристы в Нерчинских рудниках. С. 493–494.
- ³¹ Там же. С. 494.
- ³² Там же. С. 497.
- ³³ Подробнее об этом см.: *Кодан С.В.* Сибирская ссылка декабристов. С. 110–111, 271 (примеч. 96–97).
- ³⁴ ПСЗ-1. Т. 38. № 29128.
- ³⁵ *Гордин Я.А.* Право на поединок. Судьба русского дворянина. 1825–1837. СПб., 2008. С. 27–28.
- ³⁶ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 15. Карт. 1. Л. 35–37 об.
- ³⁷ Удивительно, но в документе отчество Лавинского указано неверно: Михайлович вместо Степанович.
- ³⁸ Создание Особого комитета произошло в связи с решением вопроса о возможности выезда в Сибирь жен декабристов, позднее он решал и другие вопросы, связанные с порядком отправления и размещения ссыльных, вырабатывал правила о содержании государственных преступников в Сибири.
- ³⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 15. Карт. 1. Л. 38.
- ⁴⁰ *Кодан С.В.* Сибирская ссылка декабристов. С. 111.
- ⁴¹ Исторический вестник. 1898. Т. 72. С. 675–677.
- ⁴² *Розен А.Е.* Записки декабриста / изд. подг. Г.А. Невелевым. Иркутск, 1984. С. 437.
- ⁴³ *Кодан С.В.* Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в. Иркутск, 1980. С. 45.
- ⁴⁴ Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). С. 231; *Кубалов Б.Г.* Декабристы в Иркутске и на ближайших к нему заводах. С. 13.
- ⁴⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 15. Карт. 1. Л. 106–106 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 142–142 об.
- ⁴⁷ *Гордин Я.А.* Право на поединок. Судьба русского дворянина. С. 46.
- ⁴⁸ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 20. Карт. 2. Л. 37–41.
- ⁴⁹ *Розен А.Е.* Записки декабриста. С. 228–229.
- ⁵⁰ Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). С. 234.
- ⁵¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 15. Карт. 1. Л. 220.
- ⁵² *Волконский С.Г.* Записки / изд. подг. А.З. Тихантовской, Н.Ф. Караш, Б.Н. Капелюш. Иркутск, 1991. С. 144–174.
- ⁵³ Записки княгини Марии Николаевны... 1914. С. 74, 68–69.
- ⁵⁴ Письма кн. М.Н. Волконской из Сибири 1827–1831 гг. // Рус. пропилеи: Материалы по истории русской мысли и литературы / собрал и подготовил к печати М. Гершензон. М., 1915. Т. 1. С. 20.
- ⁵⁵ *Филлин М.* Мария Волконская: «Утаенная любовь» Пушкина. М., 2006. С. 226.
- ⁵⁶ Записки княгини Марии Николаевны Волконской с предисл. и прилож. издателя князя М.С. Волконского. СПб., 1904. С. 16–18.
- ⁵⁷ *Кубалов Б.Г.* Декабристы в Иркутске и на ближайших к нему заводах. С. 27; ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 15. Карт. 1. Л. 233, 234.
- ⁵⁸ *Невелев Г.А.* Путешествие в Сибирь. Письмо А.В. Розен // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1983. Вып. 3. С. 221.
- ⁵⁹ Рассказы Прасковьи Егоровны Анненковой, рожденной Гебль // Рус. старина. 1888. Т. 58. Вып. 4–6. С. 6–7.
- ⁶⁰ *Штрайх С.Я.* Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX века. М., 1930. С. 134.
- ⁶¹ Цит. по: *Щеголев П.Е.* О «Русских женщинах» Некрасова. В связи с вопросом о юридических правах жен декабристов. URL: http://az.lib.ru/s/shegolew_pe/text_0160.shtml (Русское богатство. 1894. № 11. С. 124).
- ⁶² Неизданные письма М.Н. Волконской / предисл. и примеч. О.И. Поповой // Тр. Гос. ист. музея. М., 1926. Вып. 2. С. 45.
- ⁶³ *Высочков Л.* Николай I. М., 2003. С. 132. Примерно так же передается этот факт в другом источнике: «...много позже, в частной беседе, Николай I сказал (по-французски) об уехавших женах декабристов: “Это было проявление преданности, достойное уважения, тем более так

часто приходится наблюдать противоположное» (Филин М. Мария Волконская: «Утаенная любовь» Пушкина. С. 173).

⁶⁴ Воспоминания Бестужевых / ред., статья и комментарии М.К. Азадовского. М.; Л., 1951. С. 142.

⁶⁵ Такое исключение в отношении Трубецкого можно объяснить или ходатайствами со стороны его влиятельных родственников, или, что более вероятно, его поведением на следствии. Трубецкой откровенно рассказал всю историю тайного общества и назвал большое количество его членов, больше, чем в доносе Майбороды, хотя в собственных мемуарах Трубецкой рассказывал, с каким достоинством вел он себя перед лицом следователей. «Во уважение полного и чистосердечного показания князя Трубецкого насчет состава и цели общества» ему была оказана милость – дано позволение «весть переписку с его женою» (цит. по: *Олейников Д.И.* Бенкендорф. М., 2009. С. 232. (ЖЗЛ)). Вероятно, эта милость сохранилась за Трубецким и на каторге.

⁶⁶ Декабристы в Нерчинских рудниках. С. 507.

⁶⁷ Записки княгини Марии Николаевны... 1914. С. 83.

⁶⁸ *Муравьев А.З.* Письма / изд. подг. Т.Г. Любарской. Иркутск, 2010. С. 124.

⁶⁹ Там же. С. 132.

⁷⁰ Там же. С. 175.

⁷¹ *Муравьев А.М.* Записки и письма / изд. подг. Г.Г. Лисицыной и Э.Н. Филипповой. Иркутск, 1999. С. 126.

⁷² Из жизни декабристов в Сибири (письма С.Б. Броневского – С.Р. Лепарскому) // Рус. старина. 1899. Ноябрь. С. 325.

⁷³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 54. Карт. 4. Л. 18–18 об., 22–22 об., 32–33.

⁷⁴ Там же. Д. 211. Карт. 9. Л. 3, 10–17.

⁷⁵ Там же. Д. 46. Карт. 3. Л. 17–18.

⁷⁶ *Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. 1805–1850. СПб., 1882. С. 266–267.

⁷⁷ В Российской армии в это время существовало Комиссариатское управление, одно из хозяйственных управлений военного ведомства. Для успешного снабжения войск всеми предметами довольствия страна разделялась на округа, состоявшие в ведении особых комиссий, называемых комиссариатскими комиссиями. Через эти комиссии проходили все распоряжения по довольствию войск денежными и вещевыми окладами, по заготовлению мундирных вещей и амуниции и по заведованию и управлению военными госпиталями. Комиссионерство само по себе было небольшим управлением или присутственным местом, состоявшим из небольшого числа членов и канцелярских чинов комиссариатского ведомства. Обязанность комиссионерств заключалась в том же, в чем и комиссариатских комиссий. Такое комиссионерство в Иркутской губернии и возглавлял Ф.Б. Цейдлер, чиновник 6-го класса.

⁷⁸ Воспоминания Бестужевых. С. 724–725.

⁷⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 8. Карт. 20. Л. 3–8.

⁸⁰ В потомках ваше слово отзовется... URL: http://www.barguzinmuseum.ru/web_proj/site_0_dec/Mihail.htm.

⁸¹ *Пасецкий В.М.* Географические исследования декабристов. М., 1977. С. 130.

⁸² *Розен А.Е.* Записки декабриста. С. 283.

⁸³ *Азадовский М.К.* Страницы истории декабризма. Иркутск, 1991. Кн. 1. С. 106–107.

⁸⁴ *Штрайх С.Я.* Роман Медокс. Похождения русского авантюриста... С. 59, 72, 129 и т. д.

⁸⁵ *Дружинин Хрисанф Михайлович* (1808 – после 1862), служил в Оренбургском гарнизоне, состоял в обществе, напоминавшем декабристские организации. Вместе с В.П. Колесниковым и Д.П. Тапиковым стал жертвой провокации И.И. Завалишина, сосланного в 1827 г. солдатом в Оренбургский гарнизон. По его доносу члены Оренбургского кружка были арестованы, преданы суду и по приговору осуждены на каторжные работы в Сибирь сроком от 3 до 6 лет. Та же участь постигла и самого Завалишина. Все они отбывали наказание вместе с декабристами сначала в Чите, а затем в Петровском Заводе.

⁸⁶ *Якушкин И.Д.* Мемуары. Статьи. Документы / изд. подг. В.И. Порохом и И.В. Порохом. Иркутск, 1993. С. 190.

⁸⁷ *Штрайх С.Я.* Роман Медокс. Похождения русского авантюриста... С. 72, 139.

⁸⁸ Там же. С. 129.

⁸⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 103. Карт. 5. Л. 3–3 об., 26–29, 33–35.

⁹⁰ Павлюченко Э.А. В добровольном изгнании. М., 1986. С. 50–51.

⁹¹ Муравьев А.Н. Сочинения и письма / изд. подг. Ю.И. Герасимовой, С.В. Думиным. Иркутск, 1986. С. 43; Туманик Е.Н. Прасковья Михайловна Муравьева: штрихи к портрету жены декабриста. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/person/05.html>

⁹² ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 123. Карт. 6. Л. 3–5 об.

⁹³ Такое утверждение делают А.А. Брегман и Е.П. Федосеева в комментариях к письмам Г.С. Батенькова: «Цейдлер... гражданский губернатор; снят с этой должности за попытки облегчить положение сосланных в Восточную Сибирь декабристов...» (Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Т. 1. Письма (1813–1856) / изд. подг. А.А. Брегман и Е.П. Федосеевой. Иркутск, 1989. С. 430).

⁹⁴ Отрывки из записок С.Б. Броневского // Ист. вестник. 1889. Т. 38. № 12. С. 511.

⁹⁵ Штрайх С.Я. Роман Медокс. Похождения русского авантюриста... С. 174.

⁹⁶ Тимошук В. Станислав Романович Лепарский, комендант Нерчинских рудников и Читинского острога. 1759–1838. Биографический очерк // Рус. старина. 1892. Т. 75. С. 154.

Н.А. Загорская

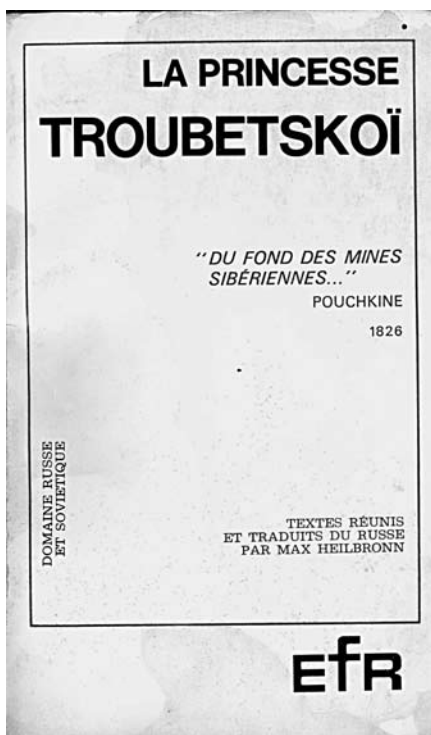
Образ княгини Е.И. Трубецкой в произведениях И. Кологривова и М. Эйльбронна

Ответить на вопрос о том, что знают о княгине Екатерине Ивановне Трубецкой россияне и иностранцы, непросто. Литературы, посвященной Трубецкой – первой из тех, кто решился последовать в Сибирь за своим мужем, у нас и во Франции совсем немного. В России о ней писали М.Д. Сергеев (Несчастью верная сестра. Иркутск, 1975; С Иркутском связанные судьбы. Иркутск, 1986), Э.А. Павлюченко (В добровольном изгнании. М., 1986), Л.Л. Бойчук (Екатерина Ивановна Трубецкая. М., 2009).

Представления французов о декабристах и их женах базируются в основном на художественных произведениях второй половины XX в. Это книги русской эмигрантки Дарьи Оливье (наст. имя – Дарья Борисовна Каменка) «Декабрьский снег» (Les Neiges de Décembre, 1957) и «Железное кольцо» (L'anneau de fer, 1959), пенталогия Анри Труайя (Льва Тарасова, сына армянско-русских эмигрантов первой волны) «Свет праведных» (La Lumière des Justes, 1962), по которой в 1979 г. был снят одноименный фильм. Большой популярностью у европейцев пользуется книга К. Сазерленд «Сибирская княгиня» (1984), посвященная судьбе княгини Марии Волконской. Но эта литература не может служить источником подлинного исторического знания о предмете.

Фундаментальных же исследований о жизни Е.И. Трубецкой, основанных на архивных материалах, немного. Это монография Ивана Николаевича Кологривова «Екатерина Ивановна Трубецкая», отрывки из которой были изданы в Париже в русскоязычном журнале «Современные записки»¹, и книга французского автора Макса Эйльбронна, изданная также в Париже².

В нашей статье мы попытались провести сравнительный анализ этих двух взаимосвязанных и во многом фактологически сходных между собой

трудов. Конечная цель настоящей работы – узнать, насколько полно раскрыт образ Е.И. Трубецкой в каждом из них.

Иван Николаевич Кологривов (1890–1955) – священник-иезуит, писатель и богослов. Происходил из дворянской семьи, в 1908–1912 гг. обучался в Императорском лицее, после окончания которого служил в гвардейском Гусарском полку (1912–1917), а в 1917 г. был уволен из гвардии за организацию солдатского комитета, намеревавшегося проводить демократические реформы в армии. В 1918 г. перешел из православия в католичество. В 1919 г. Кологривов эмигрировал в Швейцарию, а затем перебрался во Францию³. За год до переезда И.Н. Кологривова в Париж, в 1931 г., в Базеле вышла в свет его первая книга *Die letzte Zarin. Eine Heldin christlichen Glaubens in der russischen Revolution* («Последняя царица. Героиня христианской веры в русской революции»), на немецком языке), посвященная духовному

облику императрицы Александры Федоровны и причинам русской революции. Возможно, что монография о Е.И. Трубецкой, которую Кологривов написал несколькими годами позже, явилась смысловым продолжением этой темы, особенно учитывая религиозность декабристки, яркой иллюстрацией которой послужила и найденная Кологривовым переписка.

В 1932 г. Кологривов переехал в Париж и до 1935 г. занимал пост заместителя директора Русско-Славянской библиотеки на улице Севр. В архивах библиотеки он, по счастливой случайности, обнаружил связку писем княгини Трубецкой и Сергея Трубецкого, датированных 1829–1854 гг. Дальнейшие научные изыскания И. Кологривова оказались весьма успешными. Автору повезло: помимо 63 писем Екатерины Ивановны к сестре Зинаиде Лебцельтерн внучка графини З. Лебцельтерн Тереза д'Антенез предоставила в его распоряжение сибирский альбом Екатерины Ивановны. В предисловии к работе Кологривова в «Современных записках» представлен и другой источник, которым пользовался автор: «...княгиня де Робек, графиня де Левис-Мирепуа, правнучка графини З.И. Лебцельтерн (и племянница Терезы д'Антенез. – *Ред.*), разрешила ему использовать семейный архив Лебцельтерн, хранящийся в ее замке La Morosière около Анжу»⁴. Там Кологривов обнаружил воспоминания Зинаиды Ивановны Лебцельтерн, письма к ней ее родителей – графа и графини Лаваль, ее сестер – княгини Е. Трубецкой и графини С. Борх, князя С. Трубецкого, а также переписку Екатерины Ивановны с Елизаветой Петровной Нарышкиной. Также, согласно предисловию к журналу, автор получил ценные документы и сведения от находившихся в

эмиграции правнуков Е.И. Трубецкой – А.В. Давыдова, С.С. Свербеева и кн. Н.Д. Кропоткина⁵.

На базе архивных материалов была написана монография о Екатерине Ивановне, объемом около четырехсот страниц. К сожалению, до нашего времени дошла лишь краткая журнальная публикация обширного и серьезного исторического труда.

Автор второй книги об Е.И. Трубецкой Макс Эйльбронн (1902–1998), человек с яркой судьбой, его литературно-переводческая деятельность – закономерное следствие его незаурядности. Перед нами человек с исключительно насыщенной, драматической биографией, участник (и, более того, активный лидер) французского Сопротивления в 1940-х гг., прошедший концлагеря, впоследствии, с 1945 по 1971 г., занимавший пост президента сети универмагов «Галери Лафайет», а также писатель и переводчик. Биографическими событиями из его жизни насыщена одна из его книг – «Галери Лафайет, Бухенвальд, Галери Лафайет», написанная в соавторстве с Жаком Варэном и изданная в 1989 г. в Париже.

Из нашей переписки с графиней Беатрис де Тредерн (потомницей графини Зинаиды Лебцельтерн в пятом поколении) об архивах семьи Лебцельтерн удалось обнаружить интересные факты о М. Эйльбронне: «Позднее архивы оставались в парижском доме Левис-Мирепуа-Робек. Примерно в 1976 году Макс Эйльбронн позвонил княгине де Робек из советского посольства и спрашивал о них. Он хотел на них взглянуть... Так что моя мать и Клод де Винераль были в доме Робек каждый раз, когда он был у них. Неизвестно, много ли они о нем знали... Тогда люди вообще были неразговорчивы... Помню, что он устроил визит в посольство, что само по себе было привилегией, и взял нас на просмотр советского черно-белого фильма... русского. Я не слишком много помню... Однажды он позвонил, сказав, что у него готова книга (что было сюрпризом) и что он посвятил ее моим родителям»⁶.

Нужно заметить, что, судя по тематике работ Эйльбронна, Россия никогда не была чужда исследователю. Он переводил таких авторов, как В. Пикуль, Л. Кутаков, В. Бережков и др. В ходе этого лингвистически-культурного взаимодействия было, очевидно, сложно обойти и такую тему нашего исторического наследия, как декабризм, к которой во времена СССР было особое отношение. Книга о Е.И. Трубецкой в его адаптации – не единичный случай. М. Эйльбронн перевел также с русского языка на французский воспоминания Полины Анненковой (*Souvenirs de Pauline Annenkova: une Française dans les bagnes sibériennes*), которые были изданы в 1977 г. в Париже.

М. Эйльбронн имел достаточно тесные связи с представителями культуры СССР. Он в первую очередь благодарил профессора, искусствоведа И.С. Зильберштейна – в частности, за его посредничество в организации работы М. Эйльбронна в Славянской библиотеке Парижа, руководство которой устроило ему наилучший прием. Во время визита исследователя в наш город иркутский писатель Марк Сергеев помог г-ну Эйльбронну побывать в местах, связанных с проживанием декабристов.

Немалую помощь оказали автору полномочный посол СССР во Франции С.В. Червоненко и советник по культуре в посольстве СССР в Париже

Ю.В. Борисов⁷. Ввиду столь интенсивного информационного обмена между культурными деятелями двух стран довольно логично обнаружить немалое влияние советских исследователей на формирование образа Е.И. Трубецкой в представлении г-на Эйльбронна. В процессе настоящего исследования мы надеялись найти и обратное влияние: то, как французский исследователь, опираясь на изученные им материалы, представлял себе знаменитую декабристку.

Уместно представить читателю структуру книги М. Эйльбронна, основой для которой послужил очерк И.Н. Кологривова. Свою работу М. Эйльбронн условно делит на пять частей:

- о предках княгини и князя Трубецких;
- об их жизни до 14 декабря 1825 г.;
- о дне восстания 14 декабря и о последующей ночи;
- о жизни перед ссылкой;
- о каторге, жизни на принудительном поселении и о смерти княгини и князя (в 1854 и 1860 гг. соответственно).

Четыре первые части представлены в форме исторического повествования, документально подтвержденного различными источниками. А пятая часть почти полностью основана на написанных во время сибирской ссылки письмах Е.И. Трубецкой сестре З.И. Лебцельтерн. По словам г-на Эйльбронна, первые четыре его части были переведены полностью и почти буквально. Пятая же часть содержит множество купюр, так как, несмотря на то, что письма Е.И. Трубецкой представляют собой большой интерес в историко-бытовом плане и полны драматических акцентов, зачастую в них упоминаются одни и те же темы.

Публикация М. Эйльбронна отличается от очерка И.Н. Кологривова наличием четырех приложений, помещенных в конце книги. Первое приложение – «Документ, адресованный коменданту Нерчинских рудников генералу Лепарскому», в котором княгиня Трубецкая подписалась под всеми условиями ее пребывания рядом с мужем⁸. Второе приложение – два донесения австрийского посланника в Санкт-Петербурге графа Лебцельтерна австрийскому канцлеру князю Меттерниху от 6 января 1826 г.⁹ Третье приложение – Воспоминания Зинаиды Лебцельтерн о своей сестре Екатерине Ивановне Трубецкой. И наконец, четвертое приложение – историческая заметка об Алексеевском рavelине Петропавловской крепости в Петербурге. Только два первых документа имеют указание на место хранения – частные архивы. Последняя заметка – без указания авторства и, скорее всего, взята из путеводителей советского времени. Она содержит сведения о знаменитых узниках XIX века от С.П. Трубецкого до А.И. Ульянова. Кроме того, Эйльбронн, в отличие от И.Н. Кологривова, проиллюстрировал свою книгу. По словам госпожи Беатрис де Тредерн, большая часть иллюстраций была предоставлена исследователю российской стороной. Только несколько из них являются результатами визитов М. Эйльбронна в дом княгини де Робек. Среди них: два редких портрета Екатерины Ивановны¹⁰, портрет Л. Лебцельтерна и фото документов из архивов княгини де Робек. В ходе работы выявлено и другое отличие – большая разница в стилистически-информативном плане, приобретенная французским текстом в результате адаптации и множества произведенных М. Эйльбронном сокраще-

ний. К примеру, когда И.Н. Кологривов рассказывает о декабристке, цитируя ее переписку, он сохраняет множество бытовых деталей и подробностей. От этого автора читатель узнает забавные истории о детях Трубецких, их взрослении и ощущает неустанную заботу о них Екатерины Ивановны. Само авторское описание представляется более подробным и в буквальном смысле теплым, душевным; Иван Николаевич проникается письмами, сопровождая их своими теплыми пояснениями и как бы связывая собственными умозаключениями один отрывок с другим. Напротив, у М. Эйльбронна при адаптации текста неперебиваемые имена Китушка, Лизанька часто меняются на упрощенное «дети» или нейтральные полные имена. Кроме того, нельзя не отметить и то, что, будучи лицом, непосредственно связанным с церковью, Кологривов позволяет читателю во всех подробностях ознакомиться со свидетельствами пылкой веры Е.И. Трубецкой. М. Эйльбронн упоминает об этом редко, вырезая большую часть религиозных откровений декабристки и оставляя только наиболее важную фактологическую информацию, вследствие чего текст звучит гораздо суше. Сложно сказать, социальный это заказ или личная инициатива автора, но очевидно, что при таком переводе теряется значительная часть колорита писем Екатерины Ивановны. Вследствие этого оригинальный русскоязычный текст выигрывает во многих отношениях. Образ Екатерины Ивановны, воссозданный в описании И.Н. Кологривова, представляется гораздо ярче и детальней, чем во французской адаптации, эмоционально выхоленной и лишенной бытовой детализации.

Поэтому с большой долей вероятности можно говорить, что, несмотря на знакомство М. Эйльбронна с документами и частными архивами, о которых упоминается в предисловии, по сути, его книга «Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая (1800–1854)» содержит малое количество фактов, могущих добавить новые штрихи к образу Екатерины Ивановны, созданному Кологривовым, за исключением, пожалуй, «Воспоминаний графини Лебцельтерн...». Но этот документ был опубликован в СССР на русском языке двумя годами раньше¹. Книга является переводом очерка И.Н. Кологривова, и переводом усеченным, много потерявшим в описательно-информативном плане и вследствие этого – вторичным по отношению к русскоязычному оригиналу.

Следовательно, на настоящий момент очерк И.Н. Кологривова, даже в сокращенной журнальной версии, является ведущим и наиболее ценным источником знаний об Екатерине Ивановне Трубецкой. Макс Эйльбронн в данной теме выступил скорее в качестве переводчика, нежели исследователя, и обнародовал факты, до той поры неизвестные читателям Франции, но давно знакомые российскому читателю.

Примечания

¹ *Кологривов И.Н.* Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая // *Современные записки.* Париж, 1936. Кн. 60. С. 204–249; Кн. 61. С. 231–279; Кн. 62. С. 247–283.

² *Heilbronn M.* La Princesse Catherine Ivanovna Troubetskoï; 1800–1854; [textes choisis], traductions du russe et adaptations de Max Heilbronn / M. Heilbronn. Paris: Les Éditeurs français réunis, 1977.

³ Юдин А.В. Иван Николаевич Кологривов. [Электронный ресурс] / Юдин А.В. // Словарь: Русские в Италии. URL: <http://www.russinitalia.it/dettaglio.php?id=121> (дата обращения: 3.11.2013).

⁴ Кологривов И.Н. Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая... Кн. 60. С. 205. В настоящее время фамильный замок Ля Морозьер продан, весь семейный архив передан потомками на постоянное хранение в Национальный архив Франции. Внучатая племянница княгини де Робек Мари-Анес де Саллаберри-Андриэ опубликовала около 700 писем из этого архива в своей книге «Пятьдесят лет семейной переписки. 1820–1870. Санкт-Петербург. Неаполь. Иркутск. Париж». Париж, 2014. 509 с. Презентация этой книги состоялась в Иркутском музее декабристов 3 июня 2014 г. (Примеч. ред.)

⁵ Там же.

⁶ На титульном листе книги имеется надпись, сделанная рукой М. Эйльбронна: «*A Madame Louis OLIVIER, arrière petite-nièce de l'héroïne de ce livre (C. Troubetskoï) et arrière petite-fille de sa principale protagoniste (Z. Lebzelter), avec les plus respectueux hommages du traducteur, adaptateur, ainsi que ses meilleurs souvenirs à Monsieur Louis OLIVIER. Max Heilbronn. 19–VI–1977*» (Госпоже Луи Оливье, внучатой племяннице героини этой книги (К. Трубецкая) и последней внучке главной героини (З. Лебцельтерн), с величайшей признательностью от переводчика и автора переработки текста, а также с наилучшими воспоминаниями о господине Луи Оливье. Макс Эйльбронн. 19 июня 1977 года. – Н.З.). Электронный архив автора: Beatrice de Tredern <beatrice.de-tredern@wanadoo.fr>. Личная переписка (август–октябрь 2013 г).

⁷ Heilbronn M. La Princesse Catherine Ivanovna Troubetskoï... P. 14.

⁸ Heilbronn M. La Princesse Catherine Ivanovna Troubetskoï. P. 149–152. Приложение I (Annexe I). Документ датирован февралем 1827 г. М. Эйльбронн указывает на место хранения и графические особенности документа: «Источник – частные архивы. Копия с оригинала выполнена, вероятнее всего, рукой мадемуазель де Стюппер, гувернантки Марии Борх (в замужестве княгини Голицыной, племянницы княгини Трубецкой)».

⁹ Там же. P. 149–152. Приложение II (Annexe II). М. Эйльбронн указывает: «Источник – частные архивы. Черновики докладов с правкой, все рукой графа Лебцельтерна».

¹⁰ Портрет Е.И. Лаваль. Художник Л. Модюи. Париж, 1820. Холст, масло; дагерротипный портрет Е.И. Трубецкой. Иркутск, 1850-е (Heilbronn M. La Princesse Catherine Ivanovna Troubetskoï... P. 30, 138).

¹¹ Лебцельтерн З.И. Екатерина Трубецкая / публ., предисловие, прим. и перевод В.П. Павловой, А.Л. Вайнштейн // Звезда. 1975. № 12. С. 179–194.

М.Ю. Кельчевская

Иван и Вера Трубецкие. Штрихи к биографии (по материалам ГАИО)

Наш рассказ о судьбах потомков декабриста Сергея Петровича и Екатерины Ивановны Трубецких основывается на письмах родственников к дочери Трубецких Зинаиде Сергеевне Свербеевой. Ее ответы на эти письма растворились во времени. Письма же, обращенные к Зинаиде Сергеевне, сначала были бережно сохранены ею, потом архивистами города Орла, а впоследствии попали на хранение в Центральный государственный архив Октябрьской революции (ныне ГАРФ). В 1961 г. архив Свербеевых с чьей-то легкой руки был отправлен из Москвы в Иркутск на хранение. Видимо, Сибирь, где декабристы отбывали каторгу и жили на поселении, оказалась самым подходящим местом для сохранения этой истории. Сегодня в Государственном архиве Иркутской области в фондах личного происхождения хранится «Семейный фонд

Свербеева Николая Дмитриевича, секретаря по дипломатической части при генерал-губернаторе Восточной Сибири, и Свербеевой Зинаиды Сергеевны (урожденной Трубецкой)» (ф. 774). В нем письма потомков декабриста отнесены к категории «Особо ценные». В ходе нашей работы мы получили всемерную поддержку руководства ГАИО, обеспечившего доступ к этим документам. Особую признательность за помощь в работе мы выражаем директору архива О.Г. Семеновой и заместителю директора по научной работе Е.Н. Щаповой. Время, проведенное за легальным чтением чужих писем, когда-нибудь превратится в большой рассказ о жизни детей и внуков Трубецких, пока же начнем с судьбы младшего сына, князя Ивана Сергеевича Трубецкого (13.05.1843 – 17.03.1874). Биографические сведения о нем в литературе ограничиваются датами рождения, венчания и смерти. Письма дают возможность создать хотя бы небольшое, но правдивое представление о жизни человека.

Иван один из всех своих братьев, рожденных в семье Трубецких, выжил, перешагнув рубеж болезненного детства. Он родился в селе Оёк Иркутской губернии, где Трубецкие жили с 1839 по 1845 г. В 1856 г., после амнистии декабристов, 13-летний Иван вместе с отцом уезжает из Иркутска. Из писем отца известно, что Иван в 1859 г. был зачислен в Московский университет на факультет права. Дальнейшие сведения о нем относятся к 1872 г. Иван Сергеевич тогда служил в Министерстве имущественных отношений.

В 1865 г. Иван Сергеевич Трубецкой обвенчался с княжной Верой Сергеевной Оболенской (1846–1934). Вера очень понравилась родственникам Ивана, о чем он сообщал сестре Зинаиде: *«...ты узнаешь от тетушки, какое произвела впечатление на родных жена моя. Ее все поголовно полюбили и ведут себя как нельзя лучше. Так что я просто удивлен петербургским приемом и никогда не ожидал такого. Кто любезнее, трудно сказать. Чаще всех видали тетушку Борх, с Ольгой Вера большая приятельница. Сам Петербург принимает нас тоже очень мило и угощает нас хорошей погодой, что тоже, как тебе известно, редкость»*¹.

Родители Веры Сергеевны поддерживали дружеские отношения и с семьями сестер их зятя Ивана Сергеевича, с Зинаидой Сергеевной и Николаем Дмитриевичем Свербеевыми, Елизаветой Сергеевной и Петром Васильевичем Давыдовыми. Родители Н.Д. Свербеева, жившие в доме на легендарной Собачьей площадке в Москве, на свои знаменитые вечера приглашали и родителей Веры Сергеевны Трубецкой. В 1867 г. Вера сообщает Зине из Рима: *«Мне пишут из Москвы, что Собачья площадка дает вечера. Мама пишет, что она бывает у них и что они все здоровы»*². Трубецкие проводят эту зиму в Италии, живут в Риме. Вера восхищается городскими пейзажами: *«Все это удивительно хорошо <...>. Виды, право, великолепные; но главное в них небо и солнце. Как вспомнишь, какая у вас теперь отвратительная погода, так, право, пожалеешь о вас»*³. Но в следующем письме Вера признается: *«Как тут ни хорошо, а в Россию тянет; очень радуюсь на деревню»*⁴.

В Риме они прекрасно проводят время, посещают балы, музыкальные вечера, на одном из таких вечеров выступал Ференц Лист. Иван и Вера нежно любили друг друга. Вера звала игриво мужа Мимкой, Мусинькой.

По возвращении из Италии Трубецкие в Москве гостили у родителей Веры Сергеевны, затем отправились в село Чекай (Чекаевка) Саранского уезда Пензенской губернии, где и поселились⁵. Чекай располагался в 100 верстах от Пензы. Из Чекай Вера пишет: *«Вот уже скоро две недели, что мы тут наслаждаемся деревенским воздухом. Несмотря на то что мне тут очень хорошо, мне все-таки жалко, что я так далеко от своих. В Москве мы пробыли до 10 июня; жили у моих и провели время как нельзя лучше. Слава Богу, муж с ними окончательно помирился, и они целуются беспрестанно. Ты можешь себе представить, как я этому довольна. Дай Бог только поправить поскорей дела, за что мы серьезно взялись <...>. Мы с мужем тут устраиваемся как можем: местоположение премилое; горы довольно большие, речка довольно запруженная, на ней мельница; домик очень маленький, но очень чистенький; но так мал, что пришлось строить для детей и Петра Александровича избу»*⁶.

Летом 1867 г. у них гостили племянники, сыновья старшей сестры Ивана Александры Сергеевны Ребиндер, Коля, в семье его звали Кока, и Сережа со старым другом семьи Петром Александровичем Горбуновым⁷. Горбунов вырастил Ивана, теперь же занимался воспитанием его племянников. К 1865 г. дети старшей сестры Ивана Александры Сергеевны и Николая Романовича Ребиндеров осиротели. Мальчики гостили у всей родни по очереди, у «дяди Вани и тети Веры» им отдыхалось хорошо. *«Дети ездят верхом, катаются на лодке, пьют множество парного и непарного молока, чаю же не пьют и, кажется мне, поправляются. Они очень красненькие и толстеют»*⁸.

Сережа Ребиндер сообщает тете Зине: *«Я провожу время очень весело. Мы здесь гуляем, катаемся, охотимся и ездим верхом. Только я немного езжу. Коля был раз, а я два раза на охоте. <...> Раз мы поехали кататься, и Федор Кучевский взял с собою ружье, и покуда дядя осматривал поля, Кучевский пошел охотиться на берегу небольшого пруда. Он ничего не застрелил, и потому, когда хотел сесть в экипаж, ружье его было заряжено. Я выпросил его у него, чтоб выстрелить в стаю марал и убил одну. Это было великое торжество. Я презентовал ее тете, но она отвергла мой дар»*⁹.

Зиму Трубецкие проводят в Петербурге, где в 1872 г. Иван получает от поэта Н.А. Некрасова отгиск только что написанной им поэмы о декабристках «Русские женщины». *«Ты уже знаешь, милая Зинуша, о поэме Некрасова, мне она нравится, но чтобы судить о ней, нужно, чтобы она была хорошо прочитана. Во всяком случае, спасибо ему за мысль. Переговори с Лизой, и если вы ничего не имеете против, то я ему подарю портрет Мама от нас всех. Завтра я надеюсь познакомиться с ним и возьму у него для вас обеих такие же отгиски, какой он прислал мне»*¹⁰.

Весной Трубецкие возвращаются из города в деревню. Вера создает уют, она сама шьет занавеси, обшивает зеркала, выращивает цветы, учится стряпать пироги. *«Тут, конечно, мы наслаждаемся. До сих пор все еще шьем, обиваем, чистим и устраиваем. Едят комары нас беспощадно, но их царствию скоро конец. На смену им появились уже мошки, которые так же кусают и лезут в уши, в глаза и в рот (последнее только тем, которые его разевают. На Чекае я дичаю и потому принадлежу к числу последних). <...>*

Ложимся спать в 10 часов с половиной, и то я едва досиживаю, встаем в 6 ч., что очень приятно. Но жара уже стоит нестерпимая»¹¹.

Зинаида Сергеевна гостила у брата в петербургской квартире, на Чекае у Трубецких до смерти брата не была ни разу. Иван и Вера Трубецкие часто приезжали к Зинаиде в Сетуху, имение в Тульской губернии. Там Зинаида проявляла, как пишет Вера Сергеевна, «сетушинскую гостеприимность».

В апреле 1872 г Иван служит в Министерстве имущественных отношений. Туда он подает «Записку о Балтийских портах». Часто не спит ночами, работает. В письмах Вера называет его педантичным, видимо, желание делать свое дело безупречно и заставляло Ивана работать ночами. С юных лет Иван жаловался на головную боль, учащенное сердцебиение. От напряженной работы здоровье его ухудшалось.

В 1873 г. Трубецкие вновь отправились в Италию. В Риме они жили вместе с племянниками Сергеем и Колей Ребиндерами, которые находились там на лечении с 1870 г. В ожидании встречи Коля пишет тете Вере: *«Как мы все были веселы в прошлый ваш приезд, ведь такое веселье вы к нам привезли. Без вас его не бывает. Тогда вы и меня оживили, и я стал весел и начал надеяться на будущее; нынче этого со мной не будет: я отпетый человек, сами увидите. Но уже одно присутствие ваше порадует меня; ваши лица напомнят мне о прежних, лучших временах. А Сережа и дядя Петряй только и ждут вас, чтобы возвеселиться духом. Да и кому не весело и не легко в вашем присутствии, тетя? Я уверен, что дядя не знает, что такое сплин, по крайней мере, когда он с вами <...>»¹².* Братья очень скучали по семье, поэтому приезд родственников был для них праздником. Мальчики тяжело болели, мягкий итальянский климат ожидаемого облегчения не принес, и через несколько лет оба они умерли вдали от родины.

В марте 1874 г. Иван по делам службы совершал поездку в Петербург. В один из дней он заехал навестить Елену Сергеевну Кочубей, дочь С.Г. Волконского, с которой был дружен с детства. Прямо у дома Кочубеев на набережной Мойки у Красного моста у Ивана случился инфаркт, «разрыв сердца», как тогда говорили¹³. 17 марта 1874 г. Иван умер. Похоронили его в Москве на Новодевичьем кладбище. Земля была выкуплена на семью, рядом оставалось место для жены. Вера мечтала занять это место побыстрей, жизнь без Ивана стала ей в тягость.

«17 апреля 1874 г. Сегодня месяц, как кончилась для меня и для нас обоих жизнь, та, которою мы так наслаждались. Дай Боже, чтобы она для меня поскорее кончилась совсем и чтобы меня постигла участь моего дорогого Ванюши, если я ее достойна. Кажется, это было бы слишком легко, потому что мучения было бы недостаточно; видно, надо искупить вполне девять лет счастья. Всякий день бывают минуты упрека, что же делать теперь? Я совсем здорова и даже неприятных ощущений в животе не чувствую. <...> Вася (сын Елизаветы Сергеевны и Петра Васильевича Давыдовых. – М. К.) был у меня, и в первую минуту глаза его мне напомнили моего милого; но потом всякая иллюзия исчезла. Ведь вы мне обе дороги вдвойне теперь. Сегодня утром были у меня твои мальчики (сыновья Зинаиды Сергеевны Свербеевой Сергей и Митя. – М. К.), я им очень благодарна. Добрый Петр

бывает часто. Посторонних никого не выдаю, потому что слишком тяжело потом. Как мне жаль, что ты не знаешь Чекая и не видала нашего життя там»¹⁴.

Племянники в Риме, узнав о смерти любимого дяди Ивана, потрясены случившимся. Сережа Ребиндер вспоминал: «В свой приезд к нам они произвели такое хорошее, такое успокоительное впечатление, между ними было так много любви и согласия, так много хороших надежд для них самих оставили они, по крайней мере во мне, – и вдруг все это так неестественно, так быстро и страшно уничтожено. Просто голова отказывается постичь это»¹⁵. Ему вторил брат Коля: «Только сегодня узнал я о постигшем нас всех горе. Можешь себе представить, дорогая тетя, как тяжело и горько было это известие для меня, хотя я подозревал. <...> Мне ужасно тяжело за тетю Веру, и боюсь, чтобы горе не слишком потрясло ее. При ее любви к дяде это возможно, хотя она и найдет все возможные утешения в вас и в своей семье. Не сокрушило бы это горе и ее!»¹⁶.

Никакими словами не описать горечь потери любимого мужа. Письма вдовы Веры Трубецкой скажут больше.

«Всякий уголок, все так полно Ванюшей, что я решительно не знаю, что мне делать. Молиться, я это знаю, но еще хотелось бы для него что-нибудь сделать, хотелось бы знать, что он, где он. Дай Бог ему спокойствия и лучшей жизни, чтобы он не жалел о здешней, которая была хороша так для меня. За стеной опять по-прежнему слышна игра на фортепианах. Впрочем, что же, ведь я просила всех этих живых страданий и воспоминаний, а теперь боюсь их <...>. Целую тебя, иду спать. Милая Зинуша, сейчас я встала; ночью видела судные сны, т. е. что было со мной какое-то несчастье; но что главное еще осталось, Ванюша жив, и я от души ему радуюсь <...>. Еще не была у Ванюши в кабинете, ни в туалетной у него...»¹⁷.

«11 мая 1874 г.

<...> Была у Фокина и купила моему Ангельчику розанов больших и карликовых; сегодня поеду туда к обедне. Кабы я могла только с тобою век жить, Зинуша! Ванюша, верно, был бы рад этому. Ты не поверишь, до чего я теперь дурна стала и даже недобра, меня это часто мучает; мои бедные родные страдают ужасно от моей холодности. Часто я вспоминаю, какое было бы счастье иметь от Ванюши ребеночка, всю любовь можно было бы перевести на него. Ведь невозможно себе представить, что ничего не осталось от всего того полного и хорошего, что было»¹⁸.

«Его светлое, веселое, умоляющее личико постоянно передо мной, он так ко всему относился просто и естественно, ровно и вместе сердечно»¹⁹.

«Никогда я столько не уставала, никогда я так мало не ела и сплю очень мало, несмотря на все это, я, точно Бог меня наказывает, здоровее, чем когда-либо. Кому же такое житье нужно? Действовать же нравственно на людей, как это делал Ванюша всю свою жизнь, жить для других, в какой бы среде он ни находился, я не умею, и тут нужно более чем желание; я бы

очень хотела, но не могу; мне недостает столько для этого; да и потом еще, я уже не говорю о своем эгоизме. Теперь я только вижу, насколько я себя любила в Ванюше...»²⁰.

«Чекай. 21 мая 1874 г.

<...> эти дни все приходили здороваться. Как приятно было, Зинуша, слышать, что нечаевские крестьяне говорили мне о Ванюше и о том, как он, бывало, с ними калякал. Они вспоминали разные разговоры с ним: о чу-гунке, о рекрутчине и т. д. Принесли мне в гостинцы рыбы и яиц и говорят: «Прежде ты вот все слушала, что мы с ним говорим, а теперь нам с тобой самой пришлось говорить и тебе довелось нас угощать. Правда, что я никогда не хотела мешать Ванюше в разговорах с ними и не вмешивалась, но всегда присутствовала и потому их всех знаю. <...> Деревцо – клен, которое Ванюша посадил накануне отъезда, чудесно растет. <...> Все здесь цветет, только нет Ванюши, который это все устроил, и потому все это не имеет смысла. Мужики говорят, что «больно глядеть на твой дом-то, словно он осиротел»; и это правда ведь. Здесь поминутно управляющий и крестьяне и все, все решительно, садовник и рабочие говорят: «Князь так хотел; он то приказывал; Иван Сергеевич так желал, чтобы было». Это очень приятно слышать, точно он еще здесь»²¹.

«Пречистенское. 28 сентября 1874 г.

Теперь ему хорошо с Папа и Мама и со всеми милыми родственниками нашими. Мне иногда жаль, что я с ним не пережила всех его грустей и скорбей, знала его только в веселое и счастливое время его жизни. Мы с ним вместе всегда жалели о том, что Папа и Мама не видели нашего счастья»²².

После потери мужа Вера Сергеевна не может находиться дома, в Чекае, она совершает большое путешествие за границу, возвращается только к маю следующего года. Весну 1875 г. Вера проводит в Риме с племянниками покойного мужа Катей и Сережей Ребиндерами, посещает могилу их брата Коли. «Там рядом с Колюшкиной много прибавилось новых и с такими успокоительными надписями. Есть надпись над вдовой»: «Терпеливо дождалась»²³. Этот комментарий она относил к себе, вдове. Вечерами они читают вслух Тургенева, Шекспира, Белинского, Добролюбова, «Записки Папа» (Воспоминания С.П.Трубецкого. – М. К.), «Записки» Якушкина. Вера трепетно относилась к декабристам. В письме от 14 декабря 1875 г. она напоминает: «Вспомни, Зинуша, что было сегодня тому 50 лет назад»²⁴.

Вера переживает, что теперь, когда Ивана нет, она не будет нужна его племянникам. О своих сомнениях она пишет в Италию Сергею Ребиндеру, на что получает сердечный ответ: «<...> я всегда смотрел на вас с дядей как на мою семью. <...> и влияние, которое вы оба имели на нас, было гораздо сильнее, чем вы думаете. Я говорю вы оба, потому, действительно, и вы были для нас совершенно тем же, чем был дядя; да и теперь ваше влияние на меня сильнее всякого другого. Потому говорить о вашей бесполезности

просто странно. Через вас главным образом поддерживается связь меня с Россией и с семьей, Вы больше других можете уделить свое время мне, а общество ваше, ваши приезды – для меня лучшее и самое приятное время. Если вы хотите быть мне полезной, то приезжайте ко мне чаще»²⁵.

В Москве Зинаида Сергеевна ухаживает за могилой брата, высаживает там анютины глазки. Родственники и знакомцы сочувствуют горю семьи, и если кто-то приходит на могилу к Ивану Трубецкому, срывает цветок для безутешной его вдовы. Цветы «от Ивана» попадают к Вере в конвертах с письмами или с оказией, если кто-то заезжает к ней лично.

«Пречистенское. Август 1874 г.

<...> Видела во сне Ванюшу, слушала сильное его сердцебиение и лечила сердце льдом, все прислушиваясь; и потом сама проснулась от сердцебиения своего <...>. Дай Бог только силы, чтобы устоять на том пути, который указан мне Ванюшей; мне всю жизнь хотелось бы прожить так, как он прожил два месяца своей болезни, которые, по словам отца Алексея, его подготовили к блаженству»²⁶.

Вера заболела, ее осматривал врач Н.А. Белоголовый. *«Ты себе можешь представить, Зинуша, какой меня страх взял сегодня видеть Николая Андреевича, который такой добрый, спокойный, хороший человек, Ванюшу так любил, и мой Ангельчик его тоже очень любил и уважал. <...> Я теперь на целый день исчезаю в конурочку Ванюшину (туалетную его маленькую) и там читаю»²⁷.*

Дети и внуки Трубецких неувовимо были похожи друг на друга не только внешне, но и манерами, разговором. У нас нет ни одного изображения Ивана, поэтому даже такие замечания важны. *«Вася (Василий Петрович Давыдов. – М. К.) у меня сегодня обедал. <...> Он мне манерами ежеминутно напоминает моего дружочка»²⁸. «Ты не можешь себе представить, странно так видеть Ваню около себя, когда я бываю с кем-нибудь из вас»²⁹.*

Вера тяжело переносит одиночество. Чтобы быть кому-то нужной, идет работать. В своей деревне учит детей Закону Божию, арифметике, рукоделию. Преподает в Приюте Сергиевского Братства, в 1876 г. работает в детском приюте в Санкт-Петербурге, основанном на деньги графини Александры Григорьевны Лаваль, бабушки ее мужа.

«Здесь так боятся войны, что все ходят обескураженные, несчастные <...>. 28–30 градусов морозу сегодня. Цесаревна с наследником поят извозчиков сбитнем и сами за этим присматривают. Тут же стоит чаша с глицерином, которым они мажут себе отмороженные члены. <...> Вчера видела Белоголовых, которые едут в армию с сестрами Георгиевской общины»³⁰.

С началом Русско-турецкой войны Вера помогает раненым в Николаевском госпитале Санкт-Петербурга. *«Ужасное время, Зинуша; плач везде, вид билетных солдат с их семьями и прощанья их раздирают душу»*³¹. *«Я езжу в больницу, где читаю газеты, пишу письма и делаю что могу, но могу очень мало. Хотелось бы уметь делать перевязки»*. В Николаевском госпитале *«одна сестра на 200 больных. В этом госпитале только 100 раненых, и за ними уход хорош, но всего больных в нем женщин, мужчин и детей 1800 человек, и за ними уход ужасный, т. е. очень слабый. Я бываю там по возможности три раза в неделю и больше не у раненых»*³².

Навещая осенью 1877 г. родителей в имении Пречистенское, она продолжала помощь госпиталю: *«Пока брат Валериан и Папа нам вслух читают, мы с Мама работаем бинты, косынки и рубашки»*³³.

Вера остается очень привязанной к семье Ивана Трубецкого. Она гостит у его сестер и принимает в гости их самих с семьями, переживает за судьбы их детей, продолжает поддерживать деньгами в Италии племянника мужа Сережу Ребиндера, а после его смерти – и старого их гувернера П.А. Горбунова. К Вере вся большая семья детей и внуков Трубецких относилась очень хорошо. Когда Александр Васильевич Голенищев-Кутузов стал проявлять интерес к молодой вдове, она испугалась, боясь потерять доброе расположение семьи ее покойного мужа. Иван Сергеевич Трубецкой с флигель-адъютантом Александром Васильевичем Кутузовым был знаком, и оба друг о друге оставили самое хорошее впечатление.

*«Ты не поверишь, как я старалась убедить Кутузова отказаться от своей мысли, представляя ему именно, что мое чувство так ничтожно сравнительно с тем, которое он имеет ко мне, и что я его буду постоянно сравнивать с Ваней, и что Ваню всегда буду более любить. Он этого не боится, говоря, что сам очень любил и уважал Ваню, как редко кого приходилось, и просит меня нисколько не забывать его. В Кутузове я люблю его честность и великодушие и более, чем у других, самостоятельный образ мысли. Я ведь на все это очень избалована Ванюшей, голубчиком моим. Если же когда-нибудь все это случится, то неужели ты перестанешь называть себя моей сестрой? Зинуша, нет, право, мне твоя любовь будет нужнее, чем когда-либо. Что мне тоже страшно, это променять мое хорошее имя на другое, также потерять связь с декабристами; конечно, ко всему привыкнешь, но ведь вот уже 14 лет, что я связана с вашей семьей, и очень дорожу и буду всегда дорожить крепко всеми вашими ласками»*³⁴.

Свой будущий брак с Голенищевым-Кутузовым Вера называла в письме «страшным шагом». В июне 1879 г. Вера Сергеевна Трубецкая и Александр Васильевич Голенищев-Кутузов обвенчались. Чекай был продан. Вера отправила ценные вещи Ивана его сестрам Зинаиде Сергеевне Свербеевой и Елизавете Сергеевне Давыдовой. *«При вещах лежат четыре образа, из них Спаситель, по словам Вани, был благословением Папа, когда они женились в Париже. Возьми каждая по два образа себе; я себе оставила один из ста-*

рых образов Ванюши»³⁵. Деньги от продажи имения отданы сестрам покойного мужа. Вера переехала в имение мужа слободу Дмитровка Миусского округа Области войска Донского.

Гр. Вера Сергеевна Голенищева-Кутузова (1846–1934) (урожд. кнж. Оболенская, в первом браке кн. Трубецкая) с дочерью и внуками. Париж. 1920-е. Из архива барона А.Л. Мейендорфа

После нового замужества отношение родственников Ивана Сергеевича к Вере совершенно не изменилось. В доме у Кутузовых часто останавливалась Зинаида Сергеевна Свербеева. Племянница Катя Ребиндер, «милая, добрая, спокойная и умная»³⁶, гостила продолжительное время у Веры Сергеевны, шила ее детям одежду, нянчилась с ними, помогала по хозяйству в приемном покое, который открыла Вера Сергеевна. Зинаида Сергеевна Свербеева и Катя Ребиндер в подарок для Веринного первенца, дочки Марины, преподнесли два одеяльца собственной работы. И впредь Зинаида делает подарки для детей Кутузовых. Александр Васильевич Кутузов сам очень уважительно относится к Зинаиде, в конце каждого письма к Зине Вера приписывает «Муж мой валяется у ног твоих». В этой шутильной строчке звучит не только шутка.

Молодая семья Кутузовых навестила в Риме другого племянника Веры, Сергея Ребиндера. Сережа с

радостью сообщал тете Зине: «Благодаря отсутствию Кутузова – который в Монтрё – я решительно ни в чем не замечал, что тетя не Трубецкая уже. Даже маленькая Марина здесь же не нарушает этого настроения. Родственность ее со стороны тети прежняя»³⁷.

Кутузовы жили счастливо, в их семье родилось шестеро детей. В новом доме Веры среди портретов близких оставался и портрет покойного мужа Ивана. Его родные по-прежнему оставались родными для Веры. «Дорогая Зинуша, поздравляю вас всех, милые мои, с наступающим Новым годом. Помогите Господи вам провести его спокойно, радостно, глядя на то, как развиваются и входят в жизнь малютки наши. Очень, очень жаль мне, что мы так далеко друг от друга проводим жизнь нашу, что дети наши растут не вместе; как хорошо бы мы могли обсуждать многое вместе и идти сообща к намеченным целям»³⁸.

Во время очередного путешествия в Париж в 1896 г. Вера Сергеевна побывала в мастерской у скульптора Марка Антокольского. Он крепко дружил с племянниками Ивана Трубецкого Сергеем и Николаем Ребиндерами в их римский период жизни. Сергей одно время даже жил в доме Антокольского. Братья знакомили со знаменитым скульптором всех родных, кто приезжал к ним в гости в Италию. Визит в парижскую мастерскую напомнил Вере о покойных Сереже и Коле Ребиндерах: «...завтракали с детьми у Антокольских; была у него в мастерской опять же с детьми. Рада была видеть Маркушу, но пожалела об римской обстановке и римской простоте. < ... > Видела много красивого в мастерской: Ермака, надгробный памятник румынской сестре милосердия, бюсты государя и императрицы и покойного государя, Нестора и др.»³⁹.

Шло время, росли дети. Семьи переживали свои радости и несчастья, но, однажды породнившись, Вера Сергеевна и Зинаида Сергеевна остались родными навсегда. Через 23 года после смерти Ивана Вера писала: «Дорогая моя Зинуша, благодарю тебя за мое письмо и прошу Катюшу расцеловать за ее строки. Большая радость мне знать, что вы меня не забыли, ведь так приятно знать, что тебя любят. У меня слюнки потекли, когда Катюша мне написала, что можем увидаться летом с вами. Очень этого желаю»⁴⁰.

Несколько переплетенных тетрадей с письмами, выцветшие чернила, случайные отпечатки пальцев – вот все, что осталось от этой полной жизни. Этих людей давно нет, но при чтении писем наше воображение рисует их жизнь, и это реальнее реального.

Примечания

¹ ГАИО. Ф. 774. ОЦ. Д. 142. Л. 25. Письмо И.С. Трубецкого к З.С. Свербеевой без даты.

² Там же. Д. 101. Л. 28. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой от 2 февр. 1867 г.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 30. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой от 8/20 февр. 1867 г.

⁵ На наш запрос о собственности Ивана Сергеевича Трубецкого был получен ответ из Пензенского государственного краеведческого музея. Письмо приводится полностью.

«В 1860-х гг. Ивану Сергеевичу Трубецкому принадлежала дер. Нечаевка Саранского уезда, где он владел более чем 5000 дес. земли, и село Соколовка того же уезда, недалеко от пристани на р. Суре; здесь в его владении было более 4000 дес. земли.

Упоминается и дер. Чекаевка в том же уезде, крестьяне которой составляли приход церкви села Блохино.

Недалеко от этих населенных пунктов, но уже в Городищенском уезде, было село Ильмино, принадлежавшее кн. А.П.Оболенскому. Есть упоминание, что церковь этого села была построена на средства Веры Сергеевны Трубецкой. На ее же средства построена и школа в 1881 г. В 1883 г. в дер. Нечаевка построили храм во имя Архистратига Михаила. Есть сведения, что лес на постройку этой церкви пожертвовала В.С. Трубецкая.

Большое село Большой Вясс Саранского уезда в середине XIX в. принадлежало самой крупной помещице этого уезда Софье Ивановне Борх, которой оно перешло по наследству от И.С. Лавалья и А.Г. Лаваль (урожд. Козицкой). В 1861 г. имение было заложено в Опекунский совет. В 1873 г. оно принадлежало А.А. Мусину-Пушкину, потом кн. Мещерскому. С 1880 г. имение в Удельном ведомстве. Это все, чем располагает наш музей».

⁶ ГАИО. Ф. 774. ОЦ. Д. 101. Л. 36. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой от 23 июня 1867 г.

⁷ Горбунов Петр Александрович (1808–1886), выпускник Московского университета, был приглашен в 1851 г. в Иркутск губернатором для Ивана Трубецкого. Биограф С.П. Трубецкого В.П. Павлова указала дату смерти П.А. Горбунова 1880 г. (см.: *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности / сост., вступ. ст., примеч. В.П. Павловой. Т. 2. Письма. Дневник 1857–1858 гг. Иркутск, 1987. С. 512). В письме из Амстердама в феврале 1886 г. В.С. Голенищева-Кутузова пишет З.С. Свербеевой: «...наш бедный старичок Петр Александрович умер; если я не ошибаюсь, ему было 83 года, т.к. он приехал в Москву к нам в 65-м году, и ему было тогда 62 года. <...> Я ему всегда буду благодарна за его доброе расположение ко мне, и все лучшие мои воспоминания связаны с ним <...>. Вам будет грустно узнать о смерти Петра Александровича. И так наперечет свидетели жизни вашей в Иркутске и воспоминания о Сереже и Коле так связаны с ним. Теперь им открылось все. Я постоянно сожалею об отсутствии стариков в наших семьях: нет более никого <...>. Дядюшка Никита Петрович Трубецкой умер; даже его я хотела бы расспросить о первой молодости твоего отца» (ГАИО. Ф. 774. ОЦ. Д. 101. Л. 388).

Письмо февральское. Возможно, П.А. Горбунов умер в конце 1885 или в начале 1886 г. Вера Сергеевна могла ошибиться в определении возраста П.А. Горбунова, но из письма совершенно ясно, что умер Петр Александрович не в 1880 г.

⁸ ГАИО. Ф. 774. ОЦ. Д. 101. Л. 36. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой от 23 июня 1867 г.

⁹ Там же. Д. 116. Л. 15. Письмо С.Н. Ребиндера к З.С. Свербеевой от 15 июля 1867 г.

¹⁰ Там же. Д. 142. Л. 7–8 об. Письмо И.С. Трубецкого к З.С. Свербеевой от 15 апр. 1872 г. Об этом факте мы сообщили в Мемориальный музей-квартиру Н.А. Некрасова в Санкт-Петербурге. Хранитель фондов этого музея О.А. Замаренова написала в ответном письме: «Найденные вами сведения, похоже, не известны в Некрасоведении. Я внимательно просмотрела 3-й том «Летописи жизни и творчества Н.А. Некрасова», где имя И.С. Трубецкого упоминается один раз: 14 марта 1873 года Некрасов посылает ему записку с приглашением к себе на следующий день к семи с половиной часам вечера, сообщая, что у него будет М.А. Назимов «и еще два-три человека. Будет и Пыпин». В тот же день приглашает А.Н. Пыпина, сообщая, что у него будут М.А. Назимов, М.С. Каханов и М.Е. Салтыков. Состоялась ли эта встреча в таком составе на квартире Некрасова, был ли там Трубецкой – на этот вопрос ответа нет, но, думаю, о знакомстве Некрасова с Трубецким говорить можно. Однако поэма «Княгиня Трубецкая» была напечатана значительно раньше: 13 апр. 1872 года в № 4 «Отечественных записок». Еще раньше, 6 апр., Некрасов просил М.С. Волконского прочитать в корректуре поэму и сделать свои замечания, что тот и выполнил (см.: Некрасов в воспоминаниях современников. С. 559). Значит, никого из Трубецких Некрасов тогда не знал. Найденное вами письмо датировано 15 апр. Так что резонно предположить, что возможное знакомство И.С. Трубецкого и Некрасова состоялось после 15 апр., уже после выхода поэмы в свет. Единственный тогда доступный для Некрасова источник сведений о Трубецкой во время работы над поэмой – это «Записки декабриста» А.Е. Розена (Лейпциг, 1870)».

¹¹ ГАИО. Ф. 774. ОЦ. Д. 101. Л. 65–66 об. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой от 31 мая 1873 г.

¹² Там же. Д. 116. Л. 117. Письмо Н.Н. Ребиндера к В.С. Трубецкой от сент. 1873 г. Письма Сережи и Коли Ребиндеров после их смерти были переправлены на адрес З.С. Свербеевой на память их родной сестре Екатерине Ребиндер, которая воспитывалась в доме у тети, Зинаиды Свербеевой.

¹³ Об этом пишет в своих воспоминаниях внук декабриста князь Сергей Михайлович Волконский: «Князя Ивана Сергеевича Трубецкого я помню в детстве; он умер от разрыва сердца, выезжая из дома Кочубеев в Красного Моста на Мойке, того дома, где впоследствии жил Куропаткин» (*Волконский С.М. О декабристах // Его же. Воспоминания. М., 1994. С. 62*).

¹⁴ ГАИО. Ф. 774. ОЦ. Д. 101. Л. 73. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой от 17 апр. 1874 г.

¹⁵ Там же. Д. 116. Л. 379. Письма С.Н. Ребиндера к З.С. Свербеевой от марта 1874 г.

¹⁶ Там же. Д. 114. Л. 152. Письмо Н.Н. Ребиндера к З.С. Свербеевой от марта 1874 г.

- ¹⁷ Там же. Д. 101. Л. 543. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой без даты.
- ¹⁸ Там же. Л. 75–76 об. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой от 11 мая 1874 г.
- ¹⁹ Там же. Л. 133. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой от 25 июня 1875 г.
- ²⁰ Там же. Л. 87. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой от июня 1874 г.
- ²¹ Там же. Л. 129. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой от 21 мая 1874 г.
- ²² Там же. Л. 103. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой от 28 сент. 1874 г.
- ²³ Там же. Л. 118.
- ²⁴ Там же. Л. 148.
- ²⁵ Там же. Д. 116. Л. 110. Письмо С.Н. Ребиндера к В.С. Трубецкой от 5/17 сент. 1875 г.
- ²⁶ Там же. Д. 101. Л. 100. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой от авг. 1874 г.
- ²⁷ Там же. Л. 545. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой.
- ²⁸ Там же. Л. 109. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой от 7 дек. 1874 г.
- ²⁹ Там же. Л. 221. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой от 21 марта 1878 г.
- ³⁰ Там же. Л. 182. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой от 10 дек. 1876 г.
- ³¹ Там же. Л. 206. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой от 6 авг. 1877 г.
- ³² Там же. Л. 214. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой от 24 дек. 1877 г.
- ³³ Там же. Л. 212. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой от 5 окт. 1877 г.
- ³⁴ Там же. Л. 254. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой от 8 апр. 1879 г.
- ³⁵ Там же. Л. 565. Письмо В.С. Трубецкой к З.С. Свербеевой без даты.
- ³⁶ Там же. Л. 357. Письмо В.С. Голенищевой-Кутузовой к З.С. Свербеевой от 14 янв. 1884 г.
- ³⁷ Там же. Д. 116. Л. 292. Письма С.Н. Ребиндера к З.С. Свербеевой без даты.
- ³⁸ Там же. Д. 101. Л. 486. Письмо В.С. Голенищевой-Кутузовой к З.С. Свербеевой от 28 дек. 1895 г.
- ³⁹ Там же. Л. 490. Письмо В.С. Голенищевой-Кутузовой к З.С. Свербеевой от 20 июня 1896 г.
- ⁴⁰ Там же. Л. 495. Письмо В.С. Голенищевой-Кутузовой к З.С. Свербеевой от 5 апр. 1897 г.

Люди и судьбы **(К 90-летию со дня рождения С.Ф. Ковалья)**

Г.В. Оглезнева, Л.В. Шапова

С.Ф. Коваль и развитие сибирского краеведения

Делом жизни С.Ф. Ковалья было не только декабриствоведение, но и развитие сибирского краеведения. В течение многих лет он был организатором историко-этнографических экспедиций, которые одновременно являлись базой студенческой практики, и эта форма краеведческой работы в 1960–1980-х гг. способствовала росту потенциала краеведческих исследований.

Практика изучения Сибири с помощью студентов не была новой. Еще в начале XX в. Обществом изучения Сибири и улучшения ее быта были организованы экскурсии сибиряков – учащихся высших учебных заведений (как студентов, так и курсисток), которые хотели использовать летние каникулы для изучения своей родины в разных отношениях. Под руководством местных отделов общества, в том числе и иркутского, студенты участвовали в статистических, археологических, этнографических исследованиях.

В 1920-х гг., в период «золотого десятилетия российского краеведения» (по определению С.О. Шмидта), в Сибири возникали общественные краеведческие организации, в которых принимали участие студенты. Декан педагогического факультета Иргосуна П.В. Зицерман в докладе «Студенчество и краеведение» на Первом Восточно-сибирском краеведческом съезде (Иркутск, 1925) предлагал создать в вузе кафедру краеведения и считал, что студент должен быть «агентом популяризации и пропаганды краеведения среди народных масс», «служить основным ферментом в деле организации местных краеведческих обществ и кружков»¹. К этому времени в Иркутске уже имелся опыт привлечения студентов к полевым исследованиям. Б.Г. Кубалов при подготовке своей книги «Декабристы в Восточной Сибири» встречался при участии студентов Иркутского государственного университета с крестьянами селений Малая Разводная, Смоленщина, Урик и др., где в 1830–1850-х гг. жили на поселении декабристы. Этот опыт был хорошо известен Семену Федоровичу как по книге Кубалова, так и по личному общению с ним в начале 1960-х гг. Кроме того, С.Ф. Коваль принимал участие в экспедиции под руководством Ф.А. Кудрявцева в Братский район в 1958 г., в ходе которой небольшая группа студентов и преподавателей собирала историко-этнографический материал в селах на территории будущего ложа Братского водохранилища. Эта практика привлечения студентов к полевым исследованиям не была в то время продолжена, поскольку в целом социально-политическая ситуация в стране такой форме работы не благоприятствовала.

В 1960-х гг. положение в исторической науке в некоторой степени изменилось. В 1965 г. было создано Всероссийское добровольное общество охраны памятников истории и культуры, что способствовало активизации деятельности местных краеведов. В то же время обновляется проблематика исторических исследований, в научный обиход вводится большой массив

С.Ф. Коваль (в белой рубашке), руководитель историко-этнографической экспедиции ИГУ. Иркутская область. 1970-е

источников, но одновременно обозначаются значительные источникивые лакуны – недостаток материалов по отдельным проблемам и темам. В связи с этим возникает интерес к «устной истории», которая позволяла существенно расширить источниковую базу для различных отраслей исторической науки. Развитие «устной истории» как главного источника изучения истории повседневности началось еще в 1930-е гг. в США. В СССР в этот период историки записывали устные рассказы, работая над созданием «Истории фабрик и заводов», а позднее – рассказы участников Великой Отечественной войны. Собранный таким образом материал не вполне соответствовал идеологическим установкам и, несомненно, подвергался цензурному редактированию, что уменьшало роль устных рассказов как исторического источника.

Первая историко-этнографическая экспедиция под руководством С.Ф. Ковалья состоялась в 1963 г., т. е. 50 лет назад. В ее состав входило всего пять человек, в том числе будущие кандидаты исторических наук Л.Я. Подольская и Б.К. Ржепко. Постепенно масштаб исследований увеличивался. В середине 1970 – начале 1980-х гг. каждое лето выезжали в поле уже не один, а два-три отряда.

За 25 лет непрерывных исследований экспедиционные отряды объехали всю Иркутскую область, значительную часть Бурятии (Кабанский, Баргузинский, Нижнеангарский, Тункинский районы), районы пребывания декабристов на каторге в Читинской области, а также Богучанский, Минусинский, Кежемский районы Красноярского края. Наиболее тщательно были обследованы районы Приленья, в силу удаленности, малой миграции населения лучше сохранившие элементы традиционного образа жизни и кон-

тингент старожильческого населения. В первые годы в составе экспедиции работали студенты, аспиранты и преподаватели, которые интересовались краеведением и готовы были потратить месяц своего отпуска на поездки по селам и районным центрам. Среди них – А.В. Дулов, В.М. Андреев, В.П. Олтаржевский, Л.Г. Олтаржевская, В.В. Свинин, Н.С. Струк, В.Г. Башкиров. С начала 1970-х гг. студенты первого курса могли выбирать вид практики – археологическая или историко-этнографическая, и экспедиция пополнялась за счет желающих заниматься историческим краеведением. Во второй половине 1970-х гг. историко-этнографическая практика стала обязательной для студентов второго курса и получила название архивной, музейной, экскурсионной.

Задачи практики и экспедиции существенно различаются. Цель практики – знакомство студентов с методикой полевой работы, и акцент делается на обучение и последующий контроль полученных навыков. Научные результаты для практики не являются обязательными. В научной экспедиции, напротив, во главу угла ставится получение новых данных. В задачи исторических экспедиционных исследований входит:

- с помощью устных интервью сохранить воспоминания сибирских старожилов и использовать стенограммы устной истории в учебном процессе и научно-исследовательской работе;

- выявить новые исторические факты через воспоминания очевидцев или современников исторических событий прошлого;

- создать фонд устных воспоминаний и периодически пополнять его важнейшими источниками исследования для будущего поколения;

- собрать памятники материальной культуры, документы, фотографии и пр. и пополнять музейные фонды

По замыслу и убеждению С.Ф. Коваля экспедиции исторического факультета должны были реализовывать и обучающие, и научно-исследовательские задачи. Поэтому для него важно было, чтобы в состав экспедиции входили студенты, предпочтительно работающие в научно-исследовательских кружках по темам, изучение которых возможно в ходе полевых работ. Не менее важным было сохранение преемственности экспедиционного состава, хотя бы частично, чтобы опытные «экспедишники» могли обучать новичков. За многие годы существования экспедиции сложился круг ее участников, которые многие годы (10–15 лет) работали в составе ее отрядов, а затем и руководили ими (В.П. Шахеров, Т.А. Перцева, Г.В. Оглезнева, Л.В. Шапова, Л.Г. Олтаржевская).

В середине 1970-х гг. при кафедре истории СССР исторического факультета ИГУ была создана Лаборатория истории Сибири во главе с Л.Г. Олтаржевской, затем В.П. Шахерова, под общим руководством С.Ф. Коваля, которая занималась организацией экспедиций и практик, а также камеральной обработкой полученных материалов.

Работа историко-этнографической экспедиции детально определялась заданием, включая выбор района исследований, методику сбора материалов, а также выявление новых документов, находящихся в частных руках (старых фотографий, писем, дневников и т. п.), предметов материальной культуры.

Основной формой работы и самой важной ее частью, по мнению Семена Федоровича, являлись записи устных рассказов старожилов. Этой работе студентов обучали, в идеале – на примере беседы с краеведами, запись которой велась всеми слушателями и могла быть проверена. Так, в экспедиции 1968 г. в г. Киренске рассказ краеведа И.М. Журавлева, продолжавшийся 2,5 часа, записывали на магнитофон, снимали на кинокамеру и вели «записи вручную», чтобы на основе их разбора научить новичков правильному ведению записи. После этого была проведена методическая беседа – как вести основную и контрольную запись. Именно записи «вручную» являлись основной формой фиксации устных рассказов, поскольку экспедиция не была в достаточном количестве обеспечена портативными магнитофонами, не всегда условия позволяли ими пользоваться, да и не всякий собеседник соглашался на запись беседы, а если и соглашался, то говорил недостаточно свободно и подробно. Семен Федорович отмечал в своем полевом журнале за 1968 г. «боязнь старожилов за сведения, которые сообщаются». Отряд участников экспедиции, как правило, состоял из начальника, который вел беседу, и двух сотрудников, один из которых вел основную запись, а второй – контрольную. В равной степени важна была работа каждого: если начальник отряда не сможет разговаривать с собеседником, то информация, которой последний владеет, не будет выявлена, если беседа не будет качественно записана, то эта информация не будет зафиксирована. После завершения беседы, которая могла продолжаться и не один день, запись обрабатывалась с восстановлением хронологической последовательности событий, причем требовалось сохранять самые мелкие факты, упомянутые рассказчиком, стиль его повествования и особенности речи. При этом в дневнике каждого участника экспедиции фиксировались условия записи беседы и давалась краткая характеристика информатора. С.Ф. Коваль рассматривал эту работу как средство создания новых источников в ситуации, когда «датчик (автор) воспоминаний сам не в состоянии придать им письменную форму, но изъявляет желание устные воспоминания записать на бумагу или на пленку»².

В первые годы основными направлениями экспедиционных исследований были историко-этнографическое, историко-революционное и советское (так формулировал С.Ф. Коваль в Общем журнале экспедиции 1968 г.). При этом оговаривалось, что все другие вопросы истории края – участие местного населения в Русско-японской, Первой мировой и Великой Отечественной войнах, а также каторга, бродяжничество, ремесло и т. д. – исследуется «в равной степени с другими». На самом деле, судя по записям воспоминаний старожилов, преимущественное внимание уделялось историко-революционному, а также советскому направлениям. С одной стороны, это соответствовало тем направлениям исследования, которые преобладали в исторической науке того времени, с другой – сам район исследований и контингент старожильческого населения определяли круг тем, по которым можно было собирать материал. Например, широкое партизанское движение в годы Гражданской войны в Приленье давало обширный материал по этой теме, а отсутствие его в каком-либо районе акцентировало внимание на других вопросах. В значительной степени круг тем определялся возрастом старожилов. Конеч-

но, Семен Федорович более всего был заинтересован в материалах о политической ссылке, и отдельные успехи в их поисках были. Естественно, по большей части они касались политической ссылки конца XIX – начала XX в. С помощью воспоминаний удалось выявить и расширить персональный и партийный состав ссылки, зафиксировать свидетельства участия ссыльных в местных делах, взаимоотношениях с населением. В ряде случаев воспоминания старожилов о некоторых известных революционерах расходились с хрестоматийными представлениями о них. Участники экспедиций вели сбор документальных материалов и предметов, связанных с пребыванием политических ссыльных в Сибири, причем иногда находили редкие экспонаты. Так, известна история вывоза двух дверей из дома декабриста П. Громницкого в с. Бельск, которым грозило использование в качестве дров³.

В экспедициях 1960 – первой половины 1970-х гг. были записаны воспоминания участников Русско-японской и Первой мировой войн, революционных событий 1917–1920-х гг. в Европейской России, что позволяло увидеть формы участия сибиряков в общероссийских событиях. Воспоминания потомков переселенцев начала XX в. конкретизировали условия их адаптации к сибирским условиям, причины возвращения на родину. Например, одной из главных трудностей переселенцы называли не экономические причины, даже не морозы, а мошку, которая «заедала» новоселов в таежных районах. Воспоминания участников партизанского движения были интересны тем, что, по словам С.Ф. Коваля, «получили «право голоса» рядовые солдаты революции, бойцы красновардейских и партизанских отрядов, выходцы из крестьян и рабочих, из самой гущи народа»⁴. Действительно, история Гражданской войны в Сибири виделась ими изнутри, хотя к моменту записи воспоминаний акценты уже были определены более поздними реалиями. Воспоминания членов сельскохозяйственных коммун и первых колхозов также в определенной степени корректировали картину, сложившуюся в общественном сознании под влиянием учебной и научной литературы. Например, причины экономического процветания коммун, которые существовали в некоторых селениях в 1920-х гг., информаторы видели, прежде всего, в добровольности участия в них, общей заинтересованности и отсутствии давления со стороны власти. Они с большим уважением говорили о Холмушинской коммуне братьев

Б.К. Ржепко, участник Ангаро-Бельской экспедиции ИГУ, демонстрирует ценную находку – дверь с росписью из дома декабриста П.Ф. Громницкого. С. Бельск Иркутской области. 1963

Егоровых (записи 1963 г.), Макаровской (записи 1968 г.), Чуноярской коммуны (Богучанский район, записи 1977 г.). Интересны были критерии оценки эффективности колхозов: «Если председатель – хозяйственный мужик, то и колхоз зажиточный».

Со временем наши собеседники «молодели» и могли нам рассказать по своим детским воспоминаниям о колхозном строительстве в 1930-х гг., военном времени. За годы экспедиций сформировался особый комплекс источников по истории Великой Отечественной войны: фотографии, письма, воспоминания. Семену Федоровичу эта тема была особо близка, как участнику войны.

В еще большей степени временной фактор проявлялся в этнографических исследованиях. Они должны были выявить «древние экземпляры крестьянского зодчества с исчезающими уже типами построек – связи, особая планировка дворов и т. п.», – писал Семен Федорович в Общем журнале экспедиции 1968 г. Памятники деревянного зодчества фотографировались, зарисовывались, а в указанном году даже снимались на киноплёнку. В конце 1970-х гг. в экспедиции по Тайшетскому району для изучения старых крестьянских домов использовали вопросник, полученный из Института этнографии РАН, в соответствии с которым производили и обмеры зданий. Однако в целом это направление работы экспедиции не получило должного развития, поскольку не было обеспечено достаточно квалифицированными кадрами, да и не могло дублировать аналогичные исследования музеев под открытым небом, которые в этот период формировались.

Постепенно историческое направление исследований расширилось и обогащалось благодаря вниманию к истории повседневности – хозяйственным занятиям и их особенностям, организации крестьянского хозяйства, промыслам, обеспеченности семьи. Выявление и сбор предметов материальной культуры расширял представления о быте крестьян.

В ходе бесед со старожилыми старались выяснить социальную структуру населения, представления о материальном благополучии, отношении к купцам и зажиточным крестьянам. Это дополняло, а порой и корректировало представления о социальных отношениях в сибирской деревне до революции.

Всегда пытались выявить сведения о школе, учителях, изучаемых предметах, школьной жизни. Сам факт сохранения 50 и более лет таких воспоминаний (особенно имени, отчества и фамилии учителя) свидетельствовал о значимости школы в жизни сельского населения, хотя роль грамотности не всегда высоко оценивалась с практической точки зрения.

Неоднозначным в то время было отношение к исследованию роли церкви в жизни сибиряков перед революцией и сразу после нее. В начальный период деятельности экспедиции специальных вопросов по этой теме не задавали, но записывали все, что старожилы сами рассказывали о существовавшей в селе церкви. Сохранившиеся в той или иной степени храмы фотографировали как памятники истории и культуры. В дневниках, которые вели все участники экспедиции, встречаются описания безобразного состояния храмов, например собора в Верхоленске, сведения о разбитых иконах и росписях,

валяющихся остатках разбитых крестов. Характерно суждение студента по поводу всего увиденного: «Вот здесь я увидел, как безответственно относятся у нас к памятникам старины» (Б. Боржонов, 1966 г.). В последующие годы уже целенаправленно собирали материалы о строительстве церквей, священнослужителях, церковных праздниках. Лучше всего старожилы помнили колокола и внутреннее убранство церквей.

Еще одной «неудобной» темой была история репрессий. Не всегда решались задавать вопросы об этом, опасаясь негативной реакции собеседника. Да и они опасались откровенно рассказывать об этом. Например, в ответ на вопрос, как он жил на Колыме, качугский старожил И. Радионов отвечал, что он «всегда верил в справедливость, понимал, что это временное явление, вредительство в партии, хотя там старались уверить, что вообще нет нигде советской власти» (дневник Н. Хоменко, 1966 г.). В 1970-е такие интервью были более откровенны и содержательны. Прежде всего, это относится к воспоминаниям членов семей раскулаченных крестьян. Они подробно рассказывали о своем хозяйстве, как у них это хозяйство отобрали, как переселяли, как обживались на новом месте в качестве «лишенцев». Показательно в целом положительное, сочувственное отношение сибирских сельчан к раскулаченным и репрессированным, как людям трудолюбивым и незаслуженно наказанным.

Важной частью работы экспедиции было выявление исторических документов для последующей передачи их в архив или музей. Особенно много усилий в этом плане прилагал Семен Федорович в 1968 г. во время работы в Киренске, стремясь получить для передачи в ГАИО документы из бывшего Киренского архива, разграбленного во время пожара в 1920-х гг. Ему удалось выявить круг киренских краеведов, у которых имелись такие материалы, однако лишь немногие согласились с ними расстаться. Отдельные архивные документы были получены у старожилов, воспоминания которых записывали участники экспедиции.

Для изучения истории района были важны и документы, отложившиеся в районных архивах, из которых делались выписки или снимались копии. Обязательно знакомились с материалами местных, чаще всего школьных музеев, иногда получали документы для передачи в музей или архив. Работали и с текущей документацией в сельских советах, например с хозяйственными книгами, по которым можно было определить численность населения, национальный состав, возрастную структуру, уровень грамотности, обеспеченность подсобного хозяйства. Своеобразным источником по истории конкретного поселения было кладбище, посещение которого было обязательным. В ходе такой «экскурсии» можно было с большой долей вероятности определить фамилии коренных жителей, продолжительность жизни населения и возраст самого села, некоторые местные традиции и обычаи. Прослеживалась некоторая закономерность: чем ухоженнее кладбище, тем старее село, тем больше в нем старожилов.

Частью экспедиционных исследований была работа с районными газетами, в которых выявлялись публикации краеведческого характера.

В результате более чем двадцатилетних историко-этнографических экспедиционных исследований сформировалось несколько тематических комплексов источников. Один из них был оформлен в сборник документов и воспоминаний «Борьба за власть Советов в Приленском крае (1918–1921 гг.)». Выбор региона и темы определялся несколькими факторами: высокой степенью плотности обследования приленских населенных пунктов, достаточно обширным и разнообразным фондом записанных воспоминаний и выявленных оригинальных документов, возможностью компаративного анализа материалов, спецификой сложных политических, социальных, экономических процессов, происходивших в регионе в начале XX в. Немаловажную роль сыграло и то, что по сложившейся советской практике в год 70-летия Октябрьской революции, в рамках юбилейной кампании, возможность публикации сборника воспоминаний и документов по данной теме была более вероятной и давала возможность для основания серийного издания экспедиционных материалов по другим темам, что, несомненно, учитывалось Семеном Федоровичем.

Для коллектива сотрудников Лаборатории истории Сибири, группы студентов исторического факультета, также принимавших активное участие в работе по отбору, обработке материалов, составлению комментариев и справочного аппарата, С.Ф. Коваль был вдохновителем, организатором, учителем. Он требовал максимального сохранения особенностей содержания и стиля воспоминаний, даже при всем их несовершенстве, нелогичности и неточности, так как главное их достоинство состояло в детализации, конкретизации событий, в искренности, непосредственности, стремлении информатора проникнуть в суть событий и дать им свою оценку. При подготовке комментариев Семен Федорович предостерегал от тенденциозности, заранее сформулированных идеологических подходов в оценке событий и личности информатора.

Основная концепция сборника: крупные исторические события – революция, Гражданская война – представлены через мировоззрение рядовых участников исторического процесса, показ обыденной жизни ленского крестьянства в экстремальных условиях Гражданской войны.

Сборник состоит из двух разделов (первый содержит воспоминания, второй – документы и письма), снабжен биографическими справками, обширными комментариями и именованным указателем. Всего в сборник включены 24 воспоминания, большая часть из них никогда ранее не публиковалась, они были записаны во время экспедиций и принадлежали рядовым участникам и свидетелям событий Гражданской войны на Лене. Эти источники не утратили значения и в условиях деидеологизации исторической науки, когда вектор научных интересов повернулся в сторону социально-психологических, личностных аспектов жизни российского общества. В воспоминаниях представлены сведения о таких малоизвестных событиях, как бодайбинское, марковское и макаровское крестьянские восстания, условия жизни населения, политика как советской, так и колчаковской власти и отношение к ним крестьянства, поведенческие и личностные характеристики участников и очевидцев драматических событий периода Гражданской войны.

К сожалению, публикацию собранных материалов не удалось продолжить в связи с ликвидацией Лаборатории истории Сибири и изменившимися экономическими обстоятельствами. В настоящее время все материалы экспедиций, за исключением переданных ранее в архивы и музеи, хранятся в Музее истории города Иркутска.

Подводя некоторые итоги работы историко-этнографических экспедиций, сам Семен Федорович писал: «За годы экспедиционных поисков выявлены источники, существенно расширяющие исследовательскую базу исторической науки и имеющие исключительное значение в педагогической и пропагандистской практике»⁵. Прошедшие годы только увеличивают значение сотен воспоминаний сибиряков, в которых отразились повседневность и исторические события большей части XX в., современников которых уже нет в живых.

В то же время экспедиции сыграли огромную роль в профессиональном и личностном формировании сотен студентов, которые были их участниками. Они не только познакомились с отечественной историей через ее индивидуальную интерпретацию, но и учились вести диалог, слушать, анализировать, сопоставлять. Встречи с представителями старшего поколения вызывали уважение к ним, внимание к их жизненному опыту, способствовали формированию системы жизненных ценностей. Немалую роль они сыграли и в профессиональной подготовке как преподавателей и сотрудников факультета, так и студентов.

В 1990-х гг., когда начался новый этап развития краеведения, одним из возможных выходов из методологического кризиса считали обращение к наследию теоретиков 1920-х гг., в частности И.М. Гревса⁶. И.М. Гревс говорит о родиноведении, а не краеведении, причем в одной из своих работ уточняет различие этих понятий. Краеведение в его трактовке «есть познание образа местности во всех его чертах, в прошлом и настоящем, которое хранит в себе наследие прошлого и находится с ним в неразрывном преемстве. Это построение портрета и биографии местности (конечно, обобщенных)». Если же «рядом с интеллектуальным мотивом в нем само собою рождается (или к нему влечет) особый эмоциональный... краеведение естественно осуществляется как родиноведение»⁷. Представляется, что отношение С.Ф. Ковалева к краеведческой работе было близко к такому ее пониманию.

Литература

¹ Первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд. 11–18 января 1925 г.: Обзор работ. Тезисы. Резолюции. Иркутск, 1925. С. 44–45.

² Коваль С.Ф. Предисловие // Борьба за власть Советов в Приленье. Иркутск, 1987. С. 4.

³ Подольская Л.Я. Педагог и воспитатель // Изв. ИГУ. Серия «История». № 1(1). Иркутск, 2011. С. 216.

⁴ Коваль С.Ф. Предисловие // Борьба за власть Советов в Приленье. С. 5.

⁵ Там же. С. 3.

⁶ Рыженко В.Г. Теоретические и методологические аспекты культурно-исторического краеведения 1920-х гг. // Изв. Омского гос. ист.-краевед. музея. Омск, 1994. № 3. С. 31.

⁷ Цит. по: Рыженко В.Г. Методологическое и методическое наследие «золотого десятилетия» и современность // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы: Материалы регион. науч.-практ. конф. Ч. 1. Иркутск, 2000. С. 26–27.

Т.А. Перцева

Вклад С.Ф. Коваля в создание документальной базы проблемы «Декабристы в Сибири»

Одним из наиболее значимых направлений научной деятельности С.Ф. Коваля была публикация декабристских источников. К середине XX в. проблема эта весьма остро ощущалась исследователями, несмотря на почти вековую историю такого рода публикаций, начатую еще А.И. Герценом. Как правило, сначала в журналах и тематических сборниках, а затем и отдельными изданиями публиковались воспоминания активных участников декабристского движения (братьев Бестужевых, И.Д. Якушкина, И.И. Горбачевского и др.). Однако эти мемуары писали много позже произошедших событий люди, уже ясно осознающие свое историческое значение и, естественно, сознательно отбирающие факты, способствуя складыванию полезной, по их мнению, для русского общества легенды. Это не было искажением истины, но это была не вся истина, так как в них не раскрывались в полной мере те мысли, чувства, мотивация поступков, благодаря которым появление этой легенды стало возможным. Для получения более полной картины нужен был фон, на котором разворачивалось новое для России политическое явление. Дополнительные краски, сохранившие сиюминутность ощущений и настроений, могли дать письма участников событий. Определенной объемности их интерпретаций способствуют воспоминания и письма окружающих, как доброжелательно, так и критически настроенных по отношению к ссыльным декабристам. Как справедливо писала С.В. Житомирская, за «первым слоем, который всегда привлекал преимущественное внимание <...>, лежат другие, еще не тронутые слои – источники, просто не заподозренные в своей причастности к истории движения декабристов <...>, а за ними еще более глубокие слои документов эпохи, не использованные, главным образом, потому, что историки не научились пока обращать к ним новые вопросы»¹.

К 70-м гг. прошлого века исследовательские приоритеты С.Ф. Коваля определились окончательно – проблема «Декабристы в Сибири». Он разделял убеждение своего неформального учителя М.К. Азадовского, который считал «глубокой ошибкой рассматривать этот вопрос исключительно в биографическом плане или только в плане краеведческом – его значение гораздо шире и глубже: сибирская деятельность декабристов органически входит в историю декабристского движения, являясь его последней главой»². Но для окончательного перехода от краеведческого к научному подходу изучения данной проблемы требовалось расширение источниковой базы и обеспечение ее доступности для исследователей. С.Ф. Коваль одним из первых не

только осознал эту необходимость, но и предпринял все возможное для организации этой работы.

Начало было положено в дни подготовки 150-летнего юбилея восстания «первенцев свободы», когда в Восточно-Сибирском книжном издательстве вышел «сибирский трехтомник»³. Сборник «Своей судьбой гордимся мы», куда вошли фрагменты уже хорошо известных воспоминаний декабристов и двух декабристок, П.Е. Анненковой и М.Н. Волконской, был составлен иркутским писателем М.Д. Сергеевым. Сборники «Дум высокое стремление» и «В сердцах Отечества сынов» были подготовлены к печати С.Ф.Ковалем. Первый из них составлен из публицистических произведений декабристов (В.Ф. Раевского, М.С. Лунина, В.И. Штейнгейля и др.) и воспоминаний их современников (Н.А. Белоголового, Б.В. Струве, М.Д. Францевой и др.). В сборник «В сердцах Отечества сынов» вошли как опубликованные исследования 1920-х–1930-х гг. М.К. Азадовского, В.Е. Дербиной, Н.М. Дружинина, так и не опубликованные по каким-то причинам статьи Б.Г. Кубалова, Ю.Г. Оксмана и не публиковавшиеся до того письма декабристов. Кроме того, в нем были опубликованы некоторые новые работы советских историков, в том числе и статья самого Семена Федоровича, посвященная влиянию декабристов на формирование общественного движения в Сибири. Привлечение воспоминаний и писем как единомышленников декабристов – петрашевца Ф.Н. Львова, иркутских литераторов и публицистов В.И. Вагина, М.В. Загоскина, М.П. Шестунова, так и их противников – М.А. Бакунина, чиновников Д.Н. Гурьева, М.С. Корсакова и др., сопоставление высказанных в них мнений и аргументов позволили автору убедительно доказать свою точку зрения. Одновременно он показал, что полноте и объективности исследования в значительной степени способствует применение разнообразного инструментария, в роли которого выступают разнотипные, порой противостоящие друг другу источники.

Не умаляя значения сделанного М.Д. Сергеевым в первом сборнике, следует все же обратить внимание на разность подхода к составительской и редакторской работе писателя и историка. Для Сергеева основополагающим было воздействие на эмоции читателя. Этим был продиктован и отбор фрагментов из достаточно объемных воспоминаний – зерентуйский заговор И.И. Сухинова (И.И. Горбачевский), быт и братство декабристов в Чите и Петровском Заводе (А.П. Беляев, И.Д. Якушкин), впечатления о природе и людях Сибири (Н.В. Басаргин), противостояние жен декабристов местной администрации на их пути к мужьям (П.Е. Анненкова). Комментарии к этим отрывкам носили краткий, справочный характер всего на две странички.

Иной характер носят отбор и комментирование в сборниках Ковалея. В предисловии к сборнику «Дум высокое стремление» он объясняет причины объединения в нем «двух самостоятельных частей, разнородных по содержанию»: «В первой представлен лишь один вид литературной деятельности декабристов в Сибири, хотя и очень важный, если не самый важный, а во второй – воспоминания современников <...>, воспроизводящие преимущественно морально-бытовую сторону жизни и деятельности декабристов в Сибири. Сборник скреплен единством цели – познакомить читателя с важ-

нейшими первоисточниками, отражающими общественную среду, в которой развертывалась многообразная деятельность декабристов»⁴. Этой же цели служат и сравнительно обширные примечания, где не только приводятся биографические справки об упоминаемых в публикациях лицах, но и даются дополнительные сведения об указанных событиях, объясняются причины той или иной авторской позиции, указывается на ошибки, допущенные мемуаристами, а также адреса мест хранения документов или предыдущих публикаций. Эти принципы стали в дальнейшем основополагающими в будущих иркутских сериях – «Полярной звезде» и «Сибирь и декабристы».

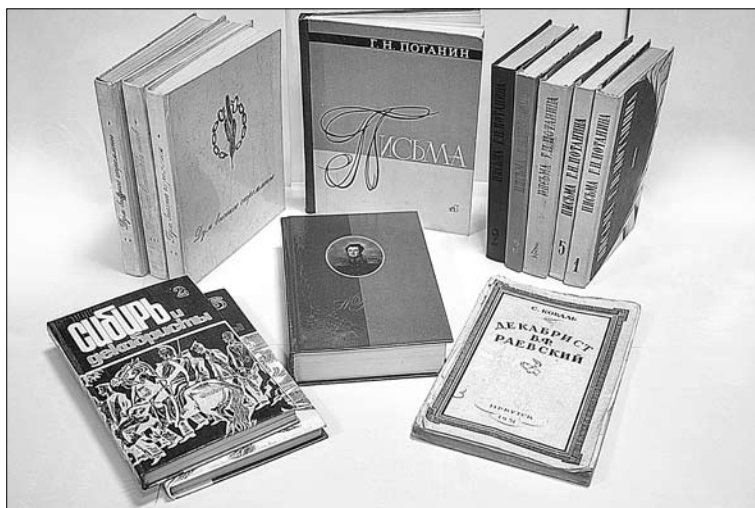
Продолжая эту традицию, десять лет спустя, С.Ф. Коваль подготовил к изданию сборник воспоминаний современников о пребывании декабристов в Сибири. В него были включены и хорошо известные, хотя и труднодоступные мемуары Л.Ф. Львова, С.И. Черепанова, П.И. Першина-Караксарского, А.П. Созонович, Б.В. Струве, и практически неизвестные до того воспоминания вдовы олонского священника Сперанской, дьячка читинской церкви С.Н. Малкова, дочери начальника Петровского Завода Е.О. Дубровиной, морского офицера из эскадры адмирала Путятина А.М. Линдена⁵. Собранные под одной обложкой и сгруппированные по географическому принципу (иркутская, забайкальская, западно-сибирская поселенческие колонии), эти воспоминания предоставляют исследователю возможность использовать их при изучении не только декабристской тематики, но и многих других аспектов истории Сибири. В известном смысле этот сборник стал хорошим дополнением к серии «Полярная звезда», где печаталось наследие самих декабристов. Позже в некоторых томах серии в разделе «Приложения» составители включали отрывки из малоизвестных мемуаров современников дворянских революционеров (сына декабриста Е.И. Якушкина, исследователя Аляски Л.А. Загоскина, иркутского этнографа Н.В. Ушарова в томе А.М. Муравьева; красноярского старожилы И.Ф. Парфентьева в томе П.С. Бобрищева-Пушкина; инженера путей сообщений А.И. Штукенберга в томе А.З. Муравьева).

Идея создания декабристской документальной серии, до того осознаваемая отдельными историками, была высказана и получила одобрение большинства декабристоведов, собравшихся в сентябре 1975 г. на конференцию «Декабристы и русская культура» в Иркутске. Эта инициатива научной общественности могла бы так и остаться одним из многих нереализованных планов, если бы не поддержка двух людей – академика М.В. Нечкиной и директора Восточно-Сибирского книжного издательства Ю.И. Бурькина. Первая обеспечила обоснование научной целесообразности и своевременности этого начинания, второй гарантировал редакторскую и издательскую базу. Соединенные усилия иркутян Коваля, Сергеева и Бурькина и москвички Нечкиной убедили и Коллегию Госкомиздата, и руководство Института истории АН СССР: в 1978 г. было принято решение о начале издания. К этому времени уже была сформирована редакционная коллегия задуманной серии. Поскольку авторы-составители представляли все регионы страны, а предполагаемый тираж в 50 000 экземпляров позволял рассчитывать на достаточно широкое распространение, редколлегия состояла из двух частей –

московской и иркутской, имевших равные права. В тех условиях это, безусловно, замедляло принятие решений, но позволяло учитывать интересы и столичной, и провинциальной научной общественности.

Тогда же были приняты основные принципы и правила публикаций нового издания. В «Памятке составителю серии «Полярная звезда»» сказано: «Все тома серии носят научный характер. Публикуемые материалы сопровождаются вступительными статьями, научным комментарием и указателями. Вместе с тем составители должны иметь в виду, что серия рассчитана одновременно на широкий круг читателей – неспециалистов, и разъяснять в комментариях и статьях некоторые факты, специалистам известные».

В серии «Полярная звезда» представлено общественно-политическое, научное, литературное наследие декабристов – как лидеров движения (М.А. Фонвизина, А.Н. Муравьева, Н.М. Муравьева, С.П. Трубецкого, Н.А. Бестужева), так и рядовых участников (М.А. Назимова, А.Ф. Бригена, П.Н. Свистунова, П.С. Бобрищева-Пушкина). Значительная часть его была малоизвестна или вводилась в научный оборот впервые. Подводя своеобразный промежуточный итог сделанному в 1996 г., С.Ф. Коваль указывал на многогранность и разнообразие творчества представленных в серии авто-

ров, интересных не только историкам: «В ней каждый найдет нужное: интересующийся политическими и философскими проблемами не пройдет мимо М.С. Лунина, М.А. Фонвизина, Г.С. Батенькова; вопросами литературной и общественной жизни – обратит внимание на П.А. Муханова, И.Д. Якушкина, В.Ф. Раевского и Н.В. Басаргина; военными – прежде всего, на С.Г. Волконского; просто житейскими и семейными – конечно, в первую очередь на С.П. Трубецкого, а потом и на других. И в каждом томе в большей или меньшей степени, но обязательно малоизвестные страницы из истории Сибири, а у В.И. Штейнгейля так целые пласты. Интересующиеся судебной системой в России, особенно военной, искусством самозащиты, найдут обильный материал в двухтомном наследии декабриста В.Ф. Раевского»⁶.

Большое место в составе томов уделялось письмам декабристов. Они дополняли, а порой и разъясняли содержание статей и проектов, давали представление об условиях, в которых формировались взгляды и суждения ссыльных дворян. Как справедливо заметил тогда еще ленинградский историк А.Е. Ходоров, «количество их тут – многие публикуются впервые – измеряется тысячами, и в этом отношении серию Восточно-Сибирского издательства мало с чем во всей истории воссоздания эпистолярного наследия наших предков можно сравнить». Но кроме конкретизации фактов жизни и деятельности, эпистолярное наследие декабристов вводит человека XXI в. в культурную атмосферу, позволяет лучше понять систему мировосприятия человека XIX столетия, ибо «наш пращур излагал в письме родственнику, другу, однокашнику, коллеге свое жизненное и творческое кредо, делился тем, как смотрит он на век, мир, Бога и род человеческий, на природу людскую и взаимоотношения людей, назначение наше на земле и на многое, многое другое»⁷.

Но Семен Федорович не был бы самим собой, если бы довольствовался только ролью редактора. В 2003 г., к своему 80-летию, он преподнес всем подарок – том, посвященный одному из наиболее уважаемых, разносторонне одаренных декабристов – Н.А. Бестужеву. Посвятив двадцать лет тщательным поискам, скрупулезному отбору, систематизации и анализу материалов, он представил читателю Бестужева – обществоведа, историка, этнографа, геолога, географа, экономиста, изобретателя. Разумеется, большая часть этих ипостасей талантливого ссыльного никем не оспаривалась и прежде. Но до того его известные исследователям работы были рассеяны по отдельным, нередко малодоступным изданиям. Собранные под одной обложкой, бережно и профессионально прокомментированные, они придали дополнительный объем, оригинальность и значимость сделанному декабристом. Публикация же 135 писем к матери, сестрам, друзьям молодости, товарищам по ссылке 1805–1855 гг. по-новому открыли грани его личности, чувства которой ни в малейшей мере не уступают его уму. В известном смысле Н.А. Бестужев являл собой пример положительного героя переходного от романтизма к реализму периода, которого искала русская литература, устав от «лишних людей».

Вышедшие к настоящему времени 27 томов «Полярной звезды» существенно расширили источниковую базу, способствовали более плодотворной работе историков, в том числе провинциальных, не всегда имеющих возможность работать в центральных и областных, рассеянных по всей Сибири архивах. Положенный в основу этих публикаций «биографический подход, – как писала в одной из рецензий новосибирская исследовательница Е.И. Матханова, – позволил воссоздать живой образ декабриста, его мировоззрение, его индивидуальные черты, взаимоотношения с товарищами»⁸. Однако значимость серии не исчерпывается ценностью документальных материалов. Биографический очерк и обширные комментарии к каждому тому носят серьезный исследовательский характер и отражают авторскую позицию составителей и членов редколлегии, что делает эти издания еще и своеобразным историографическим источником.

Задача расширения источниковой базы решалась и в другом иркутском серийном издании – «Сибирь и декабристы», также инициированном С.Ф. Ковалем. Здесь был специальный раздел «Неизданные материалы», в котором увидели свет письма Н.В. Басаргина, А.Е. Розена, И.И. Горбачевского, И.И. Пушина, Н.И. Тургенева, жен декабристов шефу жандармов Бенкендорфу, записка К.П. Торсона «Взгляд на изобретение и распространение машин», воспоминания внучки сибирской жены Н.А. Крюкова П.М. Сайловой, письма А.И. Герцена З.С. и Н.Д. Свербеевым. находка последних в Иркутском областном архиве (три совершенно неизвестных автографа и четвертый, известный до того лишь в списках), сделанная Ковалем в середине 1980-х гг., стала, в определенном смысле, сенсацией и для декабристоведов, и для исследователей деятельности и творчества издателя и редактора «Колокола» и «Полярной звезды»⁹.

В 1982 и 1991–1992 гг. в Восточно-Сибирском книжном издательстве вышли сборники статей корифеев советского декабристоведа М.В. Нечкиной и М.К. Азадовского¹⁰. В них вошли как ранние работы авторов (1920-е гг.), так и исследования периода их расцвета (1950-е). Инициатором и этих публикаций был С.Ф. Коваль. В его планы входило также выпустить в этой «спутниковой серии», как он ее называл, декабристские труды сибирских историков Б.Г. Кубалова и Ф.А. Кудрявцева. Тем самым, считал он, работы исследователей, ставшие библиографической редкостью, станут доступны новым поколениям и профессионалов, и краеведов-любителей, позволят и избежать некоторых ошибок прошлого, и построить более основательный фундамент для дальнейшей разработки проблемы «Декабристы в Сибири». Кроме того, работы прошлого, по мнению историка, сами со временем становятся источниками, неоценимыми при создании полного и всестороннего исследования самой истории изучения этой проблемы. Это еще одна задача, которую он поставил перед своими коллегами.

Своего рода заветом Семена Федоровича продолжателям дела, которому он практически посвятил свою жизнь, стали слова из статьи, опубликованной незадолго до его ухода: «Сам масштаб событий, которым посвящены издания «Полярной звезды» <...>, возводит издание в ранг исторического факта, неизбежно приобретающего все возрастающую историографическую значимость. В этом закономерном процессе важно соблюдение норм объективного научного подхода к оценке всего документального материала по истории движения декабристов, по его истокам и последствиям, без субъективистских мнений, не вытекающих из документальных источников»¹¹.

Примечания

¹ Житомирская С.В. Источниковедение декабризма. Некоторые нерешенные задачи // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1. С. 38.

² Цит. по: Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск, 1991. Кн. 1. С. 9.

³ Своей судьбой гордимся мы: Декабристы в Сибири / сост. М. Сергеев. Иркутск, 1973; Дум высокое стремление: Декабристы в Сибири / сост. С. Коваль. Иркутск, 1975; В сердцах Отечества сынов: Декабристы в Сибири / сост. и науч. ред. С.Ф. Коваль. Иркутск, 1975.

⁴ Коваль С. Предисловие // Дум высокое стремление: Декабристы в Сибири. С. 8–9.

⁵ «В потомках ваше племя оживет...» / изд. подгот. С.Ф. Ковалем. Иркутск, 1986.

⁶ Коваль С.Ф. «Полярная звезда» (К истории возникновения. Задачи и перспективы) // Земля Иркутская. 1996. № 6. С. 54.

⁷ Ходоров А.Е. Не гаснет «Полярная звезда» // Иркутский обл. краевед. музей. Краевед. записки. Иркутск, 1995. Вып. 3. С. 107.

⁸ Матханова Е.И. Серия «Полярная звезда». К возобновлению издания // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «Отечественная история». 2003. № 2. С. 99.

⁹ Коваль С.Ф. Из архива Н.Д. Свербеева. Письма А.И. Герцена // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1985. Вып. 4. С. 203–216.

¹⁰ Нечкина М.В. О нас в истории страницы напишут... Из истории декабристов. Иркутск, 1982; Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск, 1991–1992. Кн. 1–2.

¹¹ Коваль С.Ф. Несколько дополнений к подлинной истории серии «Полярная звезда» // Земля Иркутская. 2005. № 2 (28). С. 92.

Л.Я. Подольская

К истории изучения проблемы «Декабристы в Сибири» в Иркутске

Рассеянные по всей Сибири декабристы, безусловно, оказали положительное влияние на местное население. Благодарная память о них сохраняется во многих сибирских городах и селах. Но именно Иркутск стал настоящим центром по изучению сибирской ссылки «первенцев свободы». Этому способствовало несколько причин.

С 1826 г. Иркутск стал не только центром сосредоточения большинства осужденных Верховным уголовным судом, но и местом организации системы наказания и надзора за осужденными. Следовательно, здесь закладывалась документальная основа будущего иркутского декабриствоведения: в фонде Главного управления Восточной Сибири хранятся документы, раскрывающие особый порядок исполнения наказания для осужденных и членов их семей, обращения декабристов, их жен для разрешения возникавших проблем, ведомости об условиях содержания ссыльных, отчеты, в которых отражались сведения об их поведении, контактах, содержании посылок и т. д. Таким образом, можно сделать вывод о том, что сложная система контроля за особо опасными осужденными была излишне подробной, порой даже мелочной, благодаря чему историки имеют теперь возможность более полно и всесторонне раскрыть многие эпизоды жизни декабристов в ссылке. Впрочем, амнистия 1856 г. показала, что даже жесткий контроль и постоянная отчетность местных властей перед Петербургом о «государственных преступниках», на первый взгляд безукоризненно отлаженные, оказались не слишком эффективными: сведения об осужденных были неточными, и ряду амнистированных пришлось вести сложную и долговременную борьбу за свои права. Тем не менее в ГАИО сложилась богатейшая документальная база для будущих исследователей.

Особым феноменом сибирского декабриствоведения является то, что первыми исследователями данного явления стали сами декабристы, уже в сибирской ссылке начавшие работу по осмыслению и освещению своего дела. Стремясь сохранить память о своих товарищах, они оставили портретную

галерею, отмечали места захоронения друзей, сообщая о них подробные сведения другим декабристам. Они вели активную переписку и стремились к личному общению. Наконец, они поддерживали стремление своих товарищей к написанию воспоминаний. Декабристские воспоминания, их переписка составляют важнейший источник для современных научных исследований данной проблемы. Таким образом, уже в период ссылки была заложена богатейшая источниковая база для будущего изучения истории становления общественного движения в России; становления системы наказаний, направленной против складывавшихся оппозиционного и протестного движений; режима политической ссылки; влияния политссылных на общественную, культурную, хозяйственную жизнь сибиряков.

На формирование отношения к декабристам в сибирском обществе оказали влияние и представители высшей сибирской администрации. Науке известны имена генерал-губернаторов Восточной Сибири А.С. Лавинского, В.Я. Руперта, Н.Н. Муравьева-Амурского и их роль в ужесточении или смягчении положения данной категории ссылных. Своеобразная двойственность, характерная для «начальников края», наиболее ярко проявилась в позиции генерал-губернатора С.Б. Броневского. Он был известен своей нетерпимостью к свободным, особенно критическим высказываниям по политическим вопросам, к любым собраниям и мыслям, направленным на ниспровержение существующего строя. Об этом он откровенно написал в письме к иркутскому гражданскому губернатору: «С самого прибытия моего в Иркутск составила противная партия некоторых лиц, которым вообще не нравится новый порядок вещей. Эта партия, продолжая деятельно свои собрания и жаркие суждения о способах управления и о прочем, громко излагает свои сентенции и всякий чрезвычайный случай, просто по стечению обстоятельств происшедший и не зависящий от действия властей, приписывая прямо управлению. Это скопище недовольных распространило далеко свои корни»¹. Броневский много ездил по губернии и везде, как ему казалось, видел серьезную опасность для государства. Он стремился пресечь предполагаемые события административным произволом, многочисленными донесениями (доносами) в министерство финансов, Сибирский комитет и лично монарху. Естественно, и к декабристам у него было предвзятое отношение. О посещении им декабристов в Петровском Заводе И.Д. Якушкин вспоминал: «Проходя коридорами, Броневский заходил в иные номера, а в другие только заглядывал с таким любопытством, с каким обыкновенно заглядывает в железные клетки какой-нибудь посетитель, осматривающий никогда не виденный им зверинец»². Однако из этого посещения, изучения надзорных документов и наблюдения за поведением поселенных близ Иркутска Муравьевых, Волконских, Анненковых он сделал вывод о том, что необходима амнистия для декабристов. Он признавал, что за 11 лет пребывания на каторге и поселении осужденные не замечены были в каких-либо нарушениях, не устанавливали с кем-либо тесных связей. Основываясь на официальных прошениях декабристов, в которых всегда присутствовали все обязательные формальности, он пишет о раскаянии и полагает «испросить государственным преступникам вообще помилование»³. Правда, высказывая это пред-

ложение императору, он надеялся на прекращение ссылки в Сибирь вообще, считая ее одним из главных зол отдаленного края. Предложение осталось без ответа. Двойственное отношение представителей власти в сочетании с высоким положением родственников некоторых декабристов (Волконских, Трубецких, Муравьевых) и их «превосходнейшими нравственными качествами» и умом, конечно, вызывало дополнительный интерес в местном обществе. Так же как и правительство, хотя и совершенно с других позиций, сибиряки начали отделять политическую ссылку от уголовной.

В истории Сибири ссылка всегда была одним из больных вопросов. Краеугольным положением исследователей 60-х–90-х гг. XIX в. стало признание того, что принудительная колонизация не способствовала экономическому развитию края. Наиболее полно это выразил Н.М. Ядринцев в книге «Сибирь как колония». Но еще ранее иркутский публицист В.И. Вагин утверждал, что ссылка – тяжкое наказание, которое не только не способствует исправлению осужденного, но и оказывает дурное нравственное воздействие на население. Отмена уголовной ссылки – насущная потребность Сибири. В научных и публицистических произведениях Вагин развивал и отстаивал это программное положение сибирского областничества, в дневнике же по этому поводу высказался так: «Ссылка – язва Сибири; пока она существует, пока Сибирь волей-неволей должна принимать в свою среду ссыльных, до тех пор она никогда не поднимется экономически и нравственно»⁴.

Нарастающее протестное движение в стране способствовало пробуждению общественной активности. В связи с этим Вагин обратил внимание на влияние политической ссылки. Он утверждал, что пребывание политссыльных, «людей, подготовленных к другой, лучшей будущности <...> и поставленных в положение бесправных ссыльных», должно было «будить и развивать человеческие чувства в местном населении». Влияние политических ссыльных на сибирское общество, считал историк, простиралось значительно дальше и глубже, чем культурное влияние. Он расценивал каждый приток политических ссыльных как «эпохи в развитии Сибири», выделив такие этапы: декабристы, социалисты 40-х гг. и польские повстанцы 1830 и 1863 гг. Иркутский историк-самоучка впервые в отечественной науке выделил эпоху декабристов как самостоятельный этап в истории политической ссылки, причем он не рассматривал ее как сугубо краеведческую проблему, указывая на ее политическую значимость⁵.

Интерес к декабристам В.И. Вагин проявил еще в отрочестве. Одним из его учителей был Артемий Матвеевич Крюков, сын кяхтинского купца первой гильдии, который был близко знаком с декабристом М.С. Луниным, читал его «Письма из Сибири». В 1841 г. он вместе с братом привлекался к следствию по делу декабриста. Доверительные отношения ученика и учителя привели к тому, что декабристская проблематика вошла в творчество Вагина⁶. Во время чиновной службы в Забайкалье он установил личные контакты с М.А. Бестужевым, И.И. Горбачевским, Д.И. Завалишиным, в Иркутске часто общался с В.Ф. Раевским, в Томске сблизился с Г.С. Батеньковым⁷. В его планы входило написание книги о декабристах, и, пользуясь своим служебным положением, он начал выявлять документы в архивах. Доку-

ментов оказалось много, но значительная часть из них (особенно переписка) была на иностранных языках. Знаний Вагина для осуществления столь значительной работы оказалось недостаточно, и он вынужден был отказаться от своего замысла.

Таким образом, уже в XIX в. именно в Иркутске была заложена база для будущих исследований проблемы «Декабристы в Сибири». Эта источниковая база включала в себя как официальные документы, отражающие точку зрения правительства, так и документы личного происхождения. Но и эти последние также отличались разнообразием, так как исходили и от восторженных поклонников ссыльных дворян (И.П. Корнилов), и от людей, наблюдавших за ними несколько со стороны (А.М. Линден), и от тех, кто относился к ним предвзято (А.В. Пятницкий). Тогда же была предпринята первая попытка не просто описать пребывание декабристов в сибирской ссылке, но и дать оценку этому явлению (В.И. Вагин).

Становление проблемы «Декабристы в Сибири» сначала как краеведческой, а затем и научной приходится на первую половину 20-х гг. XX в. Этому способствовало несколько обстоятельств: возобновление занятий в университете, юбилей Географического общества и подготовка и проведение I Всероссийского съезда краеведов. Возобновление учебного процесса в Иргосуне повлекло изменение учебной программы у историков и включение в нее курса «Политическая ссылка в Сибирь и деятельность ссыльных». Курс начинался с изучения каторги и ссылки декабристов, их влияния на общественную жизнь сибиряков. Обращение к изучению почти тридцатилетнего пребывания декабристов в Сибири как одно из направлений предстоящей работы было заявлено и на заседании Географического общества⁸.

Самым значительным явлением этого этапа стало проведение столетнего юбилея восстания декабристов. Созданная для организации юбилея комиссия занялась выявлением документов в Центральном архиве Восточной Сибири (впоследствии ГАИО), была подготовлена первая опись декабристской документальной коллекции. Впервые была проведена научная экспедиция, посвященная изучению пребывания декабристов в самом Иркутске и окрестных селах. Ее возглавил историк Б.Г. Кубалов. Под его руководством были выявлены и обследованы дома, в которых жили декабристы (дома Трубецкого и Волконского), могилы в Знаменском монастыре и на Иерусалимском кладбище. Экспедиция выявляла потомков тех, кто знал декабристов или общался с ними.

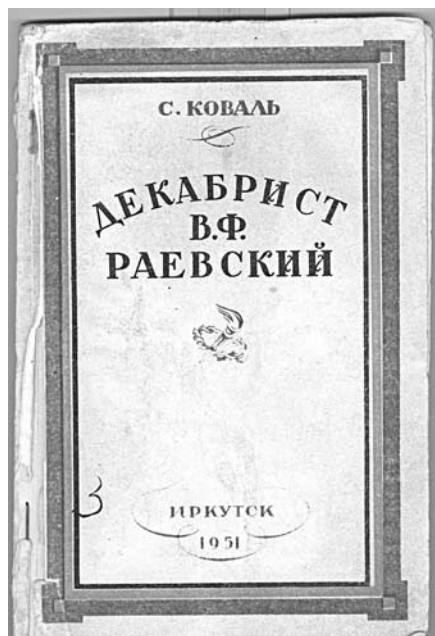
В селах, где были обнаружены памятные места (храмы, сохранившиеся дома, захоронения), – в Оёке, Урике, Малой Разводной, Ирети – были проведены исследования. Участники экспедиции побывали в Чите и Петровском Заводе. Результатом экспедиции стала постановка под государственную охрану домов декабристов (она выразилась в установлении мемориальных досок).

В областном краеведческом музее была открыта сначала юбилейная выставка с подлинными вещами М.Н. Волконской, Трубецких, П.А. Муханова, которые затем были переданы музеем для организации постоянной экспозиции, посвященной декабристам. Главным итогом работы на этом этапе

явилась книга Б.Г. Кубалова⁹. На основе анализа архивных материалов и собранных воспоминаний автор восстановил жизнь образованнейших людей России в тяжелых условиях изоляции, показал их духовность, сохраненную в годы испытаний, и стремление приносить пользу. Одновременно вышел в свет сборник статей «Сибирь и декабристы»¹⁰. Авторский коллектив представлен М.К. Азадовским, Б.Г. Кубаловым, В.Е. Дербиной, Ф.А. Кудрявцевым. И хотя в этих работах еще преобладал краеведческий аспект, некоторые вопросы (сибирская публицистика декабристов, взаимоотношения с местными властями, участие в общественном движении в 50-е гг. XIX в.) выводили эту сибирскую тему в круг общероссийских научных проблем.

В 1944 г. на историческое отделение ИГУ поступил демобилизованный по тяжелому ранению лейтенант в отставке С.Ф. Коваль. Холодно и голодно жили студенты военных лет. Еще сложнее было вернувшимся с фронта израненным солдатам и офицерам. Скучный паек, крошечная стипендия, общежитие, изношенное военное обмундирование, а рядом бывшие школьники, хорошо подготовленные. Демобилизованные шли за знаниями как в бой, за-

давали высочайшую планку в учебе, и впереди них был Коваль, вскоре обоснованно заслуживший прозвище «железный Коваль». Он увлекся декабристской темой. Итогом его исследований была защищенная на отлично дипломная работа, посвященная В.Ф. Раевскому. Работа была рекомендована к публикации, и в 1951 г. в Иркутском книжном издательстве вышла в свет его первая книга¹¹, заслужившая одобрение ученых. Так закрепилась главная тема его научной работы – декабристы. Семен Федорович вел семинар для студентов-историков, из которого вышел новый отряд декабристоведов. Коваль тесно сотрудничал с Б.Г. Кубаловым, томичами, затем новосибирцами, установлен был контакт с М.В. Нечкиной и другими исследователями-декабристоведами.

Началом нового этапа в развитии декабристской темы стала Всесоюзная научная конференция 1975 года, на которой были подведены итоги сделанного и намечены исследовательские задачи на будущее. Вскоре после конференции в Иркутске был создан Проблемный научный совет «Сибирь и декабристы», который стал выпускать свой сборник, объединивший исследователей разных поколений и школ. Бесшменным редактором этого издания был С.Ф. Коваль. При его жизни вышло пять сборников, спустя годы его ученики сумели выпустить еще один. Но главным делом иркутской школы декабристоведения стало издание много-томной документальной серии «Полярная звезда». В ней участвовали исто-

рики из разных городов страны, в состав редколлегии входили выдающиеся ученые – М.В. Нечкина, И.Д. Ковальченко, С.В. Житомирская, В.А. Федоров и др. Выпускало серию Восточно-Сибирское книжное издательство (сейчас она выходит в Иркутском музее декабристов), а ведущую роль в отборе материалов, организации исследовательской работы, подготовке томов к печати играли иркутяне – С.Ф. Коваль, М.Д. Сергеев, Ю.И. Бурькин, Е.А. Ячменев.

Еще одной вершиной иркутского декабриствоведения стала реконструкция сохранившихся домов декабристов и создание в них мемориального музея. В этой работе участвовало огромное количество людей. Среди них тогдашний председатель горисполкома Н.Ф. Салацкий, С.Ф. Коваль, М.Д. Сергеев, первые сотрудники нового музея и создатели экспозиции Н.С. Струк, Т.В. Налетова, художники В. Ильин, Б.Н. Бычков, реставратор Г.Г. Оранская. Открытие в 1970 г. Дома Трубецких, а в 1985-м – Дома Волконских стало важным культурным событием сначала для Иркутска, а затем новый музей приобрел известность не только в Сибири, но и в стране. Сюда стали приезжать москвичи, ленинградцы, иностранцы, потянулись потомки декабристов, живущие в России и за рубежом. И даже несмотря на произошедшие в 1990-х гг. изменения, начавшийся было пересмотр отношения к декабристам, тропа в иркутские дома декабристов не заросла, ученые продолжают изучать различные аспекты их жизни и деятельности, выходят посвященные им книги, а в Доме Волконских в студеные декабрьские дни собираются представители нового поколения иркутских декабристоведов, чтобы снова и снова обратиться к «их делу и примеру».

Примечания

¹ Кубалов Б.Г. С.Б. Броневский и его донос 1837 г. // Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2011. Вып. 1. С. 125.

² Там же. С. 129.

³ Там же. С. 130–131.

⁴ ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 116. Л. 563.

⁵ Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири в 1819–1822 гг. СПб., 1872. Т. 2. С. 391.

⁶ Вагин В.И. Артемий Матвеев Крюков (Из воспоминаний) // Сибирский сборник. Иркутск, 1888. Вып. 3. С. 31–36.

⁷ Вагин В.И. Г.С. Батеньков: Биография декабриста (Рус. старина, 1889, авг.) // Вост. обозрение. 1889. № 43. 22 окт. С. 13–14.

⁸ Манассеин В.С. Очерк исторической деятельности Восточно-Сибирского отдела Государственного Русского Географического общества за 75 лет существования. Иркутск, 1926. С. 33–34.

⁹ Кубалов Б.Г. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925.

¹⁰ Сибирь и декабристы. Иркутск, 1925.

¹¹ Коваль С.Ф. Декабрист В.Ф. Раевский. Иркутск, 1951.

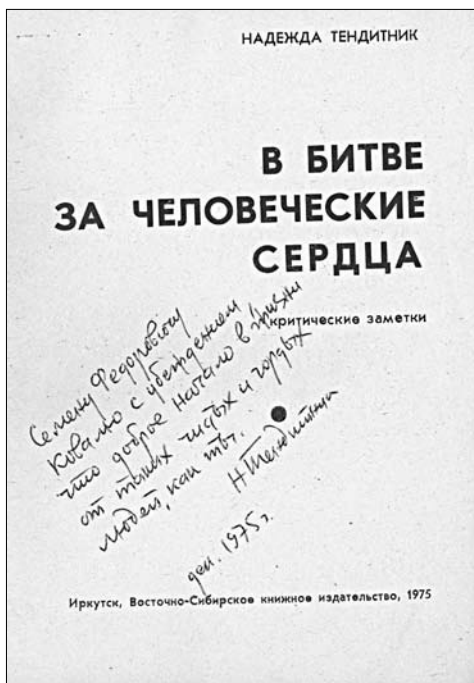
А.В. Сакович

Библиотека С.Ф. Коваля в фондах Иркутского музея декабристов

Коллекции изданий, принадлежавших ранее выдающимся ученым, писателям, ушедшим из жизни, собраны во многих музеях и академических институтах страны. Подобные собрания сегодня принято называть мемориальными библиотеками, хотя данный термин не зафиксирован в стандартах по библиотечному делу.

Поступая в виде дара в общественное пользование, личные собрания служат одним из важнейших источников пополнения фондов музеев и книгохранилищ, и в этом плане наибольшую культурную ценность представляют собрания выдающихся библиофилов, а также деятелей науки, искусства, литературы.

Закономерно, что частная книжная коллекция в большинстве случаев

является результатом целенаправленной творческой деятельности ее владельцев. Тем более важным становится изучение истории возникновения таких библиотек и необходимых сведений о владельце, ее количественной и тематической характеристики.

В связи с этим хотелось бы коснуться двух аспектов функций мемориальных библиотек. Общеизвестно, что одной из существенных функций библиотеки является мемориальная. Однако сбор коллекций личных библиотек выдающихся личностей имеет цель не просто сохранить их для будущих поколений, а сделать их доступными и для нынешнего круга читателей. Другой аспект – это память об ученых. Коллекции их частных собраний будут являться учебниками для их последователей в работе и

жизни.

Мемориальной библиотеке, поступающей в собрание музея, как правило, сопутствуют фотографии, предметы личного обихода, которые раскрывают различные грани личности ученого, деятельность которого может представлять интерес для научных работников, студентов, историков науки.

Все вышесказанное в полной мере относится и к личной библиотеке С.Ф. Ковалья (1923–2005) – видного историографа, декабристоведа.

Судьба С.Ф. Ковалья была неразрывно связана с Иркутским государственным университетом, в стенах которого он сформировался как крупный ученый и общественный деятель.

Со дня выхода монографии «Декабрист В.Ф. Раевский» в 1951 г. по 2003 г. Семеном Федоровичем было опубликовано около 130 работ.

С.Ф. Коваль был одним из инициаторов создания в Иркутске музея декабристов и проведения научно-практических конференций по декабристской проблематике. Кроме этого, он являлся также одним из инициаторов издания серии документов и материалов «Полярная звезда», членом редколлегии пятитомного собрания писем Г.Н. Потанина. Под его редакцией изданы два тома «Летописей города Иркутска» Н.С. Романова.

Как общественный деятель С.Ф. Коваль принимал активное участие в работе общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), являлся членом совета при Государственном архиве Иркутской области, членом редколлегии журнала «Земля Иркутская».

За мужество и героизм при защите Родины, за трудовую и общественную деятельность С.Ф. Коваль был награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны 1-й степени и десятью медалями.

20 декабря 2005 г. на вечере памяти С.Ф. Ковалья родственники ученого, вдова Нина Иосифовна Коваль и племянница Юлия Владимовна Белова, выразили намерение передать библиотеку и архив С.Ф. Ковалья Иркутскому музею декабристов.

17 декабря 2008 г. библиотека была принята на временное хранение, а в 2009 г. началось оформление книг в фонды музея.

В 2014 г. библиотека была принята в основной и научно-вспомогательный фонд.

Данная работа представляет собой первоначальный этап изучения библиотеки С.Ф. Ковалья.

Задача исследования заключалась в количественной и тематической характеристике книжного собрания.

За основу классификации книг из библиотеки С.Ф. Ковалья было принято описание части собрания Н.С. Романова, хранящегося в фонде Научной библиотеки Иркутского государственного университета.

В данной классификации не учитывались вторые и третьи экземпляры различных изданий, полиграфическая продукция в виде открыток, календарей, карт, буклетов.

В сентябре 1944 г. С.Ф. Коваль поступил на историческое отделение Иркутского государственного университета, и, судя по надписям на некоторых книгах, именно в этот период начала формироваться его личная библиотека. Одна из таких надписей: «Сия книга принадлежит студенту II курса Иркутского государств. университета им. А.А. Жданова Семену Ф. Ковалю 1945–46 уч. года г. Иркутск». На многих форзацах и титульных листах книг встречаются владельческие надписи того периода времени: «Из книг С.Ф. Ковалья», «Книги С.Ф. Ковалья»... и даты – с 1945 по 1949 г.

В настоящее время библиотека С.Ф. Коваля насчитывает 2692 единицы хранения. По решению ЭФЗК Иркутского музея декабристов 1151 экземпляр были приняты в основной фонд музея как издания, имеющие мемориальное и историко-культурное значение.

Собрание включает в себя художественную, научную и научно-популярную литературу, а также различные издания в виде буклетов, брошюр, карт, открыток, альбомов, путеводителей, альманахов, журналов, отдельных оттисков научных статей, авторефератов.

Книжный фонд представлен, в основном, изданиями по общественным и гуманитарным наукам, включая редкие издания конца XIX – начала XX в., 20-х, 30-х и 40-х гг. XX в.: научные и научно-популярные издания по всемирной истории, истории России, по вспомогательным историческим дисциплинам, политике и политологии, по социологии, экономике, философии, праву, религиоведению, языкознанию, литературоведению, искусству, географии, краеведению.

Самые большие тематические блоки представлены следующими разделами:

- декабристоведение – 338 ед.
- история Сибири и Дальнего Востока – 336,
- история России – 253,
- художественная литература, литературоведение и языкознание – 273,
- всемирная история – 39,
- история Польши – 66,
- общественные науки (философия, этика, социология, культурология) – 69,
- историография, источниковедение – 33,
- военная история – 72,
- искусствоведение – 13,
- археология – 9,
- география – 59,
- этнография, фольклор – 60,
- библиотеки, библиотечное дело, библиография, печать, журналистика – 45,
- биографические книги и серия биографий «ЖЗЛ» – 155,
- музеи, музееведение, архивы – 43,
- международные отношения, дипломатия – 40,
- пушкиниана – 27,
- лениниана – 8,
- естественные науки (геология, биология, техника, экономика) – 48,
- публицистика – 27,
- работы классиков марксизма – 96,
- история КПСС – 37,
- ВООПИК – 12,
- юридическая литература – 9,
- издания на иностранных языках (франц., нем.) – 5,
- письма – 7,

историческое периодическое издание «Русская старина» – 73.

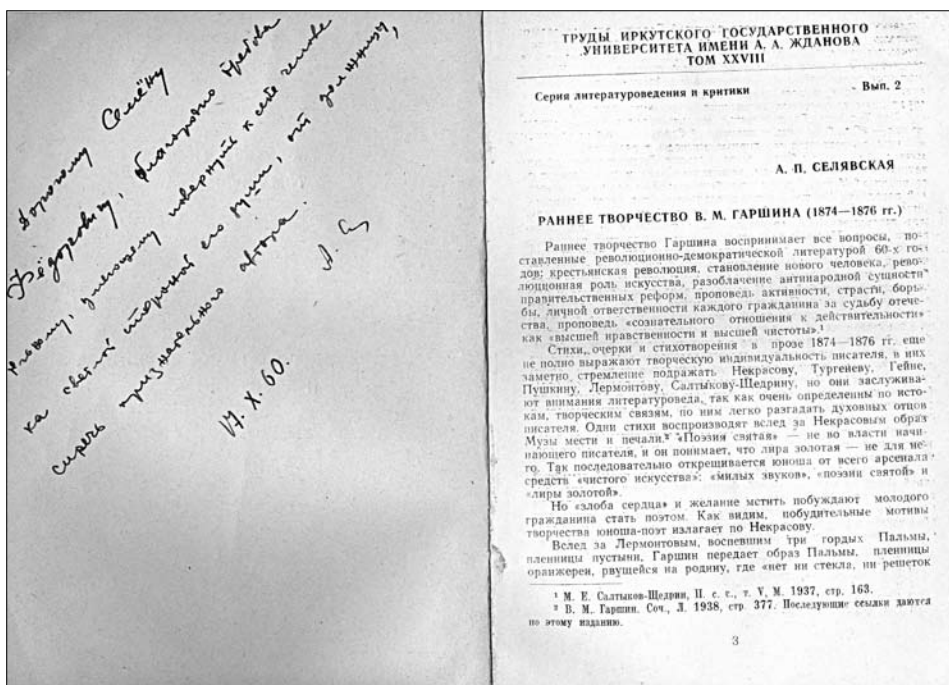
Всего: 2355 единиц.

Как декабристовец С.Ф. Коваль собрал большую коллекцию литературы, посвященной декабристам, – 338 единиц, которая заслуживает отдельного анализа. Остановимся на некоторых изданиях.

Из дореволюционных изданий необходимо отметить «Записки жены декабриста П.Е. Анненковой» (б. г.), «Декабристы. 86 портретов» изд. М.М. Зензинова (1906), «Декабристы. Тайные общества» (1907), «Записки Фон-Визина» (1859).

Послереволюционные издания представлены работами П.Е. Щеголева «Декабристы» (1926), А.Е. Преснякова «14 декабря 1825 года» (1926), различными сборниками материалов о декабристах под редакциями известных ученых – С.В. Бахрушина, М.А. Цявловского, Б.Л. Модзалевского, Ю.Г. Оксмана, М. Клевенского.

Широко представлена литература о декабристах, которая выходила в 70–80-х гг. XX в. Это работы как признанных корифеев отечественного декабристоведения – С.Я. Штрайха, С.Б. Окуня, Ф.А. Кудрявцева, А.И. Гессена, М.В. Нечкиной, Н.Я. Эйдельмана, так и более поздних исследователей – самого С.Ф. Коваля, а также А.А. Брегман, В.П. Павловой, Э.А. Павлюченко,

Ю.С. Постнова, С.В. Кодана, Г.П. Шатровой, В.С. Парсамова, Н.П. Матхановой и многих других.

Большой корпус источников по истории России (253 экз.) включает дореволюционные издания историков В.О. Ключевского, А.А. Кизеветтера, М.О. Гершензона, М.М. Ковалевского, послереволюционные изда-

ния В.С. Покровского, М.О. Гершензона, С.Ф. Платонова, Ю.Г. Оксмана, Е.В. Тарле, А.С. Нифонтова.

История Сибири и Дальнего Востока (336 ед.) представлена именами И.И. Серебренникова, С.Б. Шостаковича, Ф.А. Кудрявцева, М.К. Азадовского, В.Н. Шерстобоева, М.П. Алексеева, В.В. Покшишевского, Э.П. Зиннера, Г.А. Вендриха, А.В. Дулова, И.И. Кузнецова, Б.С. Шостаковича.

В разделе «Литературоведение и языкознание» (273 ед.) обращают на себя внимание книги Ю.М. Лотмана, И.Л. Андроникова, М.К. Азадовского, В.П. Трушкина.

Большой интерес представляют редкие издания, часть которых может быть отнесена к книжным памятникам. Это, в первую очередь, 73 экземпляра многотомного издания «Русской старины», содержащие уникальные материалы по российской истории.

Немало материалов мемуарного и исторического характера посвящено декабристам. В первую очередь здесь надо назвать дневник В.К. Кюхельбекера; записки М.А. Бестужева о декабристах; относящиеся к тому же предмету записки А.П. Беляева, М.И. Муравьева-Апостола, П.Е. Анненковой.

Обращают на себя внимание книжные переплеты ручной работы, сделанные, по-видимому, по заказу одного из первых владельцев этого издания. Часть тетрадей объединена в книжные блоки в твердом составном переплете с кожаным корешком, «потухшим» золотым тиснением. Крышки книжного блока оклеены темно-зеленой, под «мрамор», бумагой. На оборотной стороне обложки имеется штамп владельца переплетной мастерской с указанием его фамилии и адреса.

Особо стоит отметить книги, изданные в первые годы советской власти (26 ед.) и в 1930-х гг., которые также с полным правом можно отнести к книжным памятникам. Это книги издательств «Прибой», «Прометей», «Московский рабочий», «Academia», Издательства Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, Издательства Центрархива РСФСР, «Новая Москва».

Как фронтовик, участник Великой Отечественной войны, С.Ф. Коваль не мог оставить без внимания начавшие издаваться с начала 60-х гг. XX в. военные мемуары как советских, так и зарубежных военачальников. В первую очередь здесь надо назвать первое издание мемуаров Г.К. Жукова, С.М. Буденного, И.Х. Баграмяна, Н.Г. Кузнецова, Г. Гудериана.

С.Ф. Коваль принадлежит к поколению ученых-историков, которое формировалось в то время, когда изучение трудов классиков марксизма-ленинизма являлось обязательным условием образования. Поэтому значительную часть его книжного собрания составляют произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина (130 ед.).

Среди всех изданий сочинений В.И. Ленина третье издание является своего рода уникальным. Как известно, Л.Б. Каменев был редактором второго собрания сочинений Ленина, а в 1934 г. под его редакцией стало выходить третье издание сочинений вождя. После того как Л.Б. Каменев и Н.И. Бухарин, который входил в состав редколлегии, были репрессированы, третье

издание сочинений В.И. Ленина было изъято из библиотек и сохранилось лишь в спецхранах, частных книжных собраниях ученых и библиофилов.

В фонде библиотеки С.Ф. Коваля имеются работы И.В. Сталина, а также книги других государственных и общественных деятелей; сборники воспоминаний, очерки о жизни и деятельности руководителей КПСС и Советского государства.

Судя по составу публикаций, представленных в книжном собрании ученого, география его научных и дружеских связей с коллегами из российских и зарубежных регионов была обширна и многообразна. Ученый сотрудничал с коллегами из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Свердловска, Томска, Саратова, Барнаула, Воронежа, Казани, а также из социалистических стран – Польши и ГДР.

На некоторых оттисках научных статей встречаются автографы польских ученых И. Миллера, В. Евсевского, немецкого историка Гюнтера Яроша. Не случайно литература по истории Польши, о польских революционерах насчитывает 66 экземпляров разных изданий.

Автографы, оставленные на форзацах, титульных листах десятков книг, авторефератов различных диссертаций выдающимися учеными, писателями, литературоведами, помогают оценить масштаб личности ученого, результаты его профессиональной деятельности. В первую очередь, надо отметить автографы старейшин отечественного декабристоведения – Б.Г. Кубалова, М.В. Нечкиной, а также В.П. Павловой, А.А. Брегман, Н.П. Матхановой, С.В. Мироненко, Г.П. Шатровой, И.В. Пороха.

По автографам, оставленным на форзацах и титульных листах десятков книгах, брошюр, авторефератов и отдельных оттисках, можно составить обширный перечень российских ученых, коллег, учеников, с которыми у С.Ф. Коваля сложились дружеские, творческие и научные связи. Это иркутские историки Ф.А. Кудрявцев, Г.А. Вендрих, А.В. Дулов, С.В. Шостакович, В.Т. Агалаков, И.И. Кузнецов, Е.М. Даревская, Г.И. Медведев, Л.М. Дамешек, В.П. Шахеров, А.С. Маджаров, писатели и литературоведы – Н.Я. Эйдельман, М.Д. Сергеев, А.П. Селявская, Н.С. Тендитник, В.П. Трушкин. Нельзя обойти вниманием издания с автографами таких крупных ученых, как А.Г. Грум-Гржимайло, О.К. Вилкова, Б.С. Мейлах.

Дарственные надписи на некоторых книгах говорят нам о взаимоотношениях С.Ф. Коваля с коллегами, о его высоких нравственных качествах, о требовательности и готовности всегда помочь своим ученикам и коллегам. Достаточно процитировать слова известных иркутских литературоведов – Н.С. Тендитник, А.П. Селявской, В.П. Трушкина, чтобы оценить степень их человеческой и профессиональной признательности ученому. «Дорогому Семену Федоровичу, благородно требовательному, умеющему повернуть к себе человека светлой стороной его души, от должника, сиречь признательного автора. А.С. 17.X.60». «Семену Федоровичу Ковалю с убеждением, что доброе начало в жизни от таких чистых и гордых людей, как ты. Н. Тендитник, дек. 1975 г.». «Дорогому Семену Федоровичу Ковалю, талантливому исследователю и хорошему человеку, на добрую память от автора. 4 января 1967 г. В. Трушкин».

Как отмечалось, научное наследие С.Ф. Коваля насчитывает около 130 работ, часть из которых являлись определенными вехами в судьбе ученого. Это – первая монография ученого «Декабрист В.Ф. Раевский», книга «За правду и волю» (о кругобайкальском восстании поляков), статьи в многотомной «Истории Сибири», сборниках «Сибирь и декабристы», «В сердцах Отечества сынов», «Дум высокое стремление».

Названия других публикаций С.Ф. Коваля в полном объеме представлены в биобиблиографическом указателе «Семен Федорович Коваль. К 80-летию со дня рождения».

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что мемориальное книжное собрание С.Ф. Коваля, в первую очередь, характеризует личность ученого и педагога, раскрывает многогранность его научных интересов. Значительная часть собрания является подлинным документом эпохи и по-прежнему сохраняет свое актуальное научное и историко-культурное значение.

О.Н. Кобелева

**Краткий обзор фонда личного происхождения Р–3303
«Семен Федорович Коваль – историк, декабристовед,
доцент Иркутского государственного университета»**

История фонда

Документы личного фонда С.Ф. Коваля впервые поступили в ГАИО в 1986 г. в количестве 25 ед. хр. за 1958–1970 гг. от самого фондообразователя. В 1996 г. фонд пополнялся дважды: в сентябре (60 ед. хр.), в декабре (70 ед. хр.) – за 1964–1990 гг. В марте 1997 г. Семеном Федоровичем на госхранение были переданы 96 ед. хр. за 1962–1997 гг., в 1998 г. – 82 ед. хр. за 1963–1997 гг.

В 1986 г. заявление о передаче на госхранение документальных материалов С.Ф. Ковалем не было составлено, поэтому оно было оформлено 20 мая 1998 г.

Последняя прижизненная передача документов в ГАИО производилась Семеном Федоровичем в июне 2000 г. в количестве 92 ед. хр. за 1947–2000 гг. Оставшиеся после его смерти (06.12.2005) документы были переданы сначала в Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов, а в 2009 г. поступили в ОГУ ГАИО в разрозненном состоянии. Часть из них была описана и отсистематизирована в 2011 г. (48 ед. хр. за 1946–1996 гг.) и в 2013 г. (119 ед. хр. за 1901–2005 гг.). Работа над оставшимися документами продолжается.

Фонд представлен:

документами творческой деятельности (рукописи, машинописи монографий, статей, докладов, выступлений; материалы, собранными С.Ф. Ковалем в процессе работы над ними; печатные издания работ фондообразователя);
документами редакторской деятельности;
перепиской с учреждениями по вопросам издательской деятельности;
перепиской с деятелями культуры, историками, краеведами, родственниками, однополчанами и др.;
материалами к биографии;
материалами, отложившимися в фонде.

Документы творческой деятельности (1947–1996)

Рукопись и машинопись первой монографии Семена Федоровича «Декабрист В.Ф. Раевский» на госхранение не поступали, но этапы работы над ней можно проследить по документам студенческого периода (данная монография является опубликованным в 1951 г. изданием дипломной работы фондообразователя (1949). На хранении имеются доклады С.Ф. Ковалю «Владимир Федосеевич Раевский», «А.С. Пушкин и декабрист В.Ф. Раевский (К 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина)», сделанные на 3-м и 5-м курсах историко-филологического факультета ИГУ им. А.А. Жданова, план дипломной работы, рукопись выступления на ее защите, библиографические списки, составленные фондообразователем, выписки из архивных документов ГАИО, из монографий П.Е. Щеголева «Первый декабрист Владимир Федосеевич Раевский», «Декабристы», из журналов «Красный архив», «Русская старина». Здесь также отложились рецензия Ф.А. Кудрявцева, отзыв Б.Г. Кубалова на монографию.

Над темой о В.Ф. Раевском С.Ф. Коваль продолжал работать на протяжении всей своей жизни. На хранении в ОГКУ ГАИО находятся: рукопись, предположительно, 2-го издания монографии о В.Ф. Раевском под условным названием «К политической биографии Владимира Федосеевича Раевского» (1958, варианты), рукописи, машинописи статей с правками автора «По поводу нового автографа В.Ф. Раевского (из сибирской переписки первого декабриста)» (1957), «Первый декабрист В.Ф. Раевский (общественно-политические взгляды и деятельность)» (1958), статей к столетию со дня смерти (1972), двухсотлетию со дня рождения (1996) В.Ф. Раевского.

Подготовительные материалы к этим работам включают в себя копии, фотокопии документов из Государственной публичной библиотеки им. В.И. Ленина, Центрального государственного исторического архива СССР, филиала Центрального государственного военно-исторического архива в г. Ленинграде и др.; подробные выписки из архивных документов, из работ М.В. Нечкиной, М.Ю. Барановской, а также выписки, сделанные женой Семена Федоровича Н.И. Коваль из опубликованных диссертаций, выписки других лиц по данной тематике, списки литературы по темам «Декабристы», «Сибирь и декабристы», «В.Ф. Раевский», «Раевский В.Ф., его сыновья и внуки», составленные самим фондообразователем.

В фонде Р–3303 отложились машинописи сценария «Движение декабристов (к 135-летию со дня восстания)», разработанного С.Ф. Ковалем, и его

рецензии на книгу М.М. Богдановой «Декабрист-крестьянин П.Ф. Дунцов-Выгодковский» (1960).

В фонде имеется рукопись с правками автора монографии «За правду и волю: К столетию восстания политических ссыльных в Сибири в 1866 году» (1966).

Другие творческие материалы представлены опубликованными и неопубликованными статьями, докладами, сообщениями, в основном, по темам «Польские ссыльные в Сибири в 20–70-е гг. XIX века». Это рукописи, машинописи с авторскими правками вариантов статьи «Польские повстанцы 1863 года в Сибири (к вопросу о подготовке восстания ссыльных. Рукописный журнал «Метеор»)» (1960), «Польские ссыльные и народовольческие организации в Восточной Сибири. 1879–1881 годы» (машинопись, рукопись, типографский оттиск) и др.

Тема «Общественное движение в Сибири во второй половине XIX века» представлена рукописями, машинописями с правками автора вариантов статей «К вопросу о характере общественного движения в Сибири в 60-е годы» (1960), статьями, посвященными Г.Н. Потанину, А.В. Потаниной, А.П. Щапову, сибирскому областничеству, рукописями совместных с Б.Г. Кубаловым статей и их вариантов, в том числе «К вопросу о раскрепощении труда в Сибири» (1961), «Профессор А.П. Щапов в процессе сибирских «сепаратистов» (1965).

Стоит отметить тщательность и скрупулезность Семена Федоровича в процессе подготовки и написания научных работ. Так, к примеру, исследуя в 1952–1954 гг. тему «Декабристы в Сибири», только из фондов ГАИО он проработал 270 ед. хр., а его выписки из архивных документов и других источников настолько подробны и точны, что дают возможность пользоваться ими как первоисточником (выписки Семена Федоровича из копии «Доклада Аудиторского департамента о следствии и суде над В.Ф. Раевским).

Редакторские работы (1963–2005)

В этом разделе представлены:

Сборники исследований, посвященные 125-летию со дня восстания декабристов, – «В сердцах Отечества сынов», «Дум высокое стремление» (1973–1975)

Здесь отложились машинописи статей М.М. Богдановой, В.А. Ватина-Быстрянского, Н.М. Дружинина, Б.Г. Кубалова, Ф.А. Кудрявцева, М.В. Нечкиной, Ю.Г. Оксмана, И.В. Пороха и др., рукописные и машинописные копии неопубликованных писем декабристов Ф.Б. Вольфа, В.Ф. Раевского, Е.М. Раевской, В.И. Штейнгейля, которые вошли в данные издания. В этот же раздел включены машинописные копии рецензии М.В. Нечкиной на трехтомник «Декабристы в Сибири» (1974).

Сборник «Письма Г.Н. Потанина» (1966–1993)

В фонд вошли документы по подготовке к изданию «Писем...» (постановления, приказы, протоколы заседаний президиума Географического общества СССР, его Восточно-Сибирского отдела, письма составителей сборника в Министерство высшего и среднего образования СССР, ректору ИГУ им.

А.А. Жданова). Они, хотя и фрагментарно, представляют непростую историю выхода данного издания в свет. (Оно проходило в два этапа: в 70-е гг. и в конце 80-х – начале 90-х гг.)

В этот раздел вошли машинописи томов сборника и их вариантов, комментарии к ним, составленные как С.Ф. Ковалем, так и участниками этого издания. Вошли также составленные Семеном Федоровичем проспект сборника, редакторские замечания, предисловия к отдельным томам. В фонде отложился отзыв Н.В. Серебренникова, младшего научного сотрудника Томского государственного объединенного музея, «Как Сибирь издает Потанина», на основании которого было составлено приложение к 5-му тому сборника с перечнем поправок, уточнений, восстановленных купюр к томам 1–4.

В фонде представлены фотокопии писем Г.Н. Потанина, хранящихся в Государственном архиве Омской области, копии, конспекты писем Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, сделанные самим С.Ф. Ковалем. Отложились его же выписки из документов фонда ГАИО № 4 «Главное управление Восточной Сибири (ГУВС)» по теме «Общественно-политическая жизнь Иркутска в 60-е годы XIX в.», из книг, журналов по темам «Областничество», «Г.Н. Потанин». Среди материалов, собранных Семеном Федоровичем, особо следует отметить машинописные копии писем ученых, писателей известному исследователю Монголии конца XIX – начала XX в. А.В. Бурдукову, составленные им самим в 1939 г.

Документально-исторический сборник «Петрашевцы в Сибири»

Представлен типографской версткой с корректурой (2005) и замечаниями С.Ф. Коваля к ней, рукописями, машинописями разделов сборника с замечаниями, вставками Семена Федоровича. Сюда же включены разделы, не вошедшие в данный сборник, но подготовленные к печати ранее. Особенностью этого раздела описи является то, что здесь помимо материалов, связанных с подготовкой сборника к выходу в печать, помещены дела, посвященные В.Р. Лейкиной-Свирской, доктору исторических наук. Это – фрагмент вступительной статьи Веры Романовны к документально-историческому сборнику «Петрашевцы в Сибири», статья Ф.Г. Никитиной «В.Р. Лейкина-Свирская – исследователь дела петрашевцев», биографическая справка, списки трудов, программа научных чтений, посвященных столетию со дня рождения, письма кандидата исторических наук Ф.Г. Никитиной, журналиста И.В. Селивановой по поводу издания сборника (2002–2004). Это объясняется тем, что идея издания подобного сборника еще в середине 80-х гг. прошлого века принадлежала именно этим трем женщинам (см. «Предисловие» к документально-историческому сборнику «Петрашевцы в Сибири» – Иркутск, 2005, с. 3–12).

Выписки из книг, журналов, сделанные Семеном Федоровичем по теме «Петрашевцы в Сибири», ввиду своей немногочисленности объединены в одно дело.

Переписка (1962–2000)

Большую часть фонда (470 дел из 696) занимает переписка. Это письма из Восточно-Сибирского книжного издательства, Красноярского, Магаданского, Бурятского и других издательств по вопросам издания статей, сборников с просьбами дать рецензии на произведения других авторов.

В этот раздел вошли письма Семену Федоровичу от потомков декабристов, например: от доктора филологических наук Б.А. Трубецкого, потомка С.П. Трубецкого, от Е.К. Фандерфлит, правнучки декабриста В.П. Ивашева, от М.С. Огонь-Догановской, двоюродной внучки декабриста П.Г. Каховского, доктора технических наук А.К. Нарышкина, двоюродного праправнука декабриста М.М. Нарышкина, и др.

Переписка с деятелями науки и культуры представлена письмами М.В. Нечкиной, историка, академика, В.Р. Лейкиной-Свирской, доктора исторических наук, И.В. Пороха, доктора исторических наук, профессора Саратовского госуниверситета, С.В. Житомирской, кандидата исторических наук, заведующей отделом рукописей Государственной библиотеки им. Ленина, Н.Я. Эйдельмана, писателя-декабристоведа, Б.Г. Кубалова, историка-декабристоведа, и др.

Имеются также письма Семену Федоровичу от краеведов, например: В.А. Ляховича, М.Ю. Тимофеевой, Р.И. Цуприк, сотрудников Государственного ордена Ленина Исторического музея, Государственного музея им. Льва Толстого, Смоленского областного краеведческого музея и др.

Отдельным комплексом выделены письма, адресованные С.Ф. Ковалёву по поводу издания академической серии «Полярная звезда» с предложениями о сотрудничестве, дополнительных материалов, оформления томов (1978–1994) и др.

Письма каждого поступления сформированы по корреспондентскому признаку, письма каждого корреспондента составляют самостоятельную единицу хранения и отсистематизированы по алфавитному признаку.

Материалы к биографии (1967–1986)

Представлены приглашениями от госуниверситетов (Белорусского им. Ленина и Харьковского им. Горького) на межвузовские конференции историков-славистов, от Института славяноведения и балканистики АН СССР на симпозиумы, на научные конференции, посвященные 150-летию и 160-летию со дня восстания декабристов, приглашениями от Иркутского отделения ВООПИК, от Музея декабристов с. Новоселенгинска Бурятской АССР на бестужевские чтения; поздравительными открытками к юбилейным датам по случаю Дня Победы.

Материалы, отложившиеся в фонде (1901–1924)

Представлены печатными изданиями различных общественных организаций, политических течений и партий. Это, например, брошюры Американского бюро печати (1918), Д.Е. Лаппо. «Сибирская федерация и Российская держава», «Долой белый террор» (издание МОПРа), вырезки из журна-

ла «Анархист», подборки вырезок из газет «Сибирь», «Сибирская жизнь», «Народная Сибирь», «Вестник Временного Всероссийского правительства» и др.

В этом же разделе можно найти манифесты, обращения, заявления различных политических партий, агитационные брошюры, газетные вырезки по теме «Политическое положение Российской империи в период первой русской революции 1905–1907 гг.», в том числе Высочайший манифест от 17 октября 1905 г. «О Конституции и выборах в Государственную думу» (вырезка из «Киевской газеты» от 18 октября 1918 г.).

Тема «Областничество в Сибири» представлена брошюрами, газетами, вырезками из газет о деятельности «Союза сибиряков-автономистов», «Союза сибирских республиканцев-федералистов». Сюда же включены декларации, воззвания, постановления, обращения, программы 1-го областного съезда (г. Томск, 8–17 октября 1917 г.), Чрезвычайного общесибирского съезда (г. Томск, 7–15 декабря 1917 г.), материалы деятельности областной думы, в том числе сведения об ее роспуске (1917–1918).

Тема Гражданской войны отражена материалами об Омском перевороте адмирала А.В. Колчака 18 ноября 1918 г. и роспуске Директории, манифестами, воззваниями, приказами руководителей белогвардейского движения в Сибири (адмирала А.В. Колчака, генералов А.Н. Пепеляева, М.К. Дитерихса) за 1918–1919 гг., подборками вырезок из газеты «Чехословацкий дневник», бюллетенями о чехословацком мятеже 1919 г. В фонде отложились два полноценных номера (4 и 5 за 1919 год) газеты «Чехословацкий военный обозреватель» на чешском языке. Также имеются печатные материалы (постановления Политцентра, информационные сообщения, вырезки из газет) о государственном строительстве советской власти периода 1918–1922 годов.

В целом можно сказать, что документы фонда личного происхождения ОГКУ ГАИО Р 3303 «Семен Федорович Коваль – историк, декабристовец, доцент Иркутского государственного университета» не только раскрывают многогранную деятельность фондообразователя как историка, редактора, общественного деятеля, но и имеют большое источниковедческое значение для будущих исследователей.

Архивное наследие

Е.А. Добрынина

Письма декабристок: подвиг повседневности

С момента появления на свет первого тома документальной серии «Полярная звезда» в 1979 г. Иркутск стал центром издательской деятельности по декабристской тематике. В 1999 г. права на издание серии были переданы Иркутскому музею декабристов, и с тех пор музей является главным публикатором документального, мемуарного и эпистолярного наследия декабристов. Эпистолярное наследие, в котором содержатся ценные, нигде более не встречающиеся сведения о жизни декабристов, – это ценнейший и практически неисчерпаемый документальный источник для изучения жизни, быта, традиций и социальной психологии дворян, находящихся в несвойственных для них жизненных условиях.

27 томов серии «Полярная звезда» составлены из документов, сочинений, записок, мемуаров, дневников и писем 23 декабристов. В томах, посвященных Н.А. Бестужеву, П.Н. Свистуну и А.З. Муравьеву, опубликованы письма жен декабристов М.Н. Волконской, А.Г. Муравьевой, Е.И. Трубецкой, М.К. Юшневской. Эти письма долгое время были единственным связующим звеном между разлученными родственниками и супругами. Несмотря на то что письма написаны от лица мужчин, либо под диктовку, либо с черновых набросков, их содержание и стиль дают почувствовать незаурядность характеров соавторов этих писем – жен декабристов. Женщины взвалили на свои плечи огромный труд – писать письма от имени мужей и их осужденных товарищей обширному кругу адресатов. О тяжести этой работы свидетельствовала М.К. Юшневская в приписке к письму Н.А. Бестужева А.С. Связевой¹ от 28 мая 1837 г.: «Окончив письмо по диктовке Николая Александровича, хочу добавить вам еще, милостивая государыня Аграфена Степановна, что для меня всегда приятно будет быть посредницею в вашей переписке с Ник. Алек., и обещаю вам с точностию исполнять его поручения. Только не взыщите, если письма мои будут нечетки и почерк мой будет небрежен. Мне часто доводится писать при свечах, чтобы успеть окончить все письма к почте. И часто случается целые два дня проводить с пером в руках, чтобы только передать родным наших соузников данные к ним поручения»².

Особую ценность и прелесть имеют письма жен декабристов, написанные ими к своим родственникам и друзьям в течение всего срока пребывания в Сибири. Эти письма, насыщенные информацией о жизни в Сибири в мельчайших подробностях, являются обширнейшим источником для изучения сибирской жизни декабристов, так необходимым музейным работникам для воссоздания картины этой жизни музейными средствами.

К письмам жен декабристов неоднократно обращались исследователи. В 1878 г. в журнале «Русская старина» в рубрике «Рассказы о прошлой жизни» было напечатано сообщение некоего Т. Новосильцева «Кн. М.Н. Волконская», в котором автор опубликовал в переводе на русский язык два письма М.Н. Волконской свекрови – от 5 июля и 8 декабря 1829 г.³ Судя по тому, что

М.К. Юшневская.

С рисунка Н.А. Бестужева. 1831–1832

сообщение Новосильцева сопровождалось указанием на еще одного автора (сообщено княжной Варварой Николаевной Репниной)⁴, это были письма из семейного архива Волконских-Репниных.

Одна из первых обширных публикаций принадлежит М.О. Гершензону. Им были подготовлены для печати с переводом на русский язык 35 писем М.Н. Волконской, написанных в 1827–1831 гг.⁵

Владелец и публикатор семейного архива Раевских Петр Михайлович Раевский включил в свое издание сохранившиеся письма М.Н. Волконской. Всего в пятитомник «Архива Раевских» вошло 12 писем М.Н. Волконской за 1855–1859 гг., два письма С.Г. Волконского с обширными приписками Марии Николаевны и одно письмо, написанное от имени супругов Волконских. Все

письма адресованы А.М. Раевской, жене Николая Раевского-младшего, брата Марии Николаевны, написаны на французском языке и представлены в издании без перевода на русский язык⁶.

К столетию восстания декабристов вышел в свет сборник материалов и статей «Декабристы на каторге и в ссылке». В одноименной статье С.Я. Штрайха приводится 26 писем декабристов и их жен, переведенных на русский язык, которые «представляют большой интерес вообще для истории пребывания декабристов на каторге и в частности – для жизнеописаний наиболее видных из них. Представляют они также ценность как материал для характеристики русской женщины пушкинской эпохи»⁷. Из 26 опубликованных писем 10 написаны женами декабристов Е.И. Трубецкой, А.Г. Муравьевой, М.Н. Волконской, Е.П. Нарышкиной, Н.Д. Фонвизиной, А.И. Давыдовой, М.К. Юшневской в 1826–1830 гг.

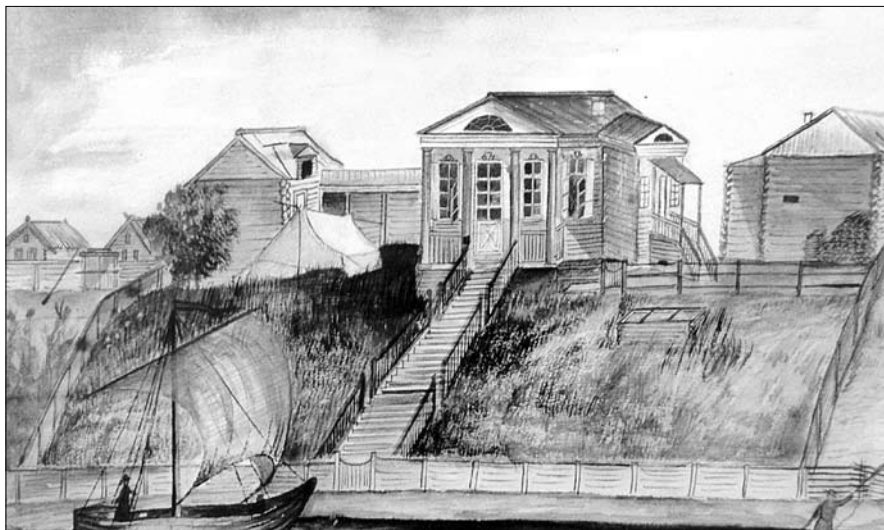
Письма М.Н. Волконской, опубликованные в 1926 г., «охватывают большой период ее жизни: от ее девичества до 1853 г. Большая часть писем относится к жизни М.Н. в Сибири, и только 7 писем из 34 написаны ею до отъезда к мужу <...>»⁸. Половина писем, 17 из 34, адресованы А.М. Раевской, в лице которой, не зная ее лично, Мария Николаевна нашла доброго друга, душевную собеседницу и надежного помощника.

Автор публикации литературовед О.И. Попова продолжила исследование материалов о жизни М.Н. Волконской. В альманахе «Звенья» за 1934 г. при-

ведены материалы из архива Волконских, хранящегося в Институте русской литературы (СПб.), по мнению О.И. Поповой «почти неизвестного ранним исследователям жизни Марии Николаевны»⁹. Автор биографического очерка публикует более 50 фрагментов писем М.Н. Волконской с 1826 по 1850 г. в переводе на русский язык.

В Государственном литературном музее хранятся письма и документы декабристов и их жен. В «Летописях Государственного литературного музея» были опубликованы: одно письмо М.Н. Волконской матери, С.А. Раевской, от 26 сентября 1827 г., а также 29 писем А.В. Ентальцевой к И.И. Пущину¹⁰. Александра Васильевна Ентальцева, вдова декабриста А.В. Ентальцева, в 1857 г. приехала в Москву и остановилась по приглашению Волконских в доме их дочери и зятя. «Наконец, – писала Александра Васильевна, – <...> место жительства моего определилось, я остаюсь здесь, в Москве; меня встретили и приняли: Сергей Григорьевич, Марья Николаевна и все семейство их так дружелюбно, так обязательно ласково, что я не имела ни духу, ни желания отказать, когда сказали они мне, что не отпустят меня из Москвы, сейчас привезли меня к себе, и я прожила у них 10 дней; теперь я наняла квартирку маленькую близ их квартиры <...>»¹¹. В письмах Александры Ентальцевой – увиденная и прочувствованная изнутри картина жизни Волконских в один из самых трудных для семьи периодов. А.В. Ентальцева адресует свои письма И.И. Пущину, «доброму, милому, почтенному, дорогому другу» многих декабристов, вызывавшему своей добротой, отзывчивостью

Вид дачи крестьянина Анкудинова в Иркутске [Бывший дом декабриста А.З. Муравьева в дер. Малой Разводной (?)]. С рисунка А.Н. Пономарева. 1848

и обязательностью самые светлые чувства. Именно Ивану Ивановичу сообщает она обо всех перипетиях в семье Волконских, зная, что он переживает семейные тяготы друзей с такой же остротой и сочувствием.

Известно, что в переписке с И.И. Пущиным были М.Н. Волконская, Е.И. Трубецкая, Н.Д. Фонвизина. К нему обращены письма и другой корре-

спондентки – М.К. Юшневской. К эпистолярному наследию Марии Казимировны Юшневской историки обращались неоднократно. 112 писем А.П. и М.К. Юшневских к брату декабриста С.П. Юшневскому были опубликованы в 1908 г.¹² В 1978 г. иркутский историк Е.М. Даревская опубликовала пять писем М.К. Юшневской из собрания НИОР РГБ (ранее Государственной библиотеки им. В.И. Ленина), также адресованные С.П. Юшневскому¹³.

Впервые к письмам М.К. Юшневской из фонда И.И. Пущина, хранящегося в НИОР РГБ, обратилась научный сотрудник библиотеки Н.В. Зейфман. Предваряя публикацию писем, автор пишет о значимости архива И.И. Пущина, о личности адресата, широте его дружеских и эпистолярных связей, сожалея, что из 700–800 писем декабристов к И.И. Пущину ко времени выхода в свет 43-го выпуска «Записок отдела рукописей» опубликовано около 250¹⁴. О необходимости и возможности издания писем к И.И. Пущину писали и публикаторы сочинений и писем И.И. Пущина М.П. и С.В. Мироненко: «Если бы была возможность опубликовать не только письма самого Пущина, но и обращенные к нему письма его родных, друзей, товарищей по каторге и ссылке, то совокупность этих документов явилась бы поистине энциклопедией сибирской жизни декабристской истории 1830–1850-х годов»¹⁵. Частью этой энциклопедии стали письма М.К. и А.П. Юшневских, впервые представленные Н.В. Зейфман на страницах «Записок отдела рукописей». Из 29 писем Юшневских «вынужденно, в связи с их большим объемом, отобраны для публикации только 12»¹⁶. Остальные письма М.К. Юшневской характеризуются в статье обзорно, однако описание их содержания и короткие цитаты, приведенные автором публикации, свидетельствуют, что они представляют чрезвычайный интерес для исследователей.

В настоящее время появилась возможность опубликовать оставшиеся письма М.К. Юшневской. В этом выпуске сборника публикуются 4 из 16 писем М.К. Юшневской к И.И. Пущину, кратко охарактеризованные в статье Н.В. Зейфман. С любезного разрешения Н.В. Зейфман мы приводим в сборнике ее статью с небольшими купюрами, касающимися писем декабристов А.П. Барятинского, А.Ф. Фролова и Д.А. Щепина-Ростовского. В публикации уточнены некоторые сведения, приведенные Н.В. Зейфман, и дополнен комментарий к уже изданным письмам. Письма печатаются в соответствии с правилами, указанными в статье Н.В. Зейфман.

Примечания

¹ Свизева Аграфена Степановна, жена И.И. Свизева (1791–1874), архитектора, профессора архитектуры в Горном институте, с которым Н.А. Бестужев был дружен в молодые годы.

² *Бестужев Н.А.* Сочинения и письма / изд. подг. С.Ф. Ковалем. Иркутск, 2003. С. 376–377.

³ *Новосильцев Т.* Кн. М.Н. Волконская // Рус. старина. СПб., 1878. Т. 22. Июнь. С. 336–342.

⁴ Там же. С. 342. В.Н. Репнина – племянница С.Г. Волконского.

⁵ Письма кн. М.Н. Волконской из Сибири 1827–1831 гг. // Рус. пропилеи: Материалы по истории русской мысли и литературы. 1915. Т. 1. С. 1–81.

⁶ Архив Раевских. СПб., 1909. Т. 2; 1912. Т. 4.

⁷ *Штрайх С.Я.* Декабристы на каторге и в ссылке (26 неизданных писем) // Декабристы на каторге и в ссылке: Сб. новых материалов и статей. М., 1925. С. 13.

⁸ Неизданные письма М.Н. Волконской // Тр. Гос. ист. музея. М., 1926. Вып. 2. С. 5.

⁹ *Попова О.* История жизни М.Н. Волконской // Звенья. М.; Л. 1934. Ч. 3–4. С. 21.

¹⁰ Летописи Гос. лит. музея. М., 1938. Кн. 3. Декабристы. С. 116–153.

¹¹ Там же. С. 116.

¹² Письма Алексея Петровича Юшневского и его жены Марии Казимировны из Сибири / сообщ. проф. П.В. Голубовским. Киев, 1908.

¹³ *Даревская Е.М.* Письма М.К. Юшневской из Кяхты // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1. С. 168–183.

¹⁴ К этому числу можно прибавить более ста писем к И.И. Пущину, опубликованных в серии «Полярная звезда».

¹⁵ *Пуцин И.И.* Сочинения и письма. Т. 2. Письма 1850–1859 гг. / изд. подг. М.П. Мироненко, С.В. Мироненко. М., 2001. С. 5.

¹⁶ *Зейфман Н.В.* Неизданные письма к И.И. Пущину // Записки ОР ГБЛ. М., 1982. Вып. 43. С. 107.

Н.В. Зейфман

Неизданные письма к И.И. Пущину (А.П. и М.К. Юшневские)

«Записки отдела рукописей» снова предоставляют место для писем декабристов из архива Ивана Ивановича Пущина (1798–1859). Известно, каково значение этого архива в кругу декабристских источников. Оно определяется личностью И.И. Пущина, широтой его дружеских и, следовательно, эпистолярных отношений, связующей ролью его для раскиданных по Сибири поселенцев, а затем для немногих доживших до амнистии декабристов. Архив давно служит базой для публикаций декабристских материалов¹, причем значительная их часть увидела свет в изданиях Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина².

Однако, по последним подсчетам, из 700–800 писем декабристов к И.И. Пущину, находящихся в разных архивохранилищах, опубликовано до сих пор около 250³.

Настоящая публикация прибавляет к ним еще 14 писем А.П. и М.К. Юшневских (1839–1843, 4.40–42).

Эпистолярное наследие А.П. Юшневского невелико и в основном известно по дореволюционному изданию писем А.П. и М.К. Юшневских к брату декабриста Семену Петровичу Юшневскому⁴. Опубликовано и одно его письмо к И.И. Пущину⁵. Здесь мы помещаем еще два его письма и 11 приписок или приложений к письмам жены. Из 29 писем М.К. Юшневской к И.И. Пущину⁶ вынужденно в связи с их большим объемом отобраны для публикации только 12: все те, что содержат приписки А.П. Юшневского, и письмо от 10 мая 1843 г., представляющее особый интерес, поскольку оно посвящено смерти Никиты Михайловича Муравьева. Остальные не менее ценные письма М.К. Юшневской характеризуются в настоящей статье обзорно⁷.

Хронологический интервал публикуемых писем невелик: 1839–1843 гг. Это время выхода последних декабристов из Петровской тюрьмы и началь-

ный период их поселения. Поэтому естественно преобладание в них материальных и бытовых реалий, а как источник они наиболее ценны в биографическом аспекте.

Ведущие темы этих писем – проблемы устройства на местах поселения, попытки обеспечить свое существование, стремление соединиться с друзьями или вырваться из Сибири рядовыми на Кавказ, женитьба на сибирячках, рождение и воспитание детей, их болезни и смерти, потери в кругу товарищей.

Каждый из корреспондентов выражает чувство глубокой приязни к И.И. Пущину – и за материальную помощь (он заведует делами малой артели, которая обеспечивает, особенно на первых порах, неимущих поселенцев), и за пристальное дружеское внимание к жизни каждого. Можно считать, что своим возникновением многие письма прямо обязаны Пущину: повод для них – необходимость поблагодарить и отчитаться за полученные деньги.

Но важно и другое – Пущину «хочется обо всех слышать»: «<...> я всем им не даю времени лениться. Поневоле отвечают на мои послания. У меня большой расход на почтовую бумагу». (Из писем к его ближайшему другу Е.П. Оболенскому.)⁸ А.П. Бярятинский не случайно оправдывается перед ним: «Кажется, ты не можешь меня теперь уличать в лени <...>». Письма Пущина во многом являют собой хронику рассеявшейся «тюремной семьи»⁹. Информация из полученной корреспонденции обязательно пускается им по кругу. Поскольку часто при этом он ссылается на источник, видно, например, что не раз подобным источником служили ему подробные письма М.К. Юшневской¹⁰. Очевидно, как важно исследователю иметь в руках всю совокупность декабристской эпистолярии.

При чтении писем декабристов не раз вспоминается герценовское «на них запеклась кровь событий»¹¹. Живость переживаний, реальность и подробности быта, не сглаженные и не скорректированные временем, адекватность рассказа и факта, свидетельства взаимной поддержки и связи товарищей по ссылке – все это делает декабристскую переписку важнейшим источником для изучения биографий декабристов, их взглядов, нравственного облика, этических представлений, их хозяйственной, научной, просветительской деятельности и многих других проблемы «Декабристы в Сибири».

Основной объем настоящей публикации занимают письма Алексея Петровича Юшневского (1786–1844) и его жены Марии Казимировны (1790–1863, урожд. Кругликовской, в первом браке Анастасьевой)¹².

Выдающийся деятель движения, один из старших по возрасту декабристов (к 1825 г. – генерал-интендант 2-й армии) А.П. Юшневский был ближайшим другом П.И. Пестеля, его советчиком при составлении «Русской правды», убежденным республиканцем, одним из организаторов Южного общества, членом его Директории. Осужденный по I разряду, А.П. Юшневский вышел из Петровской тюрьмы в 1838 г. и был назначен на поселение под Иркутск. М.К. Юшневская сразу после объявления приговора декабристам стала добиваться разрешения следовать за мужем в Сибирь, но получила его только 4 янв. 1829 г. В 1830–1839 гг. М.К. Юшневская жила вместе с мужем в Петровском заводе, где, по собственному определению, была

«секретарем» для Пущина и других декабристов, лишенных в заключении права собственноручной переписки; она многое знала поэтому об их семьях, друзьях и обстоятельствах жизни.

По выходе из тюрьмы Юшневские за два с лишним года вынуждены были переменить семь мест поселения и в 1841 г. окончательно осели в д. Малой Разводной под Иркутском, где были колонии многих декабристов. В той же Малой Разводной жил А.З. Муравьев, позже туда переселили братьев Борисовых, в Урике – Волконские, А. и Н. Муравьевы, М.С. Лунин, Ф.Б. Вольф, в Оёке – Трубецкие, Ф.Ф. Вадковский, в Усть-Куде – братья Поджио, позже П.А. Муханов, в Куде – А.Н. Сутгоф, в с. Итанцы – Е.П. Оболенский. С многими из них Юшневских и Пущина связывали особенно близкие отношения, поэтому сведения о них непременно присутствуют в каждом письме. В средствах Юшневские были стеснены, так как значительная часть их имущества – выделенная М.К. Юшневской после осуждения мужа третья доля общего с его двумя братьями имения Хрустовая Ольгопольского повета Каменец-Подольской губ. – была под запретом, пока не кончилось дело по ревизии интендантства 2-й армии. Только в 1839 г. братьям А.П. Юшневского удалось доказать, что начет на него был сделан неверно и что он не причинил ущерба казне, а, напротив, вел дела с выгодой для нее. Однако часть доходов с имения вернуть так и не удалось. Юшневские жили на доходы с имения Марии Казимировны Тимашевка (Тимошовка) – 1279 десятин, 165 душ – в Чигиринском у. Киевской губ.¹³ В Малой Разводной Юшневские сначала нашли приют у Артамона Захаровича Муравьева, а затем Алексей Петрович занялся строительством собственного дома. В свободное время Юшневский любил читать, музицировать – он был превосходным пианистом, знатоком современного ему репертуара. В попытках обеспечить себя Юшневские занимались педагогической деятельностью – брали себе на пансион иркутских детей; об этом с большой теплотой вспоминает в своих известных мемуарах их воспитанник Н.А. Белоголовый. В отличие от мужа Мария Казимировна не домоседка. Она часто гостит в дружественных семьях декабристов, всех видит, обо всех знает. Она в дружеских отношениях и с представителями иркутских верхов – женой генерал-губернатора Е.Ф. Руперт, женой гражданского губернатора Л.А. Пятницкой. Идут два года спокойной жизни после переезда в собственный дом, Алексей Петрович «не нарадуется, что у него есть своя особая комнатка» (24.XI.1841)¹⁴, хозяйство ведут артельно, вместе с А.З. Муравьевым и Борисовыми, Мария Казимировна обо всем печется, всех кормит. Пущину она пишет: «Добрый Иван Иванович, жаль, что вас нет с нами, мы живем здесь так покойно, так хорошо, что дай Бог дожить наш век таким образом. Если бы не сокрушало нас безденежье и разные от того лишения, не было бы о чем и погоревать» (там же).

Но Алексей Петрович внезапно умирает. 10 янв. 1844 г. в Оёке, куда он приехал хоронить Ф.Ф. Вадковского, во время заупокойной службы его поразила удар. Приводим здесь неопубликованное письмо ближайшего соседа и друга Юшневских А.З. Муравьева к Семену Петровичу Юшневскому с описанием кончины его брата¹⁵.

Милостивый государь Семен Петрович.

Горькая обязанность досталась мне в удел; достойнейший и для всех нас незабвенный брат ваш скончался 10-го числа сего месяца от апоплексического удара (foudroyand). Неутешная вдова его ужасает нас справедливым отчаянием своим. Невзирая на всю грусть свою, она поручила мне сообщить вам потерю нашу и сказать, что при первой возможности сама напишет к вам.

Препровождая письмо покойного Алексея Петровича, написанное к вам за час до отъезда его на похороны товарища нашего Вадковского¹⁶, вменяю себе в обязанность добавить несколько слов, касающихся до последних его минут. Чувствуя себя совершенно здоровым, в день похорон помогал несть гроб до церкви. Во время литургии при чтении Евангелия брат ваш падает без чувств на руки стоявшего за ним Ф.Б. Вольфа. В первые минуты полгали его в сильном обмороке, но недолго продолжалось утешительное это заблуждение, невзирая на скорую помощь, должны были наконец сознаться, что смерть его была мгновенна и что мы оттирали бранные только его остатки, которые 14-го числа опущены были в могилу. Мужайтесь, горе ваше велико.

Сестра ваша просит передать прилагаемое письмо ее Дарье Ивановне¹⁷ и объявить ей с должною осторожностью по летам ее горестную весть.

С истинным почтением и с совершенною преданностью
покорнейший слуга
Артамон Муравьев.

Извините, что письмо мое написано небрежно, я болен и поражен невыразимо потерю нашею.

19-го января 1844. Малая Разводная.

После смерти мужа М.К. Юшневская просила разрешения на выезд из Сибири и получила отказ. Только в 1855 г., больная и полуослепшая, она вернулась в Тимашевку и еще через 8 лет умерла у родных в Киеве.

В письмах Юшневских к И.И. Пущину Марии Казимировне принадлежит ведущий голос. Алексей Петрович привычно повторяет: «Жена всегда прежде меня высказывает вам все, что я хотел написать вам, почтенный Иван Иванович». Но и немногие его строки представляют драгоценный материал для обрисовки личности декабриста в последний период его жизни. Располагает к Юшневскому тон, в котором он повествует о неурядицах своего быта, – всегда невозмутимый, и даже почерк – красивый, спокойный, вежливый, внезапные шутки, забавные и на современный слух («а у нас, как вам известно, нет никаких средств, кроме *le как-нибудь et le не бойсь*»), манера выражения чувства глубокой приязни к Пущину, неизменная заинтересованность в судьбе товарищей, скорбное переживание потерь в «общем нашем семействе» (о смерти маленького сына Трубецких он пишет: «Вот один из тех ударов, которые могут в нашем положении потрясти любую твердость, сколько бы мы ни были обстреляны»). Обычная декабристская хроника заполняет письма и приписки А.П. Юшневского, причем видно, что ему, как и Пущину, «вне этого мира все как-то чуждо»¹⁸, кроме того – мытарства с ме-

стом поселения, материальные обстоятельства, строительство дома, взгляд на проблему воспитания, досуги, самочувствие. Печальное чувство оставляют последние строки последней приписки А.П. Юшневского – о Вадковском, когда до смерти их обоих остается меньше четырех месяцев: «Наш дорогой Фед[ор] Фед[орович] до того, говорят, расстроен, что едва ли он долго проживет с нами. Горько помыслить об этом».

Послания М.К. Юшневской можно назвать пространной редакцией писем ее мужа: мысли, настроения, темы в них общие. Но Мария Казимировна многословна, в ее долгих концовках сквозит нежелание прерывать беседу с Пушиным, у нее масса домашних подробностей, каких не может быть в письмах ее сдержанного мужа. Каждый раз, садясь за письмо, она ставит перед собой определенную цель: «Я же, желая живо перенести вас в круг ваших друзей, описала вам подробности жизни» или «По крайней мере, я старалась, чтобы мысленно вы перенеслись к нам».

Ее голос с чисто женскими интонациями: «Вот страх! У меня теперь еще сердце дрожит. Ах, как я испугалась, получа его записку» (о том, что А.З. Муравьев чуть не утонул в Ангаре, направляясь к Юшневским) – действительно часто достигает эффекта живого присутствия. Мы видим и Юшневского: «Муж мой подходит ко мне, пожимает плечами и удивляется, о чем я с вами так много говорю, упрасивает оставить ему немного места», и самого Пущина («Отсюда слышу, как вы хохочете, читая мое письмецо» – 30.XII.1841). Видим, как С.П. Трубецкой руками тушит чепчик на голове маленькой дочери, близко наклонившейся к свече, как он «с испугу начал оттирать и до крови протер» жене нос, поскольку она, «катавшись с детьми, ознобила конец носа», и была ранка, но «теперь уже нет ничего, кроме едва заметного красного пятнышка». Если Алексей Петрович сообщает: «Благодаря Арт[амону] Зах[аровичу] мы нашли у него временный приют», то Мария Казимировна расписывает и тот маленький флигелек, который они у него заняли, и комнаты самого хозяина, и вид из его окон, и какие хозяйственные постройки он уже соорудил. Если о П.А. Муханове, прожившем почти 9 лет в глуши вне дружеского окружения, Алексей Петрович пишет только, что «он нисколько не одичал», то от Марии Казимировны Пущин узнает, что «он много переменялся, поседел, сделался застенчив и говорит по-сибирски: пошто, чего станешь делать и проч.». Пожалуй, сибирское житье декабристов во всей его реальности даже свойственнее изобразить склонной к подробностям женщине, и в этом особая прелесть писем М.К. Юшневской. Насколько обширна и разнохарактерна содержащаяся в них информация, могут показать следующие, извлеченные из них факты. Исследователь творчества Н.А. Бестужева ссылается на Марию Казимировну, когда ему нужно указать цену заказных портретов художника¹⁹; в новое издание «Алфавита декабристов» из ее писем могут войти сведения об имени дочери П.И. Фаленберга (в старом его нет, сказано только, что ее смерти отец не пережил), о смерти Д.А. Панова, брата декабриста; публикаторы документов об И.Б. Аврамове, говоря о версии насильственной гибели декабриста, ссылаются на переданный Юшневской Пущину слух об этом²⁰. Существенно все, что связано с арестом М.С. Лунина: именно после него Юшневских, ожидавших ответа

на просьбу остаться в Иркутске или пригороде, сразу «турнули», по выражению Марии Казимировны, в деревню, а Лунин, оказывается, уже летом 1841 г. получал в Акатуе от сестры «утешительные письма» (очевидно, через Волконских, об официальном пути не могло быть и речи²¹). Из писем Юшневской можно почерпнуть сведения о стоимости строительства дома и необходимых хозяйственных пристройках, об экипажном снаряжении, о количестве прислуги, об интерьере и т. д. Вот, например, как она описывает комнату мужа в новом доме: «В ней поставила я ему во всю стену канапе, стол, шкаф для книг и кресло – да еще четыре стула» (24.XI. 1841). Вдруг проскользнет и неожиданная деталь: комната Е.П. Оболенского на поселении украшена развешанными по стенам столярными инструментами, а окна в ней – из слюды (16.IX.1840).

Кроме того, из письма в письмо переходит обязательный и четко очерченный круг тем и лиц; последние сведения о близких соседях (здоровье, хозяйствование, устройство жилья, образ жизни, взаимная поддержка, облик и нрав детей, их склонности, занятия и развлечения) и все, что известно о дальних товарищах (если не виделась с кем-то давно и ничего не знает – считает нужным отметить и это), занятия и настроения мужа, материальные дела, собственные недомогания. Она дорожит своей репутацией исправного корреспондента, и когда мимо них в Туринск к Пушкину проезжает Е.П. Оболенский, снабжает его не только письмом, а, по определению мужа, целой тетрадкой, объясняя это так: «Я думаю, что он (Оболенский. – *Н.З.*) постепенно будет себе припоминать разные вещи, а вдруг, увидя вас, многое забудет рассказать!». Отчеты Марии Казимировны, иногда объемом со страницу, заполненную плотными косыми бегущими строчками, чаще всего посвящаются Трубецким, Волконским, А.З. Муравьеву, Борисовым, Поджио, Сутгофам, А. и Н. Муравьевым, Ф.Б. Вольфу (так и пишет: «Вот вам статья о Ф.Б.» – 31.I.1843). Два письма выбиваются из общего ряда: 29 сент. 1840 г. Юшневская с тяжелым сердцем описывает болезнь и смерть сына Трубецких Никиты и 10 мая 1843 г. – потрясшую всех внезапную смерть Никиты Муравьева. «Какой же способ? Нет никакого» – эта любимая присказка Марии Казимировны (похоже, что она переняла ее у Пушкина²²) иногда шутивным, но чаще печальным рефреном пронизывает ее письма.

Остальные письма М.К. Юшневской, которые мы здесь не публикуем, близки по характеру к печатаемым. Их всего 17: семь – за 1840–1843 гг., два – за 1847 г. и восемь²³ – за 1855 г. Изложим кратко их содержание. 6 июня 1840 г. М.К. Юшневская пишет Пушкину с Туркинских минеральных вод большое обстоятельное письмо. По дороге туда она многих посетила, обо всех разузнала. Была на похоронах Я.М. Андреевича, описывает его предсмертные дни – чахотка, сумасшествие, больница. «Я в самую дурную погоду переправилась на лодке через Уду – была на выносе и при погребении – очень рада, что могла хоть я одна исполнить долг при бедном Я.М. в последнюю минуту его жизни». Она сообщает, что И.И. Горбачевский решил бросить извозный промысел и завести мыловарню. А.Е. Мозалевскому повредили воды, они с В.Н. Соловьевым ждут известия о месте поселения, младший Завалишин женится, а старший «женат и очень счастлив», Бестужевы до-

вольны Селенгинском, а К.П. Торсон – «совсем другой человек» с их приезда. Очевидно, в этот проезд ее рисовал Н.А. Бестужев: «Может, вы увидите мой портрет, очень похожий, вновь сделанный. Вот старушка!»²⁴. С тревогой и сочувствием пишет она о Борисовых: Петра Ивановича так измучил душевнобольной брат, что «он скоро умрет или с ума сойдет сам», они живут в одной комнате, и брат «не дает ему ни читать, ни писать, а рисовать никогда и думать нельзя. Все время проходит на исполнении замыслов Андрея». Е.П. Оболенский «здоров, но устарел», место, где он поселен, чудесное, но он так одинок и мечтает соединиться с Пушиным, чтобы быть всегда с ним неразлучно. М.Н. Волконская с детьми на все лето перебралась в Усть-Куду, «теперь они живут у Поджою в новом домике, выстроенном над самой Ангарой». Юшневская сообщает о женитьбе П.И. Фаленберга, а также управляющего Петровским заводом А.И. Арсеньева (на Л.В. Руперт), упоминаются еще Старцевы, Сутгофы и Трубецкие. Наконец, «21 марта Беляевы слезно простились с товарищами и уехали на Кавказ».

11 мая 1841 г. Мария Казимировна пишет от Трубецких из Оёка об их детях, об очередной неудачной беременности Екатерины Ивановны (целое утро они проговорили с ней о Пущине, читали и перечитывали его письма), об А.В. Поджою, который собирается на воды и «стал веселей и еще живее, как был», о планах семьи Волконских на лето. Письмо от 24 ноября 1841 г. посвящено переезду Юшневских в новый дом, который описывается во всех подробностях. В их флигелек к А.З. Муравьеву перебрались Борисовы: «Нельзя нарадоваться, как добрый Арт[амон] Зах[арович] ухаживает за Анд[реем] Ива[новичем]». Последнему лучше: «Он нынче занимается разными работами, оклеил себе шкаф для книг чудесно. Переплетает книги, как вы знаете, бесподобно. Даже рисует и чертит часто». Два раза брат возил его к Волконским, и он был там «любезен и говорлив». Дела Волконских хороши, но Сергею Григорьевичу Юшневская сочувствует: «Жаль мне старика, он себя уходит своей агрономией. Молотит хлеб, который в этом году у него уродился порядочный».

Письмо от 30 декабря 1841 г. (о его датировке см. примеч. 5 к письму 11) содержит известие о скором приезде Н.А. Бестужева и о сделанных ему уже заказах на портреты на 4 с лишним тысячи рублей. К письму от 28 ноября 1842 г.²⁵, с описанием дома Борисовых, приложен план его. Главные персонажи письма от 31 янв. 1843 г. – А.З. Муравьев, который был при смерти, простудившись на панихиде по умершему брату Александру, Ф.Б. Вольф, который его выхаживал и был «всегда весел, всегда в своей черной шапочке», он шлет Пущину пожатие руки – в знак неизменной дружбы и «сохранившейся в нем силы», Е.Д. Ильинская, вдова тюремного врача декабристов Д.З. Ильинского и будущая невеста П.И. Борисова, М.Н. Волконская, замученная нервическими припадками (то ей лучше, то опять «приступ тоски»), ее Нелинька («Милая девочка, все любит собак и оригинальничает») и Миша («опять похорошел»), Трубецкие – она опять в благословенном положении, он – «все тот же добрый и чудесный человек». Сама Мария Казимировна вполне благополучна, у нее две лошади, славные собаки, вот только цветы не удаются. В другом письме 1843 г., от 1 марта, есть сообщение об И.И. Гор-

бачевском – бросил мыло варить и строит мельницу, о П.И. Фаленберге, понесшем во всем, кроме курительного табака, одни убытки, о К.П. Торсоне, у него «ипохондрия в сильной степени», все его предприятия не удаются, жаль его мать и сестру: «Он все их мучит, зачем приехали и что они погибнут без него, а он больной и скоро умрет», и даже Н.А. Бестужев уже не удерживает его от «причудов».

В 1847 г. М.К. Юшневская давно вдова, и по ее письмам (16 июля и 10 ноября) видно, как ей тяжело одной. «Уверю вас, что страшно вспомнить, что я перенесла в эти три года 7 месяцев», – пишет она 16 июля, отсчитывая время со дня смерти мужа. К тому же друзья разъехались или поумирали, Волконские и Трубецкие перебрались в Иркутск: «Круглая сирота живу – никакой отрады для изнеможенной души моей!». В ответ на просьбы о возвращении в Россию она получила разрешение выбирать для жительства любое место в Сибири и шутит, что теперь может «располагать собою от Камчатки до Тюмени»: «Стоит только иметь способы, и еще бы раз в моей жизни повидалась с вами». К Пущину она вообще очень привязана и, как бы извиняясь за длинное письмо и прося его вооружиться терпением (письмо на 6 листах), пишет: «Какой же способ? Просто *никакого* *способу* нет, чтобы постоянно не помнить вас и не быть признательной за доброту и участие ваше ко мне». Как и раньше, в письмах 1847 г. много рассказов о дорогих Пущину людях. Целая страница о здоровье М.Н. Волконской: «Бывает, что среди лучшего расположения духа – она вдруг едва сидит – грустна и принимает свои капли, уложивши себя в постелю. Вот уже в этом положении она четвертый год, и никто не может определить ее болезни – нервические припадки иногда простудой называют ее стеснение в груди». Зато «дом у них прелестный» – из окон виден город и окрестности, «разнообразие видов неимоверное», есть огород и сад: камелии, туберозы, фуксии, розы, кактусы – «одним словом, все возможные редкости», выписал их П.А. Муханов, «страстный охотник до всего этого. И Мар[ья] Ник[олаевна] теперь очень любит цветы». Миша скоро кончит гимназию, а Нелинька все мила, «добрая и хорошенькая – ловкая, очень грациозная». Трубецкие тоже купили дом за 35 тысяч, и при нем сад, оранжерея, «ананасное заведение». Излагаются перипетии неудавшейся женитьбы П.И. Борисова, сообщается, что доктор И.С. Персин женится на А.А. Никановой, а Бестужевы, дождавшись сестер, «не нарадуются друг другом», что старший Завалишин давно овдовел, а младший – «по-старому несносен», что «Бечасный не нахвалится своим счастьем, живет спокойно со своим семейством, все такой же неловкий, много пополнил, заботы приучили его еще более к нюханию табака. Одним словом, все тот же Бечасный, только толстяк и постарел». Ее саму часто навещает дочь, добрая, любящая, почтительная. «С этой стороны я счастлива. Жаль нестерпимо, что заставляю ее часто плакать, – она не может видеть моих душевных мучений» (дочь с семьей на несколько лет приехала в Сибирь). Мария Казимировна описывает, как она воспитывает десятилетнюю Вареньку Петухову, избалованную матерью. «Но теперь ее узнать нельзя» – и в конце письма извещает, что ожидают нового генерал-губернатора Н.Н. Муравьева, которого, она полагает, знает М.И. Муравьев-Апостол. «Впрочем, –

замечает Мария Казимировна, – 22-й год нашего сибирского житья. Многие детьми были, а теперь уже генералами».

1855 год обозначил последний перелом в жизни М.К. Юшневской – новый царь позволил ей вернуться на родину²⁶. В первых письмах этого года она все та же: всеми интересуется, встречается с друзьями, нашла Пущину невесту, о чем конфиденциально ему сообщает 9 января, забыв в восторге поздравить его с Новым годом. В письме от 6 марта упоминаются Я.Д. Казимирский, С.П. Трубецкой с детьми и внуком, Волконские – Миша уже титулярный советник, а Нелинька с мужем – в Москве. Поджю так счастлив своей маленькой дочкой, «что весело слышать – Верочка его радует, он целый день с этим ребенком возится, даже когда она спит – несколько раз подходит к ее постели»; у И.Д. Якушкина, приехавшего в Иркутск для лечения, опять разболелись ноги. В конце письма Мария Казимировна передает добрые пожелания Н.В. Басаргину: «Припомните старинного друга тульчинского – меня грешную» и поклоны от Н.А. Бестужева, который собирается еще неделю пробыть в Иркутске. Это его прощальный привет Пущину. Первый признак перемен после смерти Николая I содержится в письме от 4 апреля: у Юшневской два дня прожил А.А. Быстрицкий, он продает дом в Урике, в надежде уехать на родину. В этом письме обращает на себя внимание сообщение, добавляющее новый штрих к вопросу об общественном положении декабристов в Сибири: в деревенском доме М.К. Юшневской иркутянами был устроен обед по случаю проводов генерал-губернатора Н.Н. Муравьева и его жены на Амур (начинается 2-я Амурская экспедиция). В письме от 9 июня – печальное сообщение о кончине Н.А. Бестужева: «погостил он у нас, как будто бы нарочно приехал проститься с нами». А ее управляющий на Украине опять не продал имения – в надежде, что скоро он ее увидит и тогда она сама решит, продавать или хозяйничать. «Вот вам загадка – из чего у него появилась надежда», – пишет Мария Казимировна, но тут же добавляет: «в сердце моем есть ощущение радости, что увижу вас, моих родных и свою родину – итак, вы видите, что не один Быстрицкий продает свое имущество и готовится к отъезду на родину». Оказывается, и Волконский думает о продаже дома, а его жена надеется сама отвезти внука Сережу к дочери. Наконец, 4 сентября Юшневская сообщает о разрешении выехать в Россию. «Благодаря Бога, теперь есть несомненная надежда увидеть вас, многоуважаемый друг Иван Иванович, только бы дожить, – пишет она, – а старость так овладела мною, что нет никакого способа». Не старость – беда, продолжает она, «а вот беда – грустно расставаться с теми людьми и местами, с которыми я прожила 25 лет с лишком. Нелегко оставить могилу Алек[сея] Пет[ровича]». 14 октября она извещает Пущину, что выедет не позже 20 ноября и думает увидеться с ним в декабре. В этом письме неожиданно встречается одна фраза, указывающая на интерес М.К. Юшневской к внешнеполитическим событиям. «Политические известия грустны», – замечает она. И вот 20 ноября – последнее письмо из Иркутска: оформление деловых бумаг задерживает отъезд. Она уже перебралась в город, чтобы сделать прощальные визиты. Уже простилась с могилой мужа и жалуется Пущину: «тяжело на сердце – едва двигаюсь. Вы человек добрый – с теплою душою – сами

знаете, каково мне». Затем прощальные строки письма, и – «ждите несносную старую гостью М. Юшневскую».

К весне 1856 г. М.К. Юшневская была уже в России, а Пущин, как и прежде, ждал ее писем. «Юшневская писала мне из Нижнего, а из Киева еще нет весточки <...>», – сообщает он Н.Д. Фонвизиной²⁷. От последнего периода их переписки до нас дошли только 6 ее писем – за 1857 и 1858 гг.²⁸

Представляемая читателям новая часть эпистолярного наследия декабристов дополняет сложившееся представление об обстоятельствах их жизни в Сибири и дает богатый материал для биографических и историко-психологических изысканий. Историк культуры найдет здесь подтверждение давним и последним наблюдениям в области письма как литературного жанра²⁹ и обширную базу для новых необходимых исследований.

Письма расположены в алфавите авторов, публикуются в основном по правилам современной орфографии и пунктуации с сохранением некоторых фонетических особенностей времени их написания. Пометы И.И. Пущина о получении писем помещаются под строкой. Недописанные части слов воспроизводятся в квадратных скобках, пропуск текста – в угловых, подчеркнутые в тексте слова выделяются курсивом. Даты независимо от места их написания ставятся перед текстом.

Примечания

¹ Декабристы на поселении: Из архива Якушкиных (архив И.И. Пущина хранился в семейном архиве Якушкиных. – Н. 3.) (Публ. и примеч. Е. Якушкина. М., 1926 (далее – Декабристы на поселении); *Якушкин И.Д.* Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина / редакция и комментарий С.Я. Штрайха. М., 1951 (далее – *Якушкин*); *Горбачевский И.И.* Записки и письма / ред. и сост. Б.Е. Сыроечковский и др. М., 1963; *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Т. 1. Дневник и письма / сост. С.В. Житомирская, С.В. Мироненко. Иркутск, 1979 (далее – *Фонвизин*); Из архива И.И. Пущина / публ. Н.В. Зейфман: Вступ. статья С.В. Житомирской. – В кн.: Сибирь и декабристы. Вып. 2. Иркутск, 1981, и др.

² *Дружинин Н.М.* Конституция Муравьева. – В кн.: Декабристы. Л.: Прибой, 1926; *Письма декабристов к И.И. Пущину.* – Зап. отд. рукописей, 1939, вып. 3; *Иванова Л.М.* Из переписки декабристов (Письма Н.А. Бестужева и И.Д. Якушкина). – В кн.: Декабристы: Новые материалы / под ред. М.К. Азадовского. М., 1955 (далее – Декабристы: Новые мат.); *Житомирская С.В.* Архив И.И. Пущина. – Зап. отд. рукописей, 1958, вып. 20; *Волконский М.П.* Письма декабриста С.Г. Волконского. – Зап. отд. рукописей, 1961, вып. 24; *Гапочко Л.В., Зейфман Н.В.* Из переписки декабристов: Письма М.А. Фонвизина и В.И. Штейнгеля к И.И. Пущину. – Зап. отд. рукописей, 1975, вып. 36; *Зейфман Н.В.* Из переписки декабристов: Письма А.Е. Модзалевского, А.З. Муравьева, П.А. Муханова, П.Н. Свистунова и А.Н. Сутгофа к И.И. Пущину. – Зап. отд. рукописей, 1979, вып. 40.

³ Сибирь и декабристы. Вып. 2. С. 188.

⁴ Письма декабриста Алексея Петровича Юшневского и его жены Марии Казимировны из Сибири / сообщены проф. П.В. Голубовским. Киев, 1908 (далее – Письма Юшневских). Письма хранятся теперь в отделе рукописей ГБЛ, в архиве Юшневских, ф. 370. Еще три письма А.П. Юшневского к брату с припиской М.К. Юшневской из того же архива см.: *Базилевич В.М.* Из архива декабриста Юшневского. – В кн.: Бунт декабристов: Юбилейный сборник. 1825–1925. Л., 1926.

⁵ Письмо от 25 марта. 1840 г. – Зап. отд. рукописей, 1939, вып. 3, с. 29–30.

⁶ Еще 12 ее писем к И.И. Пущину находятся в других архивохранилищах. – См.: Зап. отд. рукописей, 1958, вып. 20, с. 69–70.

⁷ Помимо упомянутых выше опубли. следующие письма М.К. Юшневской: к С.П. Юшневскому, 27 сент. 1830 г. – *Штрайх С.Я.* Декабристы на каторге и в ссылке (26 неизданных пи-

сем). – В кн.: Декабристы на каторге и в ссылке. М., 1925, с. 38–41; к К.П. Ивашевой, 4 июля 1836 г. – Буланова О.К. Декабрист Ивашев и его семья: Из семейной хроники. – Былое, 1922, № 12, с. 57–58; к Р.М. Медоксу, б. д. – Штрайх С.Я. Провокация среди декабристов. М., 1925, с. 73; к гр. А.Ф. Орлову, 2 окт. 1844 г. – Щеголев П.Е. Судьба М.К. Юшневской: Из истории жен декабристов. – Отклики, 1914, № 25, с. 4–6. (Прилож. к газ. «День», 1914; № 171, 26 июня); к С.П. Юшневскому, 5 писем за 1850–1851 гг. – Даревская Е.М. Письма М.К. Юшневской из Кяхты. – В кн.: Сибирь и декабристы, Иркутск, 1978, вып. 1, с. 168–183.

⁸ Пуцин И.И. Записки о Пушкине. Письма / под ред. С.Я. Штрайха. М., 1956, с. 137, 174 (далее – Пуцин).

⁹ Там же, с. 143.

¹⁰ Там же, с. 136, 142, 172, 178 и др.

¹¹ Герцен А.И. Собр. соч. В 30-ти т. М., 1956. т. 8, с. 290.

¹² О сибирском периоде жизни Юшневских см.: Головачев П.М. Указ. соч., с. 272–274; Белологов Н.А. Воспоминания и другие статьи. М., 1897, с. 1–20; Кубалов Б. Г. Указ. соч., с. 189–194; Базилевич В.М. Декабрист Юшневский: Спроба біографії. Київ, 1930.

¹³ Похилевич Л. Сказания о населенных местностях Киевской губернии. Киев, 1864, с. 700.

¹⁴ Здесь и далее при цитировании указываются только даты непубликуемых писем М.К. Юшневской.

¹⁵ Ф. 370, 1.32. На письме помета С.П. Юшневского: «Получено 11-го марта 1844 года в 8 часов вечера».

¹⁶ Это письмо с припиской М.К. Юшневской см.: ф. 370, 1.54, л. 33–34.

¹⁷ Мать М.К. Юшневской.

¹⁸ Пуцин, с. 159.

¹⁹ Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977, с. 494.

²⁰ См. примеч. 4 к письму 10.

²¹ См.: Кубалов Б.Г. Указ. соч., с. 152–153. В письмах к Волконским Лунин упоминает письмо от сестры. – См.: Окунь С.Б. Декабрист М.С. Лунин. Л., 1962, с. 264.

²² «Способу нет, как говаривал наш добрый Пуцин», – пишет Ф.Ф. Вадковский Е.П. Оболенскому 10 авг. 1839 г. – Декабристы: Неизд. мат., с. 203.

²³ Неопубликованное письмо всего 16, из них 7 за 1855 г. Автором допущена арифметическая ошибка. – Примеч. Е. Добрыниной.

²⁴ И.С. Зильберштейн пишет, что судьба этого портрета неизвестна. Он знает о его существовании из той же фразы М.К. Юшневской, но почему-то считает, что портрет сделан перед ее отъездом из Петровского Завода. Однако из текста письма следует с несомненностью, что Юшневская проездом из Иркутска на воды была у Бестужевых, и, конечно, портрет относится ко времени этого посещения. К тому же через полтора года после выхода из тюрьмы о рисованном там портрете вряд ли можно сказать «вновь сделанный». О портретах М.К. Юшневской работы Н.А. Бестужева и об их отношениях см.: Зильберштейн И.С. Указ. соч., с. 405–409.

²⁵ Здесь автор указывает неверную дату письма М.К. Юшневской. В примеч. 7 к письму 14 (от 24 сент. 1843 г.) приводится более точная дата: «В окт. 1843 г. М.К. Юшневская послала И.И. Пуцину план дома Борисовых <...>». – Примеч. Е. Добрыниной.

²⁶ После смерти Николая I декабристы начали ждать амнистии, тем более что от родных шли обнадеживающие вести. На этом фоне понятны слова Пуцины в письме к Г.С. Батенькову от 13 сент. 1855 г.: «Вдова Юшневская получила позволение ехать на родину. Это такие дробы, о которых совестно говорить» (Пуцин, с. 290).

²⁷ Пуцин, с. 298.

²⁸ Они хранятся в ЦГАОР СССР и в ОПИ ГИМ. См.: Зап. отд. рукописей, вып. 20, с. 69–70.

²⁹ Степанов Н. Дружеское письмо начала XIX в. – В кн.: Русская проза / под ред. Б.М. Эйхенбаума и Ю.Н. Тыянова. Л., 1926; Паперно И.А. Переписка Пушкина как целостный текст (май – октябрь 1831 г.). – В кн.: Studia metrica et poetica. Вып. 420. Тарту, 1977, с. 71–81; Она же. Об изучении поэтики письма. – Там же, с. 105–111.

А.П. и М.К. Юшневские – И.И. Пуцину

1

18-го декабря 1839. Селение Куды*

Я все отлагала к вам писать, добрейший, почтенный Иван Иванович. Не потому, что ожидала сказать вам что-нибудь интересного; а только для того, чтобы вы не получили всех наших весточек в одно время. Итак, нет с нами доброго нашего Ивана Ивановича! Какой же способ! Хотя бы мы знали, что вам в Туринске хорошо, что вы счастливы, что вы живете спокойно и в добром здоровье¹. Много бы нас это порадовало и уте[ши]ло бы нас в разлуке с вами.

Мы все еще в Куде². Все на квартире у доброго нашего благочинного. Что бог даст вперед, скажу вам. От г-на Понятов[ского] ни писем, ни денег³. Еще терпения, может, порадует нас Бог. В нем уповаю.

Вы обещали познакомить меня с Машинькой Басаргиной. Жду с нетерпением вашего письма. Привыкнув принимать искреннее и дружеское участие в Николае Васильевиче, не могу не порадоваться за него⁴. Да благословит его Бог с молодою его женою и пошлет им благополучие и согласие в жизни. Пусть извинит, что называю просто Машинькой его жену. У него была первая жена Машинька, ангел – не женщина⁵. Я ее любила как родную. Надеюсь, что выбор его теперешний столько же счастливый. И от всего сердца радуюсь за него и поздравляю его. Теперь ему не до нас. Зачем ему поздравительное письмо мое, я в душе моей разделяю его счастье. Буду писать ему позже. А теперь обнимите его за меня и скажите ему, чтобы то же сделал за меня же Машиньке своей. Добрым нашим Ивашевым дружеское наше приветствие⁶. Как давно я не имею от них писем. И сама давно не писала. Все потому, что не хочу говорить им об наших хлопотах. И не хочу помрачать моими жалобами их спокойной жизни. Дружба их прочна, я не боюсь лишиться ее, хотя и редко им напоминаю об себе. Поцелуйте малюток за меня и благословите их. Да будет над всеми ими милость господня.

Что же сказать вам теперь интересного? Начну рассказ мой об людях, интересующих вас. Мар[ья] Ник[олаевна] здорова, крестник ваш тоже, Нелинька очень мила и смешит всех, преоригинальная девочка. Серг[ей] Григ[орьевич] все тот же, у них все по-старому, я часто их выдаю⁷. Там вспоминаем доброго нашего Ив[ана] Ив[ановича]. Так ли часто вы об нас думаете? Кат[ерина] Ив[ановна] с семейством здорова⁸. Были два маленькие приключения, но, слава Богу, все теперь миновалось. Зиночка с месяц тому назад наклонилась на свечу, у нее загорелся чепчик. Отец, увидя девочку, на которой вся головка в огне, схватил руками, ту же минуту потушил, но немного обжег ей лоб. Чепчик кругом обгорел. Зина не испугалась, не понимая опасности. Была маленькая ранка на лбу, теперь она мила и здорова, как была всегда. Другое же приключение вот какое – Катерина Ивановна, катавшись с детьми, ознобила конец носа. Какой же способ? Нет никакого. Серг[ей] Петр[ович] с испугу начал оттирать и до крови протер: дней 5 носила она струпик. Теперь

* Помета И.И. Пуцину: «Пол[учено] 11 января».

нет уже ничего, кроме едва заметного красного пятнышка. Китушка чудесный мальчик и очень красив собою. Лиза очень хороша будет. Саша всегда кроткая, добрая девочка. Я их также часто выдаю. И, кажется, час от часу более привязываюсь к этому доброму семейству. Алек[сандр] Ми[хайлович] женился⁹. И так счастлив, как только можно желать. Теперь молодая его жена нездорова сильной простудой, Бог даст, все пройдет скоро. И это огорчение Ал[ександра] Мих[айловича] пройдет. Ник[ита] Мих[айлович] здоров. Нонушка также¹⁰. Ферд[инанд] Богд[анович] все тот же. Не знаю, пишет ли к вам, я его редко вижу, он занят своими больными¹¹. Об Сутгофе не умею ничего сказать вам. Теперь Ангара скоро даст возможность увидиться с жителями заангарскими. Я очень желала бы видеть Ан[ну] Фед[осеевну] и ее доброго мужа. Он получает письма от своей матушки, и она очень нежна с Ан[ной] Фед[осеевной]. Состояние их обеспечено попечением доброй старушки его матушки¹². Не могу не сказать здесь большое спасибо Г[ригорию] М[аксимовичу]¹³. Артамон Зах[арович] здоров¹⁴. Довольно в хорошем расположении духа. Ив[ан] Сем[енович] на днях едет в Курган¹⁵. Вот вам подробности об наших соседях. Я старалась сказать обо всех, зная, как вы их всех любите и помните. Фед[ор] Фед[орович] все еще ожидает перемены по письмам своих родных и грустит, что до сих пор живет одной надеждой¹⁶. Вы, верно, часто получаете теперь письма от своих. Всем им, пожалуйста, от меня поклонитесь и припомните отставного их секретаря. Жду с большим нетерпением от вас весточки. Вы не забудете сказать нам все подробности о вашей жизни, о вашем хозяйстве и препровождении времени. Не забывайте и того, что чувства дружбы моей к вам неизменны.

Преданная вам
М. Юшневская.

Оба Поджио здоровы¹⁷. Они все пишут к вам сами.

Рукой А. П. Юшневого

С. Куда. 18-го декабря 1839

Здравствуйте, почтенный Иван Иванович. Вероятно, вы давно уже на месте. Так как вы оттуда никому из наших еще не писали, то не знаем, каково ваше житье. В нашем, с отъезда вашего, не произошло иной перемены, кроме разве той, что день ото дня становится хуже. Впрочем, так как время считаю лучшим средством во всех болезнях, то и эта временем излечится. Вы можете представить себе однообразие нашей жизни в Куде. У кого есть средства, тот имеет бесконечные занятия на поселении: без них мы только прозябаем. Теперь же даже и зябнем: более недели мороз здесь до 35 гр[адусов], и Ангара стала ранее обыкновенного.

Не знаю, писал ли вам кто о кончине Осипа Францевича. Более месяца, как он умер от скоропостижной апоплексии. Вообразите, что за несколько времени до того Адам его покинул. Жаль бедного слепца, однако ж судьба в этом случае благоразумно устроила; такая легкая смерть лучше бедственной жизни¹⁸.

Пробежавши письмо жены, нахожу, что она перебила у меня речь и не оставила мне ничего, о чем бы сказать вам. Итак, поручаю себя со-

хранению вашей приязни; время, надеюсь, убедило вас, как дорого я ее ценю. С этою почтой мы не успеем писать к Василию Петровичу и к Камилле Петровне. Потрудитесь между тем сказать им от обоих нас дружеское наше приветствие, также и Николаю Васильевичу, которого от всей души поздравляю; мы поджидали, что он к нам напишет, и оттого замедлили сами писать. Простите.

Душевно вам преданный А. Юшневский.

Примечания

¹ И.И. Пущин прибыл на поселение в Туринск 17 окт. 1839 г. Проездом из Петровского Завода с 9 авг. по 5 сент. он жил в Иркутске и навещал поселенных в округе декабристов (*Пущин*, с. 122–128).

² По указу 10 июля 1839 г. А.П. Юшневскому назначалась для поселения д. Кузьминская (Кузьмиха) под Иркутском. Не найдя там жилья, Юшневские некоторое время жили в пригородах, затем поселились в Куде, потом переехали в д. Жилкину, где снимали избу за 350 руб. в год. (См.: Письма Юшневских, с. 124–127; на с. 125 дата письма ошибочна: «28 октября 1839 г.» вместо 23 октября – ф. 370, 1.53, л. 4.) Просьба об оставлении в Иркутске или пригороде была отклонена, и в ноябре 1840 г. им была назначена для поселения д. Малая Разводная, в 6 верстах от Иркутска на берегу Ангары, по дороге к Байкалу. Там они осели окончательно.

³ Ламберт Иосифович Понятовский, предводитель дворянства Киевского у., управляющий именем М.К. Юшневской. Он высылал Юшневским около 2000 руб. в год (Письма Юшневских, с. 127).

⁴ Пущин, в доме которого Басаргины жили в 1841 г., писал Н.Д. Фонвизиной: «Мы живем ладно, но и эта женитьба убеждает меня, что в Сибири лучше не венчаться» (*Пущин*, с. 179). Вследствие семейной драмы М.Е. Басаргина в 1844 г. поступила в Екатеринбургский женский монастырь.

⁵ Мария Михайловна Басаргина (ум. 1825, урожд. кн. Мещерская).

⁶ С Ивашевым, как и с Басаргиным, Юшневских связывало общее тульчинское прошлое. М.К. Юшневская не раз отмечает особую привязанность между мужем и В.П. Ивашевым. Так, она пишет С.П. Юшневскому о проводах очередной партии из Петровской тюрьмы: «Брат твой был очень растроган, прощаясь со всеми, но с Ивашевым он плакал, как ребенок» (Письма Юшневских, с. 109). И о самом Ивашеве: «Он уважал брата твоего, как только можно любить и уважать отца родного» (там же, с. 111).

⁷ Жена декабриста М.Н. Волконская (1805–1863, урожд. Раевская), их сын Михаил (1832–1909) – крестник Пущина, дочь Елена (1834–1916, в первом браке Молчанова, во втором – Кочубей, в третьем – Рахманова) – крестница М.К. Юшневской.

⁸ Е.И. Трубецкая (1800–1854, урожд. гр. Лаваль), жена декабриста С.П. Трубецкого. Дальше речь идет об их дочерях Александре (1830–1860, в замуж. Ребиндер), Елизавете (1834–1918, в замуж. Давыдовой), Зинаиде (1837–1924, в замуж. Свербеевой) и сыне Никите (1835–1840).

⁹ Декабрист А.М. Муравьев (1802–1853), с 1836 г. на поселении в с. Урик, женился на Жозефине Адамовне Бракман (Брашман, р. 1814), племяннице гувернантки дочери Н.М. Муравьева К.К. Кузьминой.

¹⁰ Декабрист Н.М. Муравьев (1796–1843), с 1836 г. на поселении в с. Урик. Нонушка – его дочь Софья (1829–1892, в замуж. Бибикова).

¹¹ Декабрист Ф.Б. Вольф (1796–1854), врач, с 1836 г. на поселении в с. Урик, с 1845 г. – в Тобольске. С разрешения властей занимался медицинской практикой.

¹² Декабрист Александр Николаевич Сутгоф (1801–1872), с 1839 г. на поселении в слободе Введенской в 20 верстах от Иркутска, после пожара, в котором сгорел его дом, переведен в Куду, с 1847 г. – в д. Малой Разводной, в 1848 г. отправлен рядовым на Кавказ. Женился 12 нояб. 1839 г. на Анне Федосеевне Янчуковской, дочери горного штаб-лекаря Ф.Ф. Янчуковского. Мать А.Н. Сутгофа Анастасия Васильевна (урожд. Михайлова), узнав о его

женитьбе, перестала ему писать, поэтому И.И. Пущин с радостью передает Е.П. Оболенскому и И.Д. Якушкину со слов М.К. Юшневской известие о возобновлении их отношений (*Пущин*, с. 136, 138).

¹³ Григорий Максимович Ребиндер, с 1837 г., после смерти С.Р. Лепарского, комендант Петровского Завода. «Я давно порадовался за Сутгофа, – писал И.И. Пущин П.Н. Свистуну, – это Ребиндер устроил, объяснив матери обстоятельства, как они были» (*Пущин*, с. 142). О его отношении к декабристам см. свидетельство М.А. Бестужева. – Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951, с. 172–174.

¹⁴ Декабрист А.З. Муравьев (1794–1846), с 1839 г. на поселении в с. Елань Бадайской волости Иркутской губ., в нояб. 1839 г. приехал в Иркутск для лечения, в марте 1840 г. переведен в д. Малую Разводную под Иркутском.

¹⁵ И.С. Повало-Швейковский жил в Иркутске после лечения на Туркинских минеральных водах.

¹⁶ Сестра Ф.Ф. Вадковского Софья Федоровна и ее муж, астраханский военный губернатор Иван Семенович Тимирязев, хлопотали о перемене места его поселения. Вернувшись с Туркинских минеральных вод, Ф.Ф. Вадковский жил в Иркутске, пока в окт. 1840 г. ему не разрешено было поселиться в Оёке.

¹⁷ Декабристы братья Иосиф Викторович (1792–1848) и Александр Викторович (1798–1873) Поджио, на поселении в Усть-Куде, первый – с 1834 г., второй – с 1839 г.

¹⁸ Иосиф (Юзеф) Сосинович (ум. в окт. 1839 г.) поляк, продолжавший после подавления восстания 1830 г. революционную деятельность. С 1834 г. был в заключении в Петровском Заводе вместе с декабристами (см.: *Якушкин*, с. 134). Адам Белявский – крестьянин, «находящийся при нем в прислуге» в связи с его слепотой (см.: *Шостакович Б.С.* Политические ссыльные поляки и декабристы в Сибири. – В кн.: Ссыльные революционеры в Сибири. Иркутск, 1973, вып. 1, с. 254–255). О жизни Сосиновича на поселении и причине ухода Адама см. письмо Ф.Ф. Вадковского к Е.П. Оболенскому от 7 окт. 1839 г. – Декабристы: Неизд. мат., с. 212.

2

Дер. Жилкина, 22-го июля 1840*

Давно не беседовал я с вами, почтенный Иван Иванович, хотя получил ваше письмо от 15-го или 17-го апреля. Не помню, оно отправлено тогда же к жене¹. Хотелось уведомить вас о уплате известных денег. С месяц, как они разосланы по принадлежности. Они помогли мне в жесточайшей нужде. Век не забуду вашего заботливого участия². Хотел бы высказать вам больше, но вы тотчас скажете: «меньше слов»³. Итак, вот дело. От Фаленберга я имею уже о получении денег письмо в ответ на мое, которым я вместе его и поздравил. Вы можете вообразить, как кстати пришло ему это пособие. Он, увы! женился. На ком, еще не знаю; достоверно только то, что он сочетал две бедности. Пишет, что подал просьбу об определении к гражданским делам⁴.

Слышу, что от вас были письма к другим нашим поселенцам, в том числе и к Вадк[овскому], который, узнавши, что буду к вам писать, поручил сказать, что медлит с своим к вам писанием в намерении уведомить положительно о том, где будет поселен. Теперь известно только то, что от Манзурки он избавлен и будет где-нибудь в окрестностях Иркутска.

О Оболенском, вероятно, жена вам уже писала. Из ее ко мне писем вижу, что ему очень плохо и он склоняется уже просить о переводе. Положение Пет[ра] Ив[ановича] еще того хуже; брат приводит его в отчаяние⁵. Горба-

* Помета И.И. Пушина: «Пол[учено] 9-го августа.

чевский, кажется, доволен своим местом, и ежели все его хозяйственные предприятия удадутся, то он упрочит себе безбедное существование⁶. Бес-тужевым было бы не худо; но на первые годы нужно денежное пособие, а сестра пишет им, что в течение года или даже двух не в состоянии будет присылать им ни денег, ни вещей⁷.

Сообщения с колониями очень затруднительны по пребыванию моему за рекой. С ближайшими даже оно неудобно. Водой можно плыть по течению, но обратно лодку надобно тянуть бичевою, и от того в один только путь до Усть-Куды (верст 13) надобно заплатить 5 руб. Сухим путем чрез город не менее разорительно, потому и сижу дома. Своих лошадей едва ли будем в силах когда-либо завести. Много в виду других нужд, более необходимых. О месте постоянного водворения остаюсь в той же неизвестности. В следующем письме надеюсь положительно уведомить вас об этом.

Отец Природ <...> женился⁸. В нравственном отношении он не мог вообразить для себя лучшей партии. Прочее – дело наживное. Мы все радуемся счастью этого достойного человека. Полагаю, что теперь они оба на водах проводят время. Сутгоф продолжает жить временно в Куде, ожидая решения на просьбу свою о переводе в Красноярск. Соловьев и Мозалевский назначены Енисейской губернии в Канскую волость⁹.

Сей час принесли мне письмо Василия Петровича от 14-го июня. Я расстроган описанием болезни и кончины незабвенной Камиллы Петровны¹⁰. Поклонитесь ему от меня и поблагодарите за дружеское его письмо. Я буду сам к нему писать. Николая Васильевича поздравляю отцом¹¹. Я пред ним виноват: очень давно не писал, постараюсь исправиться. Из письма вижу, что вы квартируете в доме В[асилия] П[етровича] и что здоровье продолжает вам изменять. А так как нет ничего этого дороже и ничего нужнее для перенесения всякой скорби, то об этом стоит подумать и искать перемещения в климат испытанный. Прошу изъявить мою благодарность м. г. Прасковье Егоровне и Ивану Александровичу за их память и свидетельствовать мое почтение¹².

О наших делах не знаю ничего иного, кроме того, что сказал вам в прежнем письме¹³, ибо от Понятовского с тех пор не получал писем. Необыкновенно раннюю присылку денег имею основание приписать стараниям Гр[игория] Макс[имовича], который нашел средство возбудить его деятельность. Он возобновил даже дело, остававшееся 4 года в забвении, об известных вам 12 т. руб., но не могу еще найти средство узнать о успехе¹⁴.

На днях виделся я с Алек[сандром] Викт[оровичем]. Бранился за то, что к вам не пишет, но, кажется, он неисправим. Прочих давно не видал по причине вышеобъясненной.

Поручил мне поклониться вам Ив[ан] Серг[еевич]¹⁵. Желал бы я иметь описание вашей болезни или ваших припадков¹⁶. Сообщите его мне в первом письме, которое ко мне напишете. Имея это и зная ваше сложение, можно будет с некоторою положительностью определить способ лечения. опишите как внутренние ощущения, так и наружные признаки.

Ангарская вода признается здоровою, и я это на себе испытываю, потому что во все время пребывания здесь не чувствую никаких припадков и здоров, как омуль.

Простите, почтенный Иван Иванович. Не откажите мне в описании, о котором прошу. Сделаем опыт. Поручаю себя вашей приязни, которую ценю очень высоко.

Преданный вам А. Юшневский.

Примечания

¹ М.К. Юшневская 16 марта 1840 г. уехала на Туркинские минеральные воды лечиться от ревматизма. «Благодаря добрым людям эта поездка ничего не будет ей стоить», – писал А.П. Юшневский брату (Письма Юшневских, с. 127). Очевидно, расходы взяла на себя Елена Федоровна Руперт (урожд. Недобе), жена ген.-губ. Восточной Сибири в 1837–1847 гг. В.Я. Руперта (1787–1849), вместе с которой М.К. Юшневская и уехала (Зап. отд. рукописей, 1939, вып. 3, с. 30).

² При разъезде из Петровской тюрьмы все нуждавшиеся в пособии декабристы получили деньги от артели; кроме того, И.И. Пущин отдал А.Н. Сутгофу и А.П. Юшневскому оставшиеся от раздела деньги «на подъем, с тем, чтобы они их выслали тем, которые из других разрядов не получили того, что наши ветераны» (Пущин, с. 149). «Наши дела таковы, – писал этой весной А.П. Юшневский брату, – что если бы не пособие добрых моих товарищей, мы не могли бы существовать» (Письма Юшневских, с. 126).

³ Любимая поговорка Пущина: «Меньше слов, а больше дела» (см.: Зап. отд. рукописей, 1961, вып. 24, с. 359, 371).

⁴ Декабрист П.И. Фаленберг (1791–1873), с 1832 г. на поселении в Минусинском о., женился на дочери казачьего урядника Саянской станицы Анне Федоровне Соколовой, в 1840 г. ходатайствовал о принятии на гражданскую службу и получил отказ.

⁵ Декабрист Евгений Петрович Оболенский (1796–1865), с 1840 г. на поселении в с. Итанцы Верхнеудинского о. Иркутской губ., с 1842 г. – в Туринске, с 1843 г. – в Ялуторовске. Декабристы П.И. (1800–1854) и Андрей Иванович (1798–1854) Борисовы, с авг. 1839 г. на поселении в с. Подлопатки Верхнеудинского о. Иркутской губ. Там душевная болезнь А.И. Борисова, начавшаяся в Петровской тюрьме, обострилась, и он был отправлен властями в больницу, откуда вернулся в дек. 1839 г. В марте 1840 г. местом поселения братьев была назначена Малая Разводная (см.: Бахаев В.Б. Декабристы братья Борисовы на поселении в Бурятии. – В кн.: Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ, 1973, с. 163–173).

⁶ Декабрист Иван Иванович Горбачевский (1800–1869) остался в 1839 г. на поселении в Петровском Заводе, организовал там мыловаренный завод.

⁷ Декабристы братья Михаил Александрович (1800–1871) и Николай Александрович (1802–1855) Бестужевы, с 1839 г. на поселении в Селенгинске Иркутской губ. Сестра – Елена Александровна Бестужева (1792–1874), руководила хозяйством семьи и вела переписку с братьями. В письме от 28 февр. 1840 г. Н.А. Бестужев спрашивал ее, на какое пособие они могут рассчитывать, и 18 окт. того же года снова вернулся к этому вопросу (см.: Декабристы М. и Н. Бестужевы: Письма из Сибири. Иркутск, 1929, вып. 1, с. 36, 55).

⁸ Отец Природ<...> — не удалось установить. [Речь идет об А.И. Арсеньеве. В 1840 г. он женился на дочери В.Я. Руперта Людмиле. Отцом природы его называли декабристы. «Арсеньев носил между нами название «отца природы», по поводу ужасной галиматши, в виде просьбы, поданной одним унтер-шехмейстером на имя А.И. Арсеньева, которая начиналась этим титулом» (Воспоминания Бестужевых. М; Л., 1951. С. 170). – Примеч. Е. Добрыниной].

⁹ Декабристы Вениамин Николаевич Соловьев (1801–1871), в июле 1840 г. уехавший в с. Устьянское Канского о., и Александр Евтихийевич Мозалевский (1803–1851), оставленный из-за болезни на поселении в Петровском Заводе и перебравшийся к В.Н. Соловьеву только в 1850 г.

¹⁰ И.И. Пущин тоже описывает обстоятельства смерти К.П. Ивашевой – в письмах к Е.П. Оболенскому и И.Д. Якушкину (*Пущин*, с. 136–137).

¹¹ Сын Н.В. Басаргина Александр родился в апр. 1840 г. и вскоре умер.

¹² Декабрист И.А. Анненков (1802–1878) и его жена (1800–1876, урожд. Гельб), на поселении в Туринске с 1838 г., в 1841 г. переведены в Тобольск.

¹³ Имеется в виду письмо от 25 марта 1840 г. – Зап. отд. рукописей, вып. 3, с. 29–30.

¹⁴ См. письмо А.П. Юшневского к С.П. Юшневскому, написанное в тот же день, 22 июля, и почти целиком посвященное денежным делам (Письма Юшневских, с. 125–127).

¹⁵ И.С. Персии, иркутский врач и друг декабристов.

¹⁶ Пущин жаловался, что с приезда в Туринск никак не может войти «в прежнюю свою колею: ужасное волнение при прежнем моем биении сердца не дает мне покоя; я мрачен, как никогда не бывал, несносен и себе и другим» (*Пущин*, с. 140).

3

16-го сентября 1840*

Лишь только возвратилась из-за Байкала, принесли мне ваше письмо, добрейший Иван Иванович. Я не могла вам тотчас отвечать, потому что я ехала навестить Кат[ерину] Ив[ановну] и Мар[ью] Ник[олаевну]. У них нашла я все благополучно. У одной Мар[ьи] Ник[олаевны] болели зубы до того, что принуждена была ставить пиявки. Теперь все уже миновалось и все у них здоровы.

Горячие Туркинские воды много мне сделали пользы. Но вот беда – сырая холодная жилкинская изба уничтожила всю пользу моего лечения. Бог милостив – может, уже скоро усядемся на постоянное жилище. Мужу моему отказали Гласкову. Я чистосердечно скажу, что я много порадовалась этому, – жить за рекой очень неудобно: переправы через Ангару несносны для меня. Теперь избрали мы Малую Разводную. Кажется, не будет никакого затруднения оставить нас там. Один Арта[мон] Захар[ович] поселен там и уже выстроил себе маленький скромный домик. У него вкуса много – из трех маленьких горниц сделал он премилое жилище. Отделка этого домика и самая постройка немало ему стоит и денег, и хлопот. Как-то мы, бедные, устроим себя? А как-нибудь да будет. Как всю жизнь нашу – прожили и живем – и все как-нибудь. Бог милостив. В предпоследнем вашем письме вы мне заметили, что я стала несравненно нетерпеливее к положению нашему, как было прежде. Представьте себе, добрейший Иван Иванович, что можно наконец устать терпеть. Другой год живем без пристанища и не можем найти постоянного места. Кажется, настало время, что можем пристроить себя. До весны, может и целое лето, придется еще жить в стесненном и невыгодном положении.

Надежда наша на доброго Понятовского, который обещает заняться делами нашими тотчас по окончании раздела со своими братьями. Надо ему дать время. Предчувствие мне говорит, что хоть не скоро, но устроит он наши дела. Кто знает этого человека, общим голосом твердят, что он добрый и умный человек. Не знаю, почему его называют Ал[ь]бертом, а не *Морисом*.

* Помета И.И. Пущина: «Пол[учено] 7-го октября». Дата проставлена А.П. Юшневским под его припиской.

Из одного письма я заметила, что это принятое имя Мориса многие знают¹. Друга вашего Евгения я много раз видела. И мы сдружились с ним. Он часто ко мне пишет. Но последнее его письмо мне не по сердцу. Он говорит, будто бы вам пишет Ан[на] Ив[ановна], чтобы вы привыкли к мысли оставаться в Тоб[ольской] губ[ернии]². Сильно это тревожит меня – знаю, как вы желали быть ближе к людям, которых вы всегда любили как родных. Будьте философом, не грустите, может, эта невозможность только временная. Я иначе и думать не хочу. Как для вас, так и для самой себя. Вы знаете нашу к вам преданность и уважение.

Недаром вы любите вашего *Евгения*. Что за добрый человек! Какой кроткий нрав. Вполне добродетельный и набожный человек. Я нагляделась, с какой доверенностью идут к нему все, которые нуждаются в его пособии. Живет он совершенно для ближних. Всевозможные лишения готов переносить, чтобы только уделять бедным. На беду его деревня самая бедная, составленная из одних нищих. Хлеба не было четыре года. Неурожай общий на все. В теперешнем году чудесный у них хлеб и сено. Зато без горя не бывает. Во многих местах разлитие Селенги затопило целые стога сена и целые поля не собранного еще хлеба. Во всяком случае, этот год наградил их, и бедные мужички с августа месяца кушают уже новый хлеб. Если же неостанет у них хлеба, так заменит им картофель. Не помнят такого урожая. Самый беднейший мужичок собрал мешков до тридцати. Подробности эти пишу вам для того, что некоторым образом они дают надежду, что ваш Евгений также поправится немного.

Балаганская показывала мне все их хозяйство. Разумеется, всего заведено понемногу, и все для этого семейства, которое живет попечением Ев[гения] Петр[овича]³. Комнатка у него чистенькая, украшенная портретами его родных и разного рода столярными инструментами. Евгений Петр[ович] получил портреты своих всех племянниц – чудесные должны быть девочки⁴. Старший Балаган[ский] снимает копии и чудо каких уродцев рисует. Не учась, и то удивляет. Будет об вашем Евгении. Он ждет нетерпеливо позволения ехать к вам. Может, Бог позволит быть вам вместе.

Елена Фед[оровна]⁵ часто спрашивает об вас с участием. Воды не совершенно ее излечили, но много поправили ее здоровье. И руки у нее несравненно больше имеют силы и гибкости. На будущий год она думает опять ехать. Только, может быть, не за Байкал, а на новооткрытые горячие серные воды, по кругоморской дороге, в Тунке, между знаменитыми нашими Гильцами⁶, от большой дороги в сторону верст 20-ть. И от нашего Люблинского верстах в 10-ти⁷. Вы не видели его супруги? И его дочери. Беда, по наружности. Дай Бог им счастья. А девочке хоть сколько-нибудь похорошеть. Вообразите, какая досада: вдруг получаю три письма с разных мест и в одну почту. Супруги хвастают, что их жены по складам уже читают. Как нарочно, сошлись в одно время эти письма. Смех и горе. Все себя полагают счастливыми, слава Богу. Дай Бог, чтобы всю жизнь считали себя в счастье. Фаленберга жена тоже читает уже по складам, скоро ко мне напишет. Вильгельма Кюх[ельбекера] супруга тоже начала учиться, и, как кажется, лениво идут уроки⁸. Мих[аил] Кар[лович] со мною в переписке. Добрый человек. Теперь хлопочет, как бы

пристроить дочерей, чтобы не выросли дикими баргузинками*⁹. *Какой же способ?* Нет никакого.

Что значит с вами беседовать, не могу расстаться с пером, а, кажется, пора бы перестать. Сегодня Артам[он] Зах[арович] пожелал быть у нас. Приехали его пустые дрожки прямо с Разводной. Сам он хотел плыть рекой в Жилкину. Уселся на *душеубке* – так здесь называют стружок. К счастью, отплыл недалеко от берега. Пошевелился, и *душеубка* опрокинулась. Арт[амон] Зах[арович], бедный, в воду совсем с головою погрузился. Вот страх! у меня теперь еще сердце дрожит. Ах, как я испугалась, получа его записку. И мужичок сам рассказывал мне, который хотел его перевезти сюда. К счастью, скоро вытащили люди Арт[амона] Зах[аровича]. Он сильно прозяб и, я думаю, испугался. Дай Бог, чтобы это прошло ему без вреда. Вот какое неудобство жить за рекой и для нас, и для тех, кто пожелает нас видеть. *Никакого способа*: Несколько уже раз перевозили меня чрез Ангару. Но я иначе не еду, как на карбасе. Может, скоро избавлюсь беспокойного переезда.

Сей час дали мне знать, что Китушка у Кат[ерины] Ив[ановны] расхворался¹⁰. Персин там. Бог даст, ребенок будет здоров. Но Кат[ерина] Ив[ановна] недавно сама была нездорова после выкидыша. Боюсь за нее. Да избавит их Бог от всякой скорби. Не хочу и думать ничего дурного. Да еще и нет ничего такого. Китушку все тошнит, и маленький у него жарок. Здесь сильная была scarlatin. Теперь уменьшилась, и Бог миловал всех наших. У Нелиньки и Мишиньки тоже была, но слабая. Может, теперь не то же ли у Китушки. Вскоре буду вам опять писать, тогда скажу подробности о Китушке. Вероятно, вы уже давно знаете, что у Алек[сандры] Ив[ановны] умножилось семейство дочерью Сонечкой¹¹. Мих[аил] Фот[иевич]¹² все болен, бедный, видно по его почерку. Припадки одни за другими. Очень жалуется на дурное свое здоровье.

Я мало к вам писала из-за Байкала. Никому не писала совсем. Теперь я здесь – буду с вами беседовать, не боясь вам наскучить. Потрудитесь, добрый Иван Иванович, передать дружеский мой привет Наталье Дмитриевне и Мих[аилу] Алек[сандровичу]. Я никогда не перестану искренно их любить и уважать. Павлу Сергеевичу поклонитесь и пожмите ему руку с дружбой за меня. Мы получили его письмо. Я радуюсь, что его брату несравненно лучше. Да обрадует их Бог совершенным выздоровлением Н[иколая] Серг[еевича]¹³.

Прощайте, почтенный, добрый Иван Иванович, – не забудьте всем нашим добрым господам и товарищам поклониться от меня. Крепко жму вашу руку в знак моей неизменной к вам дружбы.

Преданная вам
М. Юшневская.

Рукой А.П. Юшневского

В одно время с письмом вашим к жене от 7-го августа показывал мне Серг[ей] Григ[орьевич] полученное им от вас, где вы говорите о уничтоженном начете. Благодарю вас, почтенный Иван Иванович, за изъявления друж-

* В тексте: барбузанками. – *Примеч. Е. Добрыниной.*

бы и участия при таком важном для меня событии. Оно не только меня обрадовало, но и удивило. Желал бы переслать вам выписку из заключения Гос[ударственного] контроля, но много письма. Я постараюсь сделать сокращение. Самый усердный и добросовестный адвокат не мог бы с большею заботливостью отыскать в делах все пояснения, которые служат оправданием моим действиям и которые, по небрежности подведомственных мне некогда мест и лиц, составлявших учет, оставлены были в забвении. Итак, благодаря опытности и беспристрастию моих судей, дело, угрожавшее мне незаслуженною напастью, обратилось мне в похвалу.

Жена так мало оставила мне места, что я могу только сказать вам несколько слов о двух предметах, которые она забыла. О памятнике или о плите на могиле Андреевича жена говорила и еще будет писать Горбачевскому¹⁴, но он принимает это как-то равнодушно, и потому полезно было бы, если бы и вы ему написали. Ящик, о котором вы пишете, до сих пор еще сюда не дошел. Разве получен, может быть, в промежутке после последнего нашего свидания с М.М.¹⁵

В городе и в Гласкове нам отказано, надеемся, что пустят в Малую Разводную. Между тем не знаем еще, где зимовать, ибо в Жилкиной нет возможности. С наступлением весны предстанут заботы о постройке, а у нас, как вам известно, нет никаких средств, кроме *le как-нибудь* et *le не бойсь*. Но об этом тогда и будем тревожиться, когда придет время. До тех пор станем плыть по течению с упованием на благодать Провидения, которое не покидало нас в затруднительных обстоятельствах жизни.

Покоряясь могуществу обстоятельств, мы примирились с мыслью, что вас нет среди нас, добрейший Иван Иванович. Теперь, после пробудившейся надежды видеть вас здесь, мы как будто готовимся к новому с вами расставанию, слыша, что ходатайство о вашем переселении не обещает успеха. Не замедлите подать сюда весть об этом и вместе с тем о успехе вашего лечения.

Нам очень было приятно узнать, что Рейхель¹⁶ сделался знаком вашей сестрице. Кроме искусства по своей части, он человек очень приятный в обществе. Это я убедил его приняться за палитру. Иначе он сидел бы празден и продолжал бы жаловаться на недостаток. Теперь он очень доволен, что меня послушал. Прошу вас, если вы еще в Тобольске, сказать мое почтение Наталье Дмитриевне и Михайлу Александровичу; Павлу Сергеевичу прошу сказать мой дружеский привет. Мы хлопочем о Кудрявцеве¹⁷. У него грыжа, законная причина к увольнению. Он при здешней семинарии. Простите. Вскоре будем писать, когда решится окончательное наше водворение.

Душевно вам преданный
А. Ю.

Примечания

¹ Понятовский именуется Ламбертом (см. его письмо к С.П. Юшневскому от 17 марта 1837 г. – ф. 370, 1.34).

² А.И. Пушина (ум. 1867), сестра декабриста. С одной стороны, на Пушина плохо влиял климат Туринска, с другой – он и Е.П. Оболенский хотели жить на поселении вместе. Их встречные ходатайства даже затрудняли дело. 28 июня 1840 г. Пушин писал Е.И. Трубецкой, что сестра считает его намерение перебраться под Иркутск неосуществимым и, види-

мо, не решается просить царя о переводе (*Пушкин*, с. 155). Очевидно, о том же он писал Оболенскому. Однако 4 сент. 1840 г. он сообщал другу, что, судя по письму сестры от 12 авг., запрос о переводе послан в Иркутск (там же, с. 160). В Иркутском государственном архиве хранится дело «о переводе государственного преступника Ивана Пушкина в с. Итанцинское», 1840–1842 гг. – В кн.: Сибирь и декабристы. Иркутск, 1925, с. 195. Оболенский же 5 мая 1840 г. написал сестре Н.П. Оболенской, чтобы хлопотала о его переводе в Туринск, а летом того же года Трубецкие через родных стали добиваться перевода их обоих в Оёк. 14 июня 1841 г. Оболенский написал Пушкину, что по просьбе сестры переведен в Туринск, но выехал он туда только в янв. 1842 г. (см. его письма к Пушкину: 2.48, л. 1, 5, 7, 11, 23–24 и др.). В 1843 г. оба декабриста переехали на поселение в Ялуторовск.

³ Речь идет о сестре солдата Петровского Завода Егора Балаганского Крашенинниковой и ее пятерых детях, приехавших к Оболенскому в Итанцу. Крашенинникова вела хозяйство Оболенского (см. об этом в письмах Е.П. Оболенского к А.Л. Кучевскому. – В кн.: Тайные общества в России в начале XIX столетия. М., 1926, с. 52, 54). При отъезде из Итанцы он оставил им свое хозяйство, а детей продолжал обеспечивать и впоследствии. В письмах Оболенского к Пушкину 1840–1841 гг. семья неоднократно упоминается, дети его «часто утешают» (см.: 2.47, л. 8, 15 об., 25 об.; 2.48, л. 7, 9 об., 14, 44 и др.).

⁴ 26 мая 1840 г. Оболенский писал Пушкину: «Сестра Варвара (в замуж. Прончищева. – Н. З.) со всей семьей гостила у Наташи (младшая сестра декабриста, в 1839 г. вышла замуж за вдовца А.П. Оболенского, имевшего детей. – Н. З.) семь недель; они обе собрались с силами и списали портреты со всей своей маленькой семьи и посылают мне это сокровище» (2.47, л. 36–36 об.). 1 июля 1840 г. Оболенский сообщил другу: «От сестер получил портреты всей нашей маленькой семьи: четыре человека малюток мне представились как добрые ангелы, не у всех красота, но семейная добрая физиономия» (там же, л. 39 об.).

⁵ Е.Ф. Руперт.

⁶ Правильно: гольцы. Распространенное в Сибири название гор, поднимающихся выше верхней границы леса, для которых характерны голые вершины и каменистые россыпи, зачастую и летом вершины покрыты снегом. – *Примеч. Е. Добрыниной.*

⁷ Декабрист Юлиан Казимирович Люблинский (1798–1873), с 1829 г. на поселении в Тункинской крепости Иркутской губ., женился там на местной уроженке казачке Агафье Дмитриевне Тюменцевой, имел трех дочерей и двух сыновей (см. о них: *Кубалов Б.Г.* Указ. соч., с. 204–205).

⁸ Декабрист Вильгельм Карлович Кюхельбекер (1797–1846), с 1836 г. на поселении в Баргузине Иркутской губ., с 1839 г. – в Акшинской крепости, в 1844 г. переведен в Смоленскую слободу Курганского о. Женат на дочери баргузинского почтмейстера Дросиде Ивановне Артемовой (ум. 1886).

⁹ Декабрист М.К. Кюхельбекер (1798–1859), с 1831 г. на поселении в Баргузине, женился в 1834 г. на мешчанке Анне Степановне Токаревой. Брак их был вскоре расторгнут из-за несоблюдения церковных формальностей. В 1836 г. у них родилась дочь Юстина (в замуж. Миштовт), в 1840 г. – Юлия (ум. 1905, в замуж. Галкина).

¹⁰ Никита Трубецкой накануне, 15 сент., уже умер.

¹¹ А.И. Давыдова (1802–1895, урожд. Потапова), жена декабриста Василия Львовича Давыдова (1792–1855), на поселении в Красноярске с 1839 г. Их дочь Софья родилась в авг. 1840 г.

¹² Декабрист М.Ф. Митьков (1791–1849), на поселении в Красноярске с 1836 г., болел чахоткой.

¹³ Декабрист Н.С. Бобрищев-Пушкин (1800–1871), болел тяжелым психическим расстройством, в 1833 г. поселен на попечение брата П.С. Бобрищева-Пушкина в Красноярске, в февр. 1840 г. оба переведены в Тобольск, и больной помещен в дом умалишенных.

¹⁴ Декабрист Яков Максимович Андреевич (1800–18 апр. 1840), с 1839 г. на поселении в Верхнеудинске Иркутской губ., где и умер в местной больнице. Вероятно, И.И. Горбачевский должен был заниматься памятником, как его ближайший друг по Обществу соединенных славян.

¹⁵ М.М. – не удалось установить. Вероятно – иркутский знакомый Юшневских и Пушкина.

¹⁶ Христиан Яковлевич Рейхель (ум. 1857), художник, муж дочери М.К. Юшневской Софьи Алексеевны (урожд. Анастасьевой).

¹⁷ Кудрявцев – добавочных сведений не имеем.

4

29-го сентября 1840. Жилкина*

На этот раз не могу порадовать вас добрым известием о друзьях наших, почтенный, добрый Иван Иванович. Вспомните – в последнем моем письме сказала я вам, что Китушка Кат[ерины] Ив[ановны] нездоров. Прежде чем письмо мое было в дороге, милого нашего Китушки не было уже в живых. Вдруг сразила его сильная горячка гнилая, к этому еще scarlatin внутренний – сыпь наружу не показалась, только во рту была опухоль и сыпь да в горлышке. На третий день его болезни сделался в легких антонов огонь, а на четвертый день скончался. В тот же день после его кончины выступили на нем по всему телу черные пятна, даже на шейке. Лицо у него не изменилось, с милой, доброй его улыбкой его схоронили. Представьте себе, Иван Иванович, что Китушка точно предчувствовал свою кончину. Он почти все время был в бреде и беспамятстве. Вдруг на третий день его болезни начал припоминать всех своих знакомых. Каждого называл по имени и каждому говорил: «прощайте». Таким образом призывая всех и прощаясь, вспомнил даже Дезидерья Викентьевича, католического ксендза¹, которого он редко видел. Простился со всеми знакомыми детьми. На четвертый день утром в десять часов – 15-го числа, в день своих именин, стал он звать папа, обнял его крепко, целовал в лицо и повторял: «прощай, папа». Мамап тоже расцеловал и тоже твердил: «прощай, мама». Повернулся на другой бок – еще раз сказал: «прощай, папа, прощай, мама. Иду спать». Вдруг сукровица у него показалась горлом, и он скончался.

Сначала даже думали, что он точно уснул. Но, поглядев пристально, увидели, что Китушки уже нет. Он не дожил до пяти лет три месяца и пяти дней. Можете себе представить, как это несчастье поразило Серг[ея] Петр[овича] и Кат[ерину] Ив[ановну]. Первый так похудел, что кости означились у него на лице. Кат[ерина] Ив[ановна] плакала много, горько – но не роптала как женщина умная и твердо верующая в Бога. Религия ее поддержала в этом несчастье, а страх умерил ее горесть. Китушку похоронили тут же, подле Володи² в девичьем монастыре. Я не была в Оёке все время болезни Китиной. Прежде чем до меня дошла опасность его болезни, он умер. Я поехала прямо к похоронам в монастырь – оттуда вместе с Кат[ериной] Ив[ановной] уехала в Оёк. На другой день расхворалась очень сильно *Зина*, scarlatin и горячка. К счастью, ее спасли. Но Кат[ерина] Ив[ановна] до того испугалась и Серг[ей] Петр[ович], что забыли об своем горе. Я у них пробыла пять дней – Зиночка была вся в сыпи, но опасность миновалась. Теперь уже Зина совсем оправилась. Дай Бог, чтобы старшие две избегли этой болезни. Их отделили от больной для предосторожности. Когда Киту унесли или, лучше сказать, увезли, дом их стали белить, выкуривать и проч. Сами перебрались в дом Петухова, где прежде стояли на квартире. Но когда Зиночка заболела,

* Помета И.И. Пушкина: «Пол[учено] 18 октября».

тех детей увезли в новые комнаты в свой дом. А больная Зина с папой и мамой остались у Петухова. К ним на время переехали Сутгофы, чтобы с детьми побыть. До той поры все время была я с ними. На днях опять поеду к ним – только бы мне быть здоровою. Наша квартира до того холодна и сыра, что я все опять страдаю разными моими припадками и головной болью.

Не знаю, когда мы дождемся постоянного жилища на месте. Нет уже сомнения, что назначена нам Малая Разводная. Но надо строиться. Теперь же ни способа, ни времени нет. Хоть бы зимой Бог помог как-нибудь приготовиться – летом построить домик, и к зиме, если будем живы, могли бы уже жить спокойно. Не могу вам достаточно высказать, как я устала от всех невыгод. Даже постоянно больна от этого. Кости все болят у бедной старушки. А помочь этому невозможно. Без способов сделать нельзя ничего.

Прощайте, добрый, почтенный, любезный Иван Иванович, дружески жму вашу руку. А вы то же сделайте от меня всем нашим добрым друзьям и товарищам. Да сохранит вас всех Провидение в добром здоровье, и благословит вас Бог счастьем.

Преданная вам
Марья Юшневская.

В Урике все здоровы, и все у них благополучно. Конверты получила. Спасибо – много раз благодарю вас за милое дружеское внимание. Один обращается к вам с этим письмом. Вероятно, многие еще перейдут опять в ваши руки. Пишите, добрый Иван Иванович. Да поговорите об Ивашеве и Басаргине. Я скоро сама к ним напишу. Теперь вся в хлопотах, дрожу от холоду, косточки разломало от всех и разного рода невыгод. Прощайте. Дай Бог, чтобы все вы не имели никогда причины жаловаться ни на что.

Рукой А.П. Юшневского

Здравствуйте, почтенный и добрый Иван Иванович. Со времени последней к вам приписки постигла общее наше семейство такая потеря и так внезапно, что теперь еще как будто не верится, точно ли это случилось. Вот один из тех ударов, которые могут в нашем положении потрясти любую твердость, сколько бы ни были мы обстреляны.

Будучи от Оёка верстах в 45, мы узнали об этом накануне похорон. Смотря на все это, все свои заботы и неприятности считаешь не стоящими внимания.

Наконец, мы имеем постоянное жилище, т. е. в будущем. Деньги, которые должны его представлять до начатия постройки, не существуют еще ни в зародыше. Это приведется в ясность не прежде марта. До тех пор будет жить *au jour le jour**. Пребывание за Ангарой доконает и карман, и здоровье. Многое еще надобно перенести, пока сколотим себе приют.

Не оставьте нас в неизвестности о том, чем разрешится ходатайство о вашем перемещении. Я не успел еще составить краткой выписки по моему делу, но непременно вам доставлю. Простите, добрейший Иван Иванович; дай Бог, чтобы исполнилось сердечное желание наше видеть вас здесь. Это одна из приятнейших мыслей душевно вам преданного А. Юшневского.

* Со дня на день (*франц.*).

Примечания

¹ Дезидерий Викентьевич – вероятно, Гациский (Гатицкий), настоятель иркутского костела.

² Володя Трубецкой (1838–1 сент. 1839), сын декабриста, умер, простудившись, в дороге из Петровского Завода.

5

4-го января 1841. Малая Разводная*

Думала я, думала и не могла ничего придумать; не понимаю, в дороге ли вы к нам или живете в Туринске спокойно и в добром здоровье, надеюсь. Я решилась, добрый, любезный Иван Иванович, написать к вам еще раз наудачу, – может, письмо мое разъедется с вами, но какая нужда: когда-нибудь дойдет до вас и вы скажете, что я аккуратный человек. Последнее письмо ваше было от 6 ноября. Я пропустила целый декабрь почти в надежде, что вы непременно к 25-му числу приедете¹. Этот день проводили мы у Мар[ья] Ник[олаевны], вспомнили много раз вас и очень пожалели, что вы не разделили нашу встречу праздников с нами. Как всегда, новорожденная Мар[ья] Ник[олаевна] была мила и в хорошем расположении духа, немного пела, занималась приезжими, и все было мило и хорошо. Нелинька и Миша здоровы, учатся с успехом, и маминька не нарадуется, глядя на своих детей. Серг[ей] Гр[игорьевич] в хорошем расположении духа и любит детей всем сердцем. На третий день Рождества Христова вечером обняла я добрейшую Катерину Ивановну и не расставалась с нею до Нового года. Пообедав у нее, возвратилась я 1-го числа домой в добром здоровье, оставила Труб[ецких] всех здоровыми. Дети все хорошеют; но так смирны девочки, что их не слышать, одна Зина больше всех говорит и так мила, что трудно выразить. Когда приедете, она, вероятно, будет ваша любимая в семействе.

Сашинька прекрасная, кроткая, благодравная девочка, рассудительный ребенок не по летам. Дай Бог, чтобы они все были счастливы.

Интересного нет ничего сообщить вам, не помню, писала ли я вам, что Алек[сандр] Лукич женился² и на другой день написал Сергею Петровичу, что из церкви *такого-то числа* привел он в дом свой законную супругу. Но лишь только возвратились они домой, супруга его должна была все снять с себя и разослать платье, которое заняла у других для такого важного случая.

Ну скажите, *какой же способ? Просто нет никакого*. В этом роде получила письмо Мар[ья] Ник[олаевна]. Все вместе помогли горю. Между тем подоспели деньги, высланные на его долю после смерти Крас[нокутского]³, и покуда все хорошо. Не стану вам описывать подробностей другого рода. Приедете, как всегда, так и теперь, с участием выслушаете горе каждого, кто будет вам рассказывать об нем. Я никогда не была очень доброю в подобных случаях. И теперь меня несколько не занимает женитьба старика 60-летнего. А я бы порадовалась искренно, если бы его старушка сюда пожаловала. Если письмо мое застанет вас в Туринске, обнимите за меня доброго нашего

* Помета И.И. Пушкина: «Пол[учено] 7 февраля».

Ивашева вместе с его детьми, обнимите Басаргина. Непременно напишу им обоим с будущей почтой. До свиданья, добрейший Иван Иванович, все будем в надежде скоро вас увидеть.

Преданная вам
М. Юшневская

Рукой А.П. Юшневского

Жена сказала вам, почтенный Иван Иванович, причину нашего молчания. Горе бы нам было, если бы вы приписали его нашей лени. Мы все, сами не зная почему, со дня на день вас ожидаем. Каждый из нас полагает, что вы написали бы к кому-нибудь, если бы не имели надежды быть вскоре к нам. Вот отчего я не отвечал вам на письмо с описанием вашей болезни. Теперь же из последнего вашего письма с радостью увидел, что г. Дьяков вам помог⁴. По описанию же его, ни Вол[ьф], ни Перс[ин] не взялись дать совета, нашедши это описание более нежели недостаточным.

Мы пребываем все в постоянном ожидании скорого вашего прибытия. Нам приятна уверенность, что мы непременно первые вас увидим. До тех пор простите.

Преданный вам
А. Юшневский.

Примечания

¹ М.К. Юшневская надеялась, что ходатайство И.И. Пущина о переводе под Иркутск будет удовлетворено. Возможно, Е.П. Оболенский передал ей слова Пущина из письма к нему от 4 сент. 1840 г.: «Теперь можно спокойно ожидать к зиме разрешения – вероятно, на Ангаре дадим друг другу руку на жительство» (*Пущин*, с. 160).

² А.Л. Кучевский (1787–1871), майор Астраханского гарнизонного полка, сблизился с декабристами в Петровской тюрьме, где оказался за составление в Астрахани в 1827 г. тайного общества будто бы с уголовными целями. На поселении с 1839 г. в Тугутуе под Иркутском. Женился на молоденькой девочке, крестьянке Аксинье Ревякиной, своей прислуге, хотя первая жена его К.Н. Кучевская была еще жива и незадолго до свадьбы он приглашал ее в Тугутуй (см.: письмо Ф.Ф. Вадковского к Е.П. Оболенскому от 1 дек. 1840 г. – *Декабристы: Неизд. мат.*, с. 226–227). Это ее называет М.К. Юшневская ниже старушкой. О Кучевском см. статьи В. Петрова и Б. Кубалова в кн.: *Тайные общества в России в начале XIX столетия*. М., 1926.

³ Декабрист Семен Григорьевич Краснокутский умер 3 февр. 1840 г. в Тобольске.

⁴ Гаврила Маркович Дьяков, штаб-лекарь тобольской врачебной управы. По словам Пущина, он определил его болезнь как «хроническое воспаление сердца, с которым неразлучны припадки ипохондрии» (*Пущин*, с. 160).

6

24-го февраля 1841. Малая Разводная*

Недаром ваше упорное молчание продолжается, добрейший, почтенный Иван Иванович. Мы все вас сюда ожидали, и слуху нет от вас, и не едете вы к нам.

* Помета И.И. Пущина «Пол[учено] 26 мая».

Грустно спросить у вас, справедливы ли слухи о смерти Ивашева. Ев[гений] Петр[ович] в Кяхте¹, проезжие сюда оттуда говорят, что он получил письмо от своей матушки об этом печальном известии. Ужасно подумать об маленьких сиротках; бедные дети, бедный Ивашев не мог пережить несчастья, лишась доброй своей Камиллы. Я до глубины души встревожилась этим слухом, и, конечно, если бы можно было воскресить их слезами, я бы плакала до смерти. Были бы они только живы. Поцелуйте за меня малюток и благословите их; зачем я не с ними теперь. Ухаживала бы за ними с такою заботливостью, с какою только может лучший друг их семейства. Да будет над ними милосердие Господне, и подкрепи Бог добрую старушку, их бабушку.

С последнего письма моего к вам у всех ничего особенного не случилось. Все здоровы в Оёке и в Урике – исключая доброго нашего Александра Поджио; он расхворался очень обыкновенными его припадками, видно, в этот раз сильнее страждет, сегодня прислали за пиявками – Ферд[инанд] Богд[анович] у него. Серг[ей] Гр[игорьевич] неотступно при нем тоже. Арт[амон] Зах[арович] сегодня к Поджио собрался, чтобы быть при нем *garde-malade**.

Вы знаете, какой он необходимый человек при больном, у него ланцет в руках, которым так искусно действует – составить лекарство, все у него и скоро, и хорошо исполняется. Дорогой он человек при больном, и я рада, что он отправился к Алек[сандру] Викторовичу]. Может, Бог даст, он скоро поправится².

Вы, верно, знаете, что Алек[сандр] Поджио и Серг[ей] Гр[игорьевич] про- сились на воды, первый на Тункинские, вновь открытые и устраивающиеся теперь. А Серг[ей] Гр[игорьевич] – на Туркинские за Байкалом, на которых он уже был четыре года тому назад. Еще не получили разрешения. Полагают, что им необходимо это лечение, Сергей Гр[игорьевич] страждет ревматизмом в руке. Ферд[инанд] Богд[анович] посылает их обоих. Я уже писала к вам, что Мар[ья] Ник[олаевна] пополнела и это ей очень идет – только старше теперь кажется, как до полноты была. Она всегда в хорошем расположении духа, дети ее растут и учатся прекрасно, Миша все любимец маминьки, а Нелинька любимица всех детей. Катерина Ивановна здорова. Серг[ей] Петр[ович] тоже, *Каролина Карловна у них гостит с самого возвращения ее сюда*³. Я этим очень довольна, Кат[ерина] Ив[ановна] все была очень грустна, а Кар[олина] Кар[ловна] не дает ей задуматься. Серг[ей] Петр[ович] сам занимается Сашей, Лизой – Кат[ерина] Ив[ановна]; а Зина еще свободна от учения. Фед[ор] Фед[орович] Вад[ковский] живет спокойно в Оёке – занимается хозяйством не на шутку, все хочется ему обеспечить себя и не зависеть от пособия родных⁴. Да поможет ему Бог, мы с мужем ничего не умеем придумать – надо иметь что-нибудь в кармане, чтобы приняться за хозяйство, а у нас по-старому и несравненно еще хуже: пустота везде – ожидаем на днях от г-на Понятов[ского] красноречивого письма с приложением. Да пишите, пожалуйста, добрый, чудесный Иван Иванович: скучно не иметь долго от вас писем. Ев[гений] Петр[ович] в добром здоровье, живет надеждой скоро вас увидеть. Скучает, однако же, и обирают его соседи – вы знаете, как он

* Сиделкой (франц.).

помогает бедным даже тогда, когда сам нуждается. Ив[ан] Ив[анович]⁵ варит мыло. Сам было вздумал, да неудачно. Теперь мы ему послали мыловара бурята, не знаю, будет ли прок. Между тем он употребил свои деньги на это маленькое заведение, боюсь, чтобы вместо помощи не разорил себя до основания. Прощайте, добрейший Иван Иванович, дружески жму вам руку.

Марья Юшневская.

Не забудьте поклониться от меня Басаргину и всему его семейству. Кланяйтесь Пар[асковье] Егоровне и всем, всем. Да скажите, как они поживают.

Рукой А.П. Юшневского

Вы продолжаете молчать, почтенный Иван Иванович. Я не перестаю заключать из того, что вы не лишены еще надежды быть здесь. Все мы очень огорчимся, если это не сбудется. Все, что могу сказать вам о себе доброго, – это что я, по крайней мере, здоров совершенно. Прочее так худо, как еще не бывало. Март есть для нас месяц надежд, которые, как вы знаете, никогда не исполнялись. Ежели и теперь будет то же, то нас ожидает самый тяжелый год. При всем том я еще благодарю Провидение, когда помышляю о несчастьях, постигших в столь короткое время семейство добрых наших друзей. Скажите нам, что у вас делается. Скажите наш дружеский привет Ник[олаю] Вас[ильевичу] Басаргину. Он также молчит, вскоре будем сами к нему писать.

Преданный вам
А. Юшневский.

Примечания

¹ Е.П. Ледантю, брат К.П. Ивашевой, в 1841 г. – член Строительной комиссии Иркутской губ.

² О почечной болезни А.В. Поджио см.: *Пуцин*, с. 171–172; Зап. отд. рукописей, вып. 24, с. 372. Летом 1841 г. он ездил лечиться на воды.

³ К.К. Кузьмина (ум. 1849), гувернантка в семье Трубецких, затем воспитательница С.Н. Муравьевой. В нач. 1840 г. она уехала в Россию, а в февр. 1841 г. вернулась в Урик к Муравьевым, и у них произошел известный по декабристской переписке инцидент, когда А.М. Муравьев и его жена, племянница К.К. Кузьминой, выдворили ее из дома. До нач. 1842 г. она жила у Трубецких. Позже была директрисой Иркутского девичьего института (см.: Зап. отд. рукописей, вып. 24, с. 365–369).

⁴ «Это решенный вопрос, это главная дума, это – пункт, это цель моей теперешней жизни», – писал Ф.Ф. Вадковский И.И. Пушкину о своем желании не зависеть материально от родных (*Декабристы* на поселении, с. 78).

⁵ Горбачевский.

21-го апреля. 1841. Малая Разводная*

Добрый, любезный Иван Иванович!

В этот раз я немного запоздала писать к вам. Мы уже совсем водворились в Малой Разводной, но еще у нас нет помещения своего. Покуда мы на одном дворе с добрым нашим Арт[амоном] Зах[аровичем] и занимаем у него маленький флигелек, состоящий из двух комнаток. Мне здесь очень покойно, несмотря на весьма тесное помещение. Дом Арт[амона] Зах[аровича] теперь отделяют. У него тоже две комнаты, но гостиная большая, спальня тоже велика, прихожая теплая, комнатка для человека и маленькая казёнка с подвалом. Вид из его окон чудесный, над самой Ангарой, и кругом лес, островки, и каждый день мимо его окошек плывут суда в море¹ и оттуда в город по Ангаре. Он уже построил все строения хозяйственные: амбар, возовню и проч. К счастью, что у него есть флигелек, который он нам с большою добротою предложил, а то бы просто деваться некуда без него, а между тем турили мужа моего непременно в Разводную. Теперь, слава Богу, отсюда некуда переезжать. Деревня эта назначена мужу для поселения.

Вероятно, до вас уже слухи дошли, что Мих[аила] Серг[еевича] увезли за Байкал, но куда, мы ничего не знаем². Только он теперь должен уже быть в Нерчинске. У него была страсть и слабость писать. Вероятно, перо его и погубило.

Вам, конечно, желательно бы было иметь понятие, в чем дело. Но на беду ни малейшего понятия не имею об этом. Только и знаю, что его увезли. Жаль старичка, хоть я его очень мало знаю, но он в моих глазах казался весьма приятным человеком. В Урике я давно не была. Мар[ью] Ник[олаевну] видела, она меня навестила, у нее все здоровы, Алек[сандр] Поджио поправляется здоровьем; он нас было испугал, так расхворался. Ив[ан] Ив[анович] пишет, что теперь у него мыловарня пошла хорошо и первое мыло вышло бесподобное. Дай Бог ему счастья. Ев[гений] Петр[ович] пишет ко мне довольно часто и все ожидает позволения жить ближе к нам и по эту сторону Байкала. Думает и надеется, что и вас переведут сюда. Между тем настает теплое время, надо готовиться к засевам хлеба и огородов. Если ничего не выйдет об его переводе и он упустит время к заготовлению семян и не вспахает вовремя земли, для него это будет разорительно. Он же и лес начал было готовить для постройки дома, многое уже привезено. Теперь все это приостановил, и это будет ему в убыток. Впрочем, я думаю, он бы нисколько не жаловался на это, лишь бы ему быть с вами и видеть друзей, которых он привык любить.

Грустно говорить об семействе добрых наших Ивашевых. Что же милые сиротки поделывают? Какое счастье, что вы с ними, что почтенная старушка осталась. Но я воображаю, в каком положении эта добрая старушка, потеряв на одном году и дочь и зятя, которого она любила как сына. Слава Богу, что вы с ними! Легко могу себе представить, как дети

* Помета И.И. Пушина: «Пол[учено] 26 мая».

привязаны к вам. Нежно их всех расцелуйте за меня. Жаль, что я не в Туринс[ке]. Может, и я бы пригодилась детям моих друзей. Поправился ли здоровьем Петинька? Машинька выросла ли? и Верочка имеет ли сходство с старшей сестрой? Почтенной старушке, их бабушке, поклонитесь от меня и познакомьте меня с нею заочно. Может, не придется нам видеть друг друга никогда, но мы можем иметь дружеские сношения по дружбе, какую всегда оказывали мне дети ее. Муж мой сам напишет к вам, он здоров и пополнел. Вчера обрадовал нас Петр Александрович Мух[анов]: ему позволено приехать сюда на время³. Он много переменялся, поседел, сделался застенчив и говорит по-сибирски: пошто, чего станешь делать и проч. Но, девять лет проживши в Братском остроге, можно осибириться. Поразило меня, что говорит он прекрасно и сохранилось в нем благородство души, и приличие, и деликатность, как будто он вчера из порядочного круга людей пришел, что значит умный и нравственный человек! Все доброе осталось в нем, один язык чисто русский забыт, и так мило и умно говорит он сибирским языком, что не замечаешь странных слов.

Прощайте, добрый, милый, почтенный и любезный Иван Иванович. Скоро буду к вам писать, всего не перескажешь в одном письме. Да сохранит вас Бог в добром здоровье.

Преданная вам
М. Юшневская.

С будущей почтой напишу Басар[гиним]. Теперь передайте им дружеский привет. Mes amities a m-me Annenkoff. J'embrasse tendrement ses enfan[t]s*. Ив[ану] Александровичу кланяюсь⁴.

Рукой А.П.Юшневого

Наконец мы принуждены были переехать в Мал[ую] Разводную, почтенный Иван Иванович. Благодаря Арт[амону] Зах[аровичу], мы нашли у него временный приют, который, впрочем, годится только в теплое время года. Стало быть, надобно строиться; но вы знаете, что у нас надобность и возможность находятся в постоянном разногласии.

Муханов уволен сюда на короткое время. Удивляться должно, что, проживши без малого 9 лет в такой глуши, один среди дикого народонаселения, он нисколько не одичал.

Кто-нибудь из наших, вероятно, уже писал вам, как опасно был болен А. Поджио обыкновенным своим припадком, который был сильнее всех предшествовавших. Опасность, благодаря эскулапу, давно миновалась, но силы его медленно восстанавливаются.

Вадковский, как мы слышали, страдает известными его припадками, от которых наконец слег⁵. Не имея дозволения отлучаться из своей волости⁶, не знаю, каково ему теперь. По той же причине ничего не знаем о всех, живущих вне нашей волости.

* Мои приветы г-же Анненковой. Нежно целую ее детей (*франц.*).

Из последнего письма вашего от 14-го февраля заключаю, что надежда на ваше перемещение еще не прекратилась. Не замедлите порадовать всех нас известием, если она исполнится.

Не описываю вам, как прискорбно не иметь свободы видаться с товарищами, с которыми изгнание нас сроднило. Утешаемся надеждою, что эта мера временная, иначе положение наше было бы хуже прежнего.

Николаю Васильевичу напишем в следующий раз. Между тем потрудитесь передать мой дружеский привет. Простите.

Душевно вам преданный
А. Юшневский.

Примечания

¹ Морем в Сибири называли Байкал.

² Декабрист М.С. Лунин (1787–1845), на поселении в с. Урик с 1836 г., 27 марта 1841 г. был арестован за известные свои политические сочинения и заключен в Акатуйскую тюрьму, где и умер.

³ Декабрист П.А. Муханов (1799–1854), с 1832 г. жил один на поселении в Братском остроге Нижнеудинского о. Иркутской губ., в нояб. 1841 г. получил разрешение на перевод в Усть-Куду, переведен в апр. 1842 г.

⁴ Дети Анненковых Ольга (1830–1891, в замуж. Иванова), Владимир (1831–1897), Иван (1835–1886), Николай (р. 1838).

⁵ Ф.Ф. Вадковский страдал от грыжи (*Якушкин*, с. 284).

⁶ Имеется в виду инструкция Третьего отделения, запрещающая декабристам удаляться от мест поселения более чем на 15 верст.

8

19-го мая 1841. Ма[лая] Разводная*

Последняя от вас весточка от 28-го марта долетела до меня исправно, добрый, почтенный Иван Иванович. Конверты ваши еще не получены, несмотря на то, что вы их выслали неделю раньше моего письма. Вероятно, скоро получатся, тогда я еще раз особенно поблагодарю вас за этот подарок. Нового у нас ничего нет особенного. Алек[сандр] Ив[анович] Якуб[ович] переведен по его просьбе на Енисей, в селение *Назимово*, недалеко от золотых приисков. Вчерась простился с нами и чрез два дня совсем уедет отсюда¹. Борисовы два брата тоже переведены поблизости к Малой Разводной, но мы еще не знаем верно, в какую деревню.

Веденяпин поступает на службу в одно из человеколюбивых заведений – не знаю тоже, именно куда его назначили².

Когда-то вы будете к нам, добрейший, любезный Иван Иванович? Мы все не теряем надежды видеть вас здесь. Плохо вы к нам *спешите*. А если бы в моей воле было, давно бы я вас навестила, увезла бы сюда и сдала бы вас близшим вашим друзьям; разумеется, и мы бы тут же были с вами.

Вы получите маленькое мое письмецо, которое я вам послала с прошедшею почтою из Оёка³, – обещание мое исполняю и пишу опять. Да, вы мо-

* Помета И.И. Пушина: «Пол[учено] 14 июня».

жете чаще обыкновенного получать от меня письма в теперешнее время: чувствую особенную какую-то потребность писать вам чаще, думая, что вы ожидаете от моей аккуратности многого доброго, интересного для вас, а главное, самолюбие говорит мне потихоньку: пиши, Ив[ан] Ив[анович] ожидает нетерпеливо твоих писем, и они ему доставляют удовольствие. Правда ли?

Много, очень много раз вспомнили мы вас с доброю нашей Кат[ериной] Ив[ановной]. Она очень вас уважает, но я не соглашусь ни с кем, чтобы кто-нибудь умел вас ценить более моего. Мы читали, перечитывали милые ваши письма. Любовались их слогом, а Каролина Карловна все нас перебивала и утверждала, что мало людей знает, которые бы так хорошо писали, как вы, и чьи бы письма так были интересны. Карол[ина] Карл[овна] все гостит у Кат[ерины] Ив[ановны], она очень страдает ревматизмом в голове. Теперь ей лучше, но все очень кутается и мало выходит на воздух. Она много переменялась, бедная, скучна, похудела, серьезна и *мало говорит*. Живет постоянно, не выезжая никуда из Оёк, много читает, много работает и иногда читает с Лизанькой по-французски. Я помогла в мою бытность в Оёке вышивать по канве Кар[олине] Кар[ловне] и Кат[ерине] Ив[ановне], обе они вышивают воздуха, – чудесный букет вышила им. Анна Фед[осеевна] тоже им помогает. Ах, бедная Ан[на] Фед[осеевна], она всегда была золотушная – теперь кинулась ей золотуха в нос, сделалась ранка с одной стороны, Ферд[инанд] Богд[анович] не велел залечивать, чтобы не бросилась золотуха в глаза, полгода все продолжалась более и более распространяться ранка – теперь уже другая сделалась – она, бедная, ходит с пластырем, и это ее нисколько не украшает. Если бы со мною случилось что-нибудь подобное, я бы впала в отчаяние – что значит молодость: она не обращает внимания и знать не хочет, до какой степени этот пластырь ей не к лицу. Добрый ее муж не нарадуется на нее теперь еще – они совершенно счастливы друг другом, живут спокойно в том самом доме в Хомутовой, в котором жила я с мужем недолго, Сут[гоф] занимается мельницей и какой-то от этого имеет доход⁴.

Вы помните, что 10-го мая рождение Нонушки. Я у них этот день обедала и не могла насмотреться на Нонушку. Она необыкновенно велика по своему росту, очень полна, волосы черные, густые, коса у нее огромная, от этого кажется голова велика не по росту. Много изменилась она в свою пользу – напоминает свою маминьку лицом и походкой – только, кажется, не будет иметь того выражения, какое имела покойница ее маминька⁵, и будет менее хороша. Много изменяют черные ее волосы и полнота лица.

Мар[ья] Ник[олаевна] всегда по-старому с Мишей, он не отступает от нее, ни за что не примет ничьих ласк, кроме маминькиных, добрый мальчик, рассудительный, учится хорошо. Нелинька оригинальная девочка, у нее свои рассуждения, свои привычки, ласковая, добрая девочка и любимица всех детей, и даже всех больших. Она похожа очень на

маминьку, но утверждают, что будет лучше лицом. Стройная девочка и необыкновенно ловка.

Алек[сандр] Поджио уедет на воды после 21-го числа, для Нелинькиных именин остался, он совершенно поправился, и аппетит у него, какого до сих пор никогда не бывало. Фер[динанд] Богд[анович] здоров и не стареет – всегда весел по-старому, полнота у него хоть невелика, но как-то не идет к нему. Ник[ита], Алек[сандр] Михайловичи все, все здоровы, Осип Викторович румяный, как всегда, Нелинька его потчует орехами и смеется, что у него зубов нет. Помните вы Серг[ея] Гр[игорьевича], когда он страдал ревматизмом в руке и носил ее на платке, теперь его представьте себе точно в таком положении, ходит, хлопочет, охает, жалуется Машиньке на боль и не посидит минуты на месте. Все они вам пишут. Я же, желая живо перенести вас в круг ваших друзей, описала вам подробности жизни. Теперь Мар[ья] Ник[олаевна] живет на Камчатнике в Усть-Куде, пристроила комнаты к прежнему домику и помещается теперь очень выгодно с детьми⁶.

Поговорю еще с вами об себе. Муж мой ничего не предпринимает и ничего не имеет в виду – строиться нельзя, не имея на то способов, приобрести что-либо для улучшения своей жизни не по силам, не по летам, надо тоже иметь деньги, чтобы делать какой-нибудь оборот ими, а как их нет, то и доживать надо кое-как короткое время, какое еще нам осталось. Ах, старость несносная вещь, нестерпимая, никакого способу нет. То хвораешь, то хандришь, то лень, то косточки болят – живи как хочешь – а какой же способ этак жить? *Просто никакого.*

Довольны ли вы моим письмом? Или вам мало наговорила? Ну, еще потолкуем. Сонюшка моя меня сильно тревожит – здоровье у нее плохое, живут они в Новгороде постоянно. Дети у них милые, учатся отлично, особенно девочка⁷. Деньги, которые мы надеялись получить от Стаала, – кончено дело – никогда не получим. По моей просьбе гр. Бенк[ендорф] все сделал – оказалось, что Трясцовский несколько лет тому назад умер, комиссионер Голденберг тоже. И всему делу конец⁸. А моим деньгам конец. Я невыразимо благодарна графу, по доброте своей он все сделал, чтобы их доискаться, но, на мое несчастье, успеха не было. Что делать, вечный покой тем, которые нас надули, чтобы не сказать ограбили. Мое положение было ужасное, когда у меня увезли мужа, а добрые люди воспользовались моим несчастьем и разорили нас. Видно, в книге судеб так написано – должно повиноваться и не роптать без пользы на прошедшее. Вот мы живем да поживаем в Малой Разводной, очень согласно с Арт[амоном] Зах[аровичем] и у него во флигеле. Хозяйство у нас небольшое, целые дни заняты, Арт[амон] Зах[арович], муж мой часто сидят, курят свои трубки, читают, беседуют, а мое дело – заниматься хозяйством, удерживать все в порядке и сидеть за работой – так день за днем проходит, и только считаешь время для того, чтобы достичь скорей конца и приготовиться на вечное переселение.

Прощайте, наконец, добрый, любезный, почтенный Иван Иванович. Поговорите и вы со мною, как я с вами беседую, чтобы вам не быть у

меня в долгу, – скажите, часто ли получаете письма от своих. Всем им, пожалуйста, кланяйтесь от незнакомой Мар[ьи] Казим[ировны]. Память моя об них ни на что им не пригодится, но для меня дорого знать обо всем, что до вас касается, добрый Иван Иванович, и все, что ваше родное. Христос с вами, дружески жму вам руку. Кланяйтесь добрым Басаргиным, m-me et m-g Annenkoff. Детей обнимаю. Машиньку, Петиньку и Верочку с родственным чувством нежно обнимите и благословите их за меня. Почтенной их бабушке усердно кланяюсь. Будьте все счастливы.

Преданная вам
М. Юшневская.

Рукой А.П. Юшневского

Жена всегда прежде меня высказывает вам все, что я хотел написать вам, почтенный Иван Иванович. Житье наше так однообразно, в особенности с тех пор, как стеснены сообщения с товарищами других волостей, что день ото дня ничем не различается. Иск наш на Стааля разрешился ничем. Ген[ерал]-пров[иантмейстер], взявший 4 т[ысячи] руб. сереб[ром] для вноса в казну, как видно, воспользовался сам этими деньгами и, наконец, умер. Комиссионер, за которого требованы были эти деньги, также умер. Конечно, можно бы еще спросить, какими же деньгами пополнены 12 т[ысяч], вместо которых представлено было комиссионером заемное письмо на Стааля, ибо не видно, чтобы с последнего сделано было взыскание. Но в нашем положении едва ли это возможно.

Спешу отправить письма – завтра отходит почта. Простите до следующего раза.

Всею душою ваш
А. Юшневский.

Примечания

¹ Декабрист А.И. Якубович (1792–1845), на поселении с 1839 г. в д. Малой Разводной под Иркутском, в марте 1841 г. назначен в с. Назимово Анцыферовской вол. Енисейской губ.

² Декабрист Аполлон Васильевич Веденяпин (1804–1872), на поселении в Киренске с 1826 г., 28 авг. 1841 г. назначен младшим писарем в Иркутский военный госпиталь.

³ Письмо от 11 мая 1841 г. (4.40, л. 22–23).

⁴ О болезни А.Ф. Сутгоф и занятиях А.Н. Сутгофа см. также письма к И.И. Пущину С.Г. Волконского и Ф.Ф. Вадковского. – Зап. отдела рукописей, вып. 24, с. 372; Декабристы на поселении, с. 72.

⁵ Александра Григорьевна Муравьева (1804–1832, урожд. Чернышева), жена Н.М. Муравьева.

⁶ Камчатником называли дачу Волконских в Усть-Куде.

⁷ Старшая дочь Рейхелей Софья родилась в 1830 г., младшая – в 1836 г., сын Яков – в 1843 г. (Письма Юшневских, с. 8, 114, 151). О старшем сыне не удалось найти сведений.

⁸ Ген.-провиантмейстеру 2-й армии Трясцовскому М.К. Юшневская и младший брат декабриста В.П. Юшневский в июле 1826 г. выдали доверенность на управление именем Хрустовая «в полное попечение и непосредственное за оную наблюдение вплоть до возврата в сей край» (ф. 370, л. 5, л. 2); Голденберг (ум. 1828), интендантский чиновник, а затем комиссионер 10-го класса по заготовлению продовольственных запасов для войск 2-й армии. По его, в частности, операциям за 1820–1821 гг. на А.П. Юшневского было наложено денежное взыскание (см.: Ведомость о долгах, считающихся на бывшем генерал-

интенданте 2-й армии Юшневском – ф. 370, 1.4); Стааль – не удалось установить; Александр Христофорович Бенкендорф (1781 или 1783–1844), с 1826 г. – шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения.

9

1-го сентября 1841. Мал[ая] Развод[ная]*

Я все медлила писать к вам, добрый, любезный Иван Иванович. Не потому, чтобы откладывать удовольствие беседовать с вами, но, зная, что Кат[ерина] Ив[ановна] писала много и часто, не хотелось, чтобы все письма доходили к вам вдруг. Теперь моя очередь поговорить с вами, добрейший наш Иван Иванович. Начну с того, Кат[ерина] Ив[ановна] со мною разменивается всегда письмами, получаемыми от вас, мы вместе с нею каждый раз беседуем с вами, а вы нас мучаете, говоря: «из писем Мар[ье] Ник[олаевне] вы все знаете». Мы просто только и знаем, что М[арья] Ник[олаевна] получила от вас письмо, и больше ничего. Так вы говорите об себе подробнее с Кат[ериной] Ив[ановной] или со мною. Я вас люблю и уважаю не менее этих добрых людей. Я очень часто бываю у Кат[ерины] Ив[ановны], и она у меня недавно была со всеми моими маленькими друзьями. Восхищается нашей Малой Разводной и крепко жалеет, что они не здесь ближе живут. Мы третьего дня виделись с Мар[ьей] Н[иколаевной], она была у нас в Разводной с Мишею и Нелинкой. Переночевала с детьми и уехала после обеда домой. Нелинка очень хорошеет и предобрая милая девочка, она меня очень ласкает и после своей приятельницы Зины любит меня больше всех. Миша добрый, как был всегда, но только ласков с одною своею маминькой, любит очень Арт[амона] З[ахаровича] и дядьку Ал[ександра] Поджио. Знаете ли, что после вод наш добрый Поджио до того похорошел и помолодел, что все взоры обращены на него и у всех выражено на лице удивление и восторг, видя его так свежим и молодым. Бороды он нынче не носит, но прическа та же. Лицо улыбающееся и румяное. К его именинам я еду к ним, откуда чрез Оёк возвращусь домой к своему старичку – он хлопочет, чтобы скорей постройку кончить и перейти до сильных холодов, но, как нарочно, все идет медленно. Правду сказать, финансы всему причиною. *Нет никакого способа.* Мы на днях будем ожидать Ев[гения] Петр[овича], в первых числах сентября надеется уехать из своей Етанцы, не можете себе представить наше нетерпение видеть его. Петр Ив[анович] Борисов с нами всякий день видится, брат его выбрил бороду и совсем другой человек сделался. Спасибо Арт[амону] З[ахаровичу], он умел его привязать к себе, и Анд[рей] Ив[анович] делает все, что только Ар[тамон] З[ахарович] от него потребует. Весело теперь видеть нашего Пет[ра] Ив[ановича], так он повеселел и поправился здоровьем.

Последним вашим письмом мы с Кат[ериной] Ив[ановной] были очень довольны; видно было, что вы в хорошем расположении духа его писали. Потом Кат[ерина] Ив[ановна] получила, в котором описываете вы проводы детей Ивашевых. Слава Богу, что они у родных, будущность их устроит Бог. Марья Петровна рассталась с вами, да будет над всеми ими милосердие Го-

* Помета И.И. Пушина: «Пол[учено] 28 сентября».

сподне. Пожалуйста, добрый чудесный Иван Иванович, пишите мне подробности об этих милых интересных детях, вероятно, вы будете в переписке с родными. Может, и я вам вскоре скажу что-нибудь утешительное об наших маленьких друзьях.

Вы делаете замечание мне, что будто не договариваю речи, беседуя с вами. А вот такая просьба имела быть к вам. Когда вы стали добиваться *Каринского*¹ и рисунков от него, мне пришла мысль, что, может быть, у вас есть иные гравированные, и если бы были, так вы бы, думаю, поделились со мною. Теперь буду ожидать от вас, по вашему обещанию, рисунка памятника моих добрых друзей². На днях получила я письмо от m-me Горленковой³, она спрашивает, где живут Ивашевы. Так стало грустно на сердце.

Скажите, пожалуйста, Ник[олаю] Вас[ильевичу], что я много ему благодарна за последнее письмо, буду ему писать позже. Теперь вы живете вместе, и Ев[гений] Петр[ович] скоро будет с вами же, похоже на нашу жизнь. Мы живем у Арт[амона] З[ахаровича] в милом домике, покуда не поспеет наш дом. Целые дни время проводим не каждый в своем углу, но вместе. Третий с нами Петр Ив[анович]. Последний только у нас полдня сидит. Когда перейдем мы в свой дом, у Арт[амона] З[ахаровича] станут красить полы, это время будет он жить у нас. Хозяйство останется по-теперешнему, т. е. Арт[амон] З[ахарович] не будет уже держать стол дома, мы чудесно распорядились, не знаю, как будет возможность, привести в порядок наши хозяйственные дела. Мы думаем жить артельно, т. е. Ар[тамон] З[ахарович] и мы, вся хозяйственная часть по дому будет под моим надзором и на моем попечении, общий огород, даже парники, огородник Петр Ив[анович] Бор[исов], я ему помощница. Ар[тамон] З[ахарович] должен наблюдать порядок за экипажами, всего экипажного имущества будет двое саней, дрожки, карандас большой и малый – лошадей всего три. Это на всю нашу семью. Мужа моего часть трубочная. Он не охотник хлопотать по хозяйству. Вот вам наши планы. А как удастся жить, это Бог знает, и он все устроит по воле своей святой.

Ар[тамон] З[ахарович] был очень болен, ревматизмы мучили его целые два месяца. Мы с мужем ходили за ним в его болезни, Фер[динанд] Богд[анович] боялся одно время за него, так ему было плохо. Крови из него выпустили ужасное количество. Теперь Ар[тамон] З[ахарович] неузнаваем, так похудел. Вот когда сделалось ему лучше и стал он выходить на воздух, пришла мне несчастная мысль ехать на покос и взять его с собою, запрягли маленький карандас, уселись чудесно. Собака бросилась на лошадь и начала приставать неотступно.

Лошадь подавалась назад, колесо подвернулось, и мы с Ар[тамоном] З[ахаровичем] очутились среди двора, выброшенные из карандаса. Я расшибла ногу очень больно, лежала в постели два дня, но припарки и разные другие средства помогли мне, я теперь давно забыла об этом падении.

Арт[амон] Зах[арович] был не так счастлив, у него подвернулась рука, он на нее упал и сильно расшиб – до сих пор не может избавиться сильной боли в самом сгибе кисти руки. Теперь у него визикатория другой день подновляется, а рука все болит. Он нас очень смешил во время своих страданий, от нетерпения бранил себя и придумывал разные вещи уморительные,

Ф[ердинанд] Б[огданович] сказывал, что никогда не был больным таким добрым и интересным, как в этот раз. Арт[амона] З[ахаровича] все наши дамы посещали, несмотря на дождливое время. Вот вам об нашей жизни подробности, наши занятия по-старому одинаковы, то чтение, то фортепьяны целый вечер слышим, Ал[ексей] Пет[рович] мало ныне играет, а у меня страсть не знаю откуда взялась – просто *никакого способа нет*, удивляю всех моими способностями и моей игрою. Иногда для разнообразия играю в пикет по вечерам. Зрение плохое, даже тревожит меня часто моя слепота. Лучше умереть, чем потерять глаза. Да будет воля Господня во всем. Ферд[инанда] Богд[ановича] часто выдаю, он вам поручил передать дружеское пожатие руки. Он не только не стареет, а, кажется, скоро перейдет в детский возраст. В доме Мур[авьевых] все здоровы, Josephine Адамовна не нарадуется своим сыном⁴, Нонушка сделалась невестой, огромная не по летам ростом, полная и оригинальная, как была, своими замечаниями.

Ал[ександр] Викторович] Поджио, как вы его знаете, всегда весел и любезен. Нового у нас ничего нет. Петр Федорович живет в Бельске⁵. Мих[аил] Серг[еевич] получает от сестры утешительные письма⁶. Мы все не можем привыкнуть, что его нет с нами. Петр Ив[анович] Борисов очень вам кланяется. Все ваши знакомые спрашивают об вас, все вам поручают сказать тысячи милых приветствий. Какой же способ? Нет вас с нами, как бы пожили чудесно, вы же охотник теперь гулять – у нас местоположение прелестное. В Оёке все по-старому, дети милы, хорошенькие. Кат[ерины] Ив[ановны] и С[ергея] П[етровича] семейство, благословенное Богом, приятно быть с ними. Кар[олина] Кар[ловна] пользуется дружбой и уважением Кат[ерины] Ив[ановны]. Я сама очень к ней привязана. Жаль будет, когда она уедет от нас, а надо будет готовить себя к этой мысли. Фед[ор] Фед[орович] Вад[ковский] сидит теперь спокойно, хлеб весь продал без потери, даже с небольшим барышом. Теперь придумывает, чем бы заняться по хозяйственной части. Муж мой подходит ко мне, пожимает плечами и удивляется, о чем я с вами так много говорю, упрашивает оставить ему хоть немного места. Прощайте, не рассталась бы я долго еще с пером, но способу нет. Будьте счастливы, веселы, здоровы, добрый, почтенный, любезный Иван Иванович. Не скупитесь писать к искренно преданной вам

Марье Юшневской.

Ел[ена] Ф[едоровна] вам кланяется, она всегда помнит и интересуется вами.

Рукой А.П. Юшневского

Я остался дома, почтенный Иван Иванович, наблюдать за постройкой, которая по причине непрерывных дождей шла очень медленно. Надеюсь, однако ж, перейти в свой дом к концу текущего месяца. Великое спасибо Анкудинову, оказавшему нам неоплатное одолжение⁷. За три тысячи, и то в долг, мы имеем дом, какого нельзя построить меньше пяти. Конечно, многое еще остается построить: забор, сарай, конюшню, амбар и многое иное. Но мы принуждены отложить это до лучших времен. Какими же средствами все это сделается – ничего не знаю. Уповаю на промысл. Он послал нам

человека, который, едва нас зная, нам, бесприютным, устроил жилище. Тот же промысел довершит остальное средствами, каких мы еще вообразить не можем. Наскучила бесприютная и рассеянная жизнь. У меня наконец будет особая комната. Пильщиков здесь не предвидится, и тогда можно будет дельно проводить время. Скажите, как теперь текут ваши дни. Довольно ли у вас пищи для чтения. В досугах же, надеюсь, у вас нет недостатка. Прошу сказать мое дружеское приветствие Николаю Васильевичу.

Всею душою ваш
А.Юшневский.

Примечания

¹ Николай Васильевич Каринский (Киренский), художник-любитель, писарь. По просьбе М.Н. Волконской он скопировал рисунок Н.А. Бестужева, изображающий общий вид Петровского Завода (см.: *Зильберштейн И.С.* Указ. соч., с. 472). По письмам С.Г. Волконского можно предположить, что И.И. Пущин просил сделать копию и для него, но Каринского уже не было в Иркутске (см.: Зап. отд. рукописей, вып. 24, с. 361, 373, 402). В предыдущем письме, от 11 мая 1841 г., Юшневская писала Пущину, что он давно живет в Омске, «следовательно, рисунки ваши вам ближе выхлопотать самим» (4.40, л. 24 об.).

² Памятник для К.П. Ивашевой был заказан в Екатеринбурге по рисунку В.П. Ивашева, только после его смерти прибавили еще одну надпись. «Не часто бывают такие случаи в жизни», – писал Пущин И.Д. Якушкину (*Пущин*, с. 162).

³ Горленкова – не удалось установить.

⁴ Старший сын А.М. и Ж.А. Муравьевых Никита (1840–1843).

⁵ Декабрист П.Ф. Громницкий (1803–1851), с 1835 г. на поселении в с. Бельское Иркутской губ. За переписывание и распространение сочинений М.С. Лунина после ареста и следствия отдан под особый надзор полиции.

⁶ Екатерина Сергеевна Уварова (1792–1868), сестра М.С. Лунина, адресат его знаменитых политических «Писем из Сибири».

⁷ Н.Я. Анкудинов, разбогатевший крестьянин из поселенцев, уступил Юшневским за полцены купленный им в Иркутске дом и сам заплатил подрядчику за его перевозку и установку «из одного только удовольствия сделать доброе дело» (Письма Юшневских, с. 135–136). Его племянник потом воспитывался у Юшневских (см.: *Белоголовый Н.А.* Указ. соч., с. 7).

10

6-го октября 1841. Малая Разводная*

Давно не писала вам, добрый Иван Иванович. Но всегда вас помню и уважаю искренно. Евгения вашего нет еще у нас, но мы его каждый день ожидаем. И как скоро он к нам пожалует, напишу вам с первой почтой об нем.

Все мы здесь поживаем по-старому. 25-го августа была я у Кат[ерины] Ив[ановны], дети все здоровы, Сергей Петр[ович] тоже и Кат[ерина] Ив[ановна], как всегда, была мне очень рада, мы часто с нею видимся. Кар[олина] Кар[ловна] огорчает нас, поговаривая, что собирается уехать, но мы еще утешаем себя надеждой, что месяца три пробудет у Ка[терины] Ив[ановны]. Все так привыкли к ней, дети тоскуют, когда она уезжает на самое короткое время в город. Необходимость только и может заставить ее вы-

* Помета И.И. Пущина: «Пол[учено] 7 ноября».

езжать, такая охотница Кар[олина] Кар[ловна] сидеть дома. Она была на днях у меня в Малой Разводной. К 11-му числу я опять собираюсь к Кат[ерине] Ив[ановне]. Лучший мой друг из всех детей – Зина-именинница. Невозможно не провести этого дня у них. Как бы я желала привезти им с собою красного папа Ев[гения] Петр[овича]¹. Может, приедет, даст Бог. К 28-му числу уехала я к моей крестнице Нелиньке, Мар[ья] Ник[олаевна] и все ее семейство здоровы, провели мы день довольно весело, посторонних не было никого, семьей отпраздновали рождение Нелиньки, дети Кат[ерины] Ив[ановны] были с папой своим, а Кат[ерина] Ив[ановна] с Кар[олиной] Кар[ловной] сидели дома.

Знаю уже из письма моего зятя, что дети нашего покойного друга Ивашева прибыли благополучно с бабушкой к родным. Полковник Головинский живет в Новгороде и очень дружен с моим зятем. Не знаю, почему говорит зять, что дети Ивашевых привезены в имение г-на Головинского, – я полагала, что они будут жить у Алек[сандры] Петр[овны] Ермоловой, младшей сестры Вас[илия] Петр[овича]². Вы все это знаете лучше моего, пожалуйста, поговорите мне об них.

Петр Ив[анович] Борисов живет спокойно и в добром здоровье, все так же тих и кроток. Муж мой вспоминает, как однажды вы обняли Петра Ивановича с чувством, сказав: «Что за добрый человек, – а худо бы было, если бы все люди были таковы». Это ангел безжелчный, кротости и терпения неслыханного. А худо бы точно, когда бы все люди были таковы. Брат его иногда блажит, глядя по погоде. Но несравненно лучше ему здесь, и Петр Ив[анович] отдыхает нравственно после всего, что перенес в Подлопатках. На днях перейдем мы в свой собственный домик, а Борисовы переходят к Арт[амону] Зах[аровичу] в маленький его домик, в котором провели мы лето, в этом домике две комнатки всего, и комнатки меньше, чем были в каземате номера. Добрый Арт[амон] Зах[арович] печется со всем усердием, чтобы доставить Петру Ив[ановичу] все ему необходимое, и любит его всем сердцем. Мы каждый день видимся с Петр[ом] Ивановичем и радуемся, что здоровье его поправилось. Анд[рей] Ив[анович] сидит все дома и дичится по-прежнему, один Арт[амон] Зах[арович] ходит к нему часто и пользуется его доверенностью.

Ив[ан] Ив[анович] Гор[бачевский] живет по-старому, заленился писать, но знаю, что он спокоен и в добром здоровье. Мозалевский купил себе дом и живет тоже по возможности. Не помню, писала ли я вам, что он оставлен в Петр[овском] Заводе по его желанию на жительство и земли ему 15 десятин отвели. Рукевич умер – осталось после него небольшое хозяйственное заведение, по его распоряжению и его просьбе отдано людям, которые ему служили, т. е. женщине, которая заведовала его хозяйством³. У Петра Ив[ановича] Фаленберга родилась дочь Минна, с сею же почтою поздравляю его моим письмом, он меня растрогал, так искренно говорит об своем семейном счастье. Что касается до его финансовых дел, плохи очень, живет он, очень нуждаясь. Хлопочет, садит табак, но как-то труды его не награждают. Он в моих глазах интересен еще и тем, что никогда не жалуется на свой недостаток, и никаких просьб, чтобы ему помогли. Знаю стороною, что бедно

живет. Слухи носятся, будто маленький Аврамов насильственной смертью умер. Будто его приказчик, желая воспользоваться его деньгами, постарался переселить его на вечный покой. Это слухи, но верно не знаю⁴, А правдоподобным кажется: я получила письмо от Ал[ександры] Вас[ильевны] Ентальцевой – в Ялуторовске бедного Собанского извели, как здесь говорят сибиряки, – чудесный край, за 100 руб. ничего не значит убить человека и убивают прислуги⁵.

Поговорю вам еще об себе. Дом наш поставлен и издержек много еще требует, и не знаю, как будет – способы наши не улучшились. А долги делаются поневоле, нельзя жить, не имея своего уголка. Спасибо, что куда не требуют еще уплаты за дом, но в марте месяце надо начисто расплатиться. Вся постройка будет стоить пять тысяч, теперь еще нет забора, нет служб необходимых, одна кухня поставлена, ни амбара, ничего нет. Неприятно будет жить в этом доме – особенно мне не по душе, что нет никакой ограды; делать нечего, как только кончат внутреннюю отделку, сейчас перейдем. Уж и так совестно, что задерживаем Борисовых перейти, а живут они тесно и невыгодно. Теперь больше всего нас беспокоит это обстоятельство. А будет как Бог велит. Кто на него уповает, не будет лишен его милосердия. Когда бы только здоровье мне и мужу моему не изменяло.

На сей раз муж мой занят – пишет детям деловое письмо и не успеет вам написать, поручает дружески пожать вам руку – и уверить вас в неизменном его уважении. Поклонитесь от нас Ник[олаю] Вас[ильевичу]. Как-то вы проживаете под одной крышей. Надеюсь, что приятно и хорошо. Прощайте, будьте все счастливы. Не забывайте нас, добрейший любезный Иван Иванович. Пишите чаще преданной вам

М. Юшневской.

Рукой А.П. Юшневского

Не мог я утерпеть, чтобы не сказать вам хоть нескольких слов, почтенный Иван Иванович. С постройкой нашей столько хлопот, что мало досуга для спокойной беседы с друзьями. К концу месяца, надеюсь, кончится наша кочевая жизнь и мы перейдем в собственный дом. С тем вместе прекратится наше прежнее влечение к вашим странам. Добровольно мы уже не в состоянии будем никуда двинуться.

Удивляюсь, отчего Евг[ений] Петр[ович] до сих пор не едет. Судя по его письмам, мы со дня на день его ожидаем. Разве не качает ли его на Байкале, который в это время года очень бурен.

В Борисове мы имеем теперь неоцененного товарища; но зависимость его от брата лишает нас возможности быть с ним так часто, как бы мы желали, и нет надежды, чтобы это переменялось. По-прежнему Андрей не хочет без него ни есть, ни пить. Это препятствует Петру предпринять что-либо для снискания себе пропитания; уступчивость и слабость, обращающиеся во вред обоим.

Сейчас отдали нам письмо Николая Васильевича от 5-го сентября; но отвечать ему будем по следующей почте, потому что должны сейчас отослать наши письма в город. Между тем просим сказать ему наше дружеское при-

ветствие. Вскоре будем писать чаще и исправнее. Простите, мой добрый и почтенный Иван Иванович.

Навсегда душевно вам преданный
А. Юшневский.

Примечания

¹ Или это описка М.К. Юшневской или так называла Е.П. Оболенского его крестница Зина Трубецкая.

² Андрей Егорович Головинский, дядя В.П. Ивашева, опекун его детей. Воспитывались они у тетки Екатерины Петровны Хованской, обеспечены были капиталом, выделенным для них сестрами декабриста (см.: *Пушкин*, с. 186, 223).

³ Михаил Иванович Рукевич, член Общества военных друзей, осужден в 1827 г. на 10 лет каторжных работ, отбывал их вместе с декабристами в Чите и Петровском Заводе, на поселении с 1832 г. в д. Коркиной Иркутского о. (О его жизни на поселении см.: *Кубалов Б. Г.* Указ. соч., с.109–121).

⁴ Декабрист Иван Борисович Аврамов (1801–17 сент. 1840), с 1828 г. на поселении в Турханске Енисейской губ., в 1831 г. вместе с другом, декабристом Н.Ф. Лисовским, получил разрешение на торговлю хлебом и рыбой, умер внезапно, возвращаясь с промыслов в Енисейск. Обстоятельства его смерти, как они были изложены Н.Ф. Лисовскому их приказчиком, сообщены Лисовским в письме к брату декабриста А.Б. Аврамову. Копию этого письма и копию ответа Лисовского на запрос П.С. Бобрищева-Пушкина, вызванный слухами о смерти Аврамова, см.: *Декабристы на поселении*, с. 108–113. Ответ Лисовского пришел только в сент. 1841 г. Публикаторы ссылаются на данное письмо М.К. Юшневской как на единственный источник сведений о насильственной смерти И.Б. Аврамова.

⁵ А.В. Ентальцева (1790–1858, урожд. Лисовская), жена декабриста А.В. Ентальцева (1788–1845), с 1830 г. на поселении в Ялуторовске. Готард Михайлович Собаньский, ссыльный поляк, был дружен с ялуторовскими декабристами. Убит поваром, пособником был кучер, обстоятельства убийства подробно описал И.И. Пушину И.Д. Якушкин (см.: *Декабристы: Новые мат. М.*, 1955, с. 277–278).

II

29-го декабря 1841. М. Развод[ная]*

Добрый наш любезный и почтенный Иван Иванович. Нельзя не написать к вам с Ев[гением] Петр[овичем], вы бы мне этого не простили, а если бы вы и не рассердились на меня, то я бы очень этим обиделась. Да что же сказать вам, добрый друг наш Ев[гений] Петр[ович] все может передать вам – мы ничего пред ним, кажется, не утаили – напротив, старались высказать все, что было за душой, чтобы долго вам рассказывал об нашей здешней жизни. Я думаю, что он постепенно будет себе припоминать разные вещи, а вдруг, увидя вас, многое забудет рассказать! Спросите-ка его, какой у нас домик, – уж просто слишком хорош, а что всего удивительнее, добрый Иван Иванович, мы живем в нем, не заплатив еще копейки хозяину за этот дом. Не правда ли, странно. Мы задолжали много, очень много – более шести тысяч. Отделка внутри и мебель стоит слишком 1500 руб. Самый дом продан нам за 1500, за перевоз его и постройку заплачено 1600, в том числе и кухня, надо еще сделать ограду – воезную, амбар, баню будем строить вместе с

* Помета И.И. Пушина: «Обол[енский]. 26 февр[аля]».

Арт[амоном] Зах[аровичем]. По нашему расчету надо издержать еще полторы тысячи и то умеренною ценою считая. Зато если бы строиться и завести такой дом вновь, менее десяти тысяч невозможно бы было. Наше счастье, что нам подождет денег Анкудинов (а кто Анкудинов, спросите Евгения), если не будем в силах выплатить вдруг. Нас с мужем немало тревожил этот долг. Я затеяла, сама не знаю как, и дом, и постройку. Мне уже было немоготу* скитаться по деревням без пристанища. Нашелся добрый человек – предложил уступить дом, ему же надо было очистить место для постройки большого дома – я по скорости своего характера воспользовалась этим случаем и, к счастью, теперь нисколько не жалею об этом.

Муж мой крепко было задумался, как мы расплатимся с долгами, – вдруг ему пришла мысль написать к брату Семену и просить его дать займы 5000 руб. для zapлаты долга. С последней почтой получили от него премилое и доброе письмо¹, в котором обещает свято исполнить желание брата и просит отсрочки до марта месяца, обещая, однако же, раньше выслать, если будет возможность. Слава Богу, легче теперь на сердце у нас обоих. Если Понятовский вышлет нам еще денег, то мы мало останемся должны к будущему году – т. е. 1843. Не забудьте, что надо еще этими средствами прожить 1842. Бог милостив, не оставит нас и на будущее время, как не оставлял нас до сего времени. Я крепко на него уповаю.

Вы знаете, что мы хотели взять девочек и взяли было одну миленькую девочку. Покуда жили на предместье в монастыре, по позволению ген[ерал]-губ[ернатора] занимались вместе с мужем воспитанием маленькой Людмилы 11-ти лет², учение ее шло хорошо. Но мне, бедной старухе, было тяжело. Целый день поочередно занимались мы ею с мужем. Вечером ей скучно одной – часто, бывало, сидя с головою болью, играла я с нею в куклы или дурачки. За ее содержание и за наши труды назначено было нам 100 руб. в месяц. Разумеется, моя горничная, моя и прачка, и все мое, что нужно было для работы. Даже наши фортепьяны, на которых она играла и успевала очень в музыке. Вдруг история почтенного нашего Лун[ина] наделала неожиданную тревогу. Нас турнули в Малую Разводную – к счастью, пред этим была утверждена по представлению ген[ерал]-губ[ернатора] для поселения в ней моего мужа, а то бы прогнали в Кузьмиху в лачугу жить вместе с какими-нибудь мужичками – которым и самим негде поместиться, так они там бедны. Делать нечего, надо было расстаться с нашей воспитанницей. Мы по доброте Арт[амона] Зах[аровича] нашли у него приют в крошечном домике, который он переделал из крестьянской избы, прежде чем принялся строить свой дом. Теперь, когда мы перешли в наш дом, могли бы заняться воспитанием детей, но с одною невозможно, если хлопотать и трудиться, надо, чтобы польза была. Если бы три или четыре, тогда бы было пособие для нашей жизни и хлопоты награждены. С одной не стоит того. Здесь же не привыкли платить за воспитание детей. И не найдете даже таких, которые бы охотно дали 1000 руб. Ищут за 100 руб. в год, и такому охотнее вверяют детей. Еще были примеры, что делают условие, чтобы в один год выучить языкам, музыке и все, что требует воспитание. Мне навязывают две, но не

* Так в тексте.

легко решушь, если наши дела тимашевские позволят нам как-нибудь прожить год. Мы уже привыкли к лишениям. Лучше отказывать себе во всем, чем взяться за что-нибудь и не быть в силах выполнить по совести. Не знаю, как вы об этом думаете. Только, надеюсь, вы мне тоже не посоветовали бы брать на себя труд, который слишком тяжел для исполнения, – особенно при моем очень расстроенном здоровье. Евгений скажет вам, как я часто хвораю. Теперь скажу вам еще об нашей жизни. Арт[амон] Зах[арович] чрезвычайно рад, что мы здесь, в Разводной, во время нашего пребывания на одном дворе с ним – он привык к нам до того, что и теперь мы живем в дружбе и согласии. Стол у нас общий, даже люди его и наши обедают вместе. Для Борисовых готовят у меня же, хлебы пекут и проч. Одним словом, все, что по хозяйственной части, – на моем попечении. Арт[амон] Зах[арович] упрашивал нас принять его в долю неотступно, желал, чтобы мы назначили третью часть месячного содержания. Мы очень поняли, как ему неловко было, пока мы не согласились взять 60 рублей в месяц. Да для людей покупает он сам месячную пропорцию мяса, круп, сала и муки. Все делается по моему назначению, и все идет чудесно по хозяйственной части. Так что Арт[амон] Зах[арович] предоволен, все его люди тоже, Борисовы тоже. Никто не заботится, не хлопочет, и все исправно в хозяйстве. Я очень рада, что могу выручить от забот добрых людей. Евгений Петро[вич] скажет вам, как живем хорошо и согласно – и как Арт[амон] Зах[арович] доволен нами. Надеюсь, что не изменится наше житье. Скоро год, как так живем, и привыкли друг к другу.

Теперь скажу вам о моей дворне. Живет у нас старик, дурной повар. Но все-таки кормит под моим руководством. Стряпка, которая на всех хлебы печет. Еще живет дворник, в комнате – горничная Катюша, которая жила у Ал[ександры] Ив[ановны] при детях. Человек – он же и пост – еще мальчик. Немного лишних людей, без мальчика можно бы обойтись, но уже делать нечего, жаль его отослать домой. У нас же для посылок в город нужен лишний человек, кроме того, в нашей деревне беда народ. Нельзя без людей, а то беглые наведываются.

Знакомых у меня очень мало – постоянно и дружески навещаю я Пятницких, и они меня, эти люди меня как родную принимают³. Бываю у m-me Rouperг, которая тоже всегда со мною хороша. Ездит ко мне m-me Медведников и m-me Мичурин⁴. Вот все мои знакомые. Несколько из господ иркутских жителей навещают нас изредка. Муж мой никуда не ездит, ни у кого решительно не бывает, и, по-моему, в нашем положении так и должно жить. Меня зовут гордой, сердятся, что не езжу ни к кому, а у меня есть на это свои причины. Евг[ений] Петр[ович] все может рассказать вам о нашей жизни. Вот мне по сердцу погостить у Кат[ерины] Ив[ановны], мы с нею понимаем друг друга, любим друг друга и всегда от души рады, когда бываем вместе. Хорошо мне и в Урике, и там меня ласкают. Но я уже слишком стара для их общества. Обо всех даст вам подробное известие Евгений. Кар[олина] Кар[ловна] если вас интересует, расспросите Евгения об ней. Мы с Кат[ериной] Ивановной] любим и уважаем эту добрую женщину. А пусть

Бог судит каждого, кто виноват, мое дело не входить в чужие дела. Ев[гений] скажет вам, почему она не в Урике.

Кажется, высказала я вам все о себе, мало говорила о других, потому что и в обыкновенных письмах могу сказать о каждом, кто вас интересует. А собственные свои дела так подробно не стану рассказывать чрез почту. Знаю вашу доброту, знаю вашу дружбу к нам, за обязанность почитаю говорить вам о себе как близкому нам человеку, который не переставал с участием интересоваться нашим положением. Прощайте, добрый друг наш. Да сохранит вас Бог в добром здоровье. Любите и не забывайте нас, искренно вам преданных и привязанных душою. Прощайте еще раз, добрый друг Иван Иванович. Поговорите нам подробнее о себе и о любезностях, какие делают вам и вы, в свою очередь, делаете другим. Adieu*.

М. Юшневская.

Ждем на днях Н.А. Бестужева сюда – беда, Ив[ан] Ив[анович], беда про-сто⁵.

Рукой А.П. Юшневского**

Малая Разводная, 10-го января 1842⁶.

К отъезду Евгения Петровича жена написала вам целую тетрадь, почтенный Иван Иванович. Посещая чаще меня наши колонии, она знает все подробности, могущие вас интересовать. А я – домосед и по призванию и по необходимости – остаюсь дома, испытав неоднократно, что нельзя полагаться на людей. И потому мы с Арт[амоном] Зах[аровичем] положили между собою никогда всем не отлучаться.

Итак, я должен привыкнуть к мысли, что в этой жизни никогда вас не увижу. Обстоятельства так расположились, что мы принуждены навсегда отказаться от надежды подвинуться к Европе. Впрочем, каждый из поселенных здесь, в соразмерности своих способностей, употребил столько на свое водворение, что необходимо сделался *attache a la glebe****. Вам известно, что мы домогались разрешения жить в самом Иркутске, чтобы избежать постройки и с тем вместе, чтобы иметь возможность предпринять что-либо к улучшению нашего содержания. Одно, что казалось нам возможным, это воспитание детей. Сделано уже было и начало, когда мы жили на предместье за Ушаковкой, но все рушилось во время взятия Лунина. Жительство в городе нам решительно отказано, и мы принуждены были переселиться немедленно сюда. Продолжать начатое можно бы и здесь; но опыт показал, что это предприятие могло бы быть выгодным тогда только, когда бы можно было сделать его в большом виде. Здешние же граждане и чиновники не довольно ценят выгоды образования. У нас была одна девочка, получившая некоторые начала у покойного Ордынского⁷. Она жила у нас, как в пансионе: стало быть, надлежало не только учить, но заниматься нравственным образованием. На это нужно было столько времени и трудов, что мы с женою не имели возможности никуда отлучаться, и все это для одной только вос-

* Прощайте (*франц.*)

** Помета И.И. Пущина: «Обол[енский]. 26 февраля». Дата проставлена под текстом.

*** Прикрепленным к земле, крепостным (*франц.*)

питанницы. А так как *таковых* в виду более не имеется, то мы принуждены отказаться от этого предприятия. Понятовский в прошлом году получил и доставил нам дохода 3800 руб. с уведомлением, что хотя и являлись покупщики имению, но цену давали невыгодную. Разумеется, мы не перестаем повторять ему, чтобы непременно продал, и в марте ожидаем известия о последствии киевских контрактов. Посредством некоторых лишений, конечно, можно, хотя очень бедно, жить означенным доходом; но уже отделить нельзя ничего не только на уплату долгов, но даже на гардероб наш. Впрочем, Провидение неистощимо в своих чудесах. 11 лет прожили мы здесь почти без всяких собственных способов; и все-таки живем, и еще имеем дом, который, в соразмерности с числом живущих в нем, обширнее и удобнее помещения прочих женатых наших товарищей.

Здоровье мое постоянно хорошо, зато жена редкий день чем-нибудь не страдает. Занятия мои те же, кроме музыки, которую начинаю покидать. Она требует спокойных мыслей и беззаботности. Чтения у нас мало. С тех пор как Ник[ита] Мих[айлович] пустился в агрономию, он не выписывает книг. А прочие не получали даже ни газет, ни журналов, кроме москов[ских] газ[ет] и берлинских, но и эти доходят ко мне медленно и неисправно. В городе я бываю очень редко, несмотря на дозволение. Бывая у других, надобно и самому принимать, а это заведет далеко. При том же как бы нас там ни принимали, а все-таки мы находимся в каком-то ложном отношении и к властям, и к жителям. Не хочу этим осуждать некоторых из наших господ, которые поступают иначе: у всякого свой образ воззрения. Евг[ений] Петр[ович] расскажет вам, как иные находят удовольствие маскироваться и выплясывать у горожан, и вы скажете, какой же способ.

Мало ли что есть вам пересказать, но жена, полагаю, многое написала, а остальное доскажет Евг[ений] Петр[ович]. Итак, я должен сказать вам прости с горестным убеждением, что никогда вас не увижу. Буду утешать себя упованием на неизменное сохранение вашей дружбы

всею душою ваш
А. Юшневский.

Примечания

¹ Это письмо от 7 сент. 1839 г. – *Письма Юшневских*, с. 134–137. Ответ Юшневских на письмо брата, от 29 дек. 1841 г. – Там же, с. 139–140.

² Людмила Кокорина (см.: Зап. отд. рукописей, вып. 3, с. 34).

³ Андрей Васильевич Пятницкий, в 1839–1848 гг. – иркутский гражданский губернатор, его жена – Любовь Александровна. См. о них: *Вагин В.* Сороковые года в Иркутске. – В кн.: Литературный сборник. Изд. редакции «Восточного обозрения». СПб., 1885, с. 260.

⁴ Александра Ксенофоновна, жена Ивана Логиновича Медведникова (1807–1889), иркутского купца, друга декабристов, в их семье до замужества была гувернанткой Ж.А. Муравьева. Мичурина – очевидно, жена иркутского купца.

⁵ На другой день М.К. Юшневская писала И.И. Пушкину: «Вчера получила от Ник[олая] Алек[сандровича] Бестужева предлинное письмо – половина написана по-французски. Беда. <...> Вот еще новая беда. На днях будет он сюда, его вызвали рисовать портреты, за мужской 100 руб., за женский – 150 назначена цена и сделана уже записка на четыре тысячи с лишком» (4.40, л. 43). Письмо не датировано, но на нем помета И.И. Пушина: «[Получено] 26 фев[раля]», по этой помете, а также по содержанию письма очевидно, что оно написано

М.К. Юшневской 30 дек. 1841 г., вслед за письмом от 29 дек. (с той же пометой И.И. Пущина). На основании неверной датировки (письмо было заложено в единице хранения между январским и февральским письмами 1841 г.) И.С. Зильберштейн заключает, что поездка Н.А. Бестужева в Иркутск предполагалась уже в начале 1841 г. (См.: *Зильберштейн И.С.* Указ. соч., с. 494. О пребывании Н.А. Бестужева в Иркутске и портрете А.П. Юшневского его работы см.: там же, с. 497–502).

⁶ Несмотря на разрыв в датах, это письмо является фактически приложением к письму М.К. Юшневской от 29 дек. 1841 г., оба они переданы с Е.П. Оболенским, и А.П. Юшневский дважды на него ссылается.

⁷ Ордынский – не удалось установить. Это не ссыльные поляки Феликс или Карл Ордынские, поскольку первый был переведен в 1836 г. в Отдельный Кавказский корпус, а второй был жив еще в 1856 г. (сведения о них любезно сообщены нам Н.К. Орловой. – Н. 3.).

12

Малая Разводная, 1-го февраля 1842 г.*

Вот еще неожиданный случай писать к вам, почтенный Иван Иванович, но случай не совсем приятный, ибо лишает нас доброго соседа и товарища¹. Могу смело поздравить вас с дорогим приобретением. В короткое время его здесь пребывания он приобрел приязнь и уважение каждого из нас. Я уверен, что, узнавши его, вы будете разделять те же чувства. Он скажет вам, как нечаянно узнал он в нашем доме и о своем перемещении, и вместе о поспешном его отправлении. Это последнее причиною, что вы не найдете здесь приписки моей жены. Она не успеет до его отъезда возвратиться из Оёка, куда увезла ее Катерина Ивановна, чтобы провести вместе 3-е февраля – день рождения Сашиньки. Кат[ерина] Иван[овна] приезжала в город проводить Каролину Карловну, которая наконец отправилась в Европу. Вероятно, жена описала вам неслыханный прием, какой сделал ей у себя Ал[ександр] Мих[айлович]. Следствием его была необходимость вместо дома племянницы принять радушное гостеприимство Трубецких. Не мое дело судить которую-либо из сторон: скажу только, что одна из них была в пассивном положении, в каком случалось мне видеть людей, имевших спокойное сознание своей правоты. Другая, напротив, оказала расположение до того враждебное, что супруги вместе с блюстителем их здоровья² сделали разрыв с Трубецкими... Но я теперь только спохватился, что, вероятно, вы знаете об этом подробно от Евгения Петровича, и спохватился вовремя, ибо и то, что я уже сказал, преступает мои правила.

После отъезда Евгения Петровича не произошло в наших колониях ничего нового. То же однообразие, те же недостатки. О себе уже не говорю – к хроническим болезням привыкают, но Трубецкие в жестоком затруднении. Не только платить долги, но и жить нечем: кредит совершенно прекратился. Несмотря на письма, в которых неоднократно описали они свое положение матери³, взявшей опять на себя управление делами, они получают одни обещания. Между тем принуждены продавать вещи, например: чулки, башмаки и т. п. для удовлетворения текущих потребностей. Вы можете представить себе их положение при таком семействе.

* Помета И.И. Пущина: «Пол[учено] 13 марта».

Прошу сказать мой дружеский привет Николаю Васильевичу и Евгению Петровичу; особо писать не успею. Г-н Рудинский едет от меня прямо в город. Он и сам спешит в надежде застать свою жену уже в Тобольске. Я уверен, что ему со всеми вами и вам с ним будет всегда приятно. Простите.

От всей души ваш
А. Юшневский.

Примечания

¹ Юстиниан Рудинский, поляк, в 1838 г. арестован по делу Конарского, в 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной 20 годами каторги в Сибири. Отбывал ее в Усолье и Газимирском заводе. Вышел на поселение в д. Шукино под Иркутском, в 1842 г. переведен в Туринск, куда к нему приехала жена. Из всех иркутских поселенцев с особенной теплотой вспоминал А.П. Юшневского. Отметим важную деталь для характеристики декабриста: он «не тайлся в конфиденциальной беседе, к которой был довольно склонен со мною», – пишет Рудинский (см.: *Шостакович Б. С.* Указ. статья, с. 262–263, 277).

² Имеется в виду Ф.Б. Вольф.

³ Дела Трубецких вела мать Е.И. Трубецкой Александра Григорьевна Лаваль (1772–1850, урожд. Козицкая) и некоторое время в нач. 1840-х гг. – ее сестры, С.И. Борх и А.И. Коссаковская. Сохранилось письмо С.П. Трубецкого к поверенному жены от 10 мая 1851 г. в связи с получением ею наследства после смерти матери (ЦГАОР СССР, ф. 1143, оп. 1, д. 34). Из него выясняется, что в 1839 г. на переезд и устройство в Оёке Трубецкие получили 32 тыс. рублей, в 1844–1851 гг. – по 40 тыс. рублей, а в 1841 г. – всего 5 тыс. рублей. Причиной тому, как явствует из письма, был хаос в ведении дел. В частности, в 1842 г. А.Г. Лаваль обещала уплатить долги дочери (24 тыс. рублей), но уплатила только 16,5 тыс. (Содержание письма любезно сообщено нам В.П. Павловой, готовящей его к печати. – Н. 3.)

13

10-го мая 1843. Малая Разводная*

Давно я к вам не писала, добрый наш Иван Иванович, и теперешним моим письмом будете вы огорчены. Если бы от меня зависело, все бы только говорила вам приятные вещи, но когда у самой тяжело на сердце и надо сказать какую-нибудь печальную неожиданность, то, право, жалеешь, что умеешь писать!

Наш добрый Никита Михайлович переселился на вечный покой, так неожиданно и так скоро, что мы не можем прийти в себя. Была я у Марьи Никол[аевны] 24-го апреля, пришли к ней вечером за большим креслом и сказали, что у Ник[иты] Мих[айловича] сделались колики, он простудился, это было в субботу; воскресенье я возвратилась домой, но ничего не могла узнать о здоровье Н[икиты] Мих[айловича], потому что никого у них не принимали, и даже люди не говорили, что у них делается (маленький Китушка был очень болен). В среду утром в 7[-м] часу входит к нам Ар[тамон] З[ахарович] и показал записку Алек[сандра] М[ихайловича]: «Arrivez, Artamon, mon frere est tres mal»**. Но куда посланный доехал, Ник[ита] М[ихайлович] скончался – он умер утром в исходе пятого – т. е. 28-го апреля. Пред кончиной, в 12-м часу ночи, исповедовался и приобщился святых тайн, все время сто-

* Помета И.И. Пущина: «Пол[учено] 28 мая».

** Приезжай, Артамон, брат очень плох (*франц.*).

ял на коленях и молился в землю. Антонов огонь, как сказывают, так скоро действовал, что спасти его уже не было возможно. Сильное воспаление в кишках и желудке – а началось простым колотьем. 30-го апреля проводили мы его тело и предали земле – схоронен он у самой церкви в Урике. Из наших дам была я только одна, Мар[ья] Н[иколаевна] имела свой нервический припадок, ее не пустили, Кат[ерина] Ив[ановна] не выходит из своей спальни, во ожидании разрешения¹. Мужчины были Ар[тамон] З[ахарович], мой муж, Панов², С[ергей] Г[ригорьевич], Сутгоф, Вад[ковский], Ал[ександр] Вик[торович] страдал нарывом в ухе, а Ос[ип] В[икторович] оставался при М.Н. Еще был Мух[анов], который располагал всем при этой печальной церемонии. Нонушка, вероятно, мало плакала потому, что была поражена неожиданностью и, как мне показалось, не понимала важности этой потери. Ал[ександр] Мих[айлович] очень плакал – и все тоже, Арт[амон] З[ахарович] ужасно плакал. Было здесь еще два лица посторонних добрых людей и умеющих ценить покойного Н[икиту] М[ихайловича]. Да будет ему Царствие Небесное и вечный покой.

Маленький Никитушка скончался того же дня, когда похоронили его дядю. Он был болен 21 день – в голове у него была вода, и очень страдал ребенок.

Я уже не была у них, когда хоронили Никитушку, – даже не заходила к ним после похорон Н[икиты] М[ихайловича]. Пообедав у М[арьи] Н[иколаевны], уехали домой, с нами и Панов, Ар[тамон] З[ахарович] прежде нас был дома.

Жаль, что никто при жизни не видел Н[икиту] М[ихайловича]. Когда разбудили С[ергея] Г[ригорьевича] и Мух[анова], они не застали уже живым. Тоже Вад[ковский] и Ар[тамон] З[ахарович] получили записки, когда уже покойник лежал на столе. Подробности знаем только от Сенюшки – человека, который был при нем. За час даже до кончины Ник[иты] М[ихайловича] никто не знал, что он опасно болен. Кроме Ферд[инанда] Богд[ановича], никого из докторов не было. Не умею объяснить вам ни начала, ни конца болезни. Видно было, что покойник очень страдал, у него не только было лицо совершенно черное, но даже руки – и все кровь шла носом, и кусками кровь отделялась у него ртом пред кончиной. Бедный Ник[ита] М[ихайлович]. Кат[ерина] Ив[ановна], Сашинька, Лиза, узнав о смерти Н[икиты] М[ихайловича], очень плакали, а Зина целый день просидела на диване в уголку, не играла куклами и не говорила ни слова. С[ергей] П[етрович] думал, что в субботу хоронят, потому не был – и так огорчился, что не дали ему знать, что по случаю разлагательства покойника схоронили его раньше.

Сказывают, Нонушка с нетерпением ждет, чтобы ее увезли к бабушке и сестрицам. Просили уже отсюда, чтобы там родные выхлопотали позволение на ее отправление к бабиньке. Вероятно, все это раньше зимы свершиться не может. Дай Бог ей уехать к доброй старушке, только бы Господь продлил дни ее и перенесла бы она ужасный этот удар для нее. Бедная Катерина Федоровна, без слез нельзя вспомнить об ней³.

Сказывают, что писал Вас[илий] Львович, будто и Антон Петрович Ар[бузов] умер, жил тихо, скромно, но убило его равнодушие его брата, ко-

торый совсем его бросил и довел его до крайней бедности⁴. Будущую почту, добрый наш Иван Иванович, получит Ев[гений] Петрович] приятное от меня письмо и поделится с вами, радуясь за Кат[ерину] Ив[ановну]. Бог милостив – надеюсь, что напишу вам хорошие вести об ней. Сегодня я должна была ехать к ней на целую неделю, но всю ночь страдала сильною головою болью, и утром дождь пошел – я отложила до послезавтраго мой отъезд. Пробуду у нее подольше, чтобы побережь Кат[ерину] Ив[ановну] и позаняться маленькими моими друзьями – иначе они соскучают и маминьке не дадут покоя. От Кат[ерины] Ив[ановны] напишу вам письмо общее с Ев[гением] Петровичем]. Конверты хотя я не получила еще, но получу, будучи у Кат[ерины] Ив[ановны], много и усердно благодарю вас за них, у меня давно уже нет ваших конвертов. Теперь опять стану вам по одному чаще пересылать. Скажите Ев[гению] П[етровичу] дружеский наш привет. Расписочки 2 и третье письмецо хранятся у меня, полученные от Дмитрия Прокофьевича, прикажет ли он переслать их к себе – или предать их истреблению, как уже ни на что не нужные листки. Ящик свой, верно, скоро получит от г-на тобольского губернатора⁵. Его увез Ганюшка.

Прощайте, добрейший уважаемый Иван Иванович. Дай Бог, чтобы я никогда не писала вам отсюда таких печальных происшествий и чтобы у нас все были здоровыми, так же и у вас чтобы все было благополучно.

Муж мой сам напишет, его дома нету – хлопочет, сколько сил, как бы только помочь своему недостатку, слава Богу, успеваает – и здоровье его до сих пор не изменяется, да укрепит Господь его и на будущее время. Забыла сказать вам, что по просьбе Веры Алексеевны разрешено Ар[тамону] З[ахаровичу] ездить по всей губернии Иркутской для его промыслов⁶. Мы все порадовались за него – а с этим вместе думаем, что и другим будет свободнее выпросить и для себя, кому надо будет, такое позволение для промыслов. Прощайте. Всем нашим добрым товарищам пожатие руки.

М. Юшневская.

Нонушку разбудили – отец благословил ее после своего причастия.

Примечания

¹ 13 мая 1843 г. у Трубцеких родился сын Иван (ум. 1874).

² Декабрист Николай Алексеевич Панов (1803–1850), на поселении с 1839 г. в с. Михалевском Жилкинской волости Иркутской губ.

³ В июле 1843 г. Муравьевы получили известие о зачислении Нонушки в Екатерининский институт. Она значилась там девицей мещанского звания Никитиной. Мать декабристов – Е.Ф. Муравьева (1771–1848, урожд. Колокольцова); письмо к ней А.М. Муравьева от 9 мая 1841 г. с описанием кончины брата см.: Сов. архивы, 1975, № 6, с. 26. О том же см. письма к И.И. Пушкину С.Г. Волконского (Зап. отд. рукописей, вып. 24, с. 375–377) и А.З. Муравьева (там же, вып. 40, с. 199–201).

⁴ Декабрист А.П. Арбузов (1790– янв. 1843), с 1839 г. на поселении в с. Назаровском Ачинского о. Енисейской губ. Его брат Егор Петрович Арбузов, к которому перешло имение декабриста, не писал и не помогал ему (См. о нем: *Якушкин*, с. 93–94).

⁵ Дмитрий Прокофьевич – не удалось установить. Тобольский гражданский губернатор с 1838 по 1844 г. – Михаил Васильевич Ладыженский.

⁶ В.А. Муравьева (урожд. Горяйнова), жена декабриста. Разрешено было на срок не более 6 месяцев отлучаться для поездок по Иркутскому и Верхнеудинскому округам, и А.З. Муравьев занялся ловлей рыбы на Байкале и торговлей мясом.

14

24-е сентября 1843. Малая Развод[ная]*

Добрейший любезный Иван Иванович, неужели вы о сию пору живете в Ялutorовске. Ф[ердинанд] Б[огданович] уверял меня, будто Н[иколай] И[ванович]¹ ему писал и известил его о перемещении вашем в То[больск]. Письмо получено месяца три тому назад. Е[вгений] П[етрович] в своих не упоминает об этом, и его письма гораздо позже писаны из Ялutorовска, очень бы я порадовалась, если бы письмо мое застало вас в Тобольске. Поговорите мне, как устроитесь, Михеевна с вами ли² и тепла ли ваша квартира. Вы видели Нонушку, надеюсь, скажете, узнала ли она вас – и как выдерживала дорогу. Дай Бог ей доехать благополучно и быть всегда счастливою.

Алек[сандр] М[ихайлович] здоров, но чрезвычайно грустен. Миша и Катинька милые дети. Жозефина Ада[мовна] всегда дома с детьми³. Завтра уеду к имениннику С[ергею] П[етровичу]. Кат[ерина] Ив[ановна] ждет меня, от них отправлюсь на рождение Нелиньки и всех их увижу. М[арья] Н[иколаевна] узнала о смерти своего брата Н[иколая] Н[иколаевича], много расстроит ее это известие. Хотя с большими предосторожностями сказали ей. Теперь она поплакала и хорошо себя чувствует. Дай Бог, чтобы тем и кончилось и не возобновлялись бы ее нервические припадки. Н[иколай] Н[иколаевич] уехал из Крыму в свое имение, простудился, сделалась рожа на лице – потом воспаление в мозгу, и вскоре умер. Жена ничего не знала, легко себе можно вообразить положение вдовы, ужасно подумать, как должно поразить ее такое внезапное несчастье⁴. У Панова брат тоже умер⁵ – и от воспаления в мозгу от рожи. Бедный Вад[ковский] страдал очень обыкновенною своею хроническою болезнью, ему посоветовали ехать на горячие воды, писал оттуда, что ему было лучше⁶. Возвратился болен и так, сказывают, похудел, что одни кости, покрытые кожей, остались, Ив[ан] Сер[геевич] сказал мне, что сильно расстроено его здоровье и не скоро может поправиться. Жаль его. После горячих вод он возвратился в лодке, прямо из Турции, несколько дней пробыл на море, простудился, и все лечение уничтожилось. Ар[тамон] З[ахарович] не жалуется покуда, поправился заметно, дай Бог, чтобы зиму провел хорошо. Теперь он нетерпеливо ожидает возвращения своего судна из Ангарска, дай Бог, чтобы поболее омулей ему привезли, иначе плохо. Ар[тамон] З[ахарович] сегодня из Усть-Куды от М[арьи] Н[иколаевны] уедет к Труб[ецким], завтра ждут его домой. Соседи мои Борисовы к 1-му октября думают перейти в собственный дом, печи готовы, и, кажется, все уже готово, только вымыть стены, окошки, полы и окончить крышу, которую перекрывали на новый лад. У них даже доканчивается ограда. Дом невелик, но Анд[рей] И[ванович] умел сделать много комнаток – у него будет четыре, а у П[етра] И[вановича] – две, правда, крошечные комнатки, зато будет тепло.

* Помета И.И. Пущина: «Пол[учено 22-го октября]».

Кухня у них в одной связи чрез сени, довольно просторная, Все сделано хорошо, прочно, зато стоит им много. Кажется, до 3000 – все трудами П[етра] И[вановича] приобретено. Можете себе представить, сколько он, бедный, рисовал. Не забудьте, что у него один глаз, другим плохо видит. Ан[дрей] Ив[анович] все блажил и вгонял его в издержки бестолковые. До сих пор, т. е. два года, носили им кушанье от нас. Теперь, когда перейдут в свой дом, заведут свое хозяйство. Заказы сделаны П[етру] И[вановичу], способы у него будут достаточны. Казенное пособие получают – и М[арья] Н[иколаевна] тоже им присылала⁷. Разумеется, не всегда может П[етр] И[ванович] так работать, как до сих пор трудился, ослепнуть недолго, а Ан[дрей] И[ванович] только умеет готовое истреблять. Слабость П[етра] И[вановича] вам известна. Его дело курить трубку и молчать. У нас так все дорожает, что никакого способа нет. Добрые люди ищут золото, а беднякам трудно иметь необходимое. Человека достать невозможно порядочного. Промыслы рыбные уводят людей много тоже. Впрочем, в этом крае всегда так было и будет. В Красноярске еще труднее жить безденежным людям.

Ив[ан] Ив[анович] Горб[ачевский] жалуется, что все его забыли, просит, чтобы я ему писала, Христа ради. Видно, что очень грустит, и что за охота была оставаться в Петр[овском] Заводе, а расстаться с ним не хочет. Прочие наши товарищи живут по-старому. П.А. Муханов обзавелся в Усть-Куде полным хозяйством. Домик у него премиленький. Огороды чудесные – даже парники, сам он большой хозяин. У Ал[ександра] Вик[торовича] есть славные парники, мог бы иметь и выгоду от них – и сам бы досыта со всеми своими накушался дынь, арбузов, зелени, но вот наша беда, лишь только собирается снять с парников созрелые дыни, его предупредят – и таким образом усть-кудинские бабы много продавали арбузов и дынь очень дешево, однажды при мне купила ваша знакомая m-me Oursine⁸ за два с полтиною и дыню и арбуз огромной величины. Тут бедный Поджио в агитации, как вы его знаете, разохается, а потом каждый год та же история. Выгоды нет, кушают сами досыта, хвалят сорта, вот и все довольны. Добрейший Осип Вик[торович] ни во что не мешается, проводит время в разных занятиях – то музыке, то чтению. Кажется, вы прекрасно поняли жизнь нашу и каждого узнаете из добрых наших друзей. По крайней мере, я старалась, чтобы мысленно вы перенеслись к нам.

Прощайте, добрейший любезный Иван Иванович. Будете писать к вашим добрым родным, от меня скажите душевное уважение всем им. Е[вгению] П[етровичу] пожмите руку дружески и поклонитесь добрым нашим товарищам. Муж сам хочет написать вам хоть немного. Христос с вами.

М. Юшневская.

Вручите записочку мою Е[вгению] Петр[овичу], которую при сем прилагаю.

Рукой А.П. Юшневого

Рад бы и я побеседовать с вами так же, добрый и почтенный Иван Иванович, столь же пространно, как жена; но едва достаёт времени, чтобы прибавить к каждому письму по несколько строк. Брату не пишу по три месяца.

Зато какое новое наслаждение ожидает меня, когда, поправив наши дела, я опять буду свободен располагать своим временем. Итак, не посетуйте на меня за редкое мое писание. Чувства, которые вы мне внушили, неизменны. Прошу сказать мой дружеский привет Евгению Петровичу и сохранить мне драгоценное ваше расположение.

Всею душою ваш
А. Юшневский.

Наш дорогой Фед[ор] Фед[орович] до того, говорят, расстроен, что едва ли он долго проживет с нами. Горько помыслить об этом.

Примечания

¹ Николай Иванович Пущин (1803–1874), младший брат декабриста, чиновник 2-го отделения III департамента Сената. В 1842 г. в течение нескольких месяцев ездил с инспекцией по Сибири, познакомился со многими декабристами.

² Матрена Михеевна Мешалкина, ялуторовская мещанка, вела хозяйство в доме И.И. Пущина.

³ Дети Муравьевых Михаил (1842–1887) и Екатерина (р. 1842, в замуж. Бючау-Тельфер).

⁴ Николай Николаевич Раевский (1801–24 июля 1843), ген.-лейтенант, умер в слободе Красной Новохоперского у. Воронежской губ. Был женат с 1839 г. на Анне Михайловне Бороздиной (1819–1883).

⁵ Дмитрий Алексеевич Панов, отставной поручик, помещик Пензенской, Владимирской и Калужской губ.

⁶ Ф.Ф. Вадковский лечился на водах с 18 июля, см. его письмо оттуда к И.И. Пущину от 10 сент. 1843 г.: Декабристы на поселении, с. 87–89.

⁷ В окт. 1843 г. М.К. Юшневская послала И.И. Пущину план дома Борисовых и повторила, что он стоил им около 3 тысяч. «П[етр] И[ванович] не оставляет своих занятий, – писала она, – ему сделали заказы, и он целый день с кистью в руках и увеличительным стеклом сидит в своей комнате, а Ан[дрей] Ив[анович] переплетает книги». М.Н. Волконская ежегодно выдавала Борисовым пособие в 500 р., а С.Г. Волконский снабжал их хлебом (см. его письмо к И.И. Пущину от 3 янв. 1842 г.: Декабристы на поселении, с. 69).

⁸ Урсина – вероятно, иркутская жительница.

I

1840, 6-е июня, Гор[ячие] Турк[инские] воды^{*1}

Вероятно, давно вы от меня ожидаете писем, добрейший, любезный, почтенный Иван Иванович. Муж мой сказал вам уже, что я уехала на горячие воды. Здесь была долго. Не отделаны комнаты и ванна для Елены Федоровны. Потому вчера только мы приехали сюда. Не умею еще ничего сказать вам о здешнем месте. В первый раз выпила воды из родника и то еще не для лечения, а чтобы познакомиться со вкусом. Через два дня начнется настоящее наше лечение.

Постараюсь поговорить с вами подольше о наших общих друзьях и знакомых, чтобы давножданное вами письмо могло, по крайней мере по возможности, быть для вас интересным.

В конце апреля похоронили бедного страдальца Андриевича². Я в самую дурную погоду переправилась на лодке чрез Уду, была на выносе и при по-

* Помета И.И. Пущина: «Пол[учено] 19 июля».

гребении, очень рада, что могла хоть я одна исполнить долг при бедном Я[кове] М[аксимовиче] в последнюю минуту его жизни, он так был исхудавшим, на себя не похож. Жил Андриевич в больнице Верхнеудинской, которая построена за Удой. Река вам знакомая, вы чрез нее два раза проезжали. Комната его была очень незавидная, но чистенькая. Умер он от чахотки. Сначала сильно скучал здесь, потом уже дошел до такого состояния, что редко узнавал Алек[сандра] Ив[ановича] Орлова³, который часто его навещал по должности своей. У него был товарищ другой сумасшедший офицер, который навещал Андриевича. Вместе они говорили, не понимая друг друга, между тем очень довольны собою. Царство Небесное Якову Максимовичу. Переселившись на вечный покой, он счастливее, вероятно, чем был здесь.

Теперь скажу вам новость об Александре Ильиче⁴. 26-го мая он женился на дочери Виль[гельма] Яков[левича] Руп[ерта]⁵. Оба молодые хорошенькие, будут счастливы.

Какое стечение обстоятельств – Алек[сандра] Иль[ича] венчали в той самой церкви, которую он же строил⁶. Теперь он не один в своем заводе, где только имел одни хлопоты без отрады. С ними еще остался и маленький брат Николенька, чтобы Людмиле Вильгельмовне не было скучно. Много раз спрашивала об вас Елена Федор[овна], узнав, что вы очень скучаете, она душевно пожалела вас.

Ив[ан] Ив[анович]⁷ живет в своем домике, он купил у Аксиньи. Извоз – плохой промысел, больше стоит корм людей и лошадей, чем имеет он пользы. Особливо при теперешнем неурожае. Здесь и этот год засуха, надежды мало на плодородный год. Теперь Ив[ан] И[ванович] решил все опять продать и заводить *мыловарню*. Дай Бог ему успеха. Ив[ан] И[ванович] все тот же, только немного деятельнее. Начинает, впрочем, очень скучать. Мозал[евский] был на водах. 10 ванн много ему повредили, как он рассказывает. Солов[ьев] и Моз[алевский] еще все на месте, хоть и вышел их срок. На днях ожидают разъехаться, т. е. Соловьев в Кули или вблизи Кулей⁸, Моз[алевский] против, чтобы оставить его в Петровском. Ип[полит] Завал[ишин] ожидает благословения от своей матушки и думает жениться на Сутуриной в сентябре месяце⁹. Старший его брат женат и очень счастлив¹⁰. Наши общие приятели Бестужевы здоровы. Поживают благополучно в Селенгинске, очень довольны своим поселением. Кат[ерина] Дм[итриевна]¹¹ часто их видит. Торсон¹² совсем другой человек с приездом Бестуж[евых]. Д[митрий] З[ахарович]¹³ в отставке, живет в Селенгинске и занимается мерлушкой. Старцев¹⁴ переселился в Кяхту. Сестра, хорошенькая Марфа Ник[итична], вышла замуж за Кандинского¹⁵. Сколько она хороша, столько он нехорош собою. Может, вы увидите мой портрет, очень похожий, вновь сделанный. Вот старушка!

Вы бы не узнали Петра Борис[ова]. Так его измучил брат. Я думаю, что бедный Петр Иванович скоро умрет или с ума сойдет сам. Теперь начинает хлопотать, чтобы их перевести куда-нибудь и развести по разным комнатам с Андреем.

Теперь живут они в одной – несчастный Петр Ив[анович], жертва своего странно помешанного брата. Не дает ему ни читать, ни писать, а рисовать

никогда и думать нельзя. Все время проходит на исполнение всех вымыслов Андрея.

Теперь еще поговорю вам об Оболенском. Третьего дни я у него провела несколько часов. Можете себе представить, как был он мне рад. Рассмотрела я все у него хозяйство. Плохое, несмотря на то, что истрачивает все свое достояние. Но не в том сила. Я обрадовалась, что появилась у него мысль перепроситься к вам, но вот какая беда. Последнее ваше письмо напугало его, он боится, чтобы не разъехаться с вами, и думает, что, если одному откажут, а другому из вас нет, тогда вы будете вместе. Он очень желает, чтобы быть всегда с вами неразлучно. Верно, вы все это знаете из его писем. Он часто к вам пишет и написал, что 5-го мая отослала я письмо к гр[афу] Бен[кендорфу]. Семейство все у него Балаганских¹⁶, больше не видела никого. У них особое зимовье. А комната Ев[гения] Петр[овича] чрез сени с жильем его хозяина, у которого нанимает он дом. Комната Ев[гения] Петр[овича] светленькая и чистенькая, даже для него одного довольно просторная. Окна из слюды, местоположение Етанцы¹⁷ чудесное. Прелестное, но жить бы одна там не желала. Вот последний, кого я навестила из наших добрых друзей. Ев[гений] Петр[ович] здоров, но устарел. Церковь у него очень близко дому.

Муж мой часто пишет ко мне, почти каждую почту. Редкой не получаю, и то не ее он пропускает, а проезд мой был причиною отчасти, что тоже получала его письмо. Заметно, что Алек[сей] Петр[ович] очень скучает. Но уговорил меня ехать, желая, чтобы я избавилась [от] своего несносного ревматизма.

Кат[ерина] Ив[ановна] Трубецкая с детьми здорова. Теперь живут спокойно в своем новом доме. Верно, от них получаете часто весточки. Мар[ия] Ник[олаевна] здорова, Миша и Нелинька тоже. Теперь они живут у Поджио в новом домике, выстроенном над самой Ангарой. Дом Серг[ея] Григ[орьевича] будут починять. Ник[иты] Мих[айловича] дом щакотурит. Ферд[инанда] Богд[ановича] тоже. Покуда окончат всю эту щакотурку, все они живут в доме Сергея Григорьевича. Потом уже перейдут Муравьевы, и Волконские будут щакотурить свой. Мар[ья] Ник[олаевна] с детьми на все лето перебралась в Усть-Куду. Сутгов покуда живет в Куде. Перепрашивается в Красноярск. Вот и все про наших добрых общих друзей. А вот еще новость. Петр Ив[анович] Фален[берг] женился на дочери урядника казачьего. Смешно описывает причину, побудившую его жениться. Дай Бог ему счастья. 21 марта Беляевы слезно прощались с товарищами и уехали на Кавказ. Видела я письмо вашего почтенного Розена¹⁸ у Ник[олая] Ал[ександровича], а другие у Ев[гения] Петр[овича]. Когда будете к ним писать, так не забудьте от меня душевное передать им уважение, много кланяйтесь сестрицам вашим. Доброго, милого Ивашева обнимите за меня. Как я разделяю искренно его горесть, да подкрепит его Бог и пошлет ему радость и счастливую спокойную жизнь вместе с милыми его детьми. Каждого из них поцелуйте за меня и поговорите со мною об них подробнее. Когда я возвращусь домой, письма мои будут к вам чаще доходить, теперь же, может, не скоро напишу, не имею ничего сообщить вам интересного. Об себе не очень люблю говорить с добрыми друзьями, зная, что одно доброе и утешительное об нас

известие может доставить вам удовольствие. Об делах наших муж мой уже писал к вам. Мы о сию пору еще скитаемся без постоянного пристанища. В Кузьмихе невозможно жить. Едучи сюда, я опять написала письмо к гр[афу] Бен[кендорфу]. Авось где-нибудь нас в лучшее место поместят. Басаргину и его жене дружески кланяюсь. Прощайте, добрейший, уважительный Иван Иванович. Преданная вам, М. Юшнев[ская].

У меня еще неисправность большая по канцелярской части. Извините, если нечетко написано.

Александра Ксенофоновна¹⁹ теперь в столице – представлялась ко двору.

Ф. 243.4.40. Л. 5–7 об.

Примечания

¹ Туркинские горячие источники в Забайкалье были открыты в начале XIX века. К середине века было известно 18 горячих бассейнов с высокой температурой воды. Туркинскими они названы по реке Турке, впадающей в Байкал. Ныне здесь располагается курорт Горячинск.

² *Андреевич Яков Максимович* (1801–1840), декабрист, член Общества соединенных славян, осужден на каторжные работы в Читинский острог, Петровский Завод, в 1839 г. переведен на поселение в г. Верхнеудинск Иркутской губернии, где и умер в местной больнице.

³ *Орлов Александр Иванович* (1802–1851), врач, литератор. Окончил Московскую медико-хирургическую академию. Служил в Кяхте таможенным врачом, затем в Верхнеудинске. С 1840 г. жил в Иркутске. В Кяхте выпускал рукописные журналы «Кяхтинский литературный цветник», «Метляк» и пользовавшуюся известностью газету «Кяхтинская стрекоза», которую переписывали в 60 экз. и распространяли даже западнее Байкала. В 1843 г. в Иркутске отметили 15-летие издания «Кяхтинской стрекозы». Орлов был в хороших отношениях со ссыльными декабристами, некоторые из них участвовали в его рукописных изданиях.

⁴ *Арсеньев Александр Ильич* (1807–после 1867), горный инженер. В 1829 г. окончил Горный кадетский корпус. В 1831 г. переведен с Олонецких заводов в Нерчинский горный округ. С 1832 г. помощник управляющего, а затем управляющий Петровским чугунолитейным заводом. Отличался гуманным отношением к работавшим там ссыльным декабристам. Служебные отношения управляющего и декабристов переросли в крепкую дружбу, которая продолжалась еще долгие годы.

⁵ Руперт Людмила Вильгельмовна.

⁶ Церковь во имя Святых Первоверховных апостолов Петра и Павла. Построена в 1837 г. В грамоте епископа Иннокентия, выданной 30 сент. 1837 г. протоиерею и благочинному Верхнеудинского Одигитриевского собора Харлампию Попову, значится: «1837 года ноября 4 дня по сей грамоте выстроенный вместо ветхого храм во имя св. первоверховных апостолов Петра и Павла трудами и тщанием Управляющего Петровским Заводом инженер-капитана Александра Ильича Арсеньева, благочинным протоиереем Харлампием Поповым с местными священниками соборне освящен» (rokovpetr.prihod.ru/history).

⁷ И.И. Горбачевский.

⁸ Кули, село в Петровск-Забайкальском районе Забайкальского края.

⁹ *Завалишин Ипполит Иринархович* (1809–после 1879), брат декабриста Д.И. Завалишина, доносчик. Сослан на каторгу и отбывал ее вместе с декабристами. 10 сент. 1843 г. женился на Авдотье Сутуриной.

¹⁰ *Завалишин Дмитрий Иринархович* (1804–1892), декабрист, осужден на каторжные работы в Читинском остроге, Петровском Заводе. С 1839 г. переведен на поселение в Читу, где жил до 1863 г., выслан из Читы в Казань, откуда был переведен в Москву, где и умер. В описываемое время был женат на Апполинии Семеновне Смоляниновой (1812–1847).

¹¹ *Е.Д. Ильинская* (урожд. Старцева, ?–1858), жена доктора Петровского Завода Д.З. Ильинского (1805–1842).

¹² Торсон Константин Петрович (1793–1851), декабрист, осужден на каторжные работы в Читинском остроге, Петровском Заводе. По указу 1835 г. на поселении в Акшинской крепости, с 1838 г. в Селенгинске, где и умер.

¹³ Д.З. Ильинский.

¹⁴ Старцев Дмитрий Дмитриевич, селенгинский купец 1-й гильдии, близкий друг братьев Бестужевых, усыновивший внебрачных детей Н.А. Бестужева, Алексея и Екатерину.

¹⁵ М.Н. Сабашникова (1824–186?), родная сестра Агнии Старцевой, жены Д.Д. Старцева. Вышла замуж за купца Н.Х. Кандинского.

¹⁶ Семья Егора Балаганского, рядового инвалидной команды в Петровском Заводе, которую поддерживал Е.П. Оболенский.

¹⁷ Правильно Итанцы, село на устье Итанцы, правого притока р. Селенги, ныне с. Турунтаево Прибайкальского района Республики Бурятия.

¹⁸ Розен Андрей Евгеньевич (1799–1884), декабрист, осужден на каторжные работы в Читинском остроге, Петровском Заводе, с 1832 г. на поселении в г. Кургане Тобольской губ.

¹⁹ А.К. Медведникова.

2

11 мая 1841, Аёк*

Вчерась вечером приехала я к Кат[ерине] Ив[ановне]. Она была немного нездорова. Теперь хорошо себя чувствует и довольно весела. Целое утро сегодня проговорили мы об вас, добрый, любезный, почтенный Иван Иванович. Читали и перечитывали ваше письмо. Я получила ваш листок от 28-го марта. Конверты еще не дошли до нас. Кат[ерина] Ив[ановна] не получила вашей посылки. Она недавно писала к вам длинное письмо. А я буду писать, возвратясь домой. К вам у меня есть просьба, догадайтесь какая, теперь не скажу, в следующем письме напишу.

Кат[ерина] Ив[ановна] поручила сказать вам, что она еще не успела передать вашего поручения Серг[ею] Петр[овичу], но не забудет все ему сказать от вас.

Ферд[инанда] Богд[ановича] она давно не видала, об Кирином¹ скажу вам, что он давно живет в Омске, следовательно, рисунки ваши вам ближе выхлопотать самим. Кири[нский], Лив. и Сафро <...>² давно аудиторами, и разъехались все отсюда.

Скажите Катиньке – приятельница ее Аринушка в добром здоровье, живет в Кяхте, недавно была здесь, просила меня написать Кате, что она ее очень любит, помнит и просит, чтобы Катя ее не забывала. Кат[ерина] Ив[ановна] забыла все это сказать в своем письме. Аринушка очень подурнела, сын у нее помер, и нет теперь у нее детей, но она теперь в благословенном положении.

Вчерась было рождение Нонушки. Я у них обедала. Мар[ья] Ник[олаевна] здорова, дети ее тоже. Они переезжают на Камчатник, где они всегда летом проживают. У них сделана там пристройка, и они очень спокойно и хорошо будут помещены. Нелинька и Мишенька восхищены, что переезжают. Миша любит ездить верхом, а Нелинька любит ловить мотыльков и удить рыбу.

Алек[сандр] Поджио едет дня через три на Тункинские воды, он очень поправился и стал веселей и еще живее, как был. Серг[ей] Григ[орьевич]

* Помета И.И. Пущина: «Пол[учено] 7 июня».

тоже получил позволение ехать на воды Туркинские за Байкалом, но он теперь должен отложить свою поездку, у него сильно расшиблена рука. Вот каким образом: пошел он в подвал и велел маленькой девочке держать дверь – она чего-то испугалась, бросила дверь прямо на него и до кости разбила ему руку. Рана была очень глубокая, и жестоко болела у него рука, до сих пор еще боль не унимается, но рана закрыта.

Продолжение впредь – сегодня только пишу для того, чтобы сказать вам, что у нас все здоровы. Муж мой дома в Малой Разводной, я одна приехала навестить Кат[ерину] Ив[ановну]. Между нами, она выкинула. Но, к счастью, здоровье ее хорошо, и я нисколько не боюсь, чтобы эта неожиданность расстроила ее здоровье на будущее время. Карол[ина] Кар[ловна] поручает усердно вам от нее поклониться. Маленькие мои друзья, дети Кат[ерины] Ив[ановны] кланяются вам. Зина – все моя любимая девочка, очень смешит всех, преостренькая девочка, Нелинька очень мила тоже. Мишенька делается серьезен. Лиза чудо хороша. Саша солидная, умная, и все – предобрые дети. От всех поклонитесь Машеньке. За меня нежно ее поцелуйте. Петиньку и Верочку тоже. Пр[асковье] Ег[оровне] и всему ее семейству кланяйтесь. Басаргиным тоже, всем, всем от меня самый искренний привет. Прощайте, добрый, почтенный Иван Иванович. Преданная вам М. Юшневская.

Ф. 243.4.40. Л. 24–25 об.

Примечания

¹ Киринский (Каринский, Киренский), художник-любитель, чиновник-аудитор. Очевидно, был знаком со многими декабристами по Петровскому Заводу. Из письма С.Р. Лепарского Н.А. Бестужеву: «Покорнейше вас прошу, Николай Александрович, сделать для меня одолжение и подать свое мнение на вопросы Киренского касательно препорции рисунка, по которому хочу сделать статую для моего саду» (*Зильберштейн И.С.* Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1988. С. 453). «Живя на поселении в Иркутске, Волконская дала скопировать работу Бестужева [Вид Петровского Завода. – *Е.Д.*] писарю Киренскому <...>. Ныне она хранится во Всесоюзном музее А.С. Пушкина. Копия подписана: «Рисовал писарь Киренской» (там же. С. 472). Об этом художнике идет речь в двух опубликованных письмах С.Г. Волконского И.И. Пущину. В письме от 15 апр. 1840 г.: «Дети получили посылку вашу – Туринские виды, но вопреки вашей похвале живопись неэстетична, – что за предметы пасторальные, вам бы пустить в ход на подносы и сахарницы кое-какие рисуночки из сборника Каринского, это был бы подарок для многих» (*Волконский М.П.* Письма декабриста С.Г. Волконского // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1961. Вып. 24. С. 361). В письме от 3 янв. 1842 г.: «Ваше поручение о рисунках теперь не могу сделать, Максимович в отсутствии в отпуску в России, приедет, постараюсь отыскать мертвопись Каринского» (*Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных.* М., 1926. С. 70).

² Лица неустановленные.

3

24-го ноября 1841. Мал[ая] Разводная*

Письмо ваше от 30-го декабря мы получили неделю тому назад. В субботу вечером, когда мои письма были уже отосланы, приехал наш добрый

* Помета И.И. Пущина: «Пол[учено] 19 декабря.

Евг[ений] Петр[ович]. Он хотел непременно того ж дня написать к вам, и я надеюсь, что вы прежде моего письма будете знать об его приезде.

Евг[ений] Петр[ович] здоров, я уже с ним наговорила и нарядовалась, видя его. Теперь он у Кат[ерины] Ив[ановны]. Вчерась увез его туды Сергей Петр[ович]. Вы можете быть уверены, добрый наш Иван Иванович, что мы постараемся как можно долее удержать его здесь. Вы с ним уже не расстанетесь, а мы не можем иметь надежды увидеть его когда-нибудь. Не пеняйте на нас, ес[ли] мы задержим как только можно будет долее.

Письмо мое пишу вам, любезный, добрый Иван Иванович, из собственного своего дому. Мы переехали, третья неделя минет, когда мой листок полетит к вам. Дом очень вышел хорош и удобен, довольно тепел. Но, кроме кухни, никаких еще служб нет, даже ограды. Не успели сделать. Муж мой не нарядует, что у него есть своя особая комнатка. И несмотря на то, что маленькая, светлая и хорошенькая. В ней поставила я ему во всю стену канапе, стол, шкап для книг и кресло, да еще четыре стула. Все, что можно было уместить. Такая же величина нашей спальни, гостиная очень порядочная. Так называемая зала – довольно большая комната. Да еще комнатка крошечная, где живет моя горничная Катя, которая, помните, жила у Ал[ександры] Ив[ановны] Давыдовой. Она хорошая девочка, прекрасно служит. Я так рада, что она живет у меня и ей нравится наша Мал[ая] Развод[ная]. К нам она очень привязалась. Алек[сандра] Ив[ановна] отослала потому ее, что старушка Фиона возвратилась опять к Алек[сандре] Ив[ановне], а Катерина была уже лишняя.

Мое крошечное хозяйство приведено по возможности в порядок. Способов нет улучшить свой быт. Я уже счастлива тем, что имею собственный свой угол и не стану более переезжать с одного места на другое. В два года с половиною я переменяла семь мест. Все <нрзб> нас и тревожили, покуда Мал[ая] Развод[ная] не была утверждена за нами.

Кат[ерина] Ив[ановна] провела у меня два дня и не могла налюбоваться моим домом и порядком моего миниатюрного хозяйства. Сергей Петрович тоже. Одна Мар[ья] Ник[олаевна] не была еще у меня. Хотя приходилось ей побывать раза три в городе. Сергей Григ[орьевич] был уже два раза, он на днях страдал сильной мигренью. Жаль мне старичка, он всех уходит своей агрономией. Молотит хлеб, который в этом году у него родился порядочный. Я понимаю Мар[ью] Ник[олаевну], что тоже к вам пишет. Она созналась, что давно не писала, и оправдалась тем, что желала поговорить [с] вами о чем-нибудь интересном и хорошем. Но до сих пор ничего такого не случилось. Я радуюсь за них всех. Дела их по-прежнему идут попечением доброго Алек[сандра] Ник[олаевича]¹. Из части Серг[ея] Гр[игорьевича] он выплачивает долги <нрзб> очистить имение – это не безделица, обеспечить <нрзб> всего семейства.

Что-то скажет нам добрый наш г-н Понят[овский] <расползлись чернила, неразб. 5 слов>. Будет как Бог велит.

Отослав письмо, добрый, любезный Иван Иванович, отправляемся и мы к Катеринину дню к нашим Труб[ецким]. Рождение Кат[ерины] Ив[ановны] отпразднуем вместе. Сутговы возвратились с горячих Тункин-

ских вод. Ан[на] Фед[осеевна] чувствует себя лучше, здоровье укрепилось, а пластырь еще носит. Надеюсь, однако же, что скоро совсем затянет золотую ранку. Вы знаете, что брат Ан[ны] Фед[осеевны] Виктор² должен был приехать к родителям – золотуха у него до того сильная, что лишился он пальца на ноге и все страждет, может быть, кисть ноги отнимут, что за напасть на народ, никакого способа нет. Саша³ тоже страждет, боится, что и его отошлют к родителям. Как жаль, первыми учениками были, с большими способностями дети. Жаль их ужасно.

На днях мы ожидаем Муханова, он просился, чтобы его перевели в Усть-Куду. Вероятно, скоро выйдет ему перевод, так мы надеемся. По моим соображениям, вы, помнится, видели здесь М-de Романовскую⁴. Милая молодая женщина вдруг заболела, на третий день умерла, оставя мужа, двоих детей и неутешную старушку мать. Трудно выразить вам, как жаль видеть это доброе семейство. Вчерась встретила я похороны. Некто советник Попов⁵ оставил очень молодую вдову – милую женщину без всякого состояния и не имеющую никого родных, кроме одного Евсевьева, бывшего здесь губернатором⁶, и то мало об нем даже знает, где он проживает. Вот и у нас не без слез и горестей проходит время. Хоть и мало знаем этих людей, но положение оставшихся так тяжело, что с большим участием разделяешь их несчастье.

Борисовы живут спокойно у Арт[амона] Зах[аровича] во флигельке. Андр[ей] Ив[анович], по обыкновению, не выходит или очень редко, а Петра Ив[ановича] каждый день видим – и к нам ходит, и к Арт[амону] Зах[аровичу]. Нельзя не порадоваться, как добрый Арт[амон] Зах[арович] ухаживает за Анд[реем] Ив[ановичем]. Кажется мне, что если бы брат Петр Ив[анович] не столько был слаб и не столько снисходителен к причудам Андрея, давно бы он перестал блажить и мучить всех окружающих его. Он ездил два раза уже с братом к Мар[ье] Ник[олаевне] и был любезен и говорлив. Он нынче занимается разными работами, оклеил себе шкап для книг чудесно. Переплетает книги, как вы знаете, бесподобно. Даже рисует и чертит часто. Всего интереснее, что не носит бороды и опрятнее, как бывал.

Напрасно я говорю вам много о наших господах и нашей здешней жизни. Евгений приедет – не останется ему ничего для рассказа.

Добрый Иван Иванович, жаль, что вас нет с нами, мы живем здесь так покойно, так хорошо, что дай Бог дожить наш век таким образом. Если бы не сокрушало нас безденежье и разные оттого лишения, не было бы о чем и погоревать.

Как ни встретимся друг с другом, каждый раз жалобы на недостаток, а привыкнуть трудно жить без способов, особливо у кого дети есть.

Не думаю, чтобы можно было по вашему желанию принять участие в маленьких сиротках, оставшихся после Аврамова⁷. Здесь на глазах столько нуждающихся, и невозможно делиться, когда <нрзб> к этому средства.

Муж мой здоров, но опять похудел, его нет дома, потому не пишет в этот раз, а я не могу ожидать его возвращения, чтобы не запоздать отослать письма к почте.

Прощайте, да пошлет вам Бог доброе здоровье, и да будет все по вашему желанию. Кланяйтесь Басаргиным, я буду писать с будущей почтой. Может,

вы уже расстались с ними. Его перевели в Курган. Прощайте, крепко жму вам руку.

М. Юшневская.
Ф. 243.4.40. Л. 37–42

Примечания

¹ А.Н. Раевский, старший брат М.Н. Волконской, управлял имуществом семьи Волконских.

² Янчуковский Виктор Федосеевич (1825–1872), родной брат А.Ф. Сутгоф. Был воспитанником и учеником декабристов в Петровском Заводе. В 1834 г. зачислен кандидатом к поступлению в Институт корпуса горных инженеров. В 1837 г. зачислен в институт, который окончил с большой золотой медалью в 1846 г. Очевидно, речь идет о возвращении студента Янчуковского к родителям в Петровский Завод для лечения (см.: Янчуковский Н.В., Янчуковская Т.Г. И прошлое и современность: Родословная семей Янчуковских // Тальцы. Иркутск, 2003. № 3 (19). С. 31–41).

³ Возможно, один из сыновей Янчуковских, в семье которых было пятеро детей.

⁴ Очевидно, жительница Иркутска.

⁵ Иркутский чиновник.

⁶ Евсеев Александр Николаевич (1773–после 1838), действ. ст. сов., иркутский гражданский губернатор в 1835–1838 гг.

⁷ После смерти декабриста И.Б. Аврамова заботу о средствах для его осиротевших детей взял на себя декабрист П.С. Бобрищев-Пушкин. В письме от 22 сент. 1841 г. из Тобольска он просит И.И. Пущина написать в Иркутск: «Там более имеют средств и помочь, и действовать около ген.-губернатора» (*Бобрищев-Пушкин П.С. Сочинения и письма / изд. подг. В.С. Колесниковой. Иркутск, 2007. С. 197*).

4

[Малая Разводная,] 30 декабря 1841*

Добрый Иван Иванович, ну какой же способ. Вчерась получила от Ник[олая] Ал[ександровича] Бестужева предлинное письмо – половина письма по-французски. Беда. Он в Кяхте – кряхтит, любезничает. Туды же на праздники уехал и его милый Michel. Какой же способ, скажите на милость. Вот еще новая беда. На днях будет он сюда. Его вызвали рисовать портреты, за мужской – 100 руб., за женский – 150. Назначена цена, и сделана уже записка на четыре тысячи с лишком. Да это на год житья будет в наших местах. Отсюда слышу, как вы хохочете, читая мое письмецо. Да какой же способ? Просто никакого нет.

Спросите-ка Евг[ения] Петр[овича] о нашем маскараде на Святки, т. е. о маскараде городском. Я, несчастная старушка с флюсом, сидела дома все Святки вдвоем с мужем. И до слез было больно, что Новый год не встретила с доброй моей Кат[ериной] Ив[ановной].

В Урике все живет молодо, нам, старикам, не под лета. Только скуку навешу с собою. В Аёк люблю ездить охотнее. Там солидность и все по сердцу. Люблю и Урик, и всех урицких. Только не удавалось часто туда ездить. Как <нрзб> ваш Ферд[инанд] Богд[анович]? Никакого способу нет. Спросите-ка Евг[ения] Петр[овича], сделайте ему тысячи вопросов на разные предметы, в

* Помета И.И. Пущина: «Пол[учено] 26 фев[раля] 1842». Датировано Н.В. Зейфман.

месяц не передаст всего. Может, и перезабудет многое, вспомнит не скоро, и все-таки вспомнит. Вы помните Люб[овь] Алекс[андровну] Пятниц[кую].

Она всегда мила, весела и остроумна. Супруг ее предобрый. Нам всем грех жаловаться на нашего ген[ерал]-губ[ернатора] и губ[ернаторшу]. Елена Фед[оровна] очень мила. Я ныне реже вообще езжу к ним. Никакого способу нет. Все хочется дома сидеть.

Расспросите-ка вы о детях Кат[ерины] Ив[ановны], что за добрые милые девочки и какая у меня дружба с ними. Расспросите Евг[ения] Петр[овича], как мы все живем. И как прелестна наша Разводная. Спросите у него про Якуб[овича]. Как здесь жил, как простился с нами. Теперь назад просится сюды. Ну, Бог с вами, любезный Иван Иванович, крепко жму вашу руку дружески. Христос с вами, рука болит, столько сегодня писала.

Ф. 243.4.40. Л. 43–44 об.

У нас в гостях

В.Н. Витебский

*Посвящается моей прабабушке
Екатерине Алексеевне Яропольской,
урожденной княжне Долгорукой*

История одной необыкновенной семьи (Давыдовы, Трубецкие, Долгорукие)

Заслуги прадедов и отцов нимало не дают вес быту сыновьям и правнукам, а более налагают на них трудную обязанность стать на уровень их.

Князь С.Г. Волконский

Вступление

Свой рассказ я хочу начать с поклона моей любимой бабушке Кате, как я ее называл. С детских лет и до вполне зрелого возраста, кажется, она всегда была рядом. Увлекательные истории из ее жизни, французские романсы, стихи Шиллера и Гете на языке авторов, невыдуманные рассказы о прямых ее предках, русских князьях и героях войны с Наполеоном, – все это завораживало меня, и я готов был слушать ее бесконечно. Эту исследовательскую работу я задумал в память о ней и ее удивительной семье.

Мне хотелось бы рассказать не только о прямых предках моей прабабушки князьях Долгоруких, князьях Трубецких и дворянах Давыдовых, но и о ее близких родственниках графах Орловых, графах Орловых-Давыдовых, Арсеньевых, Хвостовых и Штюмермах.

И все же, поскольку эта статья готовилась для Иркутского музея декабристов, я сделаю акцент именно на «декабристском» происхождении семьи моей прабабушки.

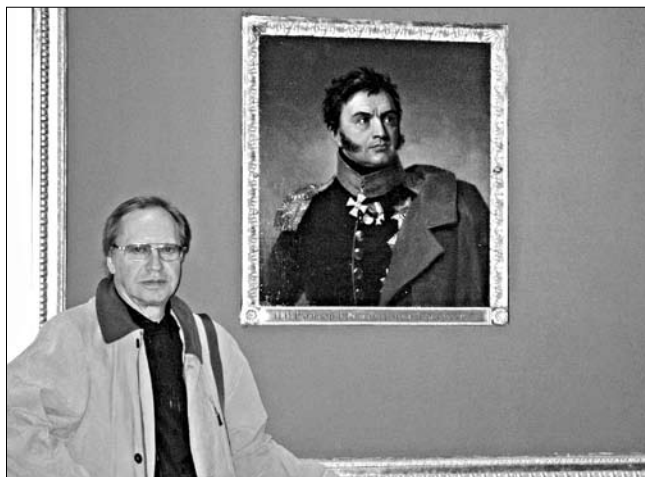
*Княжна Екатерина Алексеевна
Долгорукая, в 1-м браке Штюмер,
во 2-м браке Яропольская.
Санкт-Петербург. 1907*

В поисках необходимых сведений

Я сознательно не буду касаться политической деятельности моих прадедов-декабристов. Историки и писатели в дореволюционной и современной исторической литературе осветили эту деятельность за прошедшие почти два века более чем достаточно. Мое же отношение к ним как к близким родственникам не лишено некоторого честолюбия и, конечно, гордости. Ведь не каждая семья среди своих предков может насчитать несколько офицеров, героически защищавших наше Отечество от наполеоновских войск в 1812 г., а затем прошедших по Европе с освободительной миссией. Это, конечно, оба прадеда – Василий Львович Давыдов и Сергей Петрович Трубецкой, Александр Львович, Петр Львович и Денис Васильевич Давыдовы, Николай Николаевич-старший и Николай Николаевич-младший Раевские. Все они проявили личную храбрость в самых кровопролитных сражениях, в том числе и в судьбоносной битве под Бородино, имели многочисленные ранения. Особо мною почитаемым среди героев Отечественной войны 1812 г. является сводный брат Василия Львовича Давыдова генерал Николай Николаевич Раевский. Полководец от Бога, самоотверженный и бесстрашный генерал снискал любовь и уважение простых солдат. Существует легенда, что в бою под Салтановкой 11 июля 1812 г., когда генерал Раевский возглавил атаку Смоленского пехотного полка, рядом с ним находились двое его сыновей. Возможно, эта легенда имеет право на существование, ведь Николай Николаевич Раевский-младший за этот бой был произведен в подпоручики¹. Для меня, например, этот факт подтверждает реальность происшедших событий.

В моей комнате я поместил портрет генерала Николая Николаевича Раевского на самом видном месте, а посещая Эрмитаж, непременно бываю в Военной галерее героев Отечественной войны 1812 г., с благодарностью вспоминая английского художника Джорджа Доу, написавшего портреты наших героев.

Валентин Витебский в Военной галерее Эрмитажа

Традицию российского офицерства – Родину защищать – продолжил и мой отец Николай Петрович Витебский. Зимой 1943 г., молоденьким сержантом, он принял участие в Сталинградской битве, а службу в армии закончил в звании полковника.

Подвиг жен декабристов, среди которых первой декабристкой была моя пра-пра-пра-прабабушка княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая², вызывает у меня особое чувство: тут и восхищение, и гордость, и преклонение! Следом за Екатериной Ивановной в Сибирь поехала племянница Василия Львовича Давыдова княгиня Мария Николаевна Волконская, которую не без гордости я называю тетушкой³. Чуть позже к ним присоединилась и вторая моя пра...бабушка Александра Ивановна Давыдова⁴.

Давыдовы, Трубецкие, Долгорукие – эти легендарные в российской истории фамилии удивительным образом переплелись в семье моей прабабушки Екатерины Алексеевны, урожденной княжны Долгорукой, которая фактически сформировала мое мировоззрение вообще и уважительное отношение к истории семьи в частности. О бабушке Кате я расскажу позже подробнее.

Князь Алексей Юрьевич Долгорукий, отец бабушки Кати, первым браком был женат на княжне Ольге Петровне Трубецкой, дальней родственнице декабриста⁵ (Приложение 2). Второй брак – с 23-летней Екатериной Петровной Давыдовой – явился продолжением альянса семьи наших Долгоруких с семьей декабриста Давыдова. Ведь старший брат Василия Львовича Давыдова, Петр Львович, был отцом Елизаветы Петровны Давыдовой, вышедшей замуж за князя Юрия Алексеевича Долгорукого. В этом браке в 1831 г. родился князь Алексей Юрьевич Долгорукий, который, оставшись вдовцом, в 1877 г. и женился на молоденькой Екатерине Давыдовой⁶ (Приложение 1). Приводимые мною фрагменты генеалогических схем наглядно показывают родство Долгоруких и Трубецких, Давыдовых и Долгоруких⁷.

Княгиня Екатерина Петровна Долгорукая, урожденная Давыдова, мама моей прабабушки, была внучкой двух декабристов – Василия Львовича Давыдова и Сергея Петровича Трубецкого. В 1851 г. сын декабриста Петр Васильевич Давыдов навестил своих родителей в Красноярске. Перед возвращением из Сибири он посетил Иркутск, где жила на поселении семья Трубецких. Петр влюбился в дочь Сергея Петровича и Екатерины Ивановны Елизавету. Она ответила ему взаимностью, и дело кончилось венчанием и свадьбой⁸.

Союз молодого бывшего конногвардейца и юной выпускницы Иркутского девичьего института замечателен не только тем, что породнил семьи двух выдающихся декабристов. Эта необычная семья дала начало истории пяти поколений, объединив родством такие громкие дворянские фамилии, как князья Трубецкие, Долгорукие, Оболенские, Ливен, графы Витгенштейн, Орловы и Орловы-Давыдовы, дворяне Давыдовы, Волжины, Хвостовы и Штюрмеры.

Эта семья, как и многие дворянские семьи России, познала все ужасы октябрьского переворота и последовавшего за ним красного террора. Не избежала наша семья и сталинских репрессий.

Все эти трагедии чудесным образом обошли только мою прабабушку Екатерину Алексеевну, по второму мужу Яропольскую. Несмотря на свое дворянское происхождение, она, не выезжая из страны, сравнительно безоблачно прожила до 1971 г. Мой рассказ о ее интереснейшей семье во многом основан на ее душевных беседах со мной, продолжавшихся все мои двадцать четыре года, вплоть до ее ухода⁹. Исследователи генеалогии князей Долгоруких сетуют на полное отсутствие сведений о ее семье после 1906 г. Это обстоятельство заставило меня серьезно взяться за поиски материалов, официально подтверждающих рассказы бабушки Кати. Архивы многих городов, библиотеки и краеведческие музеи пополняли мои сведения о неизвестных событиях в нашей семье. Иногда сведения приходили из-за границы. Бывая на гастролях в разных городах, я старался находить и фотографировать места, связанные с историей семьи бабушки Кати. А портреты ее родственников стали предметом моего особого интереса. Иногда приходилось довольствоваться изображением, полученным из Интернета. Но я всегда старался указать источник, где тот или иной портрет хранится. Таким образом мне удалось почти полностью восстановить историю семьи моей прабабушки, правнучки двух декабристов, человека энциклопедических знаний, человека неподдельного, настоящего благородства и просто добрейшей и любящей бабушки Кати.

В моих поисках неоценимым помощником стала моя жена Татьяна Иосифовна Ефимова, которая имеет особый дар исследователя.

Знак судьбы

Давно уже я задумал найти в Киеве дом Василия Львовича Давыдова, если, конечно, он еще сохранился. Как-то, готовясь к поездке на Украину, я обнаружил интересную статью члена Союза писателей Украины Евгения Руднева¹⁰. В статье, в частности, говорится о назначении Сергея Петровича Трубецкого в январе 1825 г. в Киев дежурным штаб-офицером в 4-й Пехотный корпус. Это не было для меня новостью. Но утверждение Руднева о том, что Василий Львович Давыдов пригласил чету Трубецких остановиться в его собственном доме, было совершенно неожиданным. Зная все, что произошло с семьями обоих декабристов, я усмотрел в этом приглашении своеобразный знак судьбы и принялся искать подтверждение этому факту.

В Печерском районе Киева я нашел то место, где до 1971 г. стоял дом Василия Львовича¹¹. Теперь на месте дома Давыдова выстроена жилая пятиэтажка. А в память о декабристах на фасаде нового здания помещена мемориальная доска с барельефом, изображающим Давыдова, Волконского, Пестеля, Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина. Но вот Трубецкого почему-то нет.

И все-таки я нашел доказательства совместного проживания моих декабристов под одной крышей еще до восстания. В письме к сестре Елизавете от 1857 г. дочь Трубецких Александра Ребиндер делится воспоминанием о том месте, где жили их маменька и папенька в Киеве в 1824 г. (вернее, в 1825-м)¹². Из ее письма становится ясно, что Трубецкие действительно жили в доме Василия Львовича.

Мемориальная доска на доме № 20/8 по улице Панаса Мирного. Киев

И никто из живших тогда под крышей этого дома не мог представить себе той катастрофы, которая в скором времени произойдет в их жизни. Восстание на Сенатской площади в декабре 1825 г. будет жестоко подавлено, а блестящие офицеры, герои наполеоновских войн будут объявлены государственными преступниками и отправлены в кандалах в холодную Сибирь. Эта судьба постигнет и героев моего рассказа – Давыдов и Трубецкой в первых же партиях осужденных на каторжные работы будут этапированы на рудники Сибири.

Не пожелавшая оставить своего мужа в беде княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая первая из жен декабристов добьется от императора разрешения ехать следом за мужем. Ее не испугают угрозы царя навсегда лишить ее возможности вернуться в Россию. В 1828 г. и Александра Ивановна Давыдова поедет в Сибирь, оставив пятерых детей на попечение родственников.

Петр Давыдов

27 мая 1825 г., во время пребывания в Киеве четы С.П. и Е.И. Трубецких, Александра Ивановна Давыдова родила сына, которого назвали Петром¹³. В дальнейшем он стал основоположником нашей многочисленной семьи. Петр, как и его младший брат Николай, родившийся 3 августа 1826 г., воспитывался в семье дяди, Петра Львовича Давыдова, любимого брата В.Л. Давыдова. Гофмейстер Высочайшего двора, тайный советник, женатый на графине Наталье Владимировне Орловой, Петр Львович был богат, и его опекунство сулило некоторые надежды относительно судьбы мальчиков, да и семьи декабриста, находящейся в Сибири. Только эти двое детей Давыдовых, рожденных в законном браке (венчание Василия Львовича с Александрой Ивановной состоялось 3 мая 1825 г.¹⁴), могли получить дворянский титул и унаследовать права на родовое имение. Дело же о внесении младших сыновей декабриста в родословную дворянскую книгу тянулось 19 лет. Петр, в возрасте 12 лет, а затем и Николай были помещены в 1-й Московский кадетский корпус. В 1843 г. Петр Давыдов был переведен в школу прапорщиков, а 1 ноября 1845 г. произведен в унтер-офицеры¹⁵. В этом же году, после 19 лет

ожидания, в Сенате решился вопрос о дворянстве Петра и Николая, и они оба вступили в права наследования отцовским именем Каменка¹⁶.

Неожиданным подарком для меня оказался незнакомый до недавнего времени портрет молодого Петра Васильевича, выполненный известным портретистом Владимиром Ивановичем Гау. В 1846 г., к юбилею лейб-гвардии Конного полка, художник пишет серию портретов офицеров-конногвардейцев, среди которых мы можем видеть и нашего Петра Васильевича Давыдова. Этот портрет дополнил мою коллекцию иконографических изображений прабабушкиной родни.

Как видим, в 1846 г. Петр Васильевич уже корнет, а значит, в офицерской

В.И. Гау. Портрет корнета Петра Васильевича Давыдова. 1846

жизни принимает активное участие. Служба в кавалерийских полках, надо признать, была не из легких. Каждодневные конные тренировки изматывали молодых офицеров, и, отдыхая от утомительной службы, те позволяли себе некоторые вольности. Полковые развлечения, нравы офицерского общества подробно описывает Сергей Григорьевич Волконский¹⁷. Шутки подвыпившей офицерской компании часто бывали отнюдь не безобидны. И даже через 100 лет, в 1912 г., князь Владимир Сергеевич Трубецкой, будучи принятым в кирасирский полк, рассказывает о проказах офицеров и приводит любимую поговорку кирасиров: «Кирасиры Ея Величества

не страшатся вин количества!»¹⁸.

Вот и наш бравый конногвардеец, следуя офицерским традициям, позволяет себе «недопустимую шалость», которая круто изменит судьбу молодого офицера. Удивительно, что последствия этого происшествия для Петра Васильевича, да и не только для него, будут иметь самый счастливый исход. Но оставим на время нашего лихого корнета в Санкт-Петербурге, в его лейб-гвардии Конном полку, и перенесемся в Сибирь.

Елизавета Трубецкая

В отличие от Давыдовых, которым Бог давал чуть ли не в год по ребенку, семья Сергея Петровича и Екатерины Ивановны первые несколько лет супружества была бездетной. Рождение детей пришлось на период суровых каторжных условий в Петровском Заводе, где у Трубецких появились пятеро из семи рожденных Екатериной Ивановной детей. Но до зрелого возраста доживут только четверо. После первой девочки Александры, родившейся в 1830 г., вторым ребенком в семье Трубецких на свет появится маленькая черноглазая Лиза. А произойдет это 16 января 1834 г.¹⁹ Восприемником при крещении Лизы будет друг Сергея Петровича Трубецкого декабрист Михаил Александрович Фонвизин. К сожалению, об иркутском периоде жизни Ели-

заветы Трубецкой у меня мало сведений. Судя по письмам ее отца к друзьям, маленькая Лиза была довольно нетерпеливым ребенком и, получая в первые годы жизни домашнее образование, не отличалась особым усердием. Однако, обладая хорошей памятью, быстро усваивала учебный материал. Проявились у Лизы и музыкальные способности, и уже в раннем детстве она легко могла повторить мелодию какой-нибудь песенки.

Осенью 1840 г. трое детей Трубецких заболели скарлатиной. Болезнь унесла в могилу маленького Никиту, родившегося после Лизы в 1835 г. Лиза и малютка Зинаида, родившаяся в 1837 г., также были в смертельной опасности, но Бог не посылает слишком много горя в один момент – девочки выздоровели и, забегая вперед, скажу, прожили долгую и счастливую жизнь.

В 1842 г., по случаю вступления в брак наследника, императором Николаем I было объявлено об особой милости государственным преступникам – их детям, родившимся в Сибири, дозволялось поступить в военно-учебные заведения, но при условии лишения их родительских фамилий. Дети декабристов отныне должны будут взять фамилии по имени их отцов, то есть станут называться Сергеевыми, Васильевыми, Никитиными и т. д. То же относилось и к девочкам. При этом правительство обещало по окончании учебного заведения восстановить детей в дворянских правах. Все декабристы, кроме Василия Львовича Давыдова, отказались от такой казавшейся им оскорбительной милости государя. Давыдов посчитал свой случай особенным и потому принял предложение.

В 1845 г. в Иркутске открылся Девичий институт Восточной Сибири.

Графиня Александра Григорьевна Лаваль, мать Екатерины Ивановны Трубецкой, исходатайствовала у царя разрешение для ее внучек Елизаветы и Зинаиды быть принятыми в этот институт, причем под своими фамилиями. Трубецкие согласились отдать девочек в это учебное заведение, так как дочерям разрешено было оставить родительскую фамилию. Обе девочки, поступив в институт, старались быть лучшими ученицами, и обе окончили его с золотыми медалями.

В сентябре 2011 г. в Иркутске торжественно был открыт памятник женам декабристов, а также Дом-музей Трубецких после пятилетнего капитального ремонта. Мне посчастливилось быть приглашенным на этот праздник руководством музея декабристов. Как гостю, мне разрешено было в Редком фонде Научной би-

СПИСОКЪ ВОСПИТАННИЦЪ КОНЧИВШИХЪ КУРСЪ ИНСТИТУТА ВЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ 1845 – 1895 г.	
Выпускъ первый. 1849 г.	
<i>Съ наградами:</i>	<i>Съ аттестатами:</i>
<i>шрифтомъ:</i>	Галина Ольга.
Вяишевская Элеопора.	Гленъ Людмила.
<i>медальми:</i>	Клевещая Александра.
з о л о т о й:	Карпинская Эмиль.
Трубецкая, кн., Елисавета.	Меркушева Таней.
<i>серебряными:</i>	Мордвинова Александра.
Плотникова Парасковья.	Ринъ Марія.
Кожевина Елена.	Сальморанъ Елена.
<i>киями:</i>	Смирнова Софья.
Разгильдѣва Васса.	Сорочинская Лидія.
	Тюменцева Марія.
Выпускъ второй. 1851 г.	
<i>Съ наградами:</i>	Дулевская Теофанія.
<i>шрифтомъ:</i>	Дохтурова Анастасія.
Павлова Глафира.	Ефремова Анна.
<i>медальми:</i>	Калмыкова Аграфена.
з о л о т о й:	Кожевина Елена.
Трубецкая, кн., Зинаида.	Москвитина Парасковья.
<i>серебряными:</i>	Несьтова Вѣра.
Галина Екатерина.	Пескова Таней.
Сокальская Степанида.	Разгильдѣва Любовь.
<i>киями:</i>	Теплова Екатерина.
Разгильдѣва Елисавета.	Успенская Луція.
Хаплова Анна.	Урядова Татьяна.
Юмина Александра.	Черепанова Лидія.
<i>Съ аттестатами:</i>	
Гленъ Анна.	

блиотеки ИГУ сфотографировать список выпускниц Девичьего института с фамилиями Елизаветы и Зинаиды Трубецких.

Да, действительно, приятно увидеть в списках выпускниц не Елизавету и Зинаиду Сергеевых (что могло случиться, не сделай император исключения для внучек графини Лаваль), а Елизавету и Зинаиду Трубецких. Кстати, княжна Вера Сергеевна Оболенская (живущая в Париже и открывшая в Санкт-Петербурге туристическую фирму), с которой мне недавно выпала честь иметь беседу, высказала интересную мысль о том, что быть княжной, так сказать, престижней, чем быть княгиней. Ведь княгиней может стать любая дама, выйдя замуж за князя, но княжной можно только родиться! А наша Елизавета Сергеевна по рождению своему княжна Трубецкая, с богатейшей историей рода.

Но подошла пора вернуться к нашему конногвардейцу.

Проказы молодого корнета

Как же случилось, что петербургский лихой конногвардеец, сын Василия Львовича Давыдова Петр смог завоевать сердце сибирской красавицы-брюнетки Елизаветы Трубецкой?

О причинах появления в Сибири своего дедушки Петра Васильевича Давыдова мне, смеясь, рассказывала прабабушка. Хохотушка и великолепная рассказчица, она поведала мне историю, которую я, признаться, долгое время считал просто веселой семейной шуткой, но никак не событием, происходившим в действительности. Поверить в его реальность меня заставил Александр Васильевич Давыдов, для которого Петр Васильевич, так же, как и для моей прабабушки, был родным дедом. Вот что рассказывает об этом происшествии А.В. Давыдов в своей книге «Воспоминания», вышедшей в Париже в 1982 г.:

«Когда Николаю I было доложено, что корнет Конной гвардии Петр Давыдов проскакал на паре с пристяжной по Невскому проспекту от Адмиралтейства до Александро-Невской лавры, а затем выехал верхом в лагере на переднюю линейку *в голом виде*, он только рассмеялся и сказал: «Пусть поедет проведать отца в Сибирь».

Сергей Григорьевич Волконский в своих «Записках» косвенно подтверждает, что подобные «шалости» среди молодых офицеров были не редкостью.

Отставка и поездка в Сибирь. Рождение семьи

Итак, желание государя – закон, и Петру Васильевичу, действительно, пришлось выйти в отставку и поехать в Красноярск, где на поселении жили его родители и его сибирские братья и сестры. Правда, в отличие от наказания отца наказание для сына было куда легче. Ведь Петр Давыдов ехал в Сибирь, зная, что в любой момент может вернуться. А для Василия Львовича и Александры Ивановны было неопишуемой радостью через 25 лет увидеть своего взрослого сына. Они не могут нарадоваться на своего Петрушу. Приехав в Красноярск в феврале 1850 г., Петр пытается найти место службы в Сибири. А в июне этого же года Красноярск посетил известный своей ло-

ьяльностью к декабристам генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев. Петр Давыдов был радушно принят Муравьевым, который предложил ему место адъютанта при генерал-губернаторе и обещал замолвить словечко в Петербурге за сына декабриста. Но в феврале 1851 г. пришло известие об отказе Петру Давыдову в службе в Главном управлении Восточной Сибири.

Растаяла надежда несчастных родителей хоть иногда видеться с вновь обретенным сыном. Ведь Петр, получив отказ, будет вынужден покинуть свою сибирскую семью, чтобы искать новое место службы.

Пробыв с родителями до осени 1851 г., Петр Васильевич едет в Иркутск, чтобы повидаться с родственниками Давыдовых Волконскими и друзьями Василия Львовича Трубецкими. Уже через месяц Давыдовы получают из Иркутска радостное известие: Петр женится на дочери Трубецких Елизавете!

Трубецкие дают в приданое за дочерью крымское имение Саблы, доставшееся при разделе имущества Екатерине Ивановне Трубецкой от ее матери, графини Лаваль. Это приданое решает некоторые материальные проблемы молодой семьи, так как имение может приносить доход, и Петру Васильевичу теперь не обязательно искать новое место службы, чтобы получать средства к существованию.

*Елизавета Сергеевна Давыдова
(урожд. кнж. Трубецкая). 1860-е*

Свадьба состоялась 19 января 1852 г. На этой свадьбе свидетелем был сын Волконских Михаил. Прежде чем навсегда покинуть Сибирь, Петр Васильевич и Елизавета Сергеевна Давыдовы посещают вышедших на поселение друзей их родителей. По пути следования из Иркутска в Европейскую Россию молодые на несколько дней останавливаются в Красноярске у родителей Петра. В Томске они погостили у Г.С. Батенькова, в Тобольске посетили супругов Фонвизиных. 12 мая 1852 г. И.Д. Якушкин из Ялуторовска пишет Н.Д. Свербееву: «Давыдовы пробыли у нас несколько дней, и мы их здесь все полюбили; Лиза – прекроткое и премилое существо»²⁰.

Для Елизаветы Сергеевны и Петра Васильевича Давыдовых Сибирь навсегда уходила в прошлое, а впереди была долгая и, в общем-то, счастливая жизнь, которую они проведут большей частью в подаренном Трубецкими крымском имении Саблы.

Каменка

Пока в Крыму идет подготовка к приему новых хозяев, Петр Васильевич и Елизавета Сергеевна едут в Каменку, родовое имение Давыдовых. Местечко Каменка расположено по обоим берегам речки Тясмин в 60 верстах от Чигирина в Киевской губернии. Тясмин протекает среди каменистых скал, откуда и название местечка. В начале XVIII в. Каменка принадлежала князьям Любомирским, потом графу и светлейшему князю Потемкину. Наследовала Каменку племянница Григория Александровича Потемкина, дочь его сестры Марии Александровны и сенатора Николая Борисовича Самойлова – Екатерина Николаевна, по первому мужу Раевская, по второму мужу Давыдова. Лев Денисович Давыдов и Екатерина Николаевна были настолько богаты, что из первых букв названий принадлежавших им имений можно было сложить фразу: «Лев любит Екатерину»²¹.

*Могила генерал-майора Льва Денисовича Давыдова
на кладбище Донского монастыря в Москве
Боровиковский В.Л. Портрет Екатерины Николаевны Давыдовой
(урожд. Самойловой). 1796*

После смерти Екатерины Николаевны Давыдовой Каменка перешла к младшему сыну ее и Льва Денисовича Давыдова Василию, будущему декабристу. Так как осужденный на каторжные работы Василий Львович был лишен всех прав состояния, в 1845 г. решением Сената законными владельцами Каменки были признаны его сыновья Петр и Николай Васильевичи Давыдовы.

Петр Васильевич и Елизавета Сергеевна, приехав из Сибири, поселились в скромном доме в Юрчихе, входящей в состав Каменского имения Давыдовых. О разделе имения между братьями косвенно сообщает А.В. Давыдов²². На фото, присланном мне Львом Ефимовичем Давыдовым, моим близким родственником, мы можем видеть, как сегодня в Юрчихе выглядит дом Петра Васильевича.

Дом Петра Васильевича Давыдова в с. Юрчиха

Рождение детей

Как бы то ни было, здесь, в родовом имении Давыдовых, началась настоящая семейная жизнь Петра Васильевича и Елизаветы Сергеевны. Здесь 31 октября 1852 г. у них родился первенец Василий. В письме М.А. Фонвизину от 18 декабря 1852 г. Сергей Петрович Трубецкой сообщает: «Лизанька родила нам 31 октября внука Василия...»²³.

После рождения сына Давыдовы переезжают в крымское имение Саблы. Но Русско-турецкая война 1853–1856 гг. вынудила их опять перебраться в Каменку.

*Василий Петрович Давыдов.
Фото из книги А.В. Давыдова
«Воспоминания»*

Рождение Екатерины, Сергея и Зинаиды

Летом 1854 г. у Давыдовых появилась на свет Екатерина, будущая моя прапрабабушка.

С датой ее рождения также нет полной ясности. На московской фотографии 1877 г., в год ее замужества, надпись: «Скончалась в октябре 1922 г. в возрасте 69 лет». Чтобы точнее определить дату ее рождения, я воспользовался сведениями, почерпнутыми из письма Сергея Петровича Трубецкого от 14 мая 1854 г., адресованного Г.С. Батенькову, где он сообщает, что Лиза должна разрешиться в следующем месяце. 6 сентября 1854 г. Сергей Петрович пишет Г.С. Батенькову: «Недавно родилась у них дочь Катерина...»²⁴. Таким образом, год рождения Екатерины Петровны 1854-й, а месяц – июнь. Тот, кто подписывал фотографию, видимо, имел в виду, что Екатерина Петровна скончалась на 69-м году жизни. Благодаря надписи на фотографии, мы знаем, когда Екатерина Петровна

*Екатерина Петровна Давыдова
(в замужестве кн. Долгорукая).
Москва. 1877*

скончалась. Но все меньше надежд остается у меня найти место ее упокоения. А как просто было когда-то запомнить бабушкины рассказы. Что имеем, не храним, потерявши – плачем.

В сентябре 1856 г. Елизавета Сергеевна стала матерью второго мальчика, названного в честь деда Сергеем. Прожив всего несколько месяцев, 31 декабря того же года он умер. В письме к дочери Зинаиде от 31 декабря 1857 г. С.П. Трубецкой пишет: «Сестра твоя Лиза... служит панихиду по своему Сереже, ему завтра, или т. е. сегодня, год»²⁵.

Вторая дочь, Зинаида, родилась в самом начале декабря 1858 г. Сергей Петрович, обращаясь к Свербеевым, пишет в письме от 11 декабря 1858 г.: «Депешу мою от 4-го с известием о рождении вы, надеюсь, получили исправно в тот же день...». Это значит, что

Зинаида родилась 4 декабря 1858 г.²⁶

Без церковных метрических книг все интересующие нас даты получены, в основном, из переписки членов нашей семьи, что не исключает достоверности этих дат. Но именно Екатерина Петровна, мать моей прабабушки, дала нам возможность впервые ознакомиться с метрическими данными членов ее семьи, которые мы получили в Государственном архиве Ярославской области. Это была наша первая большая победа над забвением и неизвестностью в изучении истории нашей семьи. Но об этой нашей находке я расскажу чуть позже.

Крымское имение Саблы

Окончательно поселиться в своем крымском имении наши Давыдовы смогли только после Русско-турецкой войны, во время которой в господском доме был устроен госпиталь. Здесь они прожили до конца своих дней и были последними владельцами имения перед большевистским переворотом, когда в России надолго была отменена частная собственность. Петр Васильевич и Елизавета Сергеевна очень любили свое крымское владение с его экзотическими садами и огромным парком. Поэтому я хочу коротко рассказать историю имения наших Давыдовых.

8 апреля 1783 г. императрицей Екатериной II был выпущен манифест о присоединении Крыма к России. Первым губернатором Малороссии стал фаворит Екатерины II граф и светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический. Он приобрел в личное пользование 1300 десятин крымской земли, в том числе три татарские деревушки в долине реки Альмы, объединенные общим названием Саблы. В 1787 г. князь Потемкин предложил контр-адмиралу флота Николаю Семеновичу Мордвинову приобрести в Крыму Саблыньскую дачу. Но татары не признавали права собственности

владельца, рубили и продавали его леса. Устав бороться с татарами, граф Мордвинов продал Саблы́нскую дачу тогдашнему таврическому губернатору Андрею Михайловичу Бороздину. Бороздин просто решил татарскую проблему – он заселил Саблы своими крестьянами из Киевской губернии. 90 семей, около 500 человек, за 10 лет неузнаваемо изменили долину реки Альмы. Теперь здесь появились белые украинские мазанки, крытые соломой и утопающие во фруктовых садах. Андрей Михайлович завел шелковичных червей, было организовано производство кирпича. Прекрасные сады поражали путешественников разнообразными растениями и экзотическими деревьями. Стада мериносов в тысячу голов обеспечивали производство высокого качества шерсти. Но в 1823 г. Бороздин продает большую часть своего владения графу Александру Петровичу Завадовскому. А в 1826 г. банк и Андрей Михайлович Бороздин потребовали у Завадовского выплатить огромный долг или продать имение с торгов. В конце концов, в 1828 г. Бороздин продал имение Саблы графине Александре Григорьевне Лаваль, матери Екатерины Ивановны, тогда уже княгини Трубецкой. Врачи посоветовали графине морские купания, и ее управляющий, не выезжая из Петербурга, приобрел Саблы, даже не представляя себе, где находится это имение. Когда же оказалось, что оно отстоит от моря на 40 верст, его не стали продавать, так как оно приносило приличный доход. Сама Александра Григорьевна там ни разу так и не была, впрочем, как и ее дочь, получившая это имение, оцененное в 90 000 рублей, при разделе имущества. В 1852 г., в качестве приданого за Елизаветой Сергеевной, оно и досталось молодой семье Давыдовых.

Браки детей П.В. и Е.С. Давыдовых

Итак, все трое детей Петра Васильевича и Елизаветы Сергеевны выросли, обзавелись своими семьями и сами стали родителями. Каждое лето Саблы наполнялись детскими голосами, среди которых слышался и тонкий голосок моей будущей прабабушки Кати.

Василий Петрович женился на княжне Ольге Александровне Ливен, Зинаида Петровна вышла замуж за офицера гусарского полка Владимира Андреевича Дублянского, а Екатерина Петровна в возрасте 23 лет в 1877 г. стала княгиней Долгорукой, выйдя замуж за князя Алексея Юрьевича Долгорукого. Здесь я хочу подробнее рассмотреть родственные отношения наших Давыдовых с Долгорукими.

Давыдовы и Долгорукие

На рубеже XIV–XV вв. из Большой Орды в Москву к великому князю Василию Дмитриевичу (сыну Дмитрия Донского) выехал знатный мурза Минчак, сын мурзы Косая. В Святом крещении он принял имя Симеона. Его сын Давыд Симеонович Минчаков считается родоначальником рода Давыдовых²⁷. Нас интересует 10-е колено от мурзы Минчака – генерал-майор Лев Денисович Давыдов. Он является прадедом одновременно и Екатерины Петровны Давыдовой, и князя Алексея Юрьевича Долгорукого (Приложение 1).

Так уж случилось, что семья Льва Денисовича Давыдова явилась основой, соединяющей в родстве представителей нескольких старинных дворянских фамилий, а родственные отношения Давыдовых с Долгорукими я, по аналогии с «семейным треугольником», в шутку назвал «семейным квадратом».

Род князей Долгоруких (Долгоруковых) восходит к Рюрику и имеет более чем тысячелетнюю историю. XXX колено от Рюрика – моя прабабушка княжна Екатерина Алексеевна Долгорукая. Она была последней княжной из этого рода, чудом уцелевшей в большевистской России. Сегодня этот древнейший и некогда многочисленный род представляют только два брата, живущие в Париже, – князя Александр Александрович и Никита Александрович Долгорукие и их двое сыновей и внуки. Причем Никита Александрович считает себя французом и даже тяготится своей фамилией – Долгорукий, якобы неудобно звучащей для французского слуха! Очень прискорбный факт, тем более что эти парижские Долгорукие являются родственниками моей прабабушки²⁸.

Ветвь Рюриковичей, к которой принадлежала моя прабабушка, происходит от сына Ярослава Мудрого, черниговского князя Святослава Ярославича, тогда как ветвь Юрия Долгорукого происходит от брата Святослава, Всеволода Ярославича. Черниговская линия Рюриковичей ведет к Михаилу Черниговскому (XI колено), казненному в Орде. Эта ветвь через князей Тарусских и Оболенских доходит до Ивана Андреевича, князя Оболенского, прозванного Долгоруким за мстительность (XVII колено от Рюрика). Его сын Владимир Иванович уже имел родовое имя (фамилию) Долгоруков, то есть сын Долгорукого. Таким образом, весь многочисленный род князей Долгоруких (Долгоруковых) происходит от Оболенского князя Ивана Андреевича, прозванного Долгоруким. Так как князь Юрий Владимирович Долгорукий, основавший Москву, не передал своим потомкам в качестве родового имени свое прозвище, ни один из его сыновей не назывался фамилией Долгорукий²⁹.

Трагическое начало истории нашей долгоруковской семьи

О роде князей Долгоруких я собираю разные интересные истории, подчас даже смешные, но чаще трагические. История нашей долгоруковской семьи началась с венчания княжны Натальи Борисовны Шереметевой с фаворитом царя Петра II, князем Иваном Алексеевичем Долгоруким. Это известная история возвышения и падения семьи отца Ивана Алексеевича – князя Алексея Григорьевича Долгорукого, его детей и братьев, окончившаяся казнью нескольких членов семьи при Анне Иоанновне и Бироне. Княгиню Наталью Борисовну Долгорукую называют первой на Руси «декабристкой», добровольно последовавшей за мужем в ссылку через три дня после венчания. Это было в апреле 1730 г. Наталья Борисовна оставила после себя «Своеручные записки», поведавшие нам о ее любви к Ивану Алексеевичу Долгорукому, ради которой она приняла великие страдания. Уже при Елизавете Петровне, возвратившись из ссылки в сибирский Березов, она стала монахиней под именем Нектария. А похоронена она в Киево-Печерской лавре.

Прямые предки моей прабабушки

Предок моей прабабушки был младшим братом казненного Ивана Алексеевича – Алексей Алексеевич Долгорукий, попавший вместе с семьей в Березов 16 лет от роду (1714–1793), а затем отправленный Бироном на Камчатку простым матросом. Он умер в 1793 г., а его могилу я нашел на кладбище Донского монастыря в Москве.

Саркофаг кн. Алексея Алексеевича Долгорукого на кладбище Донского монастыря в Москве

Сын князя Алексея Алексеевича Долгорукого, также названный Алексеем, стал прокурором, сенатором, а с 1815 по 1817 г. гражданским губернатором Москвы. В Третьяковской галерее хранятся портреты князя Алексея Алексеевича Долгорукого и его жены, нашей пра...бабушки Маргариты Ивановны (урожденной Апайщиковой), работы Владимира Лукича Боровиковского.

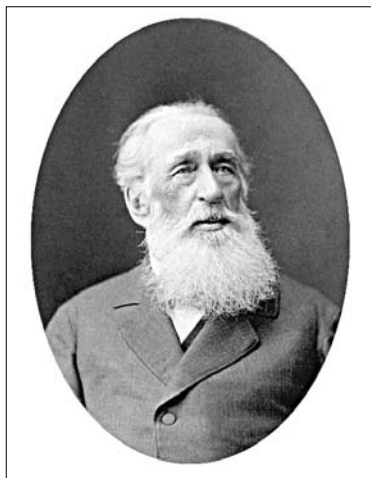

Боровиковский В.Л. Портрет кн. Алексея Алексеевича Долгорукого. 1811

Боровиковский В.Л. Портрет кн. Маргариты Ивановны Долгорукой (урожд. Апайщиковой). 1811

Сын сенатора А.А. Долгорукого и Маргариты Ивановны, князь Юрий Алексеевич Долгорукий, также занимал важные посты в государстве. Гу-

бернатор Олонецка (ныне Петрозаводск), Воронежа, тульский помещик, он открыл новую страницу в истории нашей семьи. Масон и религиозный философ, князь Юрий Алексеевич Долгорукий (XXVIII колена от Рюрика) породнился с родом Давыдовых. Он был женат на дочери Петра Львовича Давыдова, старшего брата декабриста, Елизавете Петровне Давыдовой. Юрий Алексеевич был владельцем родового имени Давыдовых-Долгоруких Сергиевское-Красное Новосильского уезда Тульской губернии (ныне Орловской обл.) (Приложение 1).

*Кн. Юрий Алексеевич Долгорукий
Кн. Елизавета Петровна Долгорукая (урожд. Давыдова) с внуками Арсеньевыми*

У Юрия Алексеевича и Елизаветы Петровны Долгоруких родились дочь Наталья (1830) и сын Алексей (1831). Наталья Юрьевна вышла замуж за Василия Сергеевича Арсеньева (старшего), также религиозного философа и масона. Книга В.С. Арсеньева «Воспоминания и дневник» (СПб., 2005) привела нас к семье Балугевых, потомков Василия Сергеевича и Натальи Юрьевны Арсеньевых, вернувшихся из эмиграции на родину в 1956 г. Татьяна Сергеевна Балугева, видный российский антрополог, любезно предоставила мне возможность скопировать массу фотографий наших общих родственников. При большевиках и при сталинском режиме эти семейные реликвии, документы и фотографии, возможно, никогда бы не увидели свет. Некоторые фотографии, в том числе и фотографии князя Юрия Алексеевича и Елизаветы Петровны Долгоруких, я использую впервые для данной работы.

Долгорукие, Давыдовы и Трубецкие в одной семье

Мой будущий прапрадед князь Алексей Юрьевич Долгорукий первым браком был женат на княжне Ольге Петровне Трубецкой, четвероюродной племяннице декабриста князя Сергея Петровича Трубецкого (Приложение 2).

Начиная работать над историей прабабушкиной семьи, я, в первую очередь, занялся изучением родословия князей Долгоруких. Причем мой осо-

бый интерес был направлен на конкретную линию – от Рюрика к моей прабабушке. Эти две персоны связывала цепочка из *тридцати* поколений!³⁰ Но, думается мне, являясь княжной Долгорукой, бабушка Катя все-таки более ощущала себя Давыдовой. Не говоря уже о ее матери, урожденной Давыдовой. Также и отец ее, князь Алексей Юрьевич Долгорукий, по материнской линии происходил из рода Давыдовых (Приложение 1). Навсегда запомнились мне наши поездки в Клин, где мы с бабушкой гостили у Юрия Львовича Давыдова, директора и главного хранителя Дома-музея П.И. Чайковского. Здесь, в семье внука декабриста, племянника Петра Ильича Чайковского, она была по-настоящему счастлива. Она чувствовала себя среди своих. Итак, прабабушкина давыдовская линия от ордынского мурзы Минчака приводит к ней на *четырнацатом* поколении³¹.

Так как князья Трубецкие также присутствовали в прабабушкиной родне, и даже по двум линиям, я собрал сведения и о тех *двадцати* поколениях, которые отделяли бабушку Катю от великого князя Литовского Гедимина³².

Изучение материалов о роде князей Трубецких принесло мне много радостных моментов, связанных с маленькими и большими открытиями. Вот несколько моих маленьких побед.

Постоянно встречающиеся в литературе разные даты рождения княгини Екатерины Ивановны Трубецкой долгое время не давали мне покоя. Недавно я купил книгу «Трубецкой С.П. Записки. Письма И.Н. Толстому. 1818–1823 гг.» (СПб., 2011). В письме от 29 ноября 1821 г. Сергей Петрович сообщает: «Я забыл тебе сказать, что третьего дня, т. е. в воскресенье, был день рождения жены моей...». Третьего дня было 27 ноября. Вот так просто было получить точную дату дня рождения княгини от самого Сергея Петровича.

Я всегда стремлюсь побывать на могилах наших родственников, прочитать старые надписи на памятниках. Так я нашел в Санкт-Петербурге на старом кладбище в Воскресенском Новодевичьем монастыре могилу дочери Сергея Петровича Трубецкого, Александры Сергеевны Ребиндер.

Могила Александры Сергеевны Ребиндер (урожд. кнж. Трубецкой) на кладбище Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге

*Могила кн. Ивана Сергеевича
Трубецкого на кладбище
Новодевичьего монастыря в Москве*

А на старинном кладбище Московского Новодевичьего монастыря я сфотографировал памятник на могиле сына Сергея Петровича, князя Ивана Сергеевича Трубецкого. Я выбрал такой ракурс для снимка, чтобы на заднем плане был виден хорошо известный памятник на могиле самого декабриста.

Княжна Ольга Петровна Трубецкая

Княжна Ольга Петровна Трубецкая интересна мне по трем причинам: во-первых, она была матерью сводных сестер моей прабабушки, сыгравших в ее жизни важную роль, во-вторых, Ольга Петровна является четверюродной племянницей декабристу Сергею Петровичу Трубецкому (Приложение 2) и в-третьих, ни одна из опубликованных цифр в ее датах просто не может быть верной!

В первом томе книги «Дворянские роды Российской империи» на с. 196 опубликована фотография князя Алексея Юрьевича Долгорукого с женой Ольгой Петровной, урожденной княжной Трубецкой.

*Кн. Алексей Юрьевич Долгорукий
с женой Ольгой Петровной
(урожд. кнж. Трубецкой)*

Как мы видим, здесь приводится только дата смерти первой жены моего прапрадеда – 1886 г. После года работы в архиве Смоленской области мы получили дату ее рождения. Ольга Петровна родилась 21 марта 1840 г. в семье смоленского губернатора князя Петра Ивановича Трубецкого и его жены Эмилии Петровны³³, дочери известного полковника генерал-фельдмаршала Петра Христиановича Витгенштейна. А вот история поисков правильной даты смерти княжны Трубецкой заслуживает особого внимания.

Итак, пока мы имеем 1886 г. Но в это время Алексей Юрьевич давно уже состоял в браке с Екатериной Петровной Давыдовой, а значит, надо было искать развод. Безуспешно прошел год поисков этого развода в РГИА в Санкт-Петербурге. Как потом оказалось, это-

го документа просто не существует.

А ответы на многие мои вопросы я нашел в книге В.С. Арсеньева «Воспоминания и дневник». Напомню, что Василий Сергеевич был женат на сестре моего прапрадеда, княжне Наталье Алексеевне Долгорукой. В эту книгу включены воспоминания дочери Арсеньевых, Марии Васильевны, где она рассказывает о смерти Ольги Петровны, жены ее дяди Долгорукого. Мы узнали, что она умерла весной 1875 г. за границей³⁴. Гроб с телом Ольги Пе-

тровны привезли в Красное (имение Долгоруких в Новосильском уезде Тульской губернии). Пока устраивали склеп, гроб долго стоял в каменной церкви Красного, построенной в 1856 г. родителями Алексея Юрьевича. Привезли и трех дочерей убитого горем князя – Елизавету, Ольгу и Эмилию.

Моя прабабушка много интересного рассказывала мне о Красном, имении ее отца, где были похоронены наши родственники Давыдовы и Долгорукие. И мы с женой решили отыскать это родовое гнездо наших предков. Подробное описание дороги в имение в книге Арсеньева помогло нам найти современное село Красное в Новосильском районе теперь уже Орловской области.

Каково же было наше разочарование, когда, оказавшись в селе Красном, мы не обнаружили ровным счетом *ничего!* Местные старожилы рассказали нам, что в господском доме был открыт первый и единственный в России крестьянский университет. Потом и он закрылся, а здание было разобрано крестьянами. Церковь была разрушена уже после последней войны в 1945 г., а кирпич пошел на строительство хлева, развалины которого мы видели в зарослях двухметровой крапивы. Старинное кладбище, существовавшее здесь со времен первых владельцев Сергиевского-Красного Голицыных, было раскато бульдозером. Гробы, кости, могильные плиты – все это было зарыто в землю. А разоренные склепы образовали огромную яму, в которой колхоз потом хранил силос для скота. Так закончилась история Сергиевского-Красного, родового имения Давыдовых, Долгоруких и Арсеньевых, начавшего свою летопись еще при Голицыных, во времена Петра I. Очень печально...

Чудо

Мы уже собрались уезжать, когда один из местных жителей сообщил нам, что в сельском клубе хранятся какие-то предметы с кладбища. Быстро нашли заведующую, открыли клуб. То, что мы здесь увидели, вознаградило нас за все неудачи и огорчения. Нам показали старинную чугунную доску, отлитую в память о построенной в 1758 г. княгиней Анной Ивановной Голицыной первой в Сергиевском-Красном деревянной церкви. Вторым предметом с кладбища оказалась могильная плита, лежащая под окном лицевой стороной к стене. Больших усилий стоило нам втроем отодвинуть ее от стены, чтобы прочесть надпись. То, что мы увидели, превзошло все наши ожидания. Из всех захоронений кладбища в имении Долгоруких чудом сохранилась именно эта плита, лежавшая в склепе на могиле Ольги Петровны Долгорукой! Вот что мы прочитали: *«Княгиня Ольга Петровна Долгорукая, рожденная княжна Трубецкая, скончалась 5 мая 1875 года. Помяни мя Господи во царствии твоём».*

Трудно переоценить нашу находку! Это настоящее открытие для исследователей ро-

Плита с могилы
кн. Ольги Петровны Долгорукой
(урожд. кнж. Трубецкой)

дов князей Трубецких и Долгоруких. И я горжусь нашим открытием! Но на этой восторженной ноте история Ольги Петровны не заканчивается.

Месть княгини

Как же оказалась эта единственная сохранившаяся могильная плита в сельском клубе? Старожилы рассказали нам поистине мистическую историю. Когда крушили кладбище бульдозером, трое братьев из одной деревенской семьи стащили могильную плиту и положили ее у себя в избе на проходе возле печки. Вытирали ноги об эту плиту, и уголек из печки на нее падал. А односельчане предупреждали братьев, что нельзя так обходиться с могильной плитой, Бог накажет! Да что им, безбожникам! Жили они с матерью, и вот в короткое время все трое умерли неестественной смертью – один с перепою, другой от какой-то скоротечной болезни, ну а третий повесился. После этого отобрали у матери этих мужиков могильную плиту и отнесли ее в клуб. Тащили ее аж 8 человек. Кажется, наша княгиня не потерпела такого непочтительного отношения к ее памяти.

Второй брак моего прапрадеда Долгорукого

Похоронив жену, убитый горем отец моей прабабушки князь Алексей Юрьевич Долгорукий остался вдовцом с тремя девочками на руках. Как говорят, беда никогда не приходит одна – вскоре умрет слабая здоровьем его старшая дочь Елизавета 10–11 лет от роду.

Но жизнь продолжалась, и сорокапятилетний князь должен был подумать о воспитании своих девочек в полноценной семье. Через два года родственники сосватали ему бывшую на выданье двадцатитрехлетнюю Екатерину Петровну Давыдову, дочь Петра Васильевича Давыдова и Елизаветы Сергеевны Трубецкой. Так в одной семье соединились три старинных рода: Долгорукие, Давыдовы и Трубецкие.

Ярославский архив

На бабушкиных фотографиях имена московских, петербургских, симферопольских, харьковских и ярославских фотографов. Эти мастера фотографии запечатлели дорогих мне людей в разные годы и в разные периоды жизни семьи. Ярославль, как выяснилось, сыграл в жизни моей прабабушки важнейшую роль. Работа в Государственном архиве Ярославской области стала для нас просто подарком судьбы. Точные даты рождения всех детей Долгоруких, даты браков, важнейших событий в жизни семьи, имена близких родственников, которые были указаны при крещении детей, – все это подарил нам ярославский архив. В Ярославле, наконец, моя прабабушка вышла замуж за моего прадеда. Там родилась моя бабушка. Ну а теперь все по порядку.

Москва

4 апреля 1877 г. произошло бракосочетание князя Алексея Юрьевича Долгорукого с Екатериной Петровной Давыдовой³⁵. Екатерина Петровна

провела детские и юношеские годы в Саблах, Симферополе и Каменке, но, став княгиней Долгорукой, она поселилась в Москве.

Кн. Алексей Юрьевич Долгорукий. 1880-е

Кн. Екатерина Петровна Долгорукая (урожд. Давыдова). Москва, 1880-е

Интересную подробность сообщает Мария Васильевна Арсеньева. Молодая жена ее дяди Долгорукого возненавидела Красное, где была похоронена первая жена Алексея Юрьевича, и заставила его продать имение. А купила Красное Наталья Юрьевна Арсеньева, сестра Алексея Юрьевича, которая очень любила родовое гнездо Давыдовых-Долгоруких. Арсеньевы были последними владельцами Красного вплоть до 1918 г.

Дети молодой семьи Долгоруких

*Княжны Маргарита (сидит)
и Екатерина Алексеевны Долгорукие*

Однако в семье моего прапрадеда 14 марта 1879 г. уже родился сын Алексей. Крестили его граф Владимир Петрович Орлов-Давыдов и бабушка Алексея Елизавета Сергеевна Давыдова, приехавшая из Крыма на крестины³⁶.

Второй в семье Долгоруких 29 декабря 1880 г. родилась моя прабабушка Екатерина Алексеевна. Еще жив был ее дедушка князь Юрий Алексеевич Долгорукий, который первым указан в восприемниках от купели. Второй указана ее сводная старшая сестра княжна Ольга Алексеевна Долгорукая³⁷.

Княжна Маргарита Алексеевна родилась 18 июня 1882 года. Ее крестили дедушка Петр Васильевич Давыдов и Наталья Владимировна Долгорукая, урожденная графиня Орлова-Давыдова, жена князя Дмитрия Ни-

*Кн. Юрий (Георгий) Алексеевич
Долгорукий*

колаевича Долгорукого, правнука Василия Михайловича Долгорукого-Крымского³⁸.

Последним в 1883 г. 16 августа родился Юрий (Георгий) Алексеевич³⁹. В восприемниках у него был Сергей Николаевич Свербеев, сын Зинаиды Сергеевны Трубецкой. Второй указана тетка Юрия, Наталья Юрьевна Арсеньева.

Как много ценнейших сведений дают церковные метрики! Мы узнаем, в какой церкви крестили ребенка. По приходу этой церкви можно узнать, где жили наши родственники. По традиции крестить детей приглашали знатных и обеспеченных родственников, могущих принять ответственность за судьбу новорожденного. А на свадебных обрядах свидетели со стороны жениха и невесты дают представление о том обществе, которое окружает семью.

Судьба детей наших Долгоруких

Начну с Маргариты. Она окончила 4-ю Московскую женскую гимназию. Как рассказывала бабушка Катя, Маргарита, как и многие из дворянской молодежи, занималась революционной деятельностью. После переворота незамужняя княжна эмигрировала в Америку, где следы ее потерялись.

Трагична судьба братьев бабушки Кати. Младший брат Юрий в 1909 г. застрелился. Оба брата учились в Московском Лазаревском институте восточных языков, у Юрия были проблемы с психикой, впоследствии, видимо, и приведшие его к самоубийству.

Еще более трагична судьба старшего брата Алексея. Он был женат на даме с французской фамилией де Венсан, больше о ней ничего не скажу. В списках офицеров Императорской армии за 1909 г. я нашел его имя в Павлоградском кавалерийском полку. Не знаю, почему ему не удалось эмигрировать, но это сыграло в его судьбе роковую роль. В ГАРФе в материалах Красного Креста моя жена нашла его имя в списках заключенных Сокольнической тюрьмы за октябрь 1919 г. По сведениям моего родственника Анджея Словицкого, живущего в Германии и занимающегося изучением рода Долгоруких лет тридцать, князь Алексей Алексеевич Долгорукий был расстрелян в 1920 г.

И наконец, судьба моей прабабушки Екатерины Алексеевны Долгорукой. Родилась она семимесячной, у нее не полностью сформировались мочки ушей. Ее второй муж Василий Васильевич Яропольский в шутку называл ее «карнаушкой». В детстве она была худенькой, щуплой девочкой. На ярославской фотографии бабушка Катя выглядит моложе Маргариты, хотя на самом деле старше сестры на два с половиной года. В гимназии, как она мне рассказывала, девочки из ее класса после обеда должны были два часа про-

хаживаться по залу, пропустив палку меж отведенных назад локтей. Даже в старости она имела прямую осанку и никогда не сутулилась. Бабушка Катя была веселого нрава, знала все на свете, но часто, отвечая мне на простой вопрос, открывала знаменитый словарь Брокгауза, сверяя свой ответ с авторитетным изданием. В молодости прабабушка моя имела великолепное колоратурное сопрано. Поэтому вопрос о моем музыкальном образовании был решен задолго до моего школьного возраста. Когда же я ее спросил, почему она не стала оперной певицей, бабушка ответила мне: «Что ты, голубчик, в дворянских семьях считалось в высшей степени неприличным служить в театре!» Часто она рассказывала мне о ее дедушке, сыне декабриста Давыдова, и о бабушке, дочери другого декабриста, князя Трубецкого. Будучи ребенком, она часто бывала в их крымском имении Саблы. Маленькое фото двухэтажного дома с колоннами производило на меня неизгладимое впечатление. Ведь это был их собственный дом, который по дедушкиному завещанию переходил во владение внуков, князей и княжон Долгоруких. В то советское время мне, мальчишке, это казалось какой-то сказкой! У бабушки Кати были фотографии деда и бабушки с дарственной надписью на обороте. Они теперь хранятся в Красноярском краеведческом музее, куда их передал Георгий Ефимович Давыдов.

Петр Васильевич и Елизавета Сергеевна Давыдовы, владельцы имения Саблы. Симферополь. 1910

Прежде чем продолжить свой рассказ о бабушке Кате, я еще раз вернусь к теме давыдовского имения Саблы. Несколько лет назад я сумел побывать там.

Только после Крымской войны 1853–1856 гг. наши Давыдовы окончательно поселились в Саблах. Петр Васильевич весь год восстанавливал пострадавшее во время войны имение. В знак окончания капитального ремонта он соорудил небольшой фонтан, на лицевой стороне которого римскими цифрами начертана дата – 1857 г. Во втором этаже господского дома располагались детские комнаты, выходившие окнами в сад. Забавный эпизод

Господский дом Давыдовых в селе Саблы (ныне Каштановое) со стороны дороги

произошел с моей прабабушкой в Саблах в пятилетнем возрасте. Однажды, открыв окно в детской, она представила себе, что сможет легко полететь, как птица, достаточно лишь широко раскинуть руки и оттолкнуться от подоконника. Летела она недолго – дом-то не очень высокий. Последствия были сравнительно легкими – она сломала ногу, которая быстро срослась, и была строго наказана бабушкой.

Я смотрел со стороны внутреннего дворика на окна второго этажа и в своем воображении представлял маленькую девочку, стоящую в проеме окна с широко, как крылья, раскинутыми руками.

*Фонтан, сооруженный Петром Васильевичем Давыдовым в 1857 г.
Детские комнаты второго этажа*

В 1883 г. Давыдовы выделили участок земли для строительства церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Церковь освящена была только в 1916 г.⁴⁰ В советское время она была разрушена, но семейный склеп, устроенный Елизаветой Сергеевной в ограде церкви, сохранился до наших дней. Здесь в январе 1912 г. был похоронен Петр Васильевич Давыдов. И хотя часовня сохранилась, захоронение было утрачено в первые годы власти большевиков.

*Часовня на могиле
Петра Васильевича Давыдова*

Недавно симферопольские власти задумали воссоздать разрушенную церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Строить начали в 2011 г. Возможно, в селе Саблы, которое теперь называется Каштановое, в скором времени возродится церковь, построенная когда-то моими предками Давыдовыми.

После смерти мужа Елизавета Сергеевна все реже стала бывать в своем имении и почти безвыездно жила в Симферополе в собственном, в то время двухэтажном доме на Лазаревской улице, в соседстве с губернатором (сегодня это ул. Ленина, 13). Умерла Елизавета Сергеевна Давыдова 11 февраля 1918 г. и была похоронена на Новом Христианском кладбище, у алтаря церкви Всех Святых (ныне Учебный пер., 5). Кладбище сильно пострадало в 30-е гг., и могила Елизаветы Сергеевны Давыдовой, урожденной княжны Трубецкой, оказалась утраченной⁴¹.

Строительство храма Покрова Пресвятой Богородицы в Саблах, начатое в 2011 г.

Дом Елизаветы Сергеевны Давыдовой и церковь Всех Святых. Симферополь

Долгорукие и Штюмеры

Возвращаясь к рассказу о моей прабабушке Долгорукой, перейду сразу к ее первому замужеству. Отец ее умер рано, а мама, став вдовой зимой 1888 г., одна поднимала четверых детей. Несмотря на нехватку денег, дети Долгоруких получили приличное образование. Моя прабабушка, став взрослой, должна была искать себе место службы, чтобы помочь матери заботиться о младших детях. Случайно находясь в Ярославле и приискивая себе место классной дамы, она оказалась в доме ярославского губернатора Бориса

*Моя прабабушка Екатерина
Алексеевна Штюмер (урожд.
Долгорукая) с дочкой Лизой. Санкт-
Петербург. 1900-е*

*Борис Владимирович Штюмер,
мой прапрадед. 1906*

Владимировича Штюмера, где познакомилась с его сыном, будущим моим прадедом Георгием Борисовичем Штюмером. На сайте ярославских краеведов я встретил выдержку из ярославской печати: «20 января 1901 года, 110 лет назад, в Екатерининской церкви Дома призрения ближнего состоялось бракосочетание сына ярославского генерал-губернатора Б. Штюмера Георгия и княжны Екатерины Долгорукой. После церемонии и поздравлений родных и гостей молодые отбыли в Москву»⁴². А осенью этого же года в семье молодых Штюмеров родилась Елизавета, будущая моя бабушка⁴³.

В 1902 г. ярославского губернатора Бориса Владимировича Штюмера переводят в Петербург в Министерство внутренних дел.

С семьей родителей в Петербург переезжает и Георгий Борисович с молодой женой и полуторагодовалой дочкой. По требованию отца мой прадед с семьей должен проживать отдельно от родителей. Брак этот оказался несчастливым, отношения между супругами портились, и моя прабабушка вынуждена была уйти от мужа. Снимая квартиру на улице с характерным названием – ул. Бармалеева, она вынуждена была пойти работать, чтобы нанять для дочки нянечку. Реальную помощь она получает только от своей бабушки Трубецкой в виде назначенной после свадьбы ежегодной выплаты в

1000 рублей. Свекор любит маленькую Елизавету, но дает на нее только 86 рублей в месяц. На эти деньги очень трудно обеспечить себя и ребенка. А ведь надо думать о приличном образовании Елизаветы.

Второй брак Екатерины Алексеевны Штюмер

В 1905 г. Священный Синод разрешил моей прабабушке развод. Видимо, черная полоса в ее жизни миновала. Молодая, симпатичная, с веселым характером, хорошо образованная, бабушка Катя долго одна не оставалась. В 1906 г. ей сделал предложение служащий Министерства путей сообщения Василий Васильевич Сапелкин. Несмотря на крестьянское происхождение, Василий Васильевич был образованным, знающим иностранные языки, культурным человеком. А главным его достоинством было то, что он нежно любил свою Катюшку и ее маленькую Лизаньку. Он занимал пост заведующего IV и V отделениями съезда представителей железных дорог по делам международных сообщений.

Так потомственная дворянка, урожденная княжна Долгорукая стала Сапелкиной, женой простого крестьянина. Но несмотря ни на что она с Василием Васильевичем была счастлива, прожив с ним долгую жизнь до его кончины в 1949 г. Это замужество дало ей возможность обеспечить дочке прекрасное образование. Во время нашего посещения Ленинграда бабушка Лиля показывала мне здание бывшего Екатерининского института, где она училась.

Окаянные дни

Моя будущая бабушка Елизавета Георгиевна Штюмер окончила институт незадолго до октябрьского переворота, который буквально перевернул жизнь многих моих предков. Дед Елизаветы Б.В. Штюмер, бывший в 1916 г. премьер-министром правительства, первым пострадал в февральские дни 1917 г. Жизнь его закончилась в казематах Петропавловской крепости. Он умер от уремии в тюремном лазарете 2 сентября 1917 г.⁴⁴

Отец моей бабушки Лили Георгий Борисович Штюмер в 1913 г. вторым браком женился на Екатерине Дмитриевне Офросимовой. На рубеже

*Василий Васильевич Яропольский
(Сапелкин). Санкт-Петербург.
1910-е*

*Моя прабабушка с дочерью-
гимназисткой Лизой, моей
бабушкой. Петербург. 1915–1916*

1916–1917 гг. он был курским губернатором. А в 1920 г. вместе со второй женой и матерью мой прадед эмигрировал в Сербию. Эмиграция спасла жизни конкретных людей и дала возможность продолжить историю многих дворянских родов России.

Сапелкины – Яропольские

Однако вернемся в Россию. Женившись на моей прабабушке, Василий Васильевич наградил ее и своей фамилией. Екатерина Алексеевна Сапелкина в 1912 г. упоминается в завещании ее деда, Петра Васильевича Давыдова. «Васенька, какая же у тебя неблагозвучная фамилия», – часто говорила бабушка Катя своему мужу. Она мне рассказывала, что, в конце концов, настояла на том, чтобы дедушка поменял свою фамилию. Тогда прошения об изменении фамилии рассматривались Канцелярией по прошениям к императору. Вместе с братом Иваном Васильевичем дед подал прошение о смене фамилии в связи с неблагозвучностью оной и насмешками коллег по работе. Братья просили разрешить им впредь называться по месту рождения их в селе Ярополец Волоколамского уезда Московской губернии. Разрешение называться Яропольскими братья получили уже при Временном правительстве в 1917 г. На фотографии 1917 г. начальник Василия Васильевича подтверждает личность В.В. Яропольского. Прабабушка моя осталась довольна такой сменой фамилии. Отныне она стала называться Екатериной Алексеевной Яропольской.

Что спасло мою прабабушку от преследования большевиков, трудно сказать – то ли смена фамилии, то ли крестьянское происхождение ее мужа, а может быть, и предки ее, декабристы, которых новая власть почитала. В то, по выражению Бунина, «окаянное время» уцелеть можно было только случайно!

Елецкие тайны

Совершенно другая судьба у моей бабушки Лили, иначе Елизаветы Георгиевны Штюмер. Сразу же после октябрьского переворота мать увезла Елизавету в Елец, в глубинку, к родственникам. И все-таки наивно было надеяться, что большевики не тронут внучку премьер-министра царского правительства Елизавету Штюмер. Фамилия Штюмер теперь угрожала самой жизни Елизаветы. Бабушка Лиля никогда мне не рассказывала свою елецкую историю. В ее брачном свидетельстве, попавшем ко мне после ее смерти, было записано: «Елизавета Георгиевна Макарова разведена первым браком» и сочетается браком с Петром Николаевичем Витебским, оставляя себе его фамилию. Макаровых в России много, но я знал, что здесь речь идет о моей бабушке Лиле. Оказавшись в Ельце, Елизавета «скоропостижно» выходит замуж, о чем сообщает матери в Петербург. На елецком фото, где Елизавете 17 лет, она пишет: «В саду у Шуриновых. Хороша замужняя дама?». И подписывается – «Макарова»! Куда делась фамилия Штюмер? Эту загадку помог разрешить липецкий архивист, с которым мы с женой познакомились, будучи приглашенными на встречу потомков жителей Ельца. В

Государственном архиве Липецкой области хранятся все елецкие архивные документы, и наш знакомый специалист проделал огромную работу, прежде чем нашел для нас заветный первый брак моей бабушки Лили. Елизавета Георгиевна Штюмер сочетается браком с Иваном Ивановичем Макаровым. Молодожены живут в собственном доме Макарова. В этом же документе говорится и о разводе⁴⁵.

Звено разорванной цепочки и второй брак бабушки Лили

Вот! Наконец-то мы нашли тот документ, которого не хватало в цепочке официальных подтверждений принадлежности нашей семьи к древним дворянским родам Российской империи!

Сменив опасную фамилию, бабушка Лиля опасности быть арестованной не избежала. В 1920 г. был арестован свекор Елизаветы, провизор Иван Васильевич Макаров, который на главной Торговой улице Ельца держал свою аптеку. Семья Макаровых срочно уезжает из города, но Елизавета с ними не едет, остается в Ельце и поступает на службу в нотариальную контору Петра Николаевича Витебского делопроизводителем. Нотариус снимает помещение в соседнем доме с макаровской аптекой. Бабушка в молодости была очень эффектной девушкой, и Петр Николаевич не мог в нее не влюбиться.

*Моя бабушка Елизавета Георгиевна Штюмер. Елец. 1918
Пётр Николаевич Витебский. Елец. 1920-е*

Витебские

Семейство Витебских в Ельце было особо уважаемым горожанами. Дед моего отца, тоже Николай Петрович, единогласно избирается следить за порядком в Великокняжеском храме. А Михаил Михайлович Пришвин в своих дневниках рассказывает о моем дедушке, елецком нотариусе и замечательном театральном деятеле, с большим уважением и теплотой.

*Счастливые родители с сыном
Коленькой. Орёл.
Сентябрь 1924 г.*

В маленьком провинциальном Ельце все жители на виду, поэтому Елизавета Георгиевна Макарова и Петр Николаевич Витебский в июле 1922 г. для заключения брака уезжают в Орел. В 1923 г. 11 апреля у них родился мой будущий отец Николай Петрович Витебский.

Закончив в Орле восьмилетку, мой папа приезжает в Москву, куда после Петербурга вместе с дедом в 1919 г. возвратилась и моя прабабушка, теперь уже Екатерина Алексеевна Яропольская.

Здесь хочу заметить, что со времени моих ссыльных Долгоруких я могу называться коренным москвичом, насчитывающим 400 лет в этом качестве!

А мой будущий отец живет у своей бабушки Яропольской в центре Москвы и учится в автомобильном техникуме.

Новые жертвы НКВД

И снова в мою семью приходит беда – 1937 год! Тройки НКВД отправляют в лагеря талантливых военачальников, выдающихся ученых, лучших представителей народа. Этой участи не избежали оба моих деда – Петр Николаевич Витебский и отец моей матери Михаил Иванович Войнов. Обоих я нашел в книге памяти жертв сталинских репрессий. Оба позже будут реабилитированы, но оба они умерли в застенках ГУЛАГа. Реабилитация возвратила семье их честные имена, но не возвратила их моей семье живыми. Вечная им память!

Война

Перед самой войной мой отец поступил в Горьковское военное училище, а в действующую армию был выпущен сержантом в 1943 г. прямо в Сталинград. Он был командиром отделения саперов и каждую ночь в сорокаградусный мороз уходил за линию фронта разминировать немецкие мины и ставить свои. Его отделение сменило свой состав три раза – ведь известно, что сапер ошибается только один раз! Отец мой имел ранения и контузию, но, подлечившись, каждый раз опять возвращался в Сталинград. Он рассказывал мне об эпизодах этих сталинградских боев, а я не мог представить себе моего отца молоденьким офицером, прошедшим весь этот ад!

Знакомство на танцплощадке

Уже после войны, однажды приехав в Орел к своей матери, молодой лейтенантик Николай Петрович Витебский на танцплощадке в городском саду встретил скромную, симпатичную девушку с необычным именем Милити-

на. Через месяц мой будущий отец должен был возвратиться в свою часть, и поэтому на долгие ухаживания времени не было. Перед его отъездом мои будущие родители поженились, и отец уехал в свой полк. А мама потом рас-

Мои родители Милитина Михайловна и Николай Петрович Витебские

сказывала мне, что она тогда даже не поняла, что она уже замужняя женщина. Через полгода отец приехал за мамой и увез ее в Подмоскowie, где располагалась его воинская часть.

*Моя прабабушка с Юрием
Львовичем Давыдовым. Клин.
Конец 1950-х*

Своего угла мои родители тогда не имели, а снимали жилье поближе к месту службы отца. Вот и получилось, что в 1947 г. я родился в Подмоскowie, которое теперь давно уже стало Москвой. Первую квартиру родители получили только в 1951 г. Чтобы тогда доехать до центра Москвы, требовалось около двух часов. Моя прабабушка Катя часто к нам приезжала и подолгу жила, незаметно воспитывая своего правнука. Когда я стал постарше, она брала меня с собой в Москву, чтобы показать исторические места этого древнего города. Музеи, памятники, Панорама Бородинской битвы, Донской монастырь, где похоронены многие наши родственники, – все, что я видел, сопровождалось захватывающими историями, которых бабушка Катя знала множество. А иногда мы уезжали в Клин, в Дом-музей Чайковского, где гостили

у Юрия Львовича Давыдова, самого близкого ее родственника по линии Давыдовых. Внук декабриста, племянник Чайковского и внучатый племянник самой бабушки Кати, подписывая для меня свои книги, неизменно ставил подпись: «Дед».

Бабушка Катя была ревностной почитательницей Петра Ильича Чайковского, с которым через его сестру Александру Ильиничну породнились Давыдовы. Ее близкое знакомство с ректором Московской консерватории и основателем хора мальчиков Московского хорового училища Александром Васильевичем Свешниковым решило мою судьбу – мне на роду было написано стать музыкантом. При хоровом училище был интернат для одаренных детей со всего Советского Союза. Он стал моим вторым домом.

Моя сестра Елена

*Елена Николаевна Витебская.
1970*

Осенью 1954 г. родилась моя сестра Леночка. Детство и юность ее были безоблачными. Леночка была очень фотогеничной девочкой, и все подруги любили с ней фотографироваться. Но Бог забирает к себе лучших! Заболев в студенческие годы, она получила осложнение в виде рассеянного склероза. Умерла она в 2005 г. Вечная ей память! А я остался по линии Петра Васильевича Давыдова единственным потомком двух декабристов и двух моих пра...бабушек-декабристок, Екатерины Ивановны Трубецкой и Александры Ивановны Давыдовой. А также по линии князей Долгоруких я завершаю цепочку поколений, начиная от Рюрика и находясь от него на расстоянии 33 поколений.

*Татьяна Иосифовна Ефимова и Валентин Николаевич
Витебский. Москва, 2013*

Пожалуй, на этом можно закончить рассказ о легендарных моих предках, объединивших в семье моей прабабушки три старинных дворянских рода России. Особую благодарность я хочу выразить моей жене Татьяне Иосифовне Ефимовой, которая много лет помогает мне находить редчайшие документы в архивах и библиотеках страны, проливающие свет на историю нашей семьи.

Примечания

- ¹ <http://napoleonic.ru/история/персоналии/раевский-иколай-иколаевич-младший>.
- ² Е.И. Трубецкая приехала в Иркутск 16 сент. 1826 г. (*Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Письма, дневник 1857–1858 гг. / изд. подг. В.П. Павловой. Иркутск, 1987. С. 5).
- ³ М.Н. Волконская встретила с мужем 12 февр. 1827 г. (*Волконский С.Г.* Записки / изд. подг. Н.Ф. Караш, А.З. Тихановской, Б.Н. Капелюш. Иркутск, 1991. С. 52).
- ⁴ А.И. Давыдова приехала в Читу в марте 1828 г. (*Давыдов В.Л.* Сочинения, письма / изд. подг. Т.С. Комаровой. Иркутск, 2004. С. 43).
- ⁵ XIII колено от Гедимины – Юрий Юрьевич Трубецкой, который является общим предком для декабриста (прапрадед) и для Ольги Петровны Трубецкой (прапрапрадед), первой жены А.Ю. Долгорукого. Таким образом, С.П. Трубецкому она приходится четвероюродной племянницей.
- ⁶ X колено от мурзы Минчака – это Лев Денисович Давыдов. Для Е.П. Давыдовой и А.Ю. Долгорукого он является прадедом. Таким образом, правнуки Льва Денисовича Давыдова между собой троюродные брат и сестра.
- ⁷ Для генеалогических схем мною используется компьютерная программа «Древо жизни».
- ⁸ Свадьба П. В. Давыдова и Е. С. Трубецкой состоялась 19 янв. 1852 г. в Иркутске (*Давыдов В.Л.* Сочинения, письма. С. 59).
- ⁹ Е.А. Яропольская скончалась в Москве 16 июля 1971 г. Похоронена на Ваганьковском кладбище.
- ¹⁰ Руднев Е. Подвиг княгини Екатерины Трубецкой // Киевский телеграфЪ. 2004. № 6. http://www.c-cafe.ru/days/bio/25/014_25.php.
- ¹¹ Точный адрес: ул. Панаса Мирного, 20/8.
- ¹² *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. С. 42.
- ¹³ *Давыдов В.Л.* Сочинения, письма. С. 23.
- ¹⁴ Там же. С. 22.
- ¹⁵ Там же. С. 417.
- ¹⁶ Там же. С. 58.
- ¹⁷ *Волконский С.Г.* Записки. С. 128–129.
- ¹⁸ *Трубецкой В.С.* Записки кирасира // Князя Трубецкие. Россия восприняет. М., 1996. С. 456.
- ¹⁹ *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. С. 472.
- ²⁰ Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина / ред. и комментарий С.Я. Штрайха. М., 1951. С. 365.
- ²¹ *Давыдов А.В.* Воспоминания. Париж, 1982. С. 13.
- ²² Там же. С. 49.
- ²³ *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. С. 210.
- ²⁴ Там же. С. 215, 224.
- ²⁵ Там же. С. 322.
- ²⁶ Там же. С. 364.
- ²⁷ История родов русского дворянства. М., 1991. Кн. 2. С. 133–137.
- ²⁸ О князьях Долгоруких, проживающих в сегодня в Париже, сообщил А.Б. Словицкий.
- ²⁹ *Г.А. Власьев.* Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 3. Князья Черниговские. СПб., 1907.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ История родов русского дворянства. С. 133–137.
- ³² *Соболев Г.Л.* Девять трубецких колен династии Трубецких. Изд. ООО «Брянское СРП ВОГ», 2012; *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1. С. 319–330.
- ³³ ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1762, церковь № 3, 1840 г.
- ³⁴ *Арсеньева М.В.* История моей жизни // *Арсеньев В.С.* Воспоминания и дневник. Изд-во им. Н.И. Новикова, 2005. С. 350.
- ³⁵ ГАЯО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1384. Л. 4.
- ³⁶ Там же. Рождение кн. Алексея Алексеевича Долгорукого.
- ³⁷ Там же. Рождение кнж. Екатерины Алексеевны Долгорукой.
- ³⁸ Там же. Рождение кнж. Маргариты Алексеевны Долгорукой.
- ³⁹ Там же. Рождение кн. Георгия Алексеевича Долгорукого.

⁴⁰ Белова С.Л. Саблы. Перекрестки дорог и судеб. Симферополь, 2010. С. 116.

⁴¹ Сведения директора Музея истории города Симферополя И.И. Вдовиченко на сайте krum-sibiraki.com.ua/view.php обнаружил и сообщил нам журналист Никита Кирсанов.

⁴² www.clib.yar.ru/modules/filials/files/kzd2011.doc

⁴³ Рождение Елизаветы Штюмер см.: ГАЯО. Ф. 230. Оп. 11. Д. 380. Л. 67, 70 об.–71.

⁴⁴ Смерть Бориса Владимировича Штюмера // Московские ведомости. 1917. 22 окт.

⁴⁵ ГАЛО. Ф. Р-489. Оп. 2. Д. 9. Первый брак Елизаветы Георгиевны Штюмер.

В.Д. Юшковский

Усиление религиозности как элемент трансформации общественного сознания в эпоху 1812 года

Перелом в общественной жизни и общественном сознании, вызванный нашествием Наполеона, был достаточно сложный, растянутый во времени, а не одномоментный, как принято думать, процесс. Это был фундаментальный сдвиг общественного сознания, который затрагивал все значимые сферы умозрения и жизнетворчества и сопровождался мучительной рефлексией во всех мыслящих кругах русского общества. Не понимая этого процесса, его сущности и последствий, невозможно рассматривать и ход войны, оценивать факторы, обусловившие победу русского оружия. Ментальные свойства народа имеют в этом смысле концептуальное значение, не менее важное, чем геополитические и военные обстоятельства, численность и расположение войск, искусство побеждать. Тем не менее именно внешняя, связанная с баталиями, а не «внутренняя», потаенная сторона грандиозных событий продолжает превалировать в исследованиях, посвященных эпохе 1812 г. Хотя настоящего, глубокого интереса к ней, как это было в столетний юбилей, и не наблюдается: на фоне театрално-бутафорского празднования выходят отдельные работы, преимущественно вторичного характера, и тиражируются опубликованные ранее документальные тексты. «Не хочется выглядеть пессимистом, – иронически заключает один из наблюдателей, – но похоже, что круглая дата застала историков-профессионалов врасплох»¹.

Классические труды А.И. Михайловского-Данилевского, Е.В. Тарле, Н.А. Троицкого в какой-то мере затрагивали проблемы общественного сознания, насколько это сопрягалось с задачами исторической реконструкции. В то же время историки, обращавшие внимание на значительный пласт документальной литературы (прежде всего, А.Г. Тартаковский), вносили свою лепту в изучение означенной проблематики. Воспоминания, дневники и письма содержат богатейший материал для воссоздания «мировоззренческой матрицы» эпохи 1812 г. Но желание сделать ее предметом исследований, несмотря на обилие материалов, уже почти не обнаруживается, что мешает высветить суть былых событий и явлений и найти ответы на многие вопросы. Например, как происходил переход от слепо-восторженного восприятия французской культуры, под влиянием которой находилась элита России, к формированию национальной культурной парадигмы; каким было состояние духа вовлеченных в войну сословий; как менялся в сознании русских образ врага, что владело умами участников сражений и почему религиозная

экзальтация, вызванная войной, столь существенно повлияла на состояние народного духа. Последний аспект, опять же мало изученный, представляется значимым, поскольку здесь, как и во «вспышке патриотизма», нужно искать истоки того национального подъема, который остановил нашествие «двунадесяти языков» и поверг несокрушимого, казалось, врага.

По словам А.И. Герцена, «война 1812 года сильно потрясла умы в России», а между тем перед самым нашествием царица полная безмятежность, которую россияне назовут слепотой. «Удивительная тогда напала на всех слепота. Никто и не заметил, что что-то готовится», – писал Д. Благово, лишь позже стали припоминать явленные тогда знаки и истолковывать их в новом свете². Очень точно эту обстановку устами своей героини нарисовал А.С. Пушкин: «Все говорили о близкой войне, и, сколько помним, довольно легкомысленно. Подражание французскому тону <...> было в моде, любовь к отечеству казалась педантизмом. Тогдашние умники превозносили Наполеона с фанатическим подобострастием и шутили над нашими неудачами...»³. Европа, охваченная пожаром волнений и войн, казалось, была далеко, разум отказывался видеть опасность, но на глубинном уровне чувств и эмоций происходила работа. К ее проявлениям можно отнести «видения» и «знамения», получившие распространение не только в простонародье. Оживленные толки вызвала комета 1811 г.: «видно, прогневался Господь на Россию», говорили повсюду. Странные слухи стали проникать даже в аристократические салоны. Начало войны, вспоминал Ф.Н. Глинка, было «наполнено мрачными предвестниками, томительным ожиданием <...>. Люди ожидали будущего как Страшного суда. Глубокая, однако же, тишина и тайна господствовали на земле...»⁴.

Великая армия двигалась на восток, не зная поражений, наполеоновская военная машина казалась совершенной, а блистательный гений покорителя половины мира завораживал. Россия вроде бы мало что могла противопоставить этой всесильной лавине, кроме безбрежных просторов. Неизбежность войны становилась все более очевидной, но в рациональных способах избежать участи покоренных народов ощущался недостаток, и это заставляло обращаться в сторону могущественных, не подвластных сознанию иррациональных сил, к эзотерике вопреки утвердившемуся в эпоху Просвещения культу разума. Так постепенно, но неодолимо совершался поворот к идеалистическому видению мира, чему, конечно, способствовал разлившийся во всем обществе дух уныния в первый, неудачный для России период войны. Многие понимали, как важно укрепить состояние русского духа. Напоминающая, что «всякое отступление ободряет неприятеля», но «отнимает дух» у русских солдат, генерал П.И. Багратион призывал Александра, «молясь Богу, наступать», ничего не опасаясь, и находил при этом удивительные по звучанию слова: «Что опасаться? Ты с нами, а Россия за нами»⁵. Стоит заметить, что монарх выступал тут больше не как глава государства, величие которого могло быть посрамлено, а скорее как помазанник Бога и его наместник на земле, вера в *такого* царя питала силы всех ратников. («Прошу яко Бога моего не щадить нас и двинуться на врагов», – взывал князь П.И. Багратион.) Но Александр сам нуждался в поддержке и утешении, его тоже охватило

поначалу смятение, если не сказать страх, что подмечали проникательные современники.

Говоря о воодушевлении и порыве к борьбе в начале войны, мемуаристы имели в виду, прежде всего, наиболее деятельную, просвещенную часть общества, дворянство, с его понятиями о достоинстве и чести. Представители других сословий, особенно низших, на первых порах не рвались к оружию. Так, в «Записках» Д.Н. Свербеева находим сцену обращения помещика к дворовым: его призыв вступить в ополчение не встретил сочувствия: кое-какие деньги собрали, но желающих идти на войну не нашлось, кроме одного «бывавшего в сражениях» ветерана⁶. Однако патриотизм тех, кто являл опору трона, оказался силен и настолько заразителен, что «воспламенил» все слои русского общества, и это настроение чутко уловил Александр I. Увидев народный подъем, писал А.Н. Муравьев, он «решился на непримиримую брань с Наполеоном», что, в свою очередь, повлияло на укрепление духа народа⁷. Вместе с тем, возглавив народную войну, орудием мщения Александр полагал не себя, а высшие силы, в волю которых в тяжелый период он вверял судьбу страны и Европы, что не могло укрыться от наблюдательных умов. «На деле участь мира зависела от него, а он называл себя только орудием Провидения», – недоумевал М.Ф. Орлов⁸. Та же мысль прочитывалась в обращении императора Александра I «ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским», где, по существу, был объявлен крестовый поход против врагов православия («соединитесь все со крестом в сердце и с оружием в руках, и никакая сила человеческая вас не одолеет»).

Такая постановка вопроса вполне соотносилась с картиной мира, пробудившегося от беспечности и легкомыслия общества. Известно, что в воспаленном воображении многих людей, пораженных дерзким нашествием, Наполеон представлялся антихристом, главой ополчившихся на православие сил, в то время как его венценосного соперника наделяли противоположными свойствами. Вызванная объяснимыми, земными причинами война становилась борьбой ангела и демона, света и тьмы, веры и безверия, что нашло отражение в мемуаристике и поэзии. Так, Г.Р. Державин представлял в стихах эту войну как противостояние зла и добра, и для всех было очевидно, на чьей стороне высшие силы. «Да ведает о том вселенна, // Как Бог преступников казнит, // И как он росса, сына верна, // от бед ужаснейших хранит» (К.Ф. Рылеев). Доведенное до крайности противопоставление воюющих сторон объяснялось причинами чисто идеологическими, в то же время анти-теза носила откровенно религиозный характер, и оба аспекта переплетались естественным образом и были неразрывны. Братясь за оружие для спасения святого отечества обязывали в равной мере и Закон Божий, и закон государственный. Последний, писал Н.М. Карамзин, «не принадлежит религии. Но также дан Богом: закон естественной обороны...»⁹.

В этой битве существующих от сотворения мира начал, светлого и темного, все, что соотнесено было с освобождением от врага, обретало особую святость. В.А. Жуковский воспевал святость подвига и воинского братства и призывал не шадить жизни в святой битве, которая дарует бессмертие русским ратникам («Бессмертье, тихий светлый брег; // Наш путь – к нему

стремленью»). Отдать жизнь в битве с силами зла было высшим предназначением христианина, и это тоже объясняло ту самозабвенную удачу, то бесстрашие, с которым сражались русские воины: «Их цель или победить, или пасть в пылу сраженья // За Русь, за святость алтаря» (А.С. Пушкин). Своя судьба волновала не так, как судьба поруганного отечества: страшила не близость смерти на поле боя, а опасность бесчестия. «Счастливы мы, что живем в столь славное для России время, – восклицал декабрист М.А. Фонвизин, – и что маленькую частичку славы любезного отечества всякий из нас может себе приписать»¹⁰. В значительной степени это была битва за православную веру, на которую покушались забывшие Бога, склонные к материализму враги: французам не могли простить осквернение храмов, разорение алтарей, поругание святых мощей. Такое святотатство взывало к мщению, несмотря на то, что соотношение сил было в пользу врага. Великая армия виделась исполином, но библейский Давид, все помнили, сражался с Голиафом и победил силою веры. «Кроткая вера, сия праща российского Давида, сразит главу кровожаждующей гордыни», – убеждали архипастыри¹¹.

Популярным был и другой библейский сюжет: богоизбранный народ во главе с Моисеем вышел на бой с Амалеком и победил врага, который был обречен. Памятна была также судьба поверженных в море египтян, которые погнались за уверовавшим народом. «О, будь же, русский Бог, нам щит! // Прострешь твою десницу – // И мститель-гром твой раздробит // Коня и колесницу» (В.А. Жуковский). Чем хуже и опасней с точки зрения расстановки сил было положение русской армии, тем тверже становилось убеждение, что «русский Бог» не покинет Россию, станет надежным щитом. Причем таким настроением охвачены были все слои населения, включая интеллектуальную элиту. Трезвомыслящий, далекий от идеалистических умствований Ф.Ф. Вигель писал: «Каких союзников имела Россия в начале войны 1812 года, кроме Бога, беспредельной веры в Его могущество и мужества, ею внушенного?..», – и далее, как тонкий наблюдатель, отмечал особую атмосферу той яркой эпохи: «Все в этом году было необычно, неожиданно, чудесно <...>. Неимоверное, почти то же, что баснословное, – его тут было вдоволь...»¹². Все искали и находили знаки благоволения свыше. Взгляд на события, даже те, которые свидетельствовали в пользу врага, как на божий промысел характерен был для простых воинов и генералов (письма М.Б. Барклай де Толли к жене), для представителей высшего общества. «Все в руках Божиих, следовательно, <...> мы не должны отчаиваться и сомневаться в Божием милосердии», – наставляла подругу одна светская дама [из письма М.А. Волковой к В.И. Ланской]¹³. А статс-секретарь государя А.С. Шишков, будущий министр, был уверен, что план отступления вел не к спасению, а к гибели русских, но все «обратил в торжество» русский Бог. «Нет! не человеческий ум предузнал и расчислил сии последствия, но десница Божия...», – убеждал он¹⁴.

В то же время вера, один из доминирующих элементов менявшегося сознания, однозначного отношения к представителям церкви не предполагала. Поведение лиц духовного сословия у светской части русского общества могло вызывать как одобрение, так и порицание. Достаточно вспомнить моги-

левского архиепископа Варлаама, который подчинился распоряжению врага «учинить присягу» на верность Наполеону и совершить молебен, что расценивалось как проявление измены, тогда как другие отцы церкви «внушениями и увещаниями» взывали к решительному отпору, как того требовали долг и христианская вера. Сами события подвигали к оценкам. «Религия, искаженная наружностью, пьянством и прочими пороками, до того испортилась в нашем духовенстве, что за день до входа неприятелей в Москву и накануне не слышно было в воскресный день колокола <...>, а попы толпами бежали из Москвы от своих церквей», – сокрушался современник¹⁵. Далекое от всецело почтительного отношение к служителям церкви объяснялось отчасти влиянием вольтерьянских идей, во власти которых еще находились многие русские офицеры. Но после нашествия, и это принципиальный момент, увлечение французскими идеями стало восприниматься как недуг, от которого следует освободиться.

Как остроумно заметил П.А. Вяземский, «привычка говорить по-французски не мешала генералам нашим драться совершенно по-русски»¹⁶. Другое дело – сфера духовно-интеллектуальная, где влияние ощущалось теперь крайне болезненно. Высший свет был в восторге от романов баронессы де Сталь, но уже в начале войны он пропал, обожание исчезло, хотя, спасаясь от преследований Наполеона, писательница появилась в Москве. Поклонники ее словно очнулись. «Что же сделала она такого прекрасного, чтобы возбуждать восторг? – недоумевали светские дамы. – Сочинения ее безбожны и безнравственны или безалаберны» настолько, что способны свратить шаткий ум¹⁷.

Пробудившееся национальное сознание испытывало потребность в рефлексии, ощущение вины за недавнее подражание переживалось многими достаточно остро, а обрушившиеся беды виделись справедливым наказанием. «Я нахожу, что всех одолел дух заблуждения. Все, что мы видим <...>, может послужить нам хорошим уроком, лишь бы мы захотели им воспользоваться. Но, к несчастью, этого-то желания я ни в ком не вижу», – сообщала московская дама подруге, явно преувеличивая нежелание задуматься над уроком¹⁸. На первый план теперь выступало осознание собственной греховности, неизменно ведущее к покаянию. Отступление от христианских предписаний толковалось в широком смысле, а не только как увлечение «безбожными» французскими идеями. Война с этой точки зрения была горьким, но необходимым лекарством, способом духовного очищения. Н.М. Карамзин вспоминал, как в начале войны стал «проклинать Наполеона яко бич, Богом посланный». Мотив «гнева божьей десницы», который повлек величайшее национальное бедствие, пожар Москвы, отчетливо зазвучал в русской поэзии. «Мой друг! я видел море зла // И неба мстительные кары» (К.Н. Батюшков). Потребность в искуплении вины вела на бой и одновременно возвращала к истокам веры, служба объединяющей силой: «холопы и бары» вдруг увидели, что они христиане. Это тоже была почва для сближения с народом и постижения важных для русского дворянина истин. «В необычайный год <...> ознакомился я с душою наших воинов <...>, – вспоминал С.Н. Глинка. – Они

подарили меня сокровищем обновления мысли. Мне стало обидно, что доселе не знал я ни духа, ни коренного образа мыслей русского народа»¹⁹.

Широкое обновление коснулось всех индивидуальных свойств: с войны русский офицер вернулся другим человеком. «Сильное сие потрясение России освежит и подкрепит силы наши и принесет нам такую пользу, которой мы при начале войны совсем не ожидали. Напротив, мы страшились последствий от сей войны...», – отмечал А.И. Тургенев²⁰. Имелось в виду, прежде всего, обновление в сфере сознания, ведь война укрепила национальный дух, способствовала единению всех сословий и появлению у русских дворян после зарубежных походов вольнолюбивых мыслей. Не менее важным, однако, было и то, что война привела к перерождению русской души. Причем характерно, что подобные переживания в конце 1812 г. охватили и вторгшихся в российские пределы французов. Несчастья для них стали следствием несправедного и безрассудного поведения, что передал в одном из стихотворений Виктор Гюго («Кесарь склонился к земле. Это за грех искупленье...»).

Французское общество после национального потрясения, связанного с переломом в войне, переживало кризис, тем не менее многие отказывались признавать заблуждения и ошибки, перекладывая вину за неудачи на высшее военное руководство. Страна «русских варваров», в их понимании, не заслуживала жалости и покаяния. В то же время у русских под воздействием религиозного сознания отношение к Наполеону стало меняться. «Знаешь ли ты, что, несмотря на отвращение, которое я чувствую к нему, мне становится страшно за него ввиду совершаемых им святотатств», – признавала дама, рассуждавшая про полученный русскими урок, совершенно в духе православной морали²¹. И это было одним из проявлений духовной эволюции, свидетельством укрепления веры, когда вера в Бога означала верность России, и целостного изменения общественного сознания.

Литература

¹ *Ивченко Л.* Не братья по славе? Историография 1812 года: нынешнее состояние // *Родина*. 2012. № 6. С. 9.

² *Россия и Наполеон. Отечественная война в мемуарах, документах и художественных произведениях / сост. Н.А. Бродский и др. М., 1913. С. 30.*

³ Там же. С. 30.

⁴ *Глинка Ф.Н.* Письма русского человека. М., 1987. С. 50.

⁵ *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. С. 9.

⁶ *Россия и Наполеон... С. 51.*

⁷ *Муравьев А.Н.* Сочинения и письма / изд. подг. Ю.И. Герасимовой, С.В. Думиным. Иркутск, 1986. С. 84.

⁸ *России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 587.*

⁹ 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 9.

¹⁰ *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Т. 1. Дневник и письма / изд. подг. С.В. Житомирской и С.В. Мироненко. Иркутск, 1979. С. 99.

¹¹ *Военский К.А.* Русское духовенство и Отечественная война 1812 года. М., 1912. С. 11.

¹² *Россия и Наполеон... С. 362, 364.*

¹³ Там же. С. 78–79.

¹⁴ *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников... С. 135.

¹⁵ Россия и Наполеон... С. 237.

¹⁶ *Вяземский П.А.* Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 288.

¹⁷ *Калаш В.В.* Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912. С. 252.

¹⁸ Там же. С. 250.

¹⁹ Там же. С. 69.

²⁰ Там же. С. 227.

²¹ Там же. С. 260.

Музейное дело

И.В. Пашко

Отражение темы «Отечественная война 1812 года» в экспозициях и выставках Иркутского музея декабристов

Тема Отечественной войны 1812 года является неотъемлемой частью истории декабристского движения, поскольку само появление декабризма объективно стало одним из итогов этой войны. Таким образом, тема Отечественной войны 1812 года не могла не найти отражения в экспозициях и выставках Иркутского музея декабристов. На протяжении более сорока лет существования музея несколько поколений его сотрудников в той или иной степени занимались изучением этой темы.

В библиотеке музея была сформирована обширная подборка публикаций о войне 1812 года. На сегодня она насчитывает около 250 томов. Все годы существования музея его фонды комплектовались по возможности с учетом освещения темы Отечественной войны.

В настоящее время фонды располагают коллекцией из более чем 80 единиц хранения, связанных с темой войны 1812 года. Среди прочих экспонатов хочется особо отметить собрание из 18 гравюр XIX века, посвященных теме 1812 года и эпохе наполеоновских войн, и 20 памятных медалей, отлитых по рисункам известного художника и медальера графа Ф.П. Толстого и изготовленных в 1835–1836 годах резчиками А. Лялиным и А. Клепиковым.

Бережно хранятся в фондах музея такие замечательные артефакты, как походные воинские иконы, пояс великого князя Константина Павловича, непосредственного участника военных событий, русский кремневый пистолет 1807 года, солдатский рукодельный кисет с вышитой на нем датой «1814 год», серебряная ложка с барельефным профилем императора Александра I, изготовленная в 1862 году к 50-летию изгнания неприятеля из пределов России.

Многое для раскрытия темы удалось сделать за последние три года. Так, например, музей приобрел в Москве 20 копий российских орденов XIX века, среди них и те, которыми были награждены декабристы – участники Отечественной войны С.Г. Волконский и С.П. Трубецкой. Там же, в Москве, по заказу музея известный специалист по российской военной форме XIX века С.В. Прокопович реконструировал военный костюм обер-офицера Кавалергардского полка 1812 года.

Из последних приобретений музея, имеющих отношение к теме, хочется отметить несколько: бронзовый бюст императора Александра I, отлитый по оригиналу XIX века, из петербургской бронзолитейной фабрики Шопена; фарфоровую тарелку с изображением Наполеона, изготовленную в

Париже в 60–70-е годы XIX века, портрет которого является копией работы 1845 года известного французского художника Поля Делароша «Наполеон в Фонтенбло»; фарфоровую тарелку фабрики М.С. Кузнецова, изготовленную к столетнему юбилею победы в Отечественной войне в 1912 году, с портретом императора Александра I; а также сувенирную фарфоровую тарелку, изготовленную в Москве в 2012 году уже к 200-летию славной победы с воспроизведением портрета фельдмаршала М.И. Кутузова, написанного Дж. Доу в 1829 году.

В первом варианте экспозиции дома-музея декабриста С.П. Трубецкого, сформированной в 1970-е годы, тема войны 1812 года была представлена достаточно скромно. Тема раскрывалась в основном через устное повествование экскурсовода о влиянии войны на возникновение революционных идей в среде русского дворянства и об участии в этой войне князя С.П. Трубецкого и его будущих товарищей по тайному обществу. Предметно в экспозиции тема была обозначена лишь одним экспонатом – портретом С.П. Трубецкого в форме полковника лейб-гвардии Преображенского полка. Этот портрет является художественной реконструкцией облика С.П. Трубецкого 1820-х годов. Портрет в технике гуаши и акварели был выполнен ленинградским художником Н.П. Нератовой в 1982 году для оформления обложки двух томов, посвященных С.П. Трубецкому и изданных в Иркутске в 1983 и 1987 годах в серии «Полярная звезда».

В открывшемся в 1985 году доме-музее декабриста С.Г. Волконского экспозиционные площади позволили представить тему Отечественной войны 1812 года более развернуто и предметно.

Так, в экспозиции дома Волконских «Декабристы в Восточной Сибири», созданной в 1988 году авторским коллективом (Е.А. Добрыниной, Н.П. Куклиной, О.Ф. Купчиной, Э.А. Муценек, Е.А. Ячменевым), тема войны 1812 года нашла отражение в разделе «История формирования революционной идеологии декабристов».

Посетителям были представлены российские литографии XIX века: «Сражение при Смоленске 5 августа 1812 года», «Лейб-гвардии Измайловский полк в сражении при Бородине 26 августа 1812 года», «Князь П.И. Багратион», «Генерал Н.Н. Раевский», а также образцы русского холодного оружия эпохи наполеоновских войн: драгунская шашка, саперный тесак, драгунский палаш и казачье копьё.

В современной экспозиции дома Волконских тема Отечественной войны 1812 года представлена не единожды. Так, в будуаре княгини М.Н. Волконской над бюро располагаются портрет отца декабристки, знаменитого героя 1812 года генерала Н.Н. Раевского, и лубочное изображение в технике цветной гравюры, работы известного русского гравера второй половины XIX века П.А. Грачова.

В кабинете самого декабриста внимание посетителей обращают на скульптурные портреты великого русского полководца А.В. Суворова и Наполеона Бонапарта. Кроме того, здесь же можно видеть два изображения С.Г. Волконского – в начале и в конце его жизни.

Первый портрет С.Г. Волконского – это гравюра В. Унгера с миниатюры Ж.-Б. Изабэ 1814 года, на которой 25-летний князь Волконский изображен в форме генерал-майора. Второй – это фотография И.Г. Ностица, сделанная в Ницце 3 мая 1864 года; на ней изображен декабрист на закате дней, после возвращения из Сибири. На груди убеленного сединами старца видны две самые дорогие декабристу награды: медаль участника войны 1812 года и крест за сражение под Прейсиш-Эйлау.

В 2011 году экспозиция в кабинете С.Г. Волконского пополнилась копией парадного портрета князя в генеральской форме, написанного известным английским художником Дж. Доу специально для портретной галереи Зимнего дворца, а также копиями наград С.Г. Волконского: орденов Святой Анны 1-й и 2-й степеней, ордена Святого Георгия 4-й степени, Святого Владимира 3-й степени, креста за Прейсиш-Эйлау, прусского ордена Красного орла и медали участника войны 1812 года.

Новая экспозиция дома Трубецких, открывшаяся в сентябре 2011 года, уже более предметно, чем прежде, представляла тему участия будущих декабристов в Отечественной войне.

В приемной дома, в разделе экспозиции «Жизнь до...», повествуется, среди прочего, и об участии С.П. Трубецкого и его соратников по тайному обществу в сражениях Отечественной войны. В новой экспозиции кроме ранее экспонировавшегося портрета князя С.П. Трубецкого в форме лейб-гвардейского полковника представлены также памятные медали, посвященные войне 1812 года и отлитые по рисункам графа Ф.П. Толстого: «Бой при Кульме. 1813 г.», «Бой при Малом Ярославце. 1812 г.», «Покорение Парижа. 1814 г.», бляха «За веру и верность», украшавшая офицерскую патронную сумку-«лядунку», и гравюра 1814 года «Бегство французов из Москвы 12 октября 1812 года» с рисунка Д. Скотти, граверов Федорова и Бегрова под наблюдением С. Корделли.

Специально для этого раздела экспозиции были приобретены копии наград князя С.П. Трубецкого: ордена Святой Анны 2-й и 4-й степеней, ордена Святого Владимира 4-й степени с бантом и медаль участника Отечественной войны 1812 года.

Более целенаправленно и развернуто тема войны 1812 года нашла свое отражение в выставках, в разное время представленных музеем декабристов.

В 1992 году к 180-летию Отечественной войны 1812 года в доме-музее Волконских, в комнатах Елены Сергеевны, открылась выставка «Война и мир». Автором выставки была научный сотрудник музея Е.А. Добрынина. На выставке экспонировались образцы вооружения, снаряжения и формы русских солдат и офицеров времен наполеоновских войн, такие как гусарский ментик, офицерский эспантон, кремневые пистолеты, палаши, саперные тесаки и т. д., а также предметы дворянского обихода первой четверти XIX века – например, дамские веера, перчатки, шкатулки и вышивки. Выставка проработала не один год и пользовалась успехом у посетителей музея.

Отечественной войне 1812 года и участию в ней будущих декабристов была посвящена выставка, подготовленная научным сотрудником дома-музея Волконских Я.А. Шевченко «И громче труб на поле чести зовет к Отечеству любовь», открывшаяся в библиотеке дома в феврале 2004 года. Тема раскрывалась посредством представленных на стенах гравюр и литографий XIX века с изображением русских полководцев М.И. Кутузова, П.И. Багратиона, кавалерист-девицы Н.А. Дуровой и других известных участников войны.

В 2007 году в приемной дома Волконских начала работу выставка «Сатиры муза бьет француза», посвященная отражению темы войны с Наполеоном в русской лубочной карикатуре 1812–1815 годов. Выставка была подготовлена научным сотрудником В.П. Акуловой.

В июне 2002 года в стенах библиотеки дома Волконских была развернута выставка научного сотрудника музея Т.А. Перцевой «Молодые генералы своих судеб. Декабристы в Отечественной войне. К 190-летию 1812 года». Выставка освещала тему судеб молодых ветеранов, оказавшихся по окончании войны по разные стороны баррикад: С.Г. Волконского, М.Ф. Орлова, А.М. Горчакова, А.И. Чернышева, А.Х. Бенкендорфа и других.

Особое значение для музея декабристов тема Отечественной войны 1812 года приобрела в юбилейном 2012 году. К 200-летию победы русского оружия музей предложил своим посетителям сразу три выставки.

Благодаря сотрудничеству с Государственным историческим музеем (г. Москва) и поддержке правительства Иркутской области и министерства культуры и архивов Иркутской области стало возможным открытие в доме Волконских в июне 2012 года беспрецедентной для Иркутска выставки «Казачи в Париже».

Выставка была создана авторским коллективом ведущих специалистов ГИМа: Л.Г. Сахаровой, О.Б. Струговой, Т.В. Мартыновой, А.В. Карбатовой.

Выставка давала возможность посетителям музея увидеть редкие экспонаты: походные иконы воинов-казаков, образцы формы и вооружения русских казачьих полков XIX века, многочисленные изображения М.И. Платова, М.И. Кутузова, императора Александра I и Наполеона Бонапарта.

Кроме того, выставка включала в себя коллекцию цветных акварелей пражского художника Г.Э. Опица, посвященных пребыванию русских казаков в Париже в 1814 году, и карикатур на тему изгнания французов из России известного русского художника И.И. Тербенева.

Наряду с московской выставкой музей декабристов подготовил для жителей Иркутска и области две собственные.

Одна из них называется «Гроза 1812 года». Автор выставки, заведующая отделом развития музея И.А. Горбунова, сумела не только максимально использовать возможности музейных фондов, но и привлечь к созданию выставки иркутских художников. Так, составной частью выставки, открывшейся в библиотеке дома Волконских в ноябре 2012 года, стала диорама «Бой за курганную высоту» художника-педагога В.И. Тарасова и его учеников, учащихся художественной школы.

Выставка знакомит посетителей в том числе и с экспонатами, вновь приобретенными музеем. Специально для этого события библиотека Иркутского государственного университета предоставила коллекцию редких книг, посвященных войне 1812 года.

Вторая выставка, «Воинская слава России», составленная заведующим музейным отделом И.В. Пашко, повествует о декабристах – участниках войны 1812 года.

Эта выставка, состоящая из коллекции посвященных теме сражений с Наполеоном гравюр, представленных в копиях, а также копий русских наград XIX века и информационных стендов, была задумана как передвижная, для работы вне пределов музейного пространства.

Выставка «Воинская слава России» была представлена публике во флигеле усадьбы Трубецких в июне 2012 года, а затем отправилась по городам и селам области.

И.И. Негодина

Проект Минусинского музея «Петербургские сады в Минусинске»

Декабрьское восстание на Сенатской площади в Санкт-Петербурге в 1825 г. сегодня является одной из ярчайших страниц истории Российского государства. Немало музеев страны отражают в своих экспозициях историю восстания и судьбы декабристов.

Декабристы отбывали ссылку в различных населенных пунктах нынешнего Красноярского края: в Красноярске, Туруханске, Енисейске, Ачинске, Назарово и т. д. В Минусинске и Минусинском округе на протяжении 34 лет находилась на поселении колония декабристов в количестве 11 человек. С.И. Кривцов, братья А.П. и П.П. Беляевы, И.В. Киреев, братья А.А. и Н.А. Крюковы, А.И. Тютчев, А.Ф. Фролов и П.И. Фаленберг прибыли на поселение после отбытия каторги в Читинской тюрьме и Петровском Заводе. С.Г. Краснокутский и Н.О. Мозгалевский, осужденные по восьмому разряду к отбытию ссылки, были переведены в г. Минусинск из Витима (С.Г. Краснокутский) и Нарыма (Н.О. Мозгалевский).

Каким увидели Минусинск декабристы, оказавшись в ссылке, можно представить благодаря замечательным воспоминаниям Александра Петровича Беляева. Они содержат интересный и важный материал по истории декабризма, истории развития общественной мысли и состояния русского общества в 20–80-е гг. XIX в.

Две главы, 14-ю и 15-ю, А.П. Беляев посвящает жизни декабристов в Минусинске. Вот что он писал о городе: «Главный центр Минусинского округа был тогда маленький городок, называемый Минусинском, имевший с дюжину широких улиц, одну хорошенькую каменную церковь, зимой теплую, и при ней богадельню, где содержались старые и увечные, гостиный двор порядочной архитектуры с колоннами, присутственные места, две

площади, словом, все нужное и необходимое для города, он очень недавно переименован в город из села Минусы, жители которого только с тем и согласились сделаться мещанами, чтобы им оставить все их поля, луга, пастбища, сенокосы и не изменять их прежних земледельческих занятий»¹.

Декабристы были первыми политическими ссыльными в Минусинске. Своим нравственным обликом, образом жизни, делами они заслужили уважение у местных жителей. Высокообразованные, культурные люди, лишённые сословных предрассудков, были демократичны в отношении к простому народу. Они явились носителями культурных, научных и хозяйственных знаний.

Декабристы братья Беляевы оказались первыми учителями в Минусинске: по просьбе местных жителей на своей заимке они открыли первую школу и обучали детей грамоте, давали частные уроки местным жителям. Вот что пишет об этом А.П. Беляев: «В понедельник один из нас уезжал на пашню, а другой оставался дома и занимался в школе, которую мы устроили по просьбе мещан, крестьян близлежащих сел и некоторых чиновников. Небольшое количество учебников грамматики, географии, истории и арифметики были у нас с собой... Школа имела в разное время по двадцати учеников. Главная наша цель была, с развитием ума, внушить правила чистой нравственности, разумной религиозности, честности и уничтожение дурных привычек, в чем, кажется, мы с помощью Божией и успели... Через несколько лет мы имели утешение видеть учеников наших поступившими одного в казначейство, другого в волостное правление писарем...»².

Декабристы на минусинской земле были первыми фермерами, учили местных жителей рациональной хозяйственной деятельности. Вводили современные приемы земледелия, новые для этих мест огородные, садовые и полевые культуры. Братья Беляевы и Крюковы завели фермерские хозяйства и стали выращивать такие культуры, как просо, гималайский многоплодный ячмень, гречиху, лучшие сорта пшеницы: «Купивши домик, мы наняли пахотную землю, оставленную прежними владельцами, конечно за бесценок, в количестве шестидесяти или семидесяти десятин. Купили лошадей, бороны, наняли работников и сделались в полном смысле фермерами...»³.

Кроме того, декабристы занимались научной деятельностью. Так, П.И. Фаленберг вел метеорологические наблюдения, занимался улучшением использования лесов. Людвиг Шварц, главный астроном математического отдела сибирской экспедиции Императорского Русского географического общества, в описании путешествия начальника экспедиции в 1858 г. от Минусинска до Верхне-Кебеша указывает следующий факт: «...я осмотрел еще 3 камня с руническими надписями, хранящиеся в доме правления стана; первый доставлен в Шушенское Кастреном и найден на правом берегу Енисея, напротив села Означенного. Два другие взяты с левого берега Енисея, напротив устья Ои; они найдены и перевезены в Шушенское уже после Кастрена... Г[осподин] Фаленберг, очень образованный человек, посланный в Сибирь в 1825 году, снял точную копию со всех трех камней и доставил ее в Академию наук...»⁴.

С.И. Кривцов по просьбе первого енисейского губернатора А.П. Степанова сделал описание почв Минусинского округа. Эти описания вошли в книгу «Енисейская губерния». Братья А.П. и П.П. Беляевы участвовали в барометрических исследованиях экспедиции астронома В.Ф. Федорова (1830-е гг.), И.В. Киреев писал научные и политические статьи на французском языке (по воспоминаниям семьи Крюковых, статьи хранились в доме Крюковых, где и сгорели в результате пожара). После амнистии, в 1859 г., И.В. Киреев опубликовал в приложении сибирской газеты «Енисейские губернские ведомости» научно-популярную статью «Об измерении времени у древних народов (из популярной астрономии Франсуа Араго)»⁵.

Благотворительность также была присуща декабристам: Н.А. Крюков содержал на собственные средства богадельню при Спасском соборе, на средства С.И. Кривцова был построен мост через р. Минусинку.

С.Г. Краснокутский и Н.О. Мозгалевский стали родоначальниками минусинского садоводства, занялись разведением вишневых, яблоневых деревьев. Получая из Европейской России лучшие сорта огородных растений, декабристы щедро делились ими с местными жителями. Благодаря их начинаниям, в настоящее время минусинцы собирают урожаи не только яблок и вишен, но и абрикосов, груш, сливы.

Минусинцы бережно хранят память о декабристах. Поэтому не случайно в 1997 г. в Минусинске появился первый, и единственный музей в Красноярском крае, посвященный теме декабризма. Он был открыт как филиал Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартынова в одном из старейших зданий города – в доме по улице Обороны, 59а (бывшая Итальянская), принадлежавшем декабристу Александру Крюкову. Это было единственное уцелевшее строение от некогда двух больших усадеб братьев Крюковых, располагавшихся рядом, но сгоревших во время большого минусинского пожара в 1870-х гг. В связи с отъездом Александра Крюкова из Сибири в 1860 г. дом был продан тюменскому купцу В.Т. Молодых, от которого в 1877 г. перешел к мещанину И.И. Дамаскину. Дом неоднократно перестраивался и использовался под многоквартирное жилье вплоть до 1980-х гг. В 1968 г. на фасаде дома, исторического памятника регионального значения, были установлены памятные таблички: о периоде минусинской ссылки с 1842 по 1860 год декабристов братьев Крюковых. А также о том, что в 1860 г. в этом доме бывал ссыльный революционер-демократ Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский. В 1987 г. решением Минусинского горисполкома дом передан музею им. Н.М. Мартынова для организации в нем музея декабристов. В 1988–1989 гг. по проекту архитектора А.Г. Лаврова и директора музея В.А. Ковалева здание было отремонтировано с восстановлением прежней планировки.

Мемуары А.П. Беляева «Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом», впервые опубликованные в журнале «Русская старина» в 1880 г. и переизданные по инициативе директора музея В.А. Ковалева в 1990 г., легли в основу экспозиционного замысла Музея декабристов. Предполагалось, что мемориальный дом братьев Крюковых будет частью

целого комплекса построек. По замыслу вдохновителя и организатора музея В.А. Ковалева на территории усадьбы Музея декабристов предусматривалось строительство большого лекционного зала, зала приемов и расширение экспозиционного пространства за счет пристройки к дому еще нескольких зданий. Эскизы проектов и проектная документация хранятся сегодня в фондах Мартыановского музея. Однако этим планам не суждено было осуществиться: затянулась реставрация здания, в 1999 г. скоропостижно ушел из жизни В.А. Ковалев, начались проблемы с финансированием учреждений культуры, в том числе и музеев. Но память о декабристах продолжала сохраняться в мемориальных проектах Минусинского музея. Так, в 2005 г. в рамках программы, посвященной 180-летию восстания на Сенатской площади, по инициативе директора Минусинского музея был установлен памятный знак близ места предполагаемого захоронения декабристов Н.О. Мозгалевского и Н.А. Крюкова.

Но долгое время территория усадьбы Музея декабристов оставалась без реконструкции. С начала организации и работы при музее клуба «Петербургец», объединившего жителей и защитников блокадного Ленинграда, Музей декабристов начал работать также по патриотическому направлению. Весной 2002 г. на территории усадьбы членами клуба «Петербургец» и детьми подшефной СОШ № 5 в память о декабристах был заложен фруктовый сад. Сначала был засажен небольшой участок, а затем в саду появилась вишневая аллея в память о декабристе Н.О. Мозгалевском, посаженная потомками декабриста. Позднее – аллея члена президиума районного совета ветеранов Р.Н. Абрамовой, аллея почетного гражданина, участника Великой Отечественной войны И.А. Коржавина. Сад разрастался, начал плодоносить.

Зима 2010–2011 гг. выдалась холодная и бесснежная, многие плодовые деревья замерзли и были повреждены. И вновь встала проблема благоустройства приусадебной территории музея. В 2012 г. Минусинск, получив высокое звание культурной столицы Красноярского края-2012, реализовал ряд ключевых проектов в городе. Вот тогда-то у Минусинского музея и Музея декабристов возникла идея проекта «Петербургские сады в Минусинске», как дань памяти минусинским декабристам, которые не только сделали очень многое для развития сибирского садоводства, но и оказали влияние на развитие города в целом. Идея создать на территории усадьбы музея уголок садово-парковой зоны в стиле XIX в. для отдыха, с плодовыми и садовыми насаждениями появилась не случайно, так как все декабристы являлись выходцами из дворянских семей Европейской России, где в то время было развито приусадебное и садово-парковое строительство. Даже находясь на каторге, в Чите и Петровском Заводе, декабристы устраивали маленькие сады. Вот как об этом пишет А.П.Беляев: «В большом каземате тоже был устроен нами садик, т. е. посажены были деревья, сделаны дорожки, где мы прогуливались, вспоминая о минувшем или мечтая о будущем»⁶.

Целью проекта являлось историко-ландшафтное благоустройство приусадебного участка музея, увеличение благодаря этому экспозиционного пространства и, как следствие, привлечение посетителей.

Реализация данного проекта решала следующие задачи:

– знакомство посетителей музея с деятельностью декабристов в период ссылки в Минусинске, их ролью в развитии сельского хозяйства, садоводства и огородничества;

– знакомство посетителей с русской парковой и усадебной культурой, с традицией отдыха и развлечений в XIX в.;

– формирование основ музейной культуры;

– развитие новых интерактивных форм научно-просветительской работы с посетителями.

В библиотеке Мартыановского музея была изучена литература XIX в. по садово-парковому и усадебному строительству, труды современных авторов. В фондах музея были найдены уникальные фотоснимки усадеб зажиточных минусинцев XIX в., по которым можно было составить представление об их устройстве, оформлении и насаждениях. Трудность заключалась в том, что общая площадь территории музея небольшая – 1700 м². А так как площадь участка невелика, то было четкое понимание, что реалистичности будет трудно добиться, так как русское классическое усадебное и садово-парковое строительство предусматривает большие территории. Да и сам дом скорее больше похож на дом обычного мещанина, чем на дворянскую усадьбу. При этом экспозиционное приусадебное пространство должно было быть решено таким образом, чтобы вся садово-парковая композиция не противопоставлялась дому, а составляла с ним единое целое. К тому же необходимо было учесть рекомендации ученых-садоводов XIX в. по устройству садов на небольших участках.

Решено было разбить участок на отдельные зоны: с правой стороны от дома – садово-парковая, которая бы служила напоминанием о Петербурге, слева – сибирская усадьба с огородом как напоминание о занятиях декабристов огородничеством в Минусинске, сюда входила бы также и интерактивная зона.

Главным художником музея О.А. Володиной был подготовлен эскизный проект «Петербургских садов в Минусинске».

Садово-парковая зона была разбита на несколько частей, для того чтобы показать все особенности русского парка XIX в.:

– придомовую территорию с цветником и деревянными портиками, небольшим фонтанчиком;

– территорию отдыха с «зелеными гостиными», где впоследствии будет устроена парковая мебель;

– зону отдыха с беседкой;

– зону отдыха с качелями-беседками;

– зону отдыха у воды (небольшой пруд, функционирующий в летнее время).

Планируется также устройство в традиции русского усадебного строительства уголка леса, который представит виды деревьев и кустарников средней полосы России.

Всю территорию усадьбы соединяют дорожки с установленными вдоль них фонарями в стиле Петербурга XIX в., а клумбы соответствуют цветникам, характерным для парков того времени.

Именно эта часть усадьбы должна стать зоной отдыха и местом проведения музейно-образовательных мероприятий по основам светской культуры.

А.П. Беляев отмечал: «Находя, что, живя на наемной квартире, неудобно было иметь огород, который бы доставил нам приятную и полезную работу, мы купили небольшой домик. Площадь перед домом летом покрывалась травой и представляла зеленеющий луг. Двор был обширный, покрытый тесом, амбары, кладовые из превосходного леса. А за двором сзади усадьбы был огород...»⁷. Многие декабристы, будучи на поселении, имели огороды и занимались выращиванием овощей и бахчевых культур. Так, в одном из отчетов жандармского полковника Маслова (1829 г.) отмечалось, что в Минусинске проживают двое поднадзорных: обер-прокурор Сената С.Г. Краснокутский и подпоручик С.И. Кривцов: «Краснокутский построил себе в Минусинске домик, завел большой огород, занимается переводом географии Мальте-Брюна, обрабатыванием огорода, разведением табачной рассады и вишневых деревьев. Получает лучшие огородные семена и снабжает ими городских и деревенских жителей»⁸. О С.И. Кривцове он писал так: «...весь день копается в огороде, поливает цветы и овощи»⁹.

Поэтому не случайно с левой стороны от дома была устроена сибирская усадьба с огородом и хозяйственными постройками. Здесь также были посажены овощи, характерные для Сибири на протяжении многих лет: репа и редька, капуста и морковь, свекла, лук, огурцы, горох. Посажены пряные травы и растения: петрушка, укроп, мята, которые в Сибири стали выращивать в XIX в., благодаря опытным посадкам декабристов. Известен факт, что Н.О. Мозгалеvский занимался улучшением бахчевых культур: арбузы и дыни можно и сегодня увидеть в огороде усадьбы. Декабристы П.И. Фаленберг и А.Ф. Фролов разводили посадки табака, Фаленберг даже выделывал сигареты на продажу. В дальнейшем планируется представить в сибирском огороде и эту культуру.

Проектом предусмотрена интерактивная зона, где посетителям будет предоставлена возможность почувствовать себя настоящими огородниками, выполнить некоторые виды сельскохозяйственных работ, используя приспособления и инструменты XIX в., которые будут находиться тут же, под навесом. В настоящее время для детей разрабатывается цикл образовательных тематических программ по садово-огородной тематике. Ведь ни для кого не секрет, что современные дети иногда даже не знают, как, например, осуществляются посадка и копка картофеля.

А.П. Беляев, вспоминая о своем беззаботном детстве, писал: «За домом управляющего был сад, где мы гуляли, играли и качались на качелях»¹⁰. Поэтому в проекте запланировано устройство детского уголка с площадкой

для детских игр и забав, на которой будут установлены все приспособления (деревянные качели, горки, барабаны, ходули и т. д.), характерные для XIX в., будет обустроена площадка для игры в крокет (5×11 м), популярной у минусинцев в то время.

Так как осуществление проекта требовало серьезных финансовых и материальных затрат, его реализация была разделена на три этапа:

1. Подготовительный – зима-2011/12.

Он включал в себя изучение литературы по теме, концептуальное описание проекта, подготовку эскизов и художественного решения проекта, изготовление и подбор элементов паркового интерьера. Было установлено сотрудничество с Федеральным государственным унитарным предприятием «Минусинское» Россельхозакадемии с целью заключения договоров на предоставление саженцев плодовых растений и кустарников, цветочной рассады и оказание консультативной помощи.

2. I этап – основной.

Первоначально должен был начаться весной 2012 г., но в связи с техническими работами и установкой системы молниезащиты реализация этого этапа была перенесена на весну – лето 2013 г.

Он включал в себя разбивку и планировку территории, закупку и завоз на территорию расходных материалов (земли, перегноя, щебня, плитняка и т. д.), устройство и оформление насыпных дорожек и пруда, установку освещения, перенос хозяйственных построек в отдельную зону, скрытую от глаз посетителей, разбивку клумб, огорода, выравнивание территории, частичную установку парковой мебели (садовых беседок).

3. II этап – заключительный.

Соответственно, ориентирован на весну – лето 2014 г. Планируется полное завершение проекта, окончание оформительских работ, осуществление построек и декора: беседки в сибирском стиле, парковой мебели, скульптур, вазонов, разбивка и посадка газонов, саженцев деревьев и кустарников, устройство детской зоны, установка оросительной системы. В планах устройство небольшой оранжереи.

Презентация первых шагов проекта «Петербургские сады в Минусинске» состоялась в день 16-летия Музея декабристов 13 августа 2013 г. в виде театрализованного представления. Впереди реализация следующего этапа.

Как писал академик Д.С. Лихачев, «сад – это не мертвый, а функционирующий объект искусства. Его посещают, в нем гуляют, отдыхают, размышляют, развлекаются – во всякую эпоху по-своему».

Уверены, что проект «Петербургские сады в Минусинске» станет востребованным, интерактивным, призванным не только благоустроить усадьбу XIX в., но и донести до современников основы светской культуры, исторические традиции XIX в., а также привлечь внимание посетителей музея к его экспозициям, хранящих память об исторических событиях 1825 г. и судьбах декабристов, оказавшихся в далекой Сибири.

Литература

¹ *Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и переживанном. Красноярск, 1990. С. 199.

² Там же. С. 217.

³ Там же. С. 216.

⁴ Подробный отчет о результатах исследований Математического отдела Сибирской экспедиции Императорского Русского географического общества. СПб., 1864. С. 103.

⁵ Енисейские губернские ведомости. 1859. № 35. С. 191–194.

⁶ *Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и переживанном. С. 174.

⁷ Там же. С. 216.

⁸ Декабристы в Минусинском округе: К 100-летию юбилею восстания декабристов. 1825–1925 гг. // Ежегодник Государственного музея им. Н.М. Мартянова в г. Минусинске. Т. 3. Вып. 2. Минусинск, 1925. С. 3–4.

⁹ Там же. С. 5.

¹⁰ *Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и переживанном. С. 27.

Об авторах

Витебский Валентин Николаевич, потомок в пятом поколении декабристов С.П.Трубецкого и В.Л. Давыдова, музыкант. Живет в Москве.

Гаращенко Алексей Николаевич, историк, главный редактор журнала «Земля Иркутская». Живет в Иркутске.

Добрынина Елена Аркадьевна, директор Иркутского музея декабристов.

Загорская Наталья Анатольевна, научный сотрудник отдела «Дом и усадьба Трубецких» Иркутского музея декабристов.

Кельцкая Мария Юрьевна, научный сотрудник отдела «Дом и усадьба Трубецких» Иркутского музея декабристов.

Кобелева Ольга Николаевна, заведующая архивохранилищем ОГКУ ГАИО.

Комарова Тамара Семеновна, ведущий научный сотрудник отдела истории Красноярского краевого краеведческого музея. Живет в Красноярске.

Негодина Ирина Ивановна, заведующая Музеем декабристов, филиалом МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартынова». Живет в Минусинске.

Оглезнева Галина Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ИГУ.

Пашко Игорь Васильевич, заведующий отделом «Дом и усадьба Трубецких» Иркутского музея декабристов.

Перцева Тамара Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ИГУ.

Подольская Лариса Яковлевна, кандидат исторических наук, доцент Иркутского юридического института (филиала) Российской правовой академии МЮ РФ.

Сакович Александр Васильевич, главный специалист научно-фондового отдела Иркутского музея декабристов.

Шапова Любовь Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ИГУ.

Юшковский Виктор Данилович, кандидат исторических наук, журналист, историк. Живет в Санкт-Петербурге.

Список сокращений

ГАИО – Государственный архив Иркутской области

ГАЛО – Государственный архив Липецкой области

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)

ГАСО – Государственный архив Смоленской области

ГАЯО – Государственный архив Ярославской области

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва)

РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

Содержание

К читателю 3

Декабристоведение: историко-краеведческие исследования

Т.С. Комарова. Неизвестные и малоизвестные страницы из жизни декабриста В.Л. Давыдова и его семьи. 6

А.Н. Гаращенко. Иркутский гражданский губернатор И.Б. Цейдлер и декабристы 17

Н.А. Загорская. Образ княгини Е.И. Трубецкой в произведениях И. Кологривова и М. Эйльбронна 53

М.Ю. Кельчевская. Иван и Вера Трубецкие. Штрихи к биографии (по материалам ГАИО) 58

Люди и судьбы. К 90-летию со дня рождения С.Ф. Ковалья

Г.В. Оглезнева, Л.В. Шапова. С.Ф. Коваль и развитие сибирского краеведения 70

Т.А. Перцева. Вклад С.Ф. Ковалья в создание документальной базы проблемы «Декабристы в Сибири». 79

Л.Я. Подольская. К истории изучения проблемы «Декабристы в Сибири» в Иркутске. 85

А.В. Сакович. Библиотека С.Ф. Ковалья в фондах Иркутского музея декабристов 91

О.Н. Кобелева. Краткий обзор фонда личного происхождения Р–3303 «Семен Федорович Коваль – историк, декабристовед, доцент Иркутского государственного университета» 97

Архивное наследие

Е.А. Добрынина. Письма декабристок: подвиг повседневности 103

Н.В. Зейфман. Неизданные письма к И.И. Пущину (А.П. и М.К. Юшневские) 107

У нас в гостях

В.Н. Витебский. История одной необыкновенной семьи (Давыдовы, Трубецкие, Долгорукие).....168

В.Д. Юшковский. Усиление религиозности как элемент трансформации общественного сознания в эпоху 1812 года.....201

Музейное дело

И.В. Пашко. Отражение темы «Отечественная война 1812 года» в экспозициях и выставках Иркутского музея декабристов.....208

И.И. Негодина. Проект Минусинского музея «Петербургские сады в Минусинске».....212

Об авторах 220

Список сокращений 221

Декабристское кольцо

Вестник Иркутского музея декабристов

Выпуск 2

Редактор А.В. Глюк

Иркутский музей декабристов.
664007 Иркутск, пер. Волконского, 10.

Издательство «Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 02.12.2014 г. Формат 60/84/16.
Усл. печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 15,9.
Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Тираж 150 экз. Заказ № 115.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
664025 г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28.
Тел.: 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru